947
Н-591

Да вѣси христолюбче и боголюбче, яко вся христіанская царства придоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам, то есть Росейское царство: два убо Рима падоша, а третій стоит, а четвертому не быти.

Из посланія старца Елизарова монастыря Филоѳея к дьяку Мисюрю Мунехину.

Сказаніе о Русской Землѣ.

Часть третья.

Образованіе Московскаго Государства при преемникахъ Димитрія Іоанновича Донского.

Съ рисунками, картами и планами.

Составилъ
Александръ Нечволодовъ
Дѣйствительный Членъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

С-Петербургъ.
Государственная Типографія.
1913 г.

1. 2. 3. 4.

1. Вышитыя изображенія на саккосѣ митрополита Фотія: 1) Императоръ Іоаннъ Палеологъ. 2) Императрица Анна Васильевна. 3) Великій князь Василій Димитріевичъ. 4) Великая княгиня Софія Витовтовна.

Саккосъ хранится въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Великое княженіе Василія Димитріевича. Присоединеніе къ Москвѣ Нижегородскаго княжества. Подвигъ отца Патрикія. Нашествіе Тамерлана. Чудесное заступничество Царицы Небесной за Русскую Землю. Турки въ Европѣ. Битва на Коссовомъ полѣ. Сраженіе на Ворсклѣ. Витовтъ захватываетъ Смоленскъ. Нашествіе Эдигея. Славяне бьютъ Нѣмцевъ на Зеленомъ полѣ. Городельская унія. Великій князь Василій Темный. Смута. Василій Косой и Димитрій Шемяка. Казанское и Крымское царства. Свидригайло. Сигизмундъ. Казиміръ. Флорентійскій соборъ. Святой митрополитъ Іона. Взятіе Царьграда Турками. Русская Земля въ XV вѣкѣ. Святые Савватій и Зосима Соловецкіе чудотворцы.

ИМИТРІЙ Іоанновичъ Донской оставилъ Русской Землѣ въ лицѣ своего старшаго сына достойнаго преемника для выполненія тѣхъ великихъ завѣтовъ, которые передавались Московскими князьями отъ одного къ другому, по умилительному выраженію Симеона Гордаго, «для того, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла».

Несмотря на свой семнадцатилѣтній возрастъ, Василій Димитріевичъ вступилъ на отцовскій престолъ уже достаточно умудреннымъ большимъ и разнообразнымъ жизненнымъ опытомъ. Еще одиннадцатилѣтнимъ отрокомъ онъ былъ посланъ отцомъ въ Орду, чтобы отстаивать великокняжескій столъ отъ притязаній князя Михаила Тверского; насильно задержанный тамъ заложникомъ за Московскій долгъ въ 8.000 рублей, дѣятельный и предпріимчивый Василій, «умысли крѣпко съ вѣрными своими доброхоты», какъ выражается лѣтописецъ, бѣжалъ изъ своего плѣна, получилъ послѣ многихъ скитаній пріютъ у великаго князя Литовскаго Витовта, обѣщалъ ему въ благодарность за это жениться на дочери, и, наконецъ, благополучно прибылъ въ Москву.

Огромную помощь и поддержку молодому великому князю въ занятіяхъ государственными дѣлами—оказывала, конечно, его умная мать, беззавѣтно преданная Русской Землѣ и Православію, великая княгиня Евдокія Димитріевна, а также и вѣрные бояре, доблестные сподвижники его великаго отца.

Изъ этихъ бояръ особенно замѣчательны были: славный начальникъ засаднаго полка во время Куликовской битвы—князь Димитрій Михайловичъ Волынскій-Боброкъ; великій воевода Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ; бояринъ Иванъ Родіоновичъ Квашня, сынъ извѣстнаго боярина Ивана Калиты—Родіона Нестеровича, и, наконецъ, знаменитый бояринъ Ѳеодоръ Андреевичъ Кобылинъ, носившій прозваніе Кошка, предокъ нынѣ благополучно царствующаго дома Романовыхъ, на попеченіе котораго, во время Куликовской битвы, была оставлена въ Москвѣ вся великокняжеская семья; впослѣдствіи, такой же близостью къ великому князю пользовался сынъ Ѳеодора Андреевича—Иванъ; на дочери же этого Ѳеодора Андреевича Кошки, отличавшагося большимъ умомъ, спокойствіемъ и ласковостью обращенія, былъ женатъ сынъ великаго князя Тверского — Михаилъ Александровичъ.

Это преданное Московское боярство составляло ближайшій кругъ совѣтниковъ Василія Димитріевича.

Что же касается двоюроднаго дяди молодого великаго князя — знаменитаго Владиміра Андреевича Храбраго, то, повидимому, онъ былъ нѣсколько обиженъ слишкомъ большой близостью перечисленныхъ выше бояръ къ своему племяннику, почему вскорѣ послѣ вокняженія Василія, въ томъ же 1389 году, онъ отправился съ семьей изъ Москвы въ свой удѣлъ Серпуховъ, а затѣмъ и въ Торжокъ, принадлежавшій Новгороду; но эта размолвка длилась весьма недолго и закончилась, въ началѣ 1390 года, искреннимъ примиреніемъ дяди и племянника, послѣ котораго Владиміру Андреевичу не разъ представлялся случай вѣрно послужить своимъ мечомъ на пользу молодого Московскаго великаго князя.

Въ томъ же 1390 году была отпразднована въ Москвѣ, къ большому удовольствію народа, свадьба Василія Димитріевича съ юной Софіей Витовтовной. Затѣмъ, Василій Димитріевичъ отправился въ Орду, гдѣ

былъ принятъ съ необыкновеннымъ почетомъ и гдѣ ознаменовалъ свое пребываніе крупнымъ шагомъ въ дѣлѣ собиранія Русской Земли подъ единую власть Москвы. А именно, онъ пріобрѣлъ себѣ ярлыкъ, разумѣется за деньги и богатые дары, на княжество Нижегородское, которое незадолго передъ этимъ купилъ себѣ въ Ордѣ князь Борисъ Константиновичъ Городецкій, а также на Городецъ, принадлежавшій послѣднему, Мещеру, Муромъ и Торусу.

2. Примиреніе великаго князя Василія Димитріевича съ дядей—княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ.

Рисунокъ В. П. Верещагина.

Этотъ поступокъ Василія Димитріевича вполнѣ оправдывался государственной необходимостью, тѣмъ болѣе, что у всѣхъ Русскихъ людей было еще свѣжо въ памяти, какъ Нижегородскіе князья, въ угоду Тохтамышу, сопровождали его орду до самой Москвы, причемъ городъ при ихъ посредствѣ былъ взятъ лестью и страшно опустошенъ.

Сами Нижегородцы сильно тянули къ Москвѣ и поэтому, когда, возвратившись изъ Орды, Василій Димитріевичъ послалъ въ Нижній Татарскаго посла и своихъ бояръ объявить волю хана, то Нижегородскіе дружинники и народъ, собранный по звону колоколовъ, обѣими руками выдали Московскимъ людямъ своего князя.

Поступокъ Нижегородцевъ наглядно показываетъ, какъ велико было уже у всѣхъ Русскихъ людей сознаніе необходимости сплотиться

*

вокругъ Московскаго великаго князя, чтобы создать несокрушимую народную твердь для возрожденія Русской Земли отъ всѣхъ тѣхъ бѣдъ и невзгодъ, которыя постигли ее вслѣдствіе гибельнаго раздѣленія власти надъ ней при преемникахъ Ярослава Мудраго.

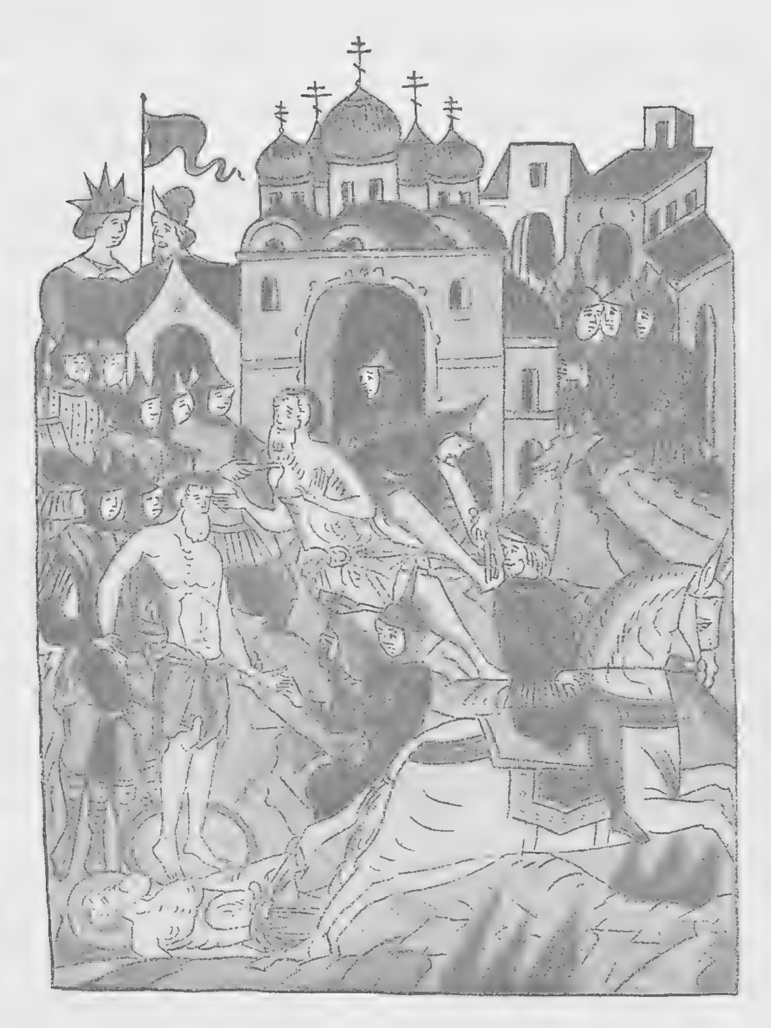
Но, разумѣется, утвержденіе новаго порядка вещей въ Нижегородскомъ княжествѣ не обошлось безъ нѣкотораго сопротивленія, и Василій Димитріевичъ вынужденъ былъ содержать князя Бориса Константиновича подъ стражей до конца его жизни; племянники-же Бориса—Василій и Семенъ, а впослѣдствіи и сыновья, Иванъ и Даніилъ, дѣлали цѣлый рядъ попытокъ, чтобы вернуть себѣ Нижній, и прибѣгали для этого къ помощи различныхъ Татарскихъ царевичей, которыхъ приводили въ предѣлы Московскихъ владѣній.

Послѣдняя изъ этихъ попытокъ была въ 1411 году, когда сынъ Бориса Константиновича, Даніилъ, тайно привелъ Татарскій отрядъ къ Владиміру на Клязьмѣ съ цѣлью его захватить. Татары подкрались къ городу въ полдень, во время послѣобѣденнаго отдыха жителей, и безъ труда овладѣли имъ, избивъ множество людей; затѣмъ, они зажгли его со всѣхъ концовъ и предались неистовому грабежу. При этомъ, значительная часть ихъ жадно устремилась къ соборной церкви Владимірской Божіей Матери, чтобы разграбить ея сокровища. Но въ ней затворился доблестный священникъ, отецъ Патрикій. Онъ собралъ сколько могъ драгоцѣнной церковной утвари и казны, спряталъ ихъ въ укромномъ мѣстѣ храма, заперъ двери, затѣмъ отбросилъ отъ церкви лѣстницы и сталъ молиться, проливая горячія слезы, передъ образомъ Пречистой. Скоро Татары вломились въ соборъ, ограбили его, схватили Патрикія и стали пытать, допрашивая, гдѣ спрятана казна. Они ставили его на пылающую сковороду, вбивали щепы за ногти, сдирали кожу, но Патрикій не сказалъ имъ ни слова; тогда поганые привязали его за ноги къ лошадиному хвосту, и доблестный пастырь, влекомый по землѣ своими мучителями, испустилъ, наконецъ, свой духъ, оставивъ навѣки въ сердцахъ Русскихъ людей свѣтлую память о своемъ подвигѣ. Такіе отдѣльные разбойническіе набѣги Татарскихъ царевичей и князей постоянно имѣли мѣсто и въ другихъ частяхъ нашей Родины.

Такъ, въ самый годъ поѣздки великаго князя Василія Димитріевича въ Орду, въ 1392 году, одинъ изъ царевичей разорилъ независимую Русскую общину Вятку, основанную въ концѣ двѣнадцатаго вѣка Новгородомъ, за что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Новгородцы, соединившись съ Устюжанами, спустились по рѣкѣ Вяткѣ на большихъ лодкахъ и разорили Татарскіе города Жукотинъ, Казань и Болгары.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Нижегородской Земли, Василію Димитріевичу пришлось вступить въ борьбу и съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ. Причиной этой борьбы былъ вопросъ о церковномъ судѣ. Какъ мы знаемъ, Новгородскій архіепископъ всегда зависѣлъ отъ митрополита Московскаго, при чемъ право церковнаго суда надъ Новгородцами принадлежало послѣднему. Въ 1385 году, Новгородцы вздумали освободиться

отъ митрополичьяго суда, созвали вѣче и постановили на немъ, не ходить на судъ въ Москву къ митрополиту, а судиться у своего владыки, послѣ чего написали объ этомъ грамоту и цѣловали на ней крестъ. Но съ этимъ никакъ не хотѣлъ согласиться митрополитъ Кипріанъ, и въ 1391 году



3. Подвигъ священника Патрикія. „.... Они же безбожніи высѣкоша двери церковныа, ... и всю церковь разграбиша, а презвитера Патреніа, емше, начаша мучити"....

Изъ Царственнаго лѣтописца.

онъ самолично прибылъ въ Новгородъ, чтобы уговорить его жителей подчиниться его суду, при чемъ разорвалъ означенную грамоту, какъ незаконно составленную. Однако Новгородцы упорно не соглашались на его требованія, и Кипріанъ уѣхалъ отъ нихъ въ большой обидѣ. Василій Димитріевичъ, хорошо понимая, что отдѣленіе Новгорода отъ митрополита знаменовало-бы и отпаденіе этого города отъ Москвы, рѣшилъ поддержать требованіе Ки-

пріана высылкой своей рати къ Торжку, который она и заняла. Вскорѣ, жители Торжка возмутились и убили Московскаго боярина Максима, а Новгородцы изъ Заволочья взяли великокняжескій городъ Устюгъ. За это, Василій велѣлъ схватить убійцъ Максима и предалъ ихъ суровой казни въ Москвѣ. Тогда Новгородцы, убѣдившись въ непреклонной твердости великаго князя, не замедлили запросить у него мира и согласились на митрополичій судъ.

Скоро этой твердости духа молодого великаго князя пришлось перенести весьма тяжкое испытаніе. Новое вторженіе съ Востока огромнѣйшихъ полчищъ варваровъ грозило нашей Родинѣ повтореніемъ ужасовъ Батыева нашествія.

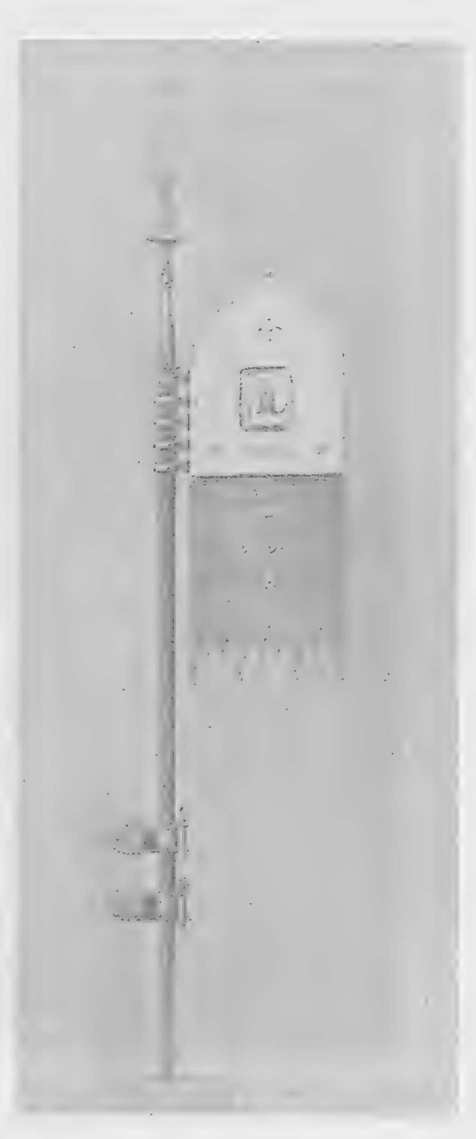
4. Тамерланъ по древнему Средне-Азіатскому изображенію.

Въ нѣдрахъ Азіи появился новый грозный завоеватель, не менѣе знаменитый и ненасытный чѣмъ Чингизъ-ханъ, отъ котораго онъ и происходилъ по женской линіи. Это былъ Тамерланъ или Темиръ-Аксакъ, прозванный также за свою хромоту — «Желѣзнымъ Хромцемъ». Будучи мелкимъ Монгольскимъ князькомъ, Тамерланъ терпѣлъ въ юные годы различныя испытанія и невзгоды, среди которыхъ закалялся его духъ и зрѣли его замыслы о повтореніи временъ Чингизъ-хановыхъ. Въ 1352 году, все достояніе Тамерлана, укрывавшагося въ пустынѣ отъ враговъ, заключалось въ тощемъ конѣ и дряхломъ верблюдѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя, благодаря своимъ удивительнымъ военнымъ и государственнымъ дарованіямъ, соединеннымъ съ безчеловѣчной кровожадностью, — онъ былъ уже повелителемъ двадцати державъ въ трехъ частяхъ свѣта— Азіи, Европѣ и Африкѣ. Въ числѣ этихъ подвластныхъ ему державъ были владѣнія Персидскія, Индійскія, Сирійскія, Египетскія, а также Волжская или Золотая Орда, въ которой Тохтамышъ занялъ престолъ послѣ Мамая, именно благодаря покровительству Тамерлана.

Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ, Тохтамышъ, надѣясь на свои силы, рѣшилъ отложиться отъ Тамерлана, имѣвшаго свое главное пребываніе въ Самаркандѣ. Но Тамерланъ, въ 1493 году, быстро двинулся противъ него со своими страшными полчищами, смѣло прошелъ черезъ огромныя Киргизскія степи, при чемъ войска его, уподобляя свое шествіе—роду безпрерывной охоты, питались главнымъ образомъ мясомъ убиваемыхъ во множествѣ дикихъ козъ, сайгаковъ и другихъ степныхъ

животныхъ. Послѣ этого, въ предѣлахъ нынѣшней Астраханской губерніи, Тамерланъ на голову разбилъ Тохтамыша, бѣжавшаго затѣмъ за Волгу, и вернулся къ себѣ въ Самаркандъ. Два года спустя, въ 1395 году, Тамерланъ вновь двинулся противъ Тохтамыша, опять поднявшагося противъ него. Рѣшительная битва обоихъ противниковъ произошла между рѣками Терекомъ и Кубанью, близъ нынѣшняго города Екатеринодара. Долго успѣхъ сраженія колебался то въ ту, то въ другую сторону. Самъ Тамерланъ подвергался величайшей опасности. Окруженный врагами, разстрѣлявъ всѣ свои стрѣлы и изломавъ копье, онъ все же не потерялъ своей твердости и хладнокровія, тогда какъ Тохтамышъ, имѣя въ своемъ распоряженіи свѣжія силы, вдругъ побѣжалъ, объятый ужасомъ.

Тамерланъ преслѣдовалъ его до Волги, посадивъ на его мѣсто въ Золотой Ордѣ другого хана, а затѣмъ, къ великому ужасу всѣхъ Русскихъ людей, вмѣсто того, чтобы повернуть назадъ, продолжалъ свое наступленіе къ сѣверу, и, перейдя Волгу, вступилъ въ наши юговосточные предѣлы; подступивъ къ городу Ельцу, онъ безъ труда взялъ его, внося всюду по пути ужасъ и опустошеніе.



5. Древняя хоругвь, составленная изъ наперснаго образа, копья и части кольчуги.

Рисунокъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича.

Въ эти бѣдственные дни великій князь Василій Димитріевичъ показалъ себя достойнымъ преемникомъ своего великаго отца. Подобно ему, онъ началъ созывать Русскихъ людей на страшный бой съ грознымъ врагомъ, и на призывъ его стали отовсюду собираться полки. Многіе старцы, славные участники Куликовской битвы, сѣли вновь на коней и явились подъ знамена, чтобы умереть за свою Родину и за Вѣру Православную. Самъ великій князь начальствовалъ надъ войскомъ и расположился близъ Коломны, на берегу рѣки Оки, бодро

ожидая дальнѣйшихъ дѣйствій врага и оставя престарѣлаго князя Владиміра Андреевича для защиты Москвы, гдѣ народъ денно и нощно молился во всѣхъ храмахъ.

Желая успокоить жителей столицы, Василій Димитріевичъ написалъ изъ своего стана митрополиту Кипріану, чтобы онъ перенесъ въ

6 Срѣтеніе чудотворной иконы Владимірской Божіей Матери передъ Москвою въ 1495 году.
Стѣнопись храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Москву славную икону Божіей Матери изъ стольнаго города Владиміра.

Въ самый день Успенья—Владимірцы съ великимъ плачемъ и слезами проводили свою защитницу, а 26 Августа весь Московскій народъ, старые и малые, богатые и бѣдные, здоровые и убогіе, во главѣ съ духовенствомъ, князьями и боярами и, конечно, великой княгиней Софіей Витовтовной,

вышли навстрѣчу чудотворному образу. «И срѣтоша далече за градомъ»—разсказываетъ лѣтописецъ, «и яко узрѣша Пречюдный образъ Богоматери и на пречистыхъ Ея дланехъ Пречистый Образъ Іисусъ Христовъ, и вси падоша на землю, со многосугубыми слезами изъ сердца вздыхающе и молящеся прилежно»...

Это горячая молитва Московскаго народа была услышана Многомилостивой Покровительницей Земли Русской.

7. „..... Темирю же Аксаку тогда стоащу въ Рязанской земли обаполъ Дона рѣки, и возлеже на одрѣ своемъ и усну, и видѣ сонъ страшенъ зѣло, яко гору высоку велми и з горы идяху къ нему святители, имущи жезлы златы въ рукахъ и претяще ему зѣло; и се паны внезапу видѣ надъ святители на воздусѣ жену въ багряныхъ ризахъ съ множествомъ воинства, претяще ему лютѣ" .....

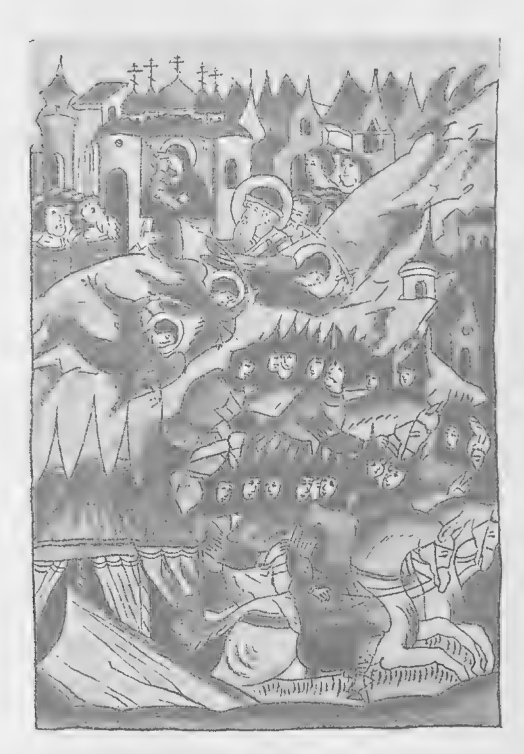
Изъ Царственнаго лѣтописца.

Тамерланъ, слишкомъ двѣ недѣли стоявшій на своемъ мѣстѣ, не подвигаясь «ни сѣмо, ни онамо», вдругъ побѣжалъ безъ оглядки въ свои степи, именно въ тотъ самый день и часъ, когда Москва торжественно встрѣчала чудотворную икону. Передъ этимъ онъ спалъ и видѣлъ во снѣ огромное воинство въ блистающихъ доспѣхахъ,—а надъ нимъ несравненный обликъ Царицы, погруженной въ жаркую молитву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему предстали святые старцы и грозно потребовали отойти отъ предѣловъ Русской Земли. До

глубины души смущенный этимъ видѣніемъ, Тамерланъ немедленно же отдалъ распоряженіе объ отступленіи своихъ войскъ.

Вскорѣ Тамерланъ обратилъ всѣ свои усилія для того, чтобы сломить могущество Турокъ, грозныя побѣды которыхъ возбуждали уже сильнѣйшую тревогу во всей Европѣ.

Первоначальной родиной Турокъ была Средняя Азія, гдѣ они съ давнихъ временъ славились своею большою воинственностью. Страшные перевороты среди Азіатскихъ народовъ, вызванные завоеваніями Чингисъ-хана, привели въ движеніе и Турецкія племена, которыя благодаря военному устройству своего быта быстро стали господами въ Малой Азіи, всюду проповѣдуя огнемъ и мечемъ ученіе Магомета, а затѣмъ рядъ хищныхъ Турецкихъ султановъ началъ сильно тѣснить слабую Византійскую имперію, раздираемую, къ тому-же, внутренними усобицами.



8. „... Онъ же (Тамерланъ)... вскорѣ повелѣ всю силу свою безчисленную возвратити вспять, и устремися на бѣгъ, Божіимъ гнѣвомъ и Пречистыа Богородицы гонимъ"...

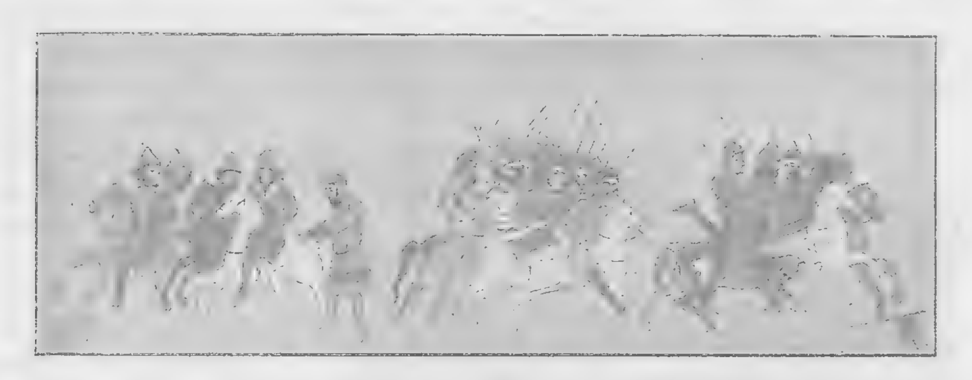
Изъ Царственнаго лѣтописца.

Перебрасывая свои войска черезъ узкій Босфорскій проливъ, Турки направляли свои удары и на Православныя Славянскія племена, обитавшія на Балканскомъ полуостровѣ, на Болгаръ и на Сербовъ.

Городъ Царьградъ, охваченный со всѣхъ сторонъ Турками, благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ и постояннымъ богатымъ дарамъ, подносимымъ султанамъ, сохранялъ еще до времени тѣнь своей независимости и свободы, но уже въ 1361 году султанъ Мурадъ Первый захватилъ Адріанополь и перенесъ сюда свою столицу изъ Азіи. Этотъ Мурадъ основалъ знаменитыхъ «янычаръ», отборную Турецкую пѣхоту, набиравшуюся исключительно изъ Христіанскихъ дѣтей, и воспитывавшихся Турками въ самой большой ненависти къ вѣрѣ своихъ отцовъ.

Утвердившись въ Адріанополѣ, Мурадъ сталъ дѣятельно готовиться къ полному порабощенію южныхъ Славянъ, и въ 1389 году, въ самый годъ смерти Донского героя, нанесъ этимъ Славянамъ страшное пораженіе на Коссовомъ полѣ, несмотря на изумительное мужество Сербовъ, Босняковъ, Болгаръ, Валаховъ и Албанцевъ. Въ битвѣ этой пали и вожди обоихъ

воинствъ: славный краль Сербскій Лазарь и самъ Муратъ. Его убилъ Сербъ исполинской силы—Милошъ Кабиловичъ; чтобы сразить страшнаго



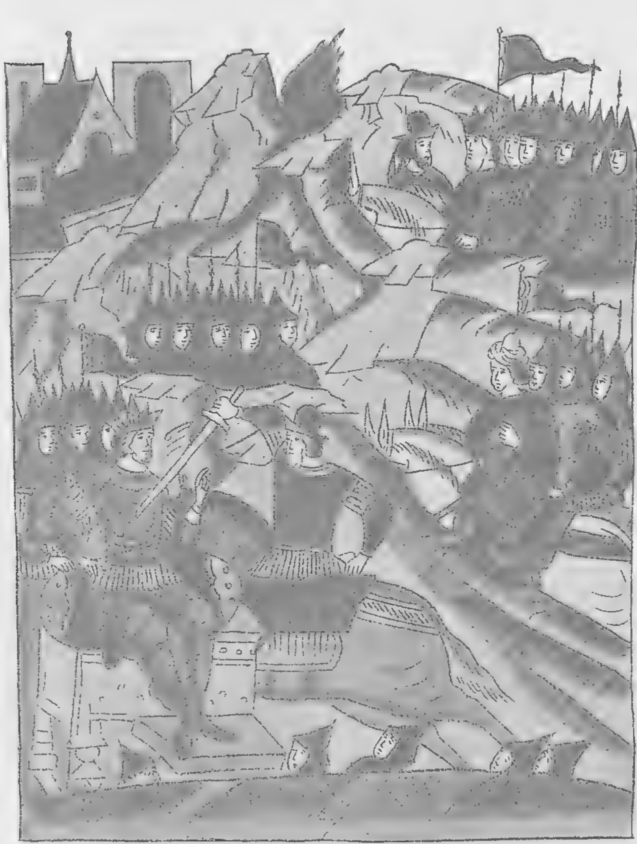
9. Древнѣйшее изображеніе Турокъ, преслѣдующихъ Грековъ послѣ побѣды надъ ними.
Изъ рукописи Ивана Скилицы Куропалата, половины XIV вѣка, хранящейся въ Испанскомъ Національномъ музеѣ въ Мадритѣ.

10. Турки избиваютъ Христіанъ и запечатываютъ храмы Божіи.
Изъ лицевого Житія Святого Алексія, митрополита Московскаго, написаннаго Пахоміемъ Лагофетомъ въ XVI вѣкѣ.

врага своего отечества, онъ явился въ Турецкій станъ подъ видомъ перебѣжчика, выпросилъ позволеніе поклониться въ ноги султану и затѣмъ,

представъ предъ нимъ, поразилъ его на смерть, за что, конечно, былъ тутъ-же убитъ.

Мурату наслѣдовалъ еще болѣе жестокій и хищный сынъ его Баязетъ Первый. Послѣ смерти отца, тутъ же на полѣ сраженія, онъ повелѣлъ воздвигнуть множество пирамидъ изъ головъ убитыхъ христіанъ, а затѣмъ, покоривъ всю Болгарію и Сербію, онъ взялъ себѣ въ жены дочь покойнаго краля Лазаря. Въ 1396 году, Баязетъ нанесъ подъ Никополемъ страшное пораженіе ополченцамъ новаго крестоваго похода, созваннаго противъ него папою Бонифаціемъ Девятымъ. Послѣ этихъ побѣдъ, самоувѣренность и звѣрства Турокъ не знали никакихъ границъ, и Баязетъ устремилъ всѣ свои усилія, чтобы окончательно покорить Царьградъ, при чемъ въ теченіе пяти лѣтъ держалъ несчастный городъ въ осадѣ, отъ которой тотъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ пасть; но вдругъ, неожиданно, Баязету пришлось снять эту осаду и помѣриться всѣми своими силами съ Тамерланомъ.



11. Битва на Коссовомъ полѣ. „...Онъ же (Милошъ Кабиловичъ) являя себя съ любовію идуща ко Амурату царю Турьскому, и внезаапу вскорѣ вонзе мечъ свой въ сердце Амурата царя Турскаго, и въ той часъ умре Амуратъ царь Турскый; убіенъ же бысть отъ нихъ и чюдный тѣй слуга христьанскій“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Ненасытный «Желѣзный Хромецъ», освѣдомленный о подвигахъ Баязета въ Европѣ и Малой Азіи, отправилъ къ нему пословъ со слѣдующимъ высокомѣрнымъ требованіемъ: «Знай»,—писалъ онъ Баязету—«что мои воинства покрываютъ землю отъ одного моря до другого, что цари служатъ мнѣ тѣлохранителями и стоятъ рядами передъ шатромъ моимъ; что судьба у меня въ рукахъ и счастье всегда со мною. Кто ты? Муравей Туркоманскій: дерзнешь ли возстать на слона?.. Если робкіе Европейцы обратили тылъ

передъ тобою: славь Магомета, а не храбрость свою... Внемли совѣту благоразумія: останься въ предѣлахъ отеческихъ, какъ они ни тѣсны; не выступай изъ оныхъ или погибнешь».

Гордый Баязетъ отвѣтствовалъ на это посланіе короткими словами: «Давно желаю воевать съ тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на мечъ мой». Столкновеніе обоихъ противниковъ произошло въ 1402 году — въ Малой Азіи, на поляхъ близъ Ангоры. Здѣсь, несмотря на свое мужество и на отчаянную храбрость янычаръ, Баязетъ былъ на голову разбитъ и, захваченный въ плѣнъ, принесенъ въ клѣткѣ къ Тамерлану, который вслѣдъ затѣмъ богато одарилъ его, глубокомысленно разсуждалъ съ нимъ о тлѣнности мірскаго величія и отпустилъ своимъ данникомъ. Эта побѣда Тамерлана надъ Турками отсрочила на полъ столѣтія переходъ Царьграда подъ владычество послѣднихъ.

12. Плѣнный Баязетъ передъ Тамерланомъ.
Рисунокъ художника Мерте.

Покоривъ Баязета, Тамерланъ пребывалъ, большею частью, въ Самаркандѣ, при чемъ онъ, по примѣру Чингисъ-хана, сѣя всюду ужасъ и разоренье, проливая потоки крови, воздвигая огромныя пирамиды изъ человѣческихъ череповъ и обращая въ груды пепла цвѣтущіе города, любилъ бесѣдовать съ учеными, лицемѣрно показывалъ себя другомъ науки и пускался въ длинныя разсужденія о ничтожествѣ человѣческой жизни, о добродѣтели и о безсмертіи. Онъ умеръ и погребенъ въ Самаркандѣ же, входящемъ нынѣ въ составъ нашего Туркестанскаго Военнаго Округа. Посреди великолѣпной мечети, выстроенной для упокоенія его останковъ, находится роскошная гробница; но она заключаетъ въ себѣ лишь прахъ его учителя; самъ же Тамерланъ, до конца жизни оставаясь лицемѣромъ, смиренно приказалъ себя похоронить у его ногъ.

Таковъ былъ Тамерланъ, отъ ужасовъ нашествія котораго, 26 Августа 1395 года, спасло Русскую Землю заступничество Царицы Небесной.

Въ память этого чудеснаго событія на Кучковомъ полѣ, гдѣ былъ встрѣченъ жителями Москвы чудотворный образъ, воздвигнутъ Срѣтенскій мужской монастырь, при чемъ день Срѣтенья до сихъ поръ всенародно празднуется всею Россіею, а въ Москвѣ установленъ и крестный ходъ изъ Успенскаго монастыря въ Срѣтенскій.

Въ Богородичной же церкви во Владимірѣ, вмѣсто присланной въ Москву иконы, была поставлена другая, въ мѣру и подобіе подлинной, при чемъ она, по преданію, была написана еще Святымъ митрополитомъ Петромъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ полчища Тамерлана отхлынули отъ нашихъ предѣловъ, великому князю Московскому опять пришлось вступить въ борьбу съ Новгородомъ. Въ 1395 году, Новгородцы вновь отказались отъ митрополичьяго суда, а затѣмъ и отказались разорвать свое соглашеніе съ Ливонскими Нѣмцами, когда этого потребовалъ Василій Димитріевичъ.

13. Мечеть надъ гробницей Тамерлана въ Самаркандѣ.

Это послужило поводомъ къ открытію непріязненныхъ дѣйствій со стороны Москвы, при чемъ главное вниманіе Василія было обращено на богатую Новгородскую область—Двинскую Землю, откуда получалось, такъ называемое, «Закамское серебро» и дорогіе мѣха, шедшіе изъ Сибири; славилась также Двинская Земля и многими другими промыслами, особенно-же птицеводствомъ, и лучшіе сокола или кречета для великокняжескихъ охотъ ловились именно въ ней.

Жители Двинской Земли и сами воеводы Новгородскіе, находившіеся въ ней, весьма охотно объявили себя за Московскаго великаго князя, войска котораго заняли уже Вологду, Торжекъ и нѣкоторые другіе города. Встревоженные этимъ, Новгородцы поспѣшили отправить въ Москву посольство, чтобы умилостивить Василія Димитріевича. Но послѣдній, оказавъ ласку посольству, не хотѣлъ и слышать о возвращеніи Двинской Земли. Этотъ отказъ пробудилъ былой воинскій духъ Новгородцевъ. Они снарядили рать, вошли въ Двинскую Землю и, произведя тамъ великое опустошеніе, захватили бояръ, передавшихся Москвѣ, послѣ чего, вернувшись въ Новгородъ, главнаго изъ нихъ сбросили съ моста въ Волховъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Новгородцы послали просить мира у великаго князя, и Василій, не-

смотря на внутреннюю досаду, согласился на него, до времени отказавшись отъ мысли присоединить Двинскую Землю къ Москвѣ. Причиной этой уступчивости были дошедшіе до него слухи о сношеніи Новгорода съ его тестемъ, великимъ княземъ Литовскимъ—Витовтомъ.

Отношенія къ Витовту являлись важнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ за все тридцатишестилѣтнее великое княженіе Василія, въ виду того значенія, которое пріобрѣлъ первый на Литвѣ. Мы видѣли, что въ 1386 году Ягайло, вступивъ въ бракъ съ Ядвигой Польской и перейдя въ Латинство, въ которое онъ окрестилъ и свой народъ, соединилъ въ своемъ лицѣ власть надъ королевствомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Литовскимъ. Но соединеніе власти надъ Литвой подъ Польской короной скоро оказалось ему не подъ силу. Потеря самостоятельности Литвы была сочтена за обиду сидѣвшими въ ней удѣльными князьями и боярами, при чемъ во главѣ недовольныхъ сталъ двоюродный братъ Ягайлы—Витовтъ. Онъ считалъ себя лично обиженнымъ Ягайлой, въ угоду которому онъ разорвалъ свои сношенія съ Нѣмецкимъ Орденомъ, а также вторично перешелъ изъ Православія въ католичество, и былъ обиженъ именно тѣмъ обстоятельствомъ, что Ягайло назначилъ своимъ намѣстникомъ на Литвѣ не его, а своего родного брата—Скиргайлу.

Скоро Витовтъ открыто поднялся противъ Ягайлы, вновь заключивъ договоръ съ Нѣмецкими рыцарями, которые, чтобы обезпечить себѣ его вѣрность, взяли въ заложники двухъ малолѣтнихъ сыновей Витовта и брата Кондрата.

Поднятая Витовтомъ борьба съ Ягайлой продолжалась съ 1389 по 1392 годъ и велась съ большимъ ожесточеніемъ, при чемъ въ ней принимали дѣятельное участіе Нѣмцы. Наконецъ, Витовтъ разсчиталъ, что ему выгоднѣе будетъ примириться съ Ягайлой, который съ своей стороны также очень желалъ мира и шелъ на большія уступки. Но этому примиренію мѣшалъ договоръ Витовта съ Нѣмцами; для нихъ борьба его съ Ягайлой была какъ нельзя болѣе на руку. Тогда Витовтъ, чтобы разорвать съ ними, рѣшилъ пожертвовать своими сыновьями и братомъ; онъ вѣроломно напалъ на одинъ рыцарскій отрядъ, разбилъ его, захватилъ нѣсколько Нѣмецкихъ укрѣпленныхъ замковъ и, 4 августа 1392 года, заключилъ съ Ягайлой мирный договоръ, по которому получилъ достоинство великаго князя Литовскаго на правахъ самостоятельнаго государя, обѣщая Польскому королю неразрывный союзъ и свое содѣйствіе въ случаѣ надобности. За это Нѣмцы, въ отместку Витовту, отравили его обоихъ дѣтей и заковали въ оковы брата. Бывшій же намѣстникъ Ягайлы на Литвѣ, братъ его Скиргайло, получилъ княжество Кіевское, вскорѣ перешедшее послѣ его смерти — также подъ власть Витовта.

Такимъ путемъ, пожертвовавъ двумя сыновьями (а другихъ дѣтей у него не было) и братомъ, Витовтъ сталъ могущественнымъ княземъ Литовскимъ, при чемъ въ составъ его владѣній входило, какъ мы уже говорили во второй части нашего труда, вдвое больше чисто Русскихъ Земель, со-

бранныхъ еще Гедиминомъ и Ольгердомъ, чѣмъ Литовскихъ. Будучи человѣкомъ громаднаго честолюбія, при этомъ чрезвычайно скрытнымъ и весьма вѣроломнымъ, «невѣрникомъ правды», по выраженію лѣтописца, Витовтъ успѣшно освободился разными средствами отъ большинства изъ своихъ подручныхъ крупныхъ удѣльныхъ Литовскихъ князей, а затѣмъ направилъ всѣ свои усилія къ дальнѣйшему собиранію Русской Земли, при чемъ въ этомъ дѣлѣ онъ необходимо долженъ былъ встрѣтить соперника въ лицѣ другого собирателя Русской Земли, своего зятя—великаго князя Московскаго.

Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить большую разницу въ собираніи Русской Земли со стороны Московскихъ князей и Литовскихъ. Для Московскихъ князей это было дѣломъ священнаго завѣта ихъ предковъ и митрополита Петра чудотворца—собрать во едино наслѣдіе Святого Владиміра—Православный Русскій народъ, разбитый на множество отдѣльныхъ частей, вслѣдствіе гибельнаго порядка владѣнія Землей цѣлымъ родомъ, установившагося послѣ Ярослава Мудраго. Литовскіе же князья собирали то, что имъ никогда не принадлежало, то есть были простыми хищниками. Они были чужды какъ Русскому народу, такъ и Православію, и съ необыкновенной легкостью мѣняли при надобности свою вѣру, и на язычество и на Латинство.

При этихъ условіяхъ, принятіе Ягайлой Польской короны и католичества повліяло, конечно, самымъ неблагопріятнымъ образомъ на Православныхъ подданныхъ Литовскаго князя, такъ какъ на него скоро возымѣло сильнѣйшее вліяніе Польское католическое духовенство. И вотъ, послѣ казни двухъ своихъ придворныхъ, не захотѣвшихъ измѣнить Православію, о которыхъ мы говорили во второй части нашего труда, Ягайло издалъ въ 1387 году указъ, предписывавшій всѣмъ Литовцамъ знатнаго рода принимать католическую вѣру, при чемъ въ эту вѣру должны были непремѣнно переходить и Русскіе, бывшіе въ бракѣ съ Литовцами; упорствующихъ же приказано было жестоко сѣчь розгами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ Литовскимъ и Русскимъ панамъ, принявшимъ Латинство, Ягайло даровалъ важныя преимущества и льготы, противъ остававшихся въ Православіи. Такимъ образомъ, на Литвѣ всѣ льготы перешли къ католикамъ, а гоненія и притѣсненія на Православныхъ. Большимъ соблазномъ къ переходу въ Латинство служило для Литовскихъ бояръ и дворянъ то льготное и независимое положеніе, которымъ пользовалось въ Польшѣ какъ высшее дворянство—магнаты, такъ и мелкое—шляхта.

Въ Польшѣ, вслѣдствіе слабости королевской власти, высшее сословіе давно уже забрало въ свои руки огромную власть въ дѣлахъ государства и владѣло большой земельной собственностью. Въ четырнадцатомъ-же столѣтіи, король Владиславъ Локетекъ, также по причинѣ своей слабости, долженъ былъ дать большія права и мелкой шляхтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря близости къ западу, въ высшемъ Польскомъ сословіи сильно развилось иноземное, преимущественно Нѣмецкое вліяніе, которое оторвало

по взглядамъ, воспитанію, привычкамъ и вкусамъ это сословіе отъ простого сельскаго люда. При этомъ, иноземныя заимствованія и обычаи требовали болѣе разнообразной и роскошной жизни, и поэтому въ Польшѣ стало быстро образовываться городское, промышленное населеніе, преимущественно изъ ремесленниковъ иноземцевъ-же и Жидовъ, которымъ покровительствовалъ рядъ Польскихъ королей, особенно-же Казиміръ Великій подъ вліяніемъ своей возлюбленной—Жидовки Эстерки. Скоро Польскіе города получили особое самостоятельное управленіе съ большими вольностями и правами, по Нѣмецкому или такъ называемому Магдебургскому праву. Самымъ же безправнымъ сословіемъ въ Польшѣ было крестьянство.

Порядки, близкіе къ Польскимъ, стали устанавливаться и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Какъ мы уже говорили, бояре или паны, перешедшіе въ Латинство, получили бо̀льшія права противъ Православныхъ. Городъ Вильна тоже получилъ, подобно большимъ Польскимъ городамъ, Магдебургское право и сталъ быстро заселяться Нѣмцами и Жидами, причемъ послѣднимъ Витовтъ оказывалъ особое покровительство. По грамотѣ его отъ 1388 года, «за увѣчье и убійство жида христіанинъ отвѣчаетъ также какъ за увѣчье и убійство человѣка благороднаго званія; за оскорбленіе жидовской школы полагается тяжкая пеня; если-же христіанинъ разгонитъ жидовское собраніе, то, кромѣ наказанія по закону, все его имущество отбирается въ казну. Наконецъ, если христіанинъ обвинитъ жида въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя христіанами и тремя жидами добрыми; если же свидѣтели объявятъ обвиненнаго жида невиннымъ, то обвинитель самъ долженъ потерпѣть такое наказаніе, какое предстояло обвиняемому». Всѣ эти порядки шли, разумѣется, въ ущербъ Православному населенію великаго княжества, то-есть большинству его сельскихъ обитателей.

Прочно утвердя свое положеніе въ Литвѣ, Витовтъ прежде всего устремилъ свой взоръ на городъ Смоленскъ, бывшій предметомъ вожделѣній и его дяди Ольгерда. Скоро представился удобный случай попытаться овладѣть имъ. Въ 1395 году, великій князь Московскій, Василій Димитріевичъ, былъ озабоченъ страшнымъ нашествіемъ Тамерлана, а въ Смоленскѣ шла въ это время сильная усобица между удѣльнымъ княземъ Юріемъ Смоленскимъ со своими братьями, причемъ Юрій долженъ былъ временно уѣхать изъ города къ своему тестю, престарѣлому Олегу Рязанскому, тому самому, который былъ противникомъ Димитрія Донского въ вѣчнопамятные дни Мамаева нашествія.

Этимъ воспользовался Витовтъ. Распустивъ слухъ, о своемъ движеніи противъ Татаръ, онъ неожиданно подступилъ къ Смоленску; затѣмъ, подъ видомъ родства (его вторая жена была дочерью одного Смоленскаго князя), онъ зазвалъ къ себѣ въ станъ всѣхъ бывшихъ въ городѣ Смоленскихъ князей, обѣщая имъ посредничество при дѣлежѣ волостей, а когда тѣ, ничего не подозрѣвая, собрались къ нему, то велѣлъ ихъ заковать и отправить въ Литву.

Смоленскъ же онъ занялъ Литовскимъ отрядомъ, захватившимъ и кремль. Олегъ Рязанскій пытался было заступиться за своего зятя, но Витовтъ вторгся въ его владѣнія и «проливъ кровь какъ воду и побивъ людей— сажая ихъ улицами» по выраженію лѣтописца—съ торжествомъ вернулся къ себѣ на Литву.

Видя все происходящее, Василій Димитріевичъ, конечно, внутренно сильно досадовалъ на тестя; однако, онъ не признавалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы вступить съ нимъ въ борьбу за Смоленскъ. Витовтъ былъ въ это время на вершинѣ своей славы и считался однимъ изъ могущественныхъ государей Европы. Скоро между нимъ и Ягайлой—опять возникли нелады. Ягайло, по настоянію Ядвиги, сталъ требовать отъ Литвы уплаты прежнему жениху своей жены, принцу Вильгельму Австрійскому — 200,000 червонцевъ, согласно данному ему обѣщанію при расторженіи съ нимъ брака. Это требованіе сильно оскорбило Витовта; онъ собралъ въ Луцкѣ своихъ бояръ и съ негодованіемъ объявилъ имъ о немъ, сказавъ: «Мы не рабы Польши; предки наши никому не платили дани. Мы люди свободные и наши предки кровью пріобрѣли нашу Землю».

14. Великая княгиня Литовская Анна—супруга Витовта, рожденная княжна Смоленская.

Рисунокъ изъ Польской книги—„Дѣла Народа Литовскаго", Нарбута, воспроизведенный съ древняго изображенія на жести Итальянскаго письма.

Все это, разумѣется, было передано Ягайлѣ и Ядвигѣ, которая такъ огорчилась поведеніемъ Витовта, что вскорѣ умерла, при чемъ, въ виду своей бездѣтности, взяла съ Ягайлы обѣщаніе вступить по ея смерти въ бракъ съ одной изъ внучекъ Казиміра Великаго.

Витовтъ же, готовясь къ разрыву съ Польшей и также имѣя виды на Новгородъ, гдѣ у него были сторонники, питавшіе вражду къ Москвѣ, опять вошелъ въ соглашеніе съ Нѣмцами и заключилъ съ ними договоръ, причемъ за помощь, которую ему обѣщалъ Орденъ въ дѣлѣ овладѣнія Великимъ Новгородомъ, Витовтъ согласился на подчиненіе Нѣмцамъ Пскова.

Вотъ почему, повидимому, великій князь Василій Димитріевичъ, провѣдавъ про сношеніе Новгородцевъ съ Витовтомъ, которые готовы

были ему передаться, согласился заключить съ вольнымъ городомъ миръ и отказался при этомъ временно отъ видовъ на Двинскую Землю.

Захвативъ Смоленскъ, будучи готовымъ къ разрыву съ Польшей и простирая свои виды на Великій Новгородъ, Витовтъ, упоенный своими успѣхами, считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы помѣриться силами и съ Татарами. Онъ пріютилъ у себя на Литвѣ Тохтамыша *), разбитаго,

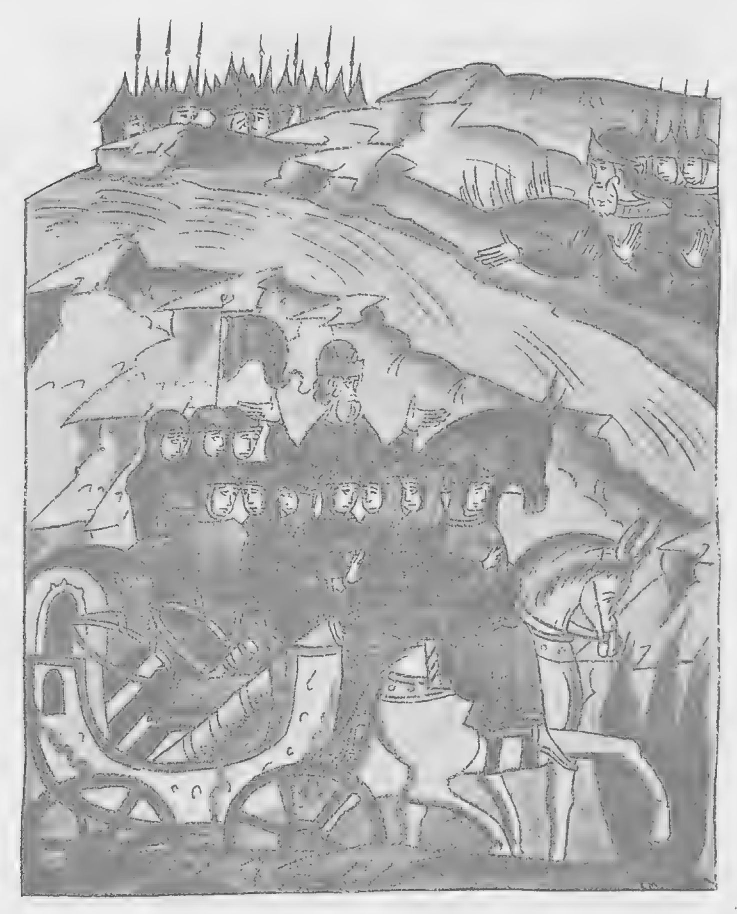
15. Королева Ядвига въ изображеніи Польскаго художника Яна Матейки.

Тамерланомъ, и желалъ возстановить перваго въ его прежнихъ владѣніяхъ, съ тѣмъ, чтобы онъ помогъ затѣмъ Витовту добыть Москву. Эта поддержка Тохтамыша привела, конечно, Витовта въ столкновеніе съ новымъ ханомъ Золотой Орды Темиръ-Кутлуемъ, ставленникомъ Тамерлана. Собравъ огромное ополченіе изъ своихъ Литовскихъ и Русскихъ подданныхъ, и присоединивъ къ нимъ отряды Поляковъ, Нѣмцевъ, Тохтамышевыхъ

*) До сихъ поръ въ Западной Россіи сохранились потомки приведенныхъ Тохтамышемъ Татаръ: это, такъ называемые,—Литовскіе Татары.

Татаръ и другихъ народностей,—Витовтъ выступилъ съ этой ратью въ 1399 году къ южнымъ степямъ, по тому пути, по которому ходилъ нѣкогда Владиміръ Мономахъ на Половцевъ,—мечтая нанести Татарамъ пораженіе, подобное Куликовскому.

Однако, большая разница была въ цѣляхъ обоихъ вождей, Димитрія Донского и Витовта, и въ чувствахъ, воодушевлявшихъ ихъ воинства.



16. Переговоры Витовта и Едигея. „...И тако посла отъ себя послы къ Витовту, а Витовту стоащу на другой странѣ рѣки Ворсколы во обозѣ, въ кованыхъ телѣгахъ на чѣпѣхъ желѣзныхъ со многими пищалми и пушками и самострѣлы“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Для Димитрія Донского и его доблестныхъ сподвижниковъ, сыновъ Православной Руси,—Куликовская битва была страшнымъ и великимъ подвигомъ во имя своей Вѣры, Народности и Земли; всѣ они шли въ бой, связанные взаимнымъ общимъ согласіемъ и горячей надеждой на заступничество Божіе, обѣщанное Святымъ Сергіемъ Радонежскимъ.

Витовтъ же и его разнородное воинство, идя на Татаръ, вовсе не было одушевлено какимъ-либо великимъ или чистымъ помысломъ. Рать шла

для возстановленія Тохтамыша, съ тѣмъ, чтобы, при его посредствѣ, можно было управиться затѣмъ и съ Москвой.

Передъ выступленіемъ Витовта въ походъ, къ нему явился посолъ Темиръ-Кутлуя—съ требованіемъ выдать ему Тохтамыша. Но Витовтъ

17. Сраженіе на Ворсклѣ. „...И преже всѣхъ поиде съ своею силою князь велики Ординскій Едигѣй и сѣступися съ Витовтомъ, и обоимъ стрѣляющимся, Татаромъ и Литвѣ, самострѣлы и пищалми"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

отвѣчалъ: «хана Тохтамыша не выдамъ, а съ ханомъ Темиръ-Кутлуемъ хочу видѣться самъ». При подходѣ Витовта къ берегамъ рѣки Ворсклы—Темиръ-Кутлуй послалъ его спросить: «Зачѣмъ ты на меня пошелъ? я твоей Земли не бралъ, ни городовъ, ни селъ твоихъ». Высокомѣрный Витовтъ отвѣчалъ: «Богъ покорилъ мнѣ всѣ Земли, покорись и ты, будь мнѣ сыномъ, а я тебѣ буду отцомъ и плати мнѣ ежегодную дань; а не захочешь быть сыномъ, такъ будешь рабомъ, и вся Орда твоя будетъ предана мечу». На

это требованіе ханъ, повидимому, чтобы выиграть время для подхода всѣхъ своихъ отрядовъ, далъ свое полное согласіе. Тогда Витовтъ, видя такую уступчивость, послалъ новое требованіе, а именно, чтобы на всѣхъ Ордынскихъ деньгахъ чеканилось клеймо Литовскаго князя, въ знакъ подданства ему Татаръ. Ханъ соглашался и на это, прося лишь три дня на размышленіе для окончательнаго отвѣта. Витовтъ далъ ему три дня.

А за эти три дня къ Темиръ-Кутлую подошелъ посѣдѣвшій въ бояхъ—сподвижникъ Тамерлана, князь Эдигей, также распоряжавшійся самовластно въ Ордѣ именемъ хана, какъ это въ свое время дѣлалъ Мамай.

Узнавъ о предложеніи Витовта, Эдигей пожелалъ имѣть съ нимъ личное свиданіе. И вотъ они съѣхались на противуположныхъ берегахъ Ворсклы. «Князь храбрый!»—насмѣшливо началъ свою рѣчь Эдигей: «нашъ царь справедливо могъ признать тебя отцомъ, онъ моложе тебя годами; но за то я старше тебя, а потому теперь ты признай меня отцемъ, изъяви покорность и плати дань, а также изобрази на Литовскихъ деньгахъ мою печать». Рѣчь эта привела, разумѣется, Витовта въ неистовую ярость и онъ приказалъ тотчасъ же готовиться къ битвѣ.

Спытко, воевода Краковскій, видя огромныя полчища Татаръ (ихъ было до 200.000 человѣкъ), имѣлъ благоразуміе настойчиво совѣтовать Витовту, не вступая въ бой, искать съ ними примиренія; но остальные военачальники встрѣтили его совѣтъ съ пренебреженіемъ, причемъ дерзкій Польскій панъ Щуковскій хвастливо сказалъ Спыткѣ: «Если тебѣ жаль разстаться съ твоей красивой женой и съ большими богатствами, то не смущай по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не страшатся умереть на полѣ битвы». «Сегодня же я паду честной смертью, а ты трусливо убѣжишь отъ непріятеля»—отвѣтилъ ему на это Спытко. Предсказаніе его оправдалось. Татары нанесли страшное пораженіе воинству Витовта, причемъ первыми бѣжали Тохтамышъ и панъ Щуковскій, а затѣмъ Витовтъ. Достойный же Спытко палъ смертью героя. Ужасное кровопролитіе продолжалось до глубокой ночи—«ни Чингисъ-ханъ, ни Батый»—говоритъ Н. М. Карамзинъ—«не одерживали побѣды совершеннѣйшей». Едва одна треть Витовтовой рати вернулась домой. Татары преслѣдовали ее до Кіева, опять разграбивъ несчастный городъ и Печерскую обитель.

Разгромъ Витовта на берегахъ Ворсклы былъ, конечно, на руку великому князю Московскому, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, какую огромную силу представляютъ Татары, съ которыми мы послѣ Тамерланова нашествія перестали вовсе считаться и прекратили всякія сношенія.

Однимъ изъ слѣдствій пораженія Витовта Татарами было обратное овладѣніе Смоленскомъ, въ 1401 году, его бывшимъ княземъ Юріемъ, при помощи тестя—Олега Рязанскаго. Но, сѣвши вновь въ Смоленскѣ,—Юрій не сумѣлъ его долго удержать; онъ скоро возстановилъ противъ себя городскихъ жителей своими жестокостями по отношенію къ сторонникамъ Витовта, и когда въ 1402 году умеръ Олегъ Рязанскій, то Юрій увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться за защитой противъ

Витовта къ Московскому великому князю. «Тебѣ все возможно»—говорилъ Юрій Василію Димитріевичу: «потому что онъ тебѣ тесть. Если же онъ ни слезъ моихъ, ни твоего совѣта не послушаетъ, то не отдавай меня на съѣденье Витовту, а помоги мнѣ, или же возьми городъ мой за себя;—владѣй лучше ты, а не поганая Литва». Василій обѣщалъ помочь, но пока онъ собирался, Витовтъ, узнавъ объ отъѣздѣ Юрія въ Москву, быстро подошелъ къ Смоленску, причемъ его доброхоты, которыхъ было много, сдали ему городъ вмѣстѣ съ княгинею Юрія. Захвативъ Смоленскъ, Витовтъ казнилъ всѣхъ сторонниковъ Юрія среди бояръ и посадилъ своихъ намѣстниковъ; горожанамъ же далъ большія льготы, чтобы привлечь ихъ на свою сторону.

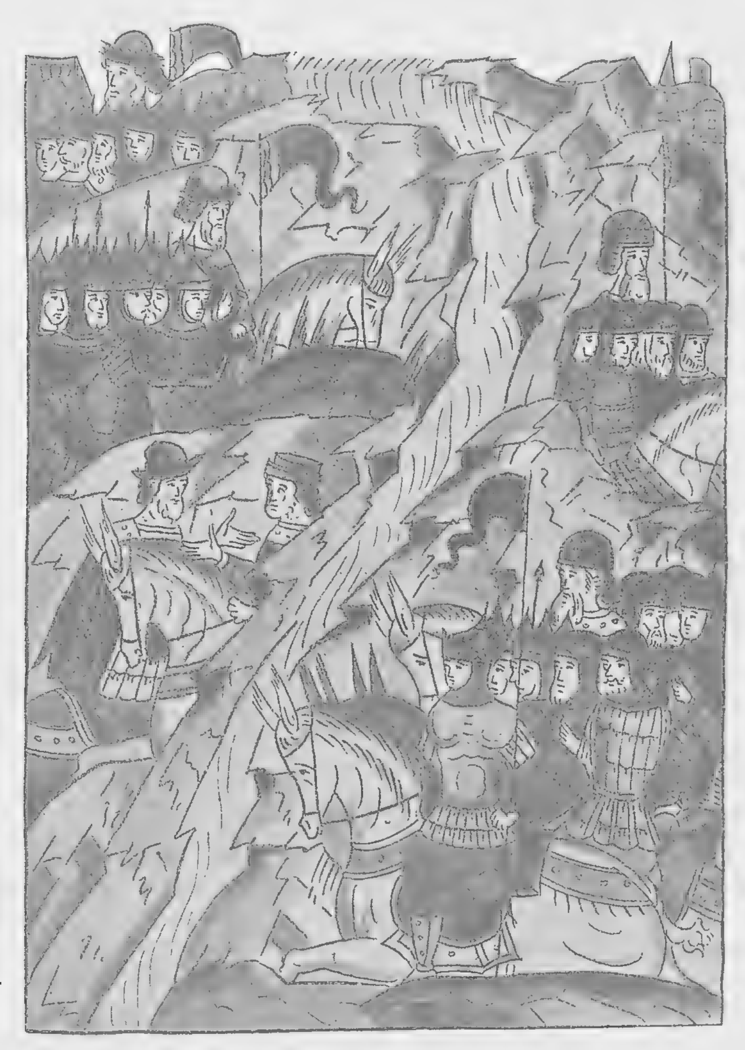
18. Литовцы уводятъ въ плѣнъ Русскаго.
Изъ старопечатной Псалтыри 1633 года въ древлехранилищѣ Троицко-Сергіевской Лавры.

Узнавъ о взятіи Смоленска Витовтомъ, Василій, предполагая, что это было сдѣлано по тайному уговору Юрія и Витовта, сильно разсердился и сказалъ Юрію: «Пріѣхалъ ты сюда съ обманомъ, приказавъ Смоленску сдаться Витовту»,—послѣ чего Юрій выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ.

Такъ захватилъ Витовтъ въ свои руки Смоленскъ, древнее наслѣдіе Ростиславовичей, овладѣвъ имъ въ первый разъ путемъ обмана, а во второй—добывъ измѣной.—Какъ мы увидимъ, огромное количество Русской крови лилось впослѣдствіи въ теченіе двухъ слишкомъ вѣковъ у Смоленска, пока онъ вновь не былъ окончательно возвращенъ въ составъ нашихъ владѣній.

Послѣ неожиданнаго захвата Витовтомъ Смоленска, Василій Димитріевичъ не счелъ уже своевременнымъ вступать изъ за него въ борьбу съ тестемъ, но когда Витовтъ вслѣдъ затѣмъ сталъ явно стремиться къ овладѣнію Новгородомъ и Псковомъ, то Василій Димитріевичъ двинулъ свои полки на Литву и военныя дѣйствія между зятемъ и тестемъ продолжались въ теченіе трехъ лѣтъ, причемъ за это время изъ Литвы выѣхало въ Москву много знатныхъ людей, недовольныхъ новыми установившимися тамъ порядками;—въ числѣ ихъ былъ и родной братъ Ягайлы—Свидрагайло Ольгердовичъ, получившій въ удѣлъ отъ Василія Димитріевича городъ Владиміръ на Клязьмѣ. За всѣ эти три года Русскія и Литовскія войска

сильно опустошали непріятельскія пограничныя области, но до рѣшительнаго сраженія всѣми силами дѣло не доходило ни разу; наконецъ, въ 1408 году, сошлись обѣ противныя рати на рѣкѣ Угрѣ. Но и тутъ боя не



19. Великій князь Василій Димитріевичъ и Витовтъ на рѣкѣ Угрѣ. „...Тоѣ же осени, мѣсяца Сентября въ 1 день князь велики Василей Дмитреевичь Московьскій, собравъ силу многу, поиде противу Витофта Кестутьевича, тстя своего, великого князя Литовскаго, и, пришедъ, ста у Угры на брезѣ. А Витофтъ такоже со многою силою пріиде съ другую страну рѣки тоя, съ нимъ же Литва, Ляхи, Нѣмцы, Жемоть“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

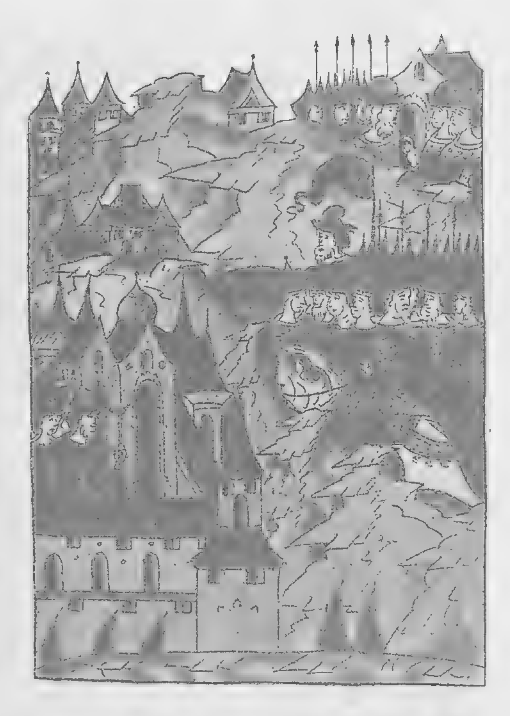
произошло. Витовтъ и Василій рѣшили заключить здѣсь миръ, по которому каждый оставался при своихъ владѣніяхъ; миръ этотъ не нарушался до конца ихъ жизни.

Помирившись съ Витовтомъ—Василію Димитріевичу довелось затѣмъ выдержать нашествіе Татаръ, оказавшееся по своимъ послѣдствіямъ значительно бѣдственнѣе Тамерланова.

Старый князь Эдигей, послѣ своей побѣды при Ворсклѣ—забралъ еще больше силы въ Ордѣ, и негодовалъ на Московского князя, не славшаго ни даровъ, ни пословъ. Онъ сильно разсчитывалъ, что Витовтъ нане-

20. „...Тоя же зимы... князь Ординскій Едигѣй... пріиде ратью на Русскую Землю, а съ нимъ четыре царевичи, да мнози князи Татарстіи“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.



21. „...Едигѣй же округняа мѣста около Москвы вся поплѣни и пусто сътвори, точію единъ градъ Москва Богомъ схраненъ бысть, молитвами пречистыа Его Матери Богородици и Животворивыа ради иконы Ея и великаго ради чюдотворца Петра митрополита всея Русіи“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

сетъ послѣднему пораженіе, и съ огорченіемъ узнавъ объ ихъ примиреніи, рѣшилъ самъ выступить противъ Москвы. Но напасть на нее открыто или вызвать Московскія войска на бой въ чистомъ полѣ Татары послѣ Куликовской битвы уже не отваживались. Поэтому, они рѣшили дѣйствовать украдкою. Обманувши великаго князя ложной вѣстью, что ханъ идетъ со всѣми силами на Витовта, Эдигей, подобно Тохтамышу, съ большой скрытностью и быстротой устремился на Москву и подошелъ къ ней 30 ноября 1408 года. Василій Димитріевичъ, ввѣривъ ея защиту Владиміру Андреевичу Храброму, отправился въ Кострому собирать ополченіе и приказалъ выжечь кругомъ Москвы всѣ посады.

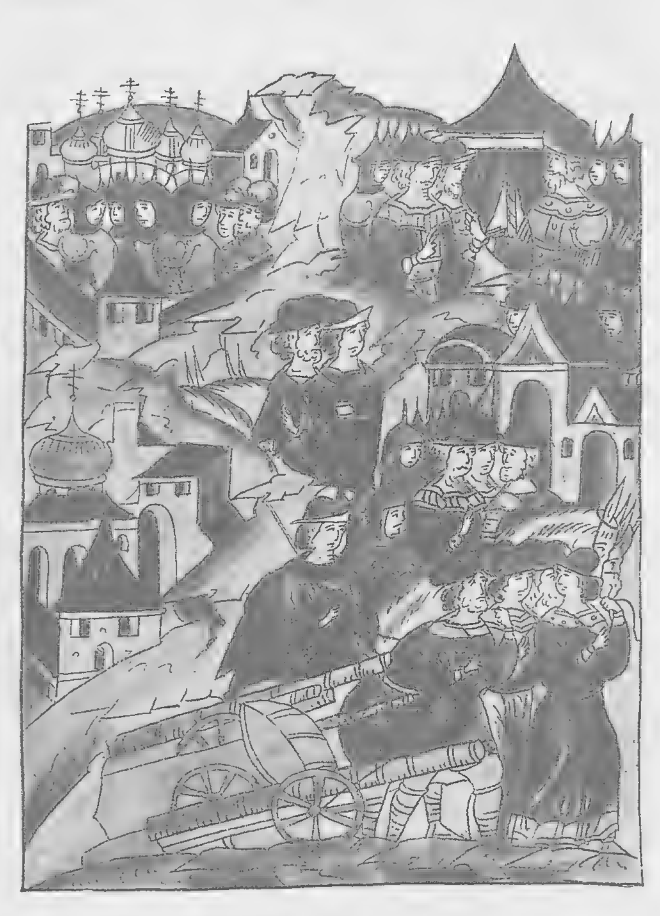
«Зрѣлище было страшное»—говоритъ Н. М. Карамзинъ:—«вездѣ огненныя рѣки и дымъ облаками, смятеніе, вопль и отчаяніе. Въ довершеніе ужаса, многіе злодѣи грабили въ домахъ, еще не объятыхъ пламенемъ и радовались общему бѣдствію».

Подступивъ къ Москвѣ и окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, Эдигей отрядилъ 30.000 Татаръ слѣдомъ за Василіемъ на Кострому и приказалъ Тверскому князю Ивану Михайловичу, сыну знаменитаго соперника Димитрія Донского, идти со своимъ пушечнымъ нарядомъ, или какъ теперь говорятъ артиллеріей, бывшимъ въ то время однимъ изъ самыхъ могущественныхъ въ цѣлой Европѣ,—на Москву. Но доблестный Иванъ Михайловичъ, не желая поднимать руки на своихъ единокровныхъ братьевъ, выступивъ въ походъ притворился больнымъ и такъ и не подошелъ на помощь Эдигею, который распустилъ свои отряды во всѣ стороны, чтобы жечь и грабить Московское княжество. Татарами были взяты и разорены Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ и Городецъ. Поганые всюду предавались ужаснымъ неистовствамъ и брали въ плѣнъ беззащитныхъ жителей тысячами, такъ что иногда, по словамъ лѣтописца, одинъ Татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ сорокъ плѣнныхъ, связанныхъ на свору, какъ псовъ. Москва между тѣмъ твердо противостояла Эдигею подъ руководствомъ маститаго старца князя Владиміра Андреевича, укрѣпившаго стѣны и вооружившаго ихъ пушками и пищалями. то-есть тяжелыми ружьями.

22. „...,И повелѣша посады зажещи, и бысть мятежь великъ вопіющимъ и кричащимъ человѣкомъ, а пламень огненный гремяше и на въздухъ возхожаше“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Наконецъ, послѣ мѣсячной осады, Эдигей получилъ изъ Орды тревожныя вѣсти, что, пользуясь его отсутствіемъ, какой-то царевичъ хотѣлъ занять ханскую столицу. Тогда онъ, взявъ съ Москвы выкупъ въ 3.000 рублей, съ радостью ему уплоченный, поспѣшно сталъ отходить, захвативъ, впрочемъ, по дорогѣ Рязань. Достойно замѣчанія, что Эдигей поспѣшно ушелъ отъ стѣнъ Москвы 20 декабря, въ канунъ празднованія памяти Святого митрополита Петра. Въ жизни города Москвы не мало было случаевъ, гдѣ чудесная, таинственная помощь святителя Петра съ очевидностію подтверждала и укрѣпляла глубокую въ него вѣру Московскаго народа. Съ дороги Эдигей написалъ гнѣвное письмо Василію Димитріевичу, въ которомъ выговаривалъ ему его гордость и совѣтовалъ смириться. Но письмо это не подѣйствовало на Московскаго государя и онъ возобновилъ сношенія съ Ордою лишь въ 1412 году, когда отправился въ нее съ дарами привѣтствовать новаго хана, причемъ враждебныя дѣйствія съ Татарами, кромѣ обычныхъ разбойническихъ набѣговъ съ ихъ стороны, болѣе не возобновлялись до конца жизни великаго князя.



23. „...Онъ же (князь Иванъ Михайловичъ Тверской со своими пушками) иде съ ними вмалѣ, и паки не иде, но, отпустивъ ихъ, возвратися изъ Клина вспять, не хотяше измѣнити великому князю Василію Дмитріевичю, а Едигѣя бы не разгнѣвати“..

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Примирившись въ 1408 году на рѣкѣ Угрѣ съ Василіемъ Димитріевичемъ, Витовтъ сталъ дѣятельно готовиться вмѣстѣ съ Ягайлой, съ которымъ онъ тоже сблизился послѣ своего пораженія на Ворсклѣ,—противъ Нѣмецкихъ рыцарей, не перестававшихъ стремиться къ захвату пограничныхъ съ Орденомъ Литовскихъ земель, особенно же Жмудской, или Жемоитской волости, такъ какъ волость эта связывала владѣнія рыцарей

Нѣмецкаго ордена въ Пруссіи съ владѣніями Ливонскими въ одно цѣлое. Рыцари также усиленно готовились къ предстоящей борьбѣ и, 15 іюля 1410 года, противники сошлись другъ съ другомъ близъ деревни Домровно въ Пруссіи.

Здѣсь произошла знаменитая битва между Славянами и Нѣмцами на мѣстности, носившей названіе Зеленаго Поля (также Танненбергъ или Грюнвальдъ).

Въ составъ рыцарскаго воинства, численностью до 100 тысячъ человѣкъ, входили отряды, собранные со всѣхъ областей Германіи, а

24. Вооруженіе Польскихъ воиновъ въ началѣ XV вѣка.

Изъ рисунковъ къ неизданной за смертью автора книгѣ: „Исторія военнаго искусства" А. Пузыревскаго.

также изъ Венгріи, Швейцаріи, Голландіи, Франціи и даже Англіи. Всѣ эти отряды были превосходно вооружены и обучены ратному дѣлу, причемъ обладали и многочисленной, но мало подвижной для дѣйствій въ полѣ, артиллеріей.

У Ягайлы и Витовта было тоже не менѣе 100 тысячъ войска, изъ Русскихъ, Поляковъ, Литовцевъ, Чеховъ, Тохтамышевыхъ Татаръ, Моравовъ и Армянъ. Рать эта дѣлилась на 91 хоругвь (въ каждой до 300 человѣкъ конницы и около 800—1000 человѣкъ пѣхоты); при этомъ, изъ 51 Польской хоругви—семь состояло цѣликомъ изъ уроженцевъ Русскихъ областей, подпавшихъ подъ власть Польши, а именно хоругви Львовская, Перемышльская, Холмская, Галицкая и три Подольскихъ, а въ 40 Литовскихъ хоруг-

вяхъ только четыре было собственно Литовскихъ, остальные же тридцать шесть были также чисто Русскія, набранныя изъ уроженцевъ Русскихъ областей, подвластныхъ Литвѣ. Такимъ образомъ, Русскіе составляли большинство въ собранной Польско-Литовской рати. Не смотря, однако, на это, начальниками надъ всѣми чисто Русскими хоругвями были исключительно Польскіе и Литовскіе паны, и только тремя доблестными Смоленскими хоругвями, покрывшими себя, какъ увидимъ, въ этотъ день неувядаемой славой,—предводительствовалъ князь Юрій Лугвеніевичъ Мстиславскій, въ жилахъ котораго текла Русская кровь, такъ какъ отецъ его князь Лугвеній Ольгердовичъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Димитріевнѣ Московской, дочери Димитрія Донского.

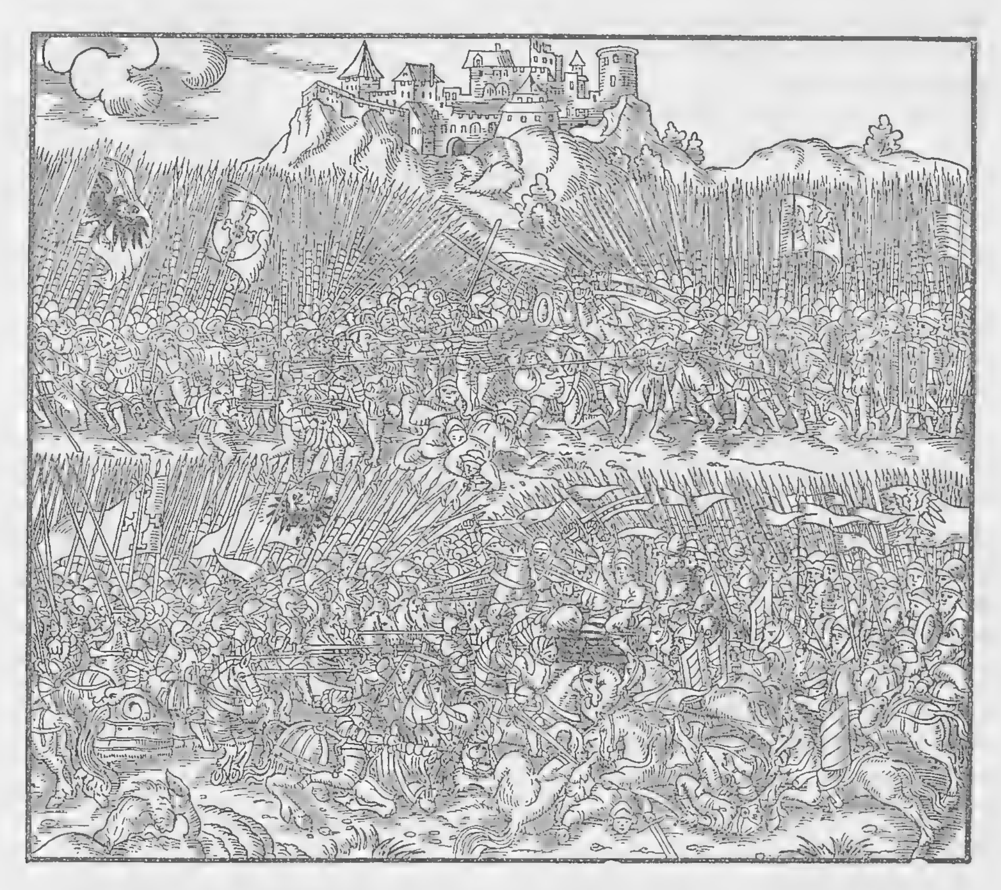
25. Вооруженіе Нѣмецкаго рыцаря въ началѣ XV вѣка.

Изъ тѣхъ же рисунковъ, что и рисунокъ 24.

У Ягайлы и Витовта были также взяты съ собою пушки, отличавшіяся такою же малой подвижностью, какъ и Нѣмецкія, но ихъ было значительно меньше. Польско-Литовская рать уступала Нѣмецкому воинству въ смыслѣ выучки, но зато значительно превосходила его въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ въ рыцарской средѣ давно уже были утрачены прежнія суровыя добродѣтели Нѣмецкаго Ордена и вмѣсто нихъ—теперь царило безбожіе, пьянство, обжорство, игра въ кости и развратъ.

Передъ столкновеніемъ, осторожный и нерѣшительный Ягайло—пытался покончить дѣло мирными переговорами, но надменный великій магистръ Нѣмецкаго Ордена Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ и передъ самой битвой послалъ съ цѣлью насмѣшки два меча Ягайлѣ и Витовту, причемъ принесшій ихъ держалъ имъ такое слово: «Пресвѣтлѣйшій король, великій магистръ Прусскій Ульрихъ прислалъ тебѣ два меча: одинъ тебѣ, другой брату твоему, въ помощь, чтобы ты не робѣлъ, но осмѣлился драться. Если тебѣ тѣсно, то великій магистръ уступитъ тебѣ мѣсто». Ягайло, воздѣвъ глаза къ небу, отвѣтилъ, что Богъ разсудитъ, кто правъ.

Битва началась стрѣльбой артиллеріи обѣихъ сторонъ, при чемъ пушкари дѣйствовали такъ неумѣло, что всѣ снаряды пошли вверхъ, не причинивъ никому вреда. Послѣ этого, пылкій Витовтъ двинулъ впередъ Татаръ на крестоносцевъ; Ягайло же расположился поодаль и все время молился, стоя съ воздѣтыми къ небу руками. Видя наступленіе Татаръ—рыцари, закованные въ желѣзо, стройно двинулись противъ нихъ и быстро ихъ опрокинули. Татары кинулись бѣжать; Витовтъ повелъ тогда въ бой



26. Изображеніе битвы на Зеленомъ Полѣ (подъ Грюнвальдомъ или Танненбергомъ).
Изъ рѣдкой Польской книги: „Хроника Польская—Марцина Бѣльскаго", изданія 1597 года.

Литву и Жмудь, но рыцари опрокинули и ихъ. Скоро все поле было усѣяно бѣгущими, которыхъ безпрестанно рубили Нѣмцы. Никакія просьбы Витовта остановиться, никакія угрозы, даже удары, не помогали.

Спасли честь Польско-Литовскихъ знаменъ—доблестныя Русскія войска. Три Смоленскія хоругви, со всѣхъ сторонъ окруженныя огромнымъ количествомъ рыцарскаго войска, долго и мужественно отбивались, при чемъ одна изъ нихъ была поголовно истреблена, но не сдалась. Двѣ же другія пробились съ большими потерями и вышли на выручку къ Польскимъ хо-

ругвямъ, которымъ приходилось плохо; Нѣмцы добирались къ королевскому знамени, выпавшему изъ рукъ знаменосца; въ это же время и самъ Ягайло былъ чуть не убитъ наскочившимъ на него смѣлымъ рыцаремъ. Своевременный выходъ доблестныхъ Смольнянъ на помощь Полякамъ, къ которымъ направились затѣмъ на поддержку и другія Русскія хоругви,—перемѣнилъ положеніе дѣлъ на полѣ сраженія.

27. Печать отца князя Юрія Лугвеньевича Мстиславскаго—князя Симеона-Лугвенія Ольгердовича.

Привѣшена къ грамотѣ 1385 г., хранящейся въ г. Краковѣ.

Скоро Славяне со всѣхъ сторонъ окружили крестоносцевъ и довершили ихъ пораженіе, радостно восклицая «Литва возвращается», при видѣ Витовта, ведшаго съ собой отрядъ своихъ бѣглецовъ. Великій магистръ Ульрихъ былъ раненъ два раза и, наконецъ, сбитъ съ коня ударомъ рогатины по шеѣ. Множество рыцарей падало на колѣни, моля о пощадѣ, но нѣкоторые сами убивали другъ друга, не желая попасть въ руки враговъ. Побѣда была самая полная. Взяты были всѣ 52 Нѣмецкихъ знамени, всѣ пушки и весь богатый обозъ. Убитыхъ крестоносцевъ было 18.000 человѣкъ; раненыхъ до 30.000; плѣнныхъ до 40.000; а разбѣжалось около 27.000. Такова была блистательная побѣда надъ Нѣмцами, одержанная соединенными силами Славянъ, дѣй-

28. Икона Преподобнаго Онуфрія съ изображеніемъ, по преданію, предстоящаго князя Юрія Лугвеньевича Мстиславскаго.

Икона хранится въ монастырѣ Святого Онуфрія.

29. Лѣвая нижняя часть иконы Св. Онуфрія съ предстоящимъ княземъ Юріемъ Лугвеньевичемъ Мстиславскимъ.

ствовавшихъ на Зеленомъ полѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ и взаимной поддержкой, при чемъ львиная доля славы выпала Русскимъ хоругвямъ, особенно же тремъ Смоленскимъ.

30. Князь Юрій Лугвеньевичъ Мстиславскій.

Изъ альбома Лушева.

«Битва на Зеленомъ полѣ была одна изъ тѣхъ битвъ»—говоритъ историкъ С. Соловьевъ,—«которыя рѣшаютъ судьбу народовъ: слава и сила Ордена погибли въ ней окончательно». Битва эта показала также всему міру, что могутъ сдѣлать соединенныя силы Славянскихъ народовъ. Прусскіе рыцари могли быть тогда совершенно уничтожены, и только чрезвычайная вялость Ягайлы послѣ сраженія дала возможность оправиться Ордену и продолжать еще свое существованіе въ теченіе нѣкотораго времени.

Ближайшимъ же слѣдствіемъ этой побѣды было усиленіе сближенія Польши съ Литвой, конечно за счетъ выгодъ Православнаго населенія послѣдней.

Въ 1413 году было созвано общее собраніе или сеймъ для Поляковъ и Литовцевъ въ Городлѣ, недалеко отъ Владиміра Волынскаго, гдѣ было выработано, такъ называемое, Городельское соединеніе или Унія, по которой Польша и Литва соединялись въ одно государство, съ тѣмъ однако, что Литва будетъ всегда имѣть своего особеннаго великаго князя и свое особенное управленіе; при этомъ, Литовское дворянство сравнивалось во всѣхъ своихъ правахъ съ дворянствомъ Польскимъ и получило также право присоединяться къ Польскимъ гербамъ*); вмѣстѣ съ тѣмъ, оно могло получать званія и должности подобно Польскимъ. Наконецъ, въ Литвѣ, по примѣру Польши, устанавливались сеймы, или общія собранія дворянъ, для рѣшенія государственныхъ дѣлъ. При этомъ, однако, всѣми означенными преимуществами или «привилле-

31. Печать гроссмейстера Нѣмецкаго (Тевтонскаго) ордена.

Хранится въ Королевскомъ Тайномъ Государственномъ Берлинскомъ Архивѣ.

*) Дворянскіе гербы перешли въ Польшу изъ Западной Европы; они означали какъ бы знамя извѣстнаго рода; всѣ принадлежавшіе къ одному гербу считались между собой родственниками и должны были оказывать другъ другу поддержку. При этомъ, за извѣстныя заслуги, лицамъ безроднымъ разрѣшалось приписываться къ одному изъ существующихъ гербовъ, послѣ чего они входили на равныхъ правахъ въ кругъ всѣхъ лицъ, ранѣе принадлежавшихъ къ этому гербу, хотя бы и носили другое наименованіе, или фамилію. Поэтому, разрѣшеніе Литовцамъ приписываться къ Польскимъ гербамъ—какъ бы роднило ихъ со всѣмъ Польскимъ дворянствомъ. На рисункѣ 34—изображенъ Польскій гербъ «Помянъ» съ частью принадлежащихъ ему родовъ.

ями» могли пользоваться только католики; Православные же или *схизматики* (еретики), какъ ихъ презрительно называло Латинское духовенство, никакихъ правъ не получали и никакихъ высшихъ должностей занимать не могли.

Побѣда на Зеленомъ полѣ очень подняла значенiе Витовта, поникшее послѣ пораженiя на Ворсклѣ. У Татаръ-же не прекращались взаимные

32. Битва на Зеленомъ Полѣ. „Того же лѣта бысть побоище королю Ягайлу Ольгирдовичю, нареченному Владиславу, и великому князю Литовьскому Витовту Кестутьевичю съ Нѣмцы, съ Прусы, въ земли ихъ въ Прусской, межи городовъ Дубравны и Острода; и убиша местера, и моршалка, и кумендера, и кундуры побиша и всю силу ихъ Нѣмецкую одолѣша, и грады ихъ Нѣмецкiа поимаша"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

33. „...Того же лѣта король Ягайло Полскiй и князь великiй Витовтъ Литовскiй ходиша опять ратью къ Марiину городу, и рать Нѣмецкую побиша, и з города взяша 300 тысящи пѣнезей златыхъ окупа, и миръ сотвориша и возратишася во свояси"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

раздоры и сила ихъ быстро падала; престарѣлый Эдигей, уступивъ, въ концѣ концовъ, Волжскую или Золотую Орду сыновьямъ Тохтамыша, властвовалъ самъ надъ ордами, занявшими Черноморское побережье. Онъ велъ еще нѣкоторое время борьбу съ Витовтомъ и въ 1411 году, подойдя къ Кiеву, ограбилъ его и разорилъ всѣ церкви, въ томъ числѣ и Печерскую Лавру. Но затѣмъ, онъ отправилъ къ Витовту посольство съ богатыми дарами и слѣдующимъ словомъ: «Князь знаменитый! Въ трудахъ и подвигахъ честолюбiя застигла насъ унылая старость: посвятимъ миру остатокъ жизни.

Кровь, пролитая нами въ битвахъ взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранныя, какими мы другъ друга огорчали, развѣяны вѣтрами; пламя войны очистило сердца наши отъ злобы. Вода угасила пламя». Они заключили миръ.

Большой сравнительно миръ и тишина наступили вслѣдъ за отступленіемъ Эдигея отъ Москвы и для Василія Димитріевича: отношенія его съ Ордой были почти все время мирныя. Рязань-же и Тверь, послѣ смерти знаменитыхъ соперниковъ Донского—Олега Рязанскаго и Михаила Тверского, не могли и думать о борьбѣ съ Москвою, и все болѣе и болѣе подчинялись ея вліянію, чему способствовали внутреннія усобицы, происходившія въ нихъ.

Koluckich Dom ná Kuiáwách dawny y zacny.

Tych Koluckich ſą Domy rozne / nie wßyſcy iedne go Herbu vzywáią.

Mikolay Koluc-ki mąż zacny / y gońcá wielki / 1578.

Andrzey Kolucki mąż zacny y porzadny.

Piotr Kolucki bráth ich rodzony.

Stániſław Kolucki cnothy dobrey / brácia rodzeni.

Cioſnowſcy Kąckowſcy z Kuiaw. Grábieńſcy / w Sier. Woiew.

N. Grábieńſki / Káſztellan Roſpierſki / 1458.

Járuntowie / Kielcʒewſcy Domy ſtárodawne y zacne.

Inʒych Domow w roʒnych Woiewodztwách wiele zacnych.

34. Польскій гербъ „Помянъ" съ частью приписанныхъ къ нему родовъ.

Изъ Польскаго гербовника Папроцкаго—„Гнѣздо Добродѣтелей", изданія 1550 года.

Великій Новгородъ и Псковъ также должны были держать княженіе Василія Димитріевича честно и грозно; Новгородъ, несмотря на постоян-

ную борьбу партій и желаніе уйти изъ подъ власти Москвы, хотя бы для этого пришлось передаться Литвѣ, долженъ былъ считаться съ волею Василія, боясь за свою богатую Двинскую Землю. Псковъ-же сталъ уже по-

35. Свиданіе Святого Кипріана съ Витовтомъ и Ягайлой. „...И снидошася въградѣ Милолюбѣ, ту же бѣ и преосвященный Кипріанъ митрополитъ, бывъ двѣ недѣли у нихъ въ великой чести и дариша его и бояръ его и слугъ его"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

стоянно принимать своихъ князей изъ рукъ великаго князя Московскаго, за что Василій Димитріевичъ оказывалъ ему свою неизмѣнную помощь въ борьбѣ съ Ливонскимъ Орденомъ, который участилъ свои нападенія на Псковскія владѣнія, именно въ то самое время, когда соединенная Славянская рать разгромила рыцарей Прусскаго Ордена на Зеленомъ полѣ. До-

*

блестные Псковичи, не встрѣчая въ этой борьбѣ никакой поддержки въ своемъ старшемъ братѣ—Новгородѣ, сами неоднократно смѣло вторгались въ Ливонскія владѣнія, и послѣ цѣлаго ряда опустошительныхъ походовъ, въ 1417 году, между ними и Нѣмцами былъ заключенъ миръ по старинѣ, при посредствѣ посла великаго князя Василія, причемъ въ мирномъ договорѣ Василій былъ называемъ рыцарями «королемъ Московскимъ и императоромъ Русскимъ».

36. Григорій Цамблакъ на Констанцкомъ соборѣ преклоняетъ колѣна передъ папою.

Съ современнаго рисунка. Изъ собранія Д. А. Ровинскаго.

Со Шведами въ княженіе Василія Димитріевича было лишь нѣсколько мелкихъ столкновеній, причемъ Новгородцы, въ 1411 году, ходили до Выборга и взяли его наружныя укрѣпленія, а изъ Двинской Земли, въ томъ же году, Русскіе молодцы совершили походъ на Норвежцевъ, на далекій сѣверъ — въ Лапландію.

При Василіи Димитріевичѣ произошло нѣсколько важныхъ событій и въ нашей церковной жизни. Митрополитъ Кипріанъ, за свою великую добродѣтель и праведность причтенный по смерти къ лику Святыхъ, имѣлъ подъ своею властію всѣ епархіи какъ въ Московской, такъ и Литовской Руси, причемъ, пользуясь большимъ расположеніемъ со стороны Василія Димитріевича, сумѣлъ снискать себѣ, въ то же время, и полное довѣріе Витовта и Ягайлы.

Преемникомъ Кипріана былъ ученый Грекъ Фотій, также праведной и святой жизни человѣкъ. Однако, Фотій не обладалъ всѣми дарованіями Кипріана; онъ не умѣлъ ладить съ Витовтомъ и никогда не ѣздилъ въ свои Литовскія епархіи. Хитрый Витовтъ, давно мечтавшій для своихъ Православныхъ подданныхъ объ митрополитѣ, независимомъ отъ Москвы, съ тѣмъ, чтобы послѣдній былъ всецѣло подъ его вліяніемъ, искусно воспользовался тѣмъ, что Фотій не посѣщаетъ Литовскихъ епархій и сталъ хлопотать у Царьградскаго патріарха—о поставленіи особаго Кіевскаго митрополита для Западной Руси, причемъ ходатайствовалъ за своего ставленника, Болгарина Григорія Цамблака; указывая на нерадѣніе Фотія и выставляя себя горячимъ ревнителемъ Православія, Витовтъ увѣрялъ, что хлопочетъ только для того, чтобы сторонніе люди не могли говорить: «Государь Витовтъ иной Вѣры; онъ не печется о Кіевской церкви».

Тѣмъ не менѣе, патріархъ не согласился на поставленіе Цамблака; тогда Витовтъ собралъ въ 1415 году подвластныхъ себѣ Православныхъ епископовъ въ Новогрудекъ и заставилъ ихъ поставить Цамблака Кіевскимъ митрополитомъ; такъ, этимъ самовластнымъ поставленіемъ Цамблака, раздѣлилась на двое бывшая до сихъ поръ единая Русская митрополія, издревле объединявшая своимъ благотворнымъ вліяніемъ всѣхъ Православныхъ обитателей Русской Земли.

Конечно, слѣдствія этого раздѣленія не замедлили сказаться. Витовтъ тотчасъ-же послалъ Цамблака съ Литовскими панами въ Швейцарію на происходившій тамъ, подъ предсѣдательствомъ папы, извѣстный Констанцкій соборъ, чтобы хлопотать объ уніи или присоединеніи Греческой вѣры къ Латинской, но Цамблакъ прибылъ, когда уже соборъ кончался, и успѣха въ своемъ посольствѣ не имѣлъ.

37. Валаамскій монастырь.—Скитъ Святого Николая.

Въ 1419 году, послѣ смерти Цамблака, Витовтъ помирился съ Фотіемъ и опять подчинилъ ему свои епархіи, но примѣръ раздѣленія митрополіи оставилъ по себѣ сильный слѣдъ и, какъ увидимъ, повелъ впослѣдствіи къ окончательному ея распаденію на восточную—или Московскую, и западную—или Кіевскую.

Что касается сѣверо-восточной Руси, то тамъ дѣло святого Сергія Радонежскаго и его учениковъ усердно продолжали многіе святые подвижники, проповѣдуя Православную вѣру и насаждая иноческое житіе, особенно на востокѣ и на сѣверѣ нашего отечества.

Къ концу XIV вѣка, Корелы, обитатели береговъ Ладожскаго озера, исповѣдывали уже Православную вѣру, благодаря трудамъ преподобныхъ Сергія и Германа, первоначальныхъ основателей Валаамской обители. Спустя нѣкоторое время, преподобный Арсеній положилъ начало монастырю на островѣ Коневцѣ. Дикая Чудь въ странѣ Каргопольской имѣла своимъ благовѣстникомъ преподобнаго Кирилла Челмгорскаго, а обитатели

крайняго сѣвера—Лопари и Мурманская Чудь слышали Евангельскую проповѣдь отъ великаго подвижника и чудотворца—аввы Лазаря.

Въ концѣ XIV вѣка жили въ Новгородѣ, раздираемомъ постоянными усобицами, двое угодниковъ Божіихъ, подвизавшіеся въ юродствѣ—блаженные Ѳеодоръ и Николай Кочановъ. Соблюдая строго постъ и чистоту, не имѣя нигдѣ постояннаго житья, они бѣгали босые и полунагіе въ жестокіе морозы по улицамъ, терпѣливо снося поношенія, а иногда и побои. Блаженный Николай юродствовалъ всегда на Софійской сторонѣ, а Ѳеодоръ на Торговой. Оба они вполнѣ понимали другъ друга, но показывали видъ непримиримой вражды, обличая тѣмъ постоянную распрю двухъ сторонъ великаго города.

38. Часовня на Конь-камнѣ въ Коневецкомъ монастырѣ.

Ревностно занимаясь государственными дѣлами, великій князь Василій Димитріевичъ заботливо относился также къ возведенію новыхъ церквей въ своей столицѣ и къ украшенію уже существующихъ. Онъ построилъ въ кремлѣ церковь Благовѣщенія, гдѣ стали совершаться крестины и бракосочетанія членовъ великокняжеской семьи. Сюда же онъ перенесъ найденную задѣланной въ стѣнѣ Суздальскаго собора святыню: «Страсти Господни», именно—часть крови Спасителя, камень отъ гроба Его и терновый вѣнецъ.

Расцвѣло при Василіи Димитріевичѣ и Русское иконописное искусство, заведенное въ Москвѣ собственной рукой Святого Петра митрополита. Лучшіе образа знаменитаго иконописца Троицкой Лавры—Андрея Рублева, написаны имъ именно во время великаго княженія Василія, при чемъ Рублевъ, въ 1405 году, расписалъ своими дивными иконами новопостроенный Благовѣщенскій соборъ.

За храмомъ Благовѣщенія, на башнѣ великокняжескаго дворца, Василій Димитріевичъ устроилъ, въ 1404 году, первые въ Россіи часы съ боемъ, которые за 150 рублей (около 30 фунта серебра), поставилъ пришедшій съ Аѳона Сербинъ Лазарь. На часахъ былъ сдѣланъ искусственный человѣкъ, выбивавшій молоткомъ каждый часъ. Лѣтописецъ такъ говоритъ объ этихъ часахъ: «Сей же часникъ наречется часомѣрье: на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитая часы нощные и денные, не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростью, преизмечтанно и преухищренно».

Во времена Василія стали развиваться въ Москвѣ также ремесла литейное и чеканное, и искусство дѣлать украшенія изъ дорогихъ металловъ, камней и жемчуга. Особенно славился въ послѣднемъ искусствѣ самъ

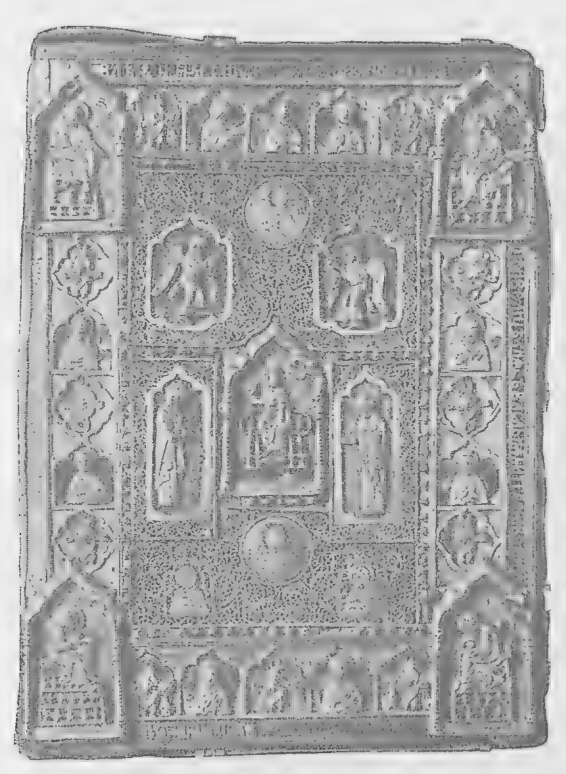
великій князь; въ своемъ завѣщаніи онъ упоминаетъ о золотомъ поясѣ съ кошелькомъ, лично имъ скованномъ. До насъ дошло чрезвычайно любопытное современное изображеніе великаго князя Василія Димитріевича съ супругой;—оно вышито шелками на саккосѣ митрополита Фотія, хранящагося въ Московской Патріаршей ризницѣ.

39. Андрей Рублевъ, сидя на помостѣ, пишетъ образъ Святого Спаса.
Изъ рукописнаго Житія XVI вѣка Преподобнаго Сергія Радонежскаго Троицко-Сергіевской Лавры.

Рядомъ съ этимъ изображеніемъ вышитъ также шелкомъ Греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга императрица Анна, дочь Василія Дмитріевича и Софіи Витовтовны, выданная замужъ въ 1414 году за царя Іоанна, отцу котораго, задолго до этого брака, Московскій великій князь широко приходилъ на помощь деньгами въ его борьбѣ съ Турками.

Василій Дмитріевичъ скончался 27 февраля 1425 года среди общаго унынія и слезъ, во время страшнаго мора, свирѣпствовавшаго по всей Русской Землѣ.

Слѣдуя въ теченіе своего тридцатишестилѣтняго великаго княженія высокимъ завѣтамъ предковъ—собирать Русскую Землю, онъ, какъ мы видѣли, достигъ весьма многаго; а именно: примыслилъ княжество Нижегородское и другія богатыя волости на берегахъ Оки и Волги, подчинилъ своему вліянію Тверь, Рязань, и Псковъ, заставилъ Новгородцевъ держать свое великое княженіе честно и грозно, остановилъ дальнѣйшія стремленія Литвы къ овладѣнію Русскими Землями къ востоку отъ Смоленска и, когда было необходимо, брался за оружіе противъ Татаръ.



40. Драгоцѣнный окладъ на Евангеліи великаго князя Василія Димитріевича (можетъ быть частью и его собственной работы), принесенномъ имъ въ даръ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

Хранится въ ризницѣ лавры.

Но отецъ Василія, незабвенный герой Куликовской битвы, завѣщалъ и новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ старшему сыну, порядокъ, столь необходимый для возрожденія могущества нашей Родины. Слѣдуя этому новому порядку, Василій Димитріевичъ также завѣщалъ столы Московскій и Владимірскій сыну своему Василію Второму, оставшемуся послѣ смерти отца десятилѣтнимъ мальчикомъ.

Конечно, уже ни Тверской, ни Рязанскій князья не могли и думать оспаривать старшій великокняжескій столъ у юнаго Московскаго князя. Но за то, тотчасъ же послѣ смерти Василія Димитріевича, вспыхнула смута въ средѣ самихъ Московскихъ князей; она была первой и послѣдней въ потомствѣ Іоанна Калиты, но ознаменовалась жестокой борьбой и кровопролитіемъ.

Дѣло заключалось въ томъ, что у Василія Дмитріевича оставались братья, изъ которыхъ старшій—Юрій Димитріевичъ Звенигородскій, по всѣмъ обычаямъ старины, имѣлъ неоспоримое право на великокняжескій престолъ, а потому не хотѣлъ согласиться на передачу его своему десяти-

лѣтнему племяннику, отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ признавать, что согласно волѣ отца его—Димитрія Донского, въ Московскомъ княжествѣ долженъ былъ утвердиться новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну. При этомъ, Юрій ссылался на духовную Донского, въ которой послѣдній, завѣщая великое княженіе своему юному сыну Василію Димитріевичу, еще неуспѣвшему вступить въ бракъ, писалъ: «а отниметъ Богъ сына моего старѣйшаго Василья, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему столъ Васильевъ, великое княженіе». Ясно, что Димитрій Іоанновичъ Донской писалъ то на тотъ случай, если Василій Димитріевичъ умретъ бездѣтнымъ; но Юрій криво толковалъ въ свою пользу это завѣщаніе, и когда умеръ старшій братъ, не хотѣлъ признавать его сына—малолѣтняго Василія Васильевича, преемникомъ на великомъ княженіи Московскомъ.

41. Великій князь Василій Димитріевичъ.

По Титулярнику.

Въ ту же ночь какъ умеръ Василій, митрополитъ Фотій послалъ за Юріемъ звать его въ Москву, присягать новому великому князю. Юрій отказался; однако, боясь принужденія, онъ не хотѣлъ даже оставаться по близости отъ Москвы и бѣжалъ въ отдаленный Галичъ, гдѣ сталъ собирать войска. Но Московскіе бояре, посадивъ на коня своего маленькаго великаго князя, сейчасъ же пошли на Юрія; тогда послѣдній, видя, что сочувствіе Земли не на его сторонѣ, запросилъ перемирія на годъ. По совѣту матери Василія Васильевича, дядей, и даже дѣда—Витовта Литовскаго, митрополитъ Фотій отправился въ Галичъ уговаривать Юрія къ вѣчному миру. Но несмотря на всѣ усилія митрополита, Юрій не соглашался на вѣчный миръ, и Фотій, разгнѣвавшись, выѣхалъ обратно въ Москву. Между тѣмъ, тотчасъ же послѣ его отъѣзда, въ Галичѣ открылся

сильный моръ. Тогда Юрій испугался; онъ вернулъ митрополита, послѣ чего моръ сразу же стихъ, и послалъ двухъ своихъ бояръ для переговоровъ въ Москву, гдѣ они и заключили миръ на томъ условіи, что вопросъ, быть ли дядѣ или племяннику великимъ княземъ, долженъ рѣшить ханъ Золотой Орды, для чего оба они отправятся къ нему.

42. Саккосъ митрополита Фотія.
Хранится въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ.

Поѣздка эта, по разнымъ причинамъ, состоялась только въ 1432 году, то есть черезъ семь лѣтъ, по смерти святителя Фотія, которая развязала руки всѣмъ враждамъ и крамоламъ, сдерживаемымъ при его жизни.

Въ Ордѣ, ловкимъ и краснорѣчивымъ защитникомъ правъ Василія явился хитрый и изворотливый Московскій бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій. На ханскомъ судѣ Юрій доказывалъ свои права на основаніи старыхъ порядковъ и приводилъ въ свидѣтельство лѣтописи и криво толкуемое имъ завѣщаніе Донского. Бояринъ же Всеволожскій обо-

шелъ хана, польстивъ ему, что Юрій ищетъ великаго княженія и доказываетъ на него свои права, а Московскій князь Василій всецѣло уповаетъ на ханскую милость, благодаря которой княжилъ его отецъ и онъ самъ княжитъ уже семь лѣтъ. Эта лесть подѣйствовала: ханъ далъ ярлыкъ Василію и даже хотѣлъ, чтобы дядя Юрій въ знакъ подчиненія велъ бы коня подъ племянникомъ; но Василій не желалъ напрасно унижать дядю и отказался отъ этого; боярину же Всеволожскому за оказанную услугу, онъ обѣщалъ жениться на его дочери.

43. Великая княгиня Софія Витовтовна срываетъ поясъ съ Василія Косого на свадьбѣ своего сына.
Картина художника Чистякова. Хранится въ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ.

Однако, по возвращеніи въ Москву, великій князь, по настоянію своей матери Софіи Витовтовны, которая никакъ не соглашалась на этотъ бракъ, женился на другой, а именно на внучкѣ Владиміра Андреевича Храбраго—на княжнѣ Маріи Ярославнѣ; тогда бояринъ Всеволожскій, до глубины души оскорбленный этимъ, отъѣхалъ къ Юрію въ Галичъ. Вскорѣ затѣмъ, на свадьбѣ великаго князя, Софія Витовтовна нанесла сильнѣйшую обиду и дѣтямъ Юрія — Василію Косому и Димитрію Шемякѣ, снявши при всѣхъ съ перваго изъ нихъ золотой поясъ; объ этомъ поясѣ одинъ изъ старыхъ бояръ разсказалъ ей, что онъ былъ уворованъ еще у дѣда великаго князя, у Димитрія Донского и, перейдя черезъ нѣсколько рукъ, попалъ къ Василію Косому. Эта боярская сплетня и нане-

сенная Косому обида страшно возбудила Юрія и его сыновей противъ Василія, и дала поводъ къ новой, неслыханной и жестокой усобицѣ, которая тотчасъ-же поднялась.

Скоро Василій Московскій былъ на голову разбитъ дядей и захваченъ имъ въ плѣнъ (въ апрѣлѣ 1433 года), послѣ чего Юрій въѣхалъ въ Москву побѣдителемъ, отпустивъ, по совѣту своего стараго боярина Морозова, Василія съ почетомъ и давши ему въ удѣлъ Коломну.

Но едва Василій пріѣхалъ въ Коломну, какъ къ нему со всѣхъ сторонъ стали стекаться князья, бояре, воеводы и слуги, отказываясь отъ службы Юрію. Этимъ, конечно, все населеніе ясно показывало, къ чему клонятся его стремленія и привязанности, и насколько имъ всѣмъ дорогъ законный государь, хотя временно и попавшій въ бѣду. Юрій же увидѣлъ себя въ Москвѣ оставленнымъ почти всѣми; тогда, его два старшихъ сына— Василій Косой и Димитрій Шемяка, люди коварные и жестокіе, съ душою злодѣевъ, а не князей, убили въ сердцахъ боярина Морозова, уговорившаго отца выпустить Василія; затѣмъ, опасаясь отцовскаго гнѣва, они бѣжали изъ Москвы; Юрій же послалъ звать Василія обратно пріѣхать на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичъ, сопровождаемый только шестью человѣками. Въѣздъ Василія въ Москву представлялъ необыкновенно трогательное зрѣлище: вся дорога изъ Коломны до Москвы превратилась какъ бы въ сплошную улицу многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь вслѣдъ за Василіемъ, «какъ пчелы за маткой».

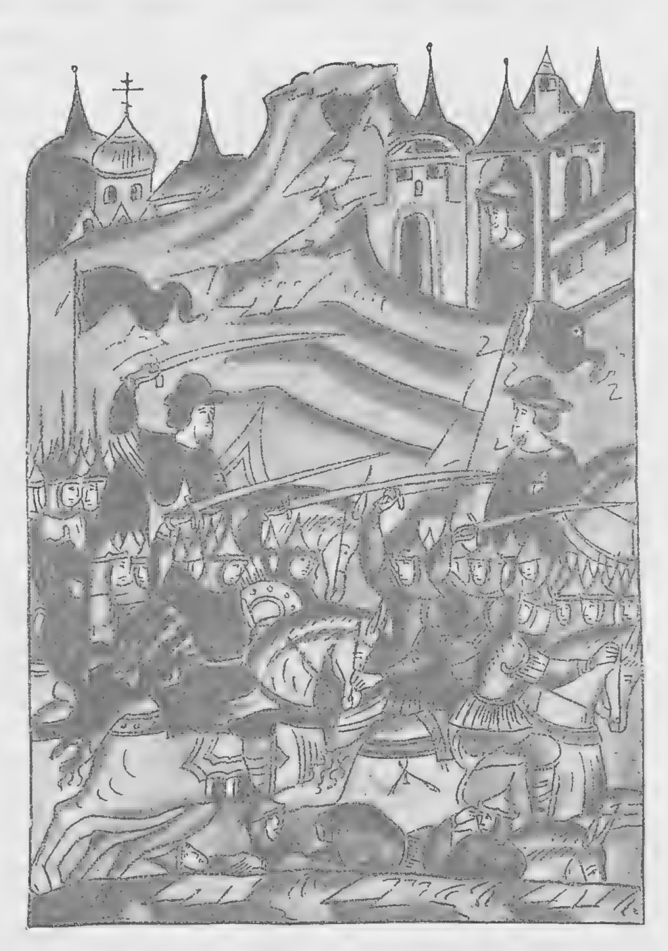
Затѣмъ, Юрій заключилъ съ Василіемъ договоръ, по которому признавалъ его старшимъ братомъ и отказывался за себя и за своего младшаго сына, кроткаго Димитрія Краснаго,—принимать Косого и Шемяку.

Скоро, однако, договоръ этотъ былъ нарушенъ Юріемъ же. Онъ простилъ своихъ старшихъ сыновей, какъ только они успѣли разбить Московское войско близъ Костромы, и вмѣстѣ съ ними двинулся съ большою силою на великаго князя Василія; послѣдній встрѣтилъ ихъ въ Ростовской области и опять потерпѣлъ сильнѣйшее пораженіе. Тогда Юрій снова занялъ Москву. Василій же Васильевичъ вынужденъ былъ уйти сперва въ Новгородъ, а потомъ и въ Нижній, откуда хотѣлъ отправиться даже въ Орду, но узналъ о смерти въ Москвѣ дяди Юрія. Смерть эта была совершенно неожиданна, и, конечно, всѣхъ чрезвычайно смутила.

Пользуясь этимъ смущеніемъ, старшій сынъ Юрія—Василій Косой поспѣшилъ самъ, уже безо всякихъ правъ, сѣсть на освободившійся за смертью отца Московскій великокняжескій столъ. Однако, этого не захотѣли его родные братья—Димитрій Шемяка и Димитрій Красный, и сами призвали Василія Васильевича занять Москву, получивъ за это отъ него богатые удѣлы; изгнанному же ими изъ столицы Василію Косому не оставалось ничего другого, какъ прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, что онъ и поспѣшилъ сдѣлать.

Успѣвъ собрать войско въ Костромѣ, Косой встрѣтился въ 1435 году съ великимъ княземъ Василіемъ въ Ярославской волости, гдѣ былъ разбитъ на

голову; тогда онъ запросилъ мира, на что великій князь согласился, причемъ далъ Косому въ удѣлъ городъ Дмитровъ; проживъ спокойно только одинъ мѣсяцъ въ Дмитровѣ, Косой опять началъ усобицу; при этомъ, не будучи въ состояніи овладѣть великокняжеской крѣпостью Гледеномъ въ Устюжской волости, онъ взялъ ее обманомъ, и безсовѣстнымъ образомъ убилъ Московскаго воеводу князя Оболенскаго, а также перевѣшалъ многихъ Устюжанъ. Затѣмъ Косой встрѣтился съ великимъ княземъ Василіемъ въ Ростовской области и хотѣлъ захватить его тоже обманомъ, заключивши перемиріе. Но Василій Васильевичъ во-время спохватился, причемъ Косой самъ былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе о разбойномъ захватѣ сторонниками Косого—Вятчанами—воеводъ великаго князя. Тогда, безъ сомнѣнія, по приговору Московскихъ бояръ, рѣшено было наказать Косого такъ, чтобы онъ не могъ больше вредить, и его ослѣпили. Рѣшившись на эту мѣру, обычную въ Греціи, но совершенно не въ духѣ Русскихъ людей, совѣтники великаго князя понимали, конечно, какой грѣхъ они берутъ на свою душу; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они также отлично понимали, что за человѣкъ былъ Косой и что если онъ случайно одержитъ верхъ, то не помилуетъ Василія Васильевича, а вмѣстѣ съ тѣмъ погубитъ и все дѣло Московскихъ князей, вновь предавъ Русскую Землю всѣмъ ужасамъ безначалія и крамолы, и поставитъ ее на край гибели.



44. „... И бысть бой межи ихъ. И поможе Богъ великому князю Василію Васильевичю, а князь Василей Юрьевичъ Косой убѣжа"...

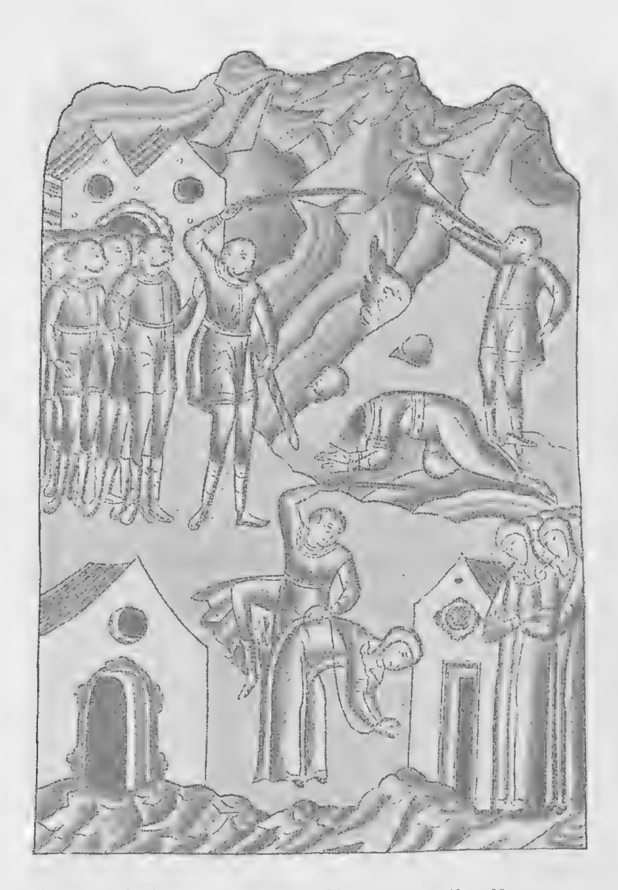
Изъ Царственнаго лѣтописца.

По ослѣпленіи Косого, Московская между-княжеская усобица прекратилась, такъ какъ Димитрій Шемяка былъ въ союзѣ съ великимъ княземъ

и держалъ себя осторожно, выжидая, однако, въ глубинѣ души, удобнаго случая, чтобы подняться на него.

Этотъ удобный случай доставили черезъ нѣсколько лѣтъ Татары.

Золотая Орда, теряя все больше и больше свою силу отъ внутреннихъ усобицъ, продолжала, тѣмъ не менѣе, приносить не мало бѣдъ Русской Землѣ. Безпокойные Татарскіе царевичи постоянно появлялись въ нашихъ пограничныхъ областяхъ и рѣдкій годъ не отмѣченъ въ лѣтописи ихъ хищными набѣгами. Съ цѣлью противодѣйствовать этимъ набѣгамъ, Василій Васильевичъ искусно пользовался раздорами между Татарскими князьками и, по примѣру отца Владиміра Мономаха—Всеволода, старался наиболѣе изъ нихъ намъ преданныхъ селить въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ они служили въ видѣ первой охраны при набѣгахъ другихъ враждебныхъ намъ Татаръ. Одному изъ такихъ служилыхъ царевичей, Касиму, былъ пожалованъ Мещерскій городокъ на лѣвомъ берегу Оки; онъ далъ начало подвластному намъ Касимовскому ханству, которое впослѣдствіи сослужило намъ не малую службу.



45. Избіеніе Казанскими Татарами Улу-Магомета, Русскихъ мужей и инокинь при Василіи Темномъ.
Изъ „Казанскаго лѣтописца", рукописи, хранящейся въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ.

Самымъ безпокойнымъ изъ враждебныхъ намъ Татарскихъ царевичей, въ эти времена, былъ Улу-Магометъ. Онъ засѣлъ въ Казани, опустошенной въ 1392 году Новгородцами за разгромъ Татарами Вятки, укрѣпилъ и заселилъ ее, и тѣмъ положилъ прочное начало новому разбойничьему гнѣзду—Казанскому царству, откуда, уже въ 1439 году, Улу-Магометъ нечаянно явился подъ Москвой, стоялъ подъ ней десять дней и, погубивъ множество народа, безнаказанно ушелъ назадъ, такъ какъ Василій Васильевичъ не успѣлъ собрать войска.

Другимъ постояннымъ врагомъ Русскихъ былъ—Татарскій султанъ Мустафа. Зимой 1444 года, Василій Васильевичъ выслалъ противъ послѣд-

няго—князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтяева, и наши войска, совершивъ походъ на лыжахъ, на голову разбили Татаръ, при чемъ Мустафа былъ убитъ. Самъ же великій князь, въ ту-же зиму, изгналъ Улу-Магомета изъ Нижняго Новгорода и уничтожилъ нѣсколько изъ его отрядовъ.

За это, въ 1445 году, Улу-Магомету удалось жестоко отплатить Василію Васильевичу. Онъ неожиданно напалъ на великаго князя на рѣкѣ Нерли, гдѣ тотъ стоялъ всего съ полутора тысячами человѣкъ.

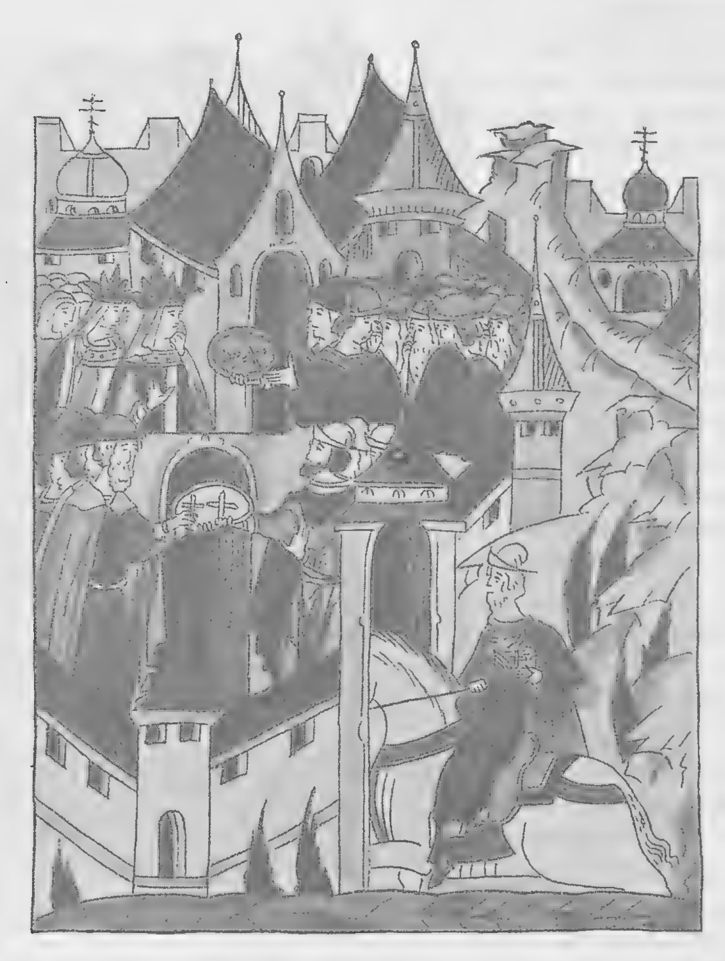
46. ...„Услышавъ же на Москвѣ сіа князь великій Василей Васильевичь и посла противу его князя Василія Оболенскаго и Андрѣа Ѳедоровичя Голтяева, да дворъ свой съ ними, да мордву на ртахъ, понеже зима бѣ люта и снѣжна, а Татарове конми обмерли, и отъ мраза и студени великіа померзли, и бысть въ нихъ скорбь многа“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Василій Васильевичъ смѣло двинулся во главѣ своей маленькой рати на враговъ, и, сражаясь впереди всѣхъ, по древнему обычаю предковъ, обратилъ Татаръ въ бѣгство, но затѣмъ они оправились, собрались опять и задавили совершенно Русскихъ своими огромными силами. Великій князь дрался какъ левъ; ему прострѣлили руку и отрубили нѣсколько пальцевъ; тринадцать ранъ зіяло на головѣ; плечи и грудь были синіе отъ ударовъ, бѣшенно сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ; наконецъ, онъ изнемогъ и былъ захваченъ Татарами въ плѣнъ. Они сняли съ него натѣльные кресты и въ знакъ своей побѣды отправили ихъ въ Москву къ супругѣ и матери Василія.

Вся столица затрепетала отъ этой неожиданности. Жители окрестныхъ селеній и посадовъ въ ужасѣ сбѣгались въ нее, ожидая ежечасно нашествія

Татаръ, и огромное ихъ количество столпилось въ кремлѣ. Скоро новое бѣдствіе постигло Москву—ночью вспыхнулъ жестокій пожаръ. Въ кремлѣ не осталось ни одного деревяннаго зданія; стѣны многихъ каменныхъ церквей упали; сгорѣло около 3.000 человѣкъ и множество всякаго имѣнія.



47. А царевичи... снемъше съ великого князя кресты его тѣлники, и послаша на Москву къ матери его великой княгинѣ Совіи и его великой княгинѣ Маріи съ Татариномъ Ачисаномъ. И якоже пріиде той на Москву, и бысть плачъ великъ и рыданіе много не токмо великимъ княгинямъ, но и всему христіаньству"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

При этихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ,—Шемяка, конечно, торжествовалъ. Онъ поспѣшилъ предложить Улу-Магомету заключить съ нимъ условіе—держать Василія Васильевича въ вѣчномъ заточеніи у Татаръ, а самому сѣсть великимъ княземъ въ Москвѣ, подъ рукою Казанскаго царя. Однако, Улу-Магометъ предпочелъ выпустить Василія Московскаго

изъ плѣна, удовольствовавшись значительнымъ выкупомъ (повидимому, 25.000 рублей).

Въ тотъ самый день, когда Улу-Магометъ отпускалъ отъ себя Василія, 1 октября 1445 года, въ Москвѣ произошло весьма сильное землетрясеніе, необычное для сѣверныхъ странъ:—колебался кремль и посады, дома и церкви. Всѣ считали это предзнаменованіемъ какихъ-либо ужасныхъ событій; поэтому, когда пришла вѣсть, что великій князь отпущенъ изъ плѣна, то жителей Москвы охватила необычайная радость и онъ былъ встрѣченъ ими еще радушнѣе и торжественнѣе, чѣмъ при возвращеніи своемъ изъ Коломны.

Однако Шемяка продолжалъ свои козни. Онъ вступилъ въ тайную связь съ князьями Иваномъ Можайскимъ и Борисомъ Тверскимъ, а также съ нѣкоторыми Московскими измѣнниками, во главѣ которыхъ стоялъ бояринъ Старковъ, и усердно распускалъ слухъ, что Василій выпущенъ изъ плѣна на условіи, что Улу-Магометъ самъ сядетъ на царство въ Москвѣ и на всѣхъ городахъ, а Василію въ удѣлъ отдана будетъ Тверь. Этой выдумкой Шемяка хотѣлъ увѣрить всѣхъ остальныхъ владѣтельныхъ князей, что они лишатся своихъ отчинъ, а потому и должны подняться на Василія Московскаго.

Между тѣмъ послѣдній, ничего не вѣдая объ этомъ заговорѣ, отправился на богомолье въ Троицко-Сергіевскую обитель, въ началѣ февраля 1446 года. Пользуясь его отсутствіемъ изъ Москвы, ночью на 12 февраля, Шемяка неожиданно овладѣлъ стольнымъ городомъ, причемъ захватилъ мать и жену Василія Васильевича, оковалъ вѣрныхъ ему бояръ, ограбилъ казну, и въ ту же ночь послалъ князя Можайскаго съ большою толпою людей къ Троицко-Сергіевскому монастырю, чтобы плѣнить и великаго князя.

Василій стоялъ у обѣдни, когда его приближенные сообщили, что Шемяка и Можайскій князь идутъ на него съ ратью. Онъ не повѣрилъ, и съ негодованіемъ заявилъ, что это гнусная клевета на Шемяку. Но ему скоро пришлось воочію убѣдиться въ печальной новости, при видѣ скачущихъ къ монастырю во всю прыть непріятелей. Василій кинулся къ конюшнѣ, но здѣсь не было ни одной осѣдланной лошади, а всѣ люди его оторопѣли отъ страха. Тогда онъ заперся въ Троицкой церкви. Къ ней не замедлили подскакать его враги и, не смотря на то, что великій князь встрѣтилъ ихъ съ иконой съ гроба преподобнаго Сергія и съ горячей молитвой на устахъ, они грубо взяли его за плечи, связали и, посадивъ въ сани, повезли въ Москву.

Злодѣи перехватали также великокняжескихъ бояръ, но о двухъ малыхъ сыновьяхъ Василія—Иванѣ и Юріѣ, они, впопыхахъ, забыли. Эти двое дѣтей убѣжали слѣдующей ночью съ вѣрнымъ слугою къ князю Ивану Ряполовскому въ его село, откуда онъ, взявши всѣхъ людей и своихъ братьевъ Семена и Димитрія, ушелъ въ Муромъ, гдѣ заперся.

Между тѣмъ, плѣннаго великаго князя ослѣпили въ Москвѣ и сослали въ Угличъ съ женою; мать-же—Софію Витовтовну отослали въ Чухлому.

Братъ жены великаго князя—князь Василій Ярославовичъ Серпуховскій вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Оболенскимъ бѣжали въ Литву, гдѣ ихъ приняли съ честью и дали богатыя волости для кормленья. Часть бояръ Василія убѣжала въ Тверь, другая-же присягнула Шемякѣ, но одинъ изъ нихъ, доблестный Ѳеодоръ Басенокъ, смѣло объявилъ, что не бу-

48. Святитель Іона беретъ на епитрахиль дѣтей великаго князя Василія Васильевича. „...Владыка же Іона... вшедъ въ церковь, начатъ молебенъ Пречистой, и совершивъ молебная, взятъ ис пелены у Пречистыа на свой петрахиль и поиде съ ними ко князю Дмитрію въ Переславль"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

детъ служить варвару и хищнику, вокняжившемуся въ Москвѣ. Шемяка велѣлъ его заковать въ желѣзо, но Басенокъ сумѣлъ бѣжать въ Литву и соединиться съ Василіемъ Ярославовичемъ Серпуховскимъ и Семеномъ Оболенскимъ.

Скоро Шемяка долженъ былъ убѣдиться, что все благомыслящее населеніе противъ него; опасаясь всеобщаго негодованія, онъ не дерзнулъ

послать войскъ противъ шестилѣтняго сына Василія—Іоанна и его младшаго брата Юрія, находившихся въ Муромѣ съ Ряполовскими, а хотѣлъ заманить ихъ въ свои руки путемъ коварства. Для этого онъ призвалъ всѣми уважаемаго Рязанскаго епископа Іону и сказалъ ему: «Поѣзжай въ Муромъ, свою епископію, и возьми на свою епитрахиль дѣтей великаго князя Василія, а я съ радостью ихъ пожалую, отца выпущу и вотчину дамъ достаточную». Владыка повѣрилъ этому и отправился въ Муромъ. Здѣсь князья Ряполовскіе, послѣ краткой думы, рѣшили исполнить волю Шемяки, такъ какъ они опасались, что иначе онъ возьметъ городъ

49. Обрученіе малолѣтнихъ—князя Іоанна Васильевича Московскаго съ княжною Маріей Борисовной Тверской.

Рисунокъ художника Лебедева.

приступомъ. Тогда Іона пошелъ въ церковь, отслужилъ молебенъ Богородицѣ, взялъ дѣтей съ пелены на свою епитрахиль и привезъ ихъ Шемякѣ. Но Шемяка его обманулъ. Онъ ласково принялъ малютокъ, угостилъ ихъ обѣдомъ, а затѣмъ отправилъ въ Угличъ въ заточеніе вмѣстѣ съ отцемъ.

Однако, у Василія Васильевича осталось, несмотря на свое ослѣпленіе и заточеніе, много вѣрныхъ и преданныхъ слугъ; во главѣ съ доблестнымъ Ряполовскимъ и княземъ Иваномъ Стригою-Оболенскимъ, они составили заговоръ, въ которомъ участвовало много дѣтей боярскихъ, причемъ сговорились сойтись въ Угличѣ въ Петровъ день, чтобы освободить своего природнаго государя. Хотя освобожденіе это не удалось, такъ какъ Шемяка

заблаговременно провѣдалъ про ихъ замыслы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній испугался этого всеобщаго движенія въ пользу заточеннаго имъ Василія и сталъ думать, что ему дѣлать съ нимъ дальше.

Громче всѣхъ противъ Шемяки говорилъ Іона, исполнявшій въ это время обязанности митрополита. Онъ прямо укорялъ Шемяку въ коварствѣ и лжи и настойчиво требовалъ освобожденія Василія.

Наконецъ, видя, что весь народъ, на сторонѣ несчастнаго слѣпца, заточеннаго въ Угличѣ, Шемяка рѣшилъ въ 1446 году съ нимъ примириться, и посадилъ Василія съ семьей на удѣлъ въ Вологду, что, конечно, было тоже родомъ заточенія, взявши съ него клятвенную запись, или такъ называвшуюся тогда «проклятую грамоту», не искать великаго княженія. Но какъ только Василій прибылъ въ Вологду—тотчасъ же его приверженцы кинулись къ нему со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ онъ поѣхалъ помолиться въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь. Игуменъ этого монастыря, Трифонъ, отъ своего имени и всѣхъ старцевъ, прямо объявилъ Василію, что долгъ его, завѣщанный предками и Святымъ чудотворцемъ Петромъ, идти искать великаго княженія Московскаго для пользы Русской Земли; что же касается до «проклятой грамоты», данной Шемякѣ, то она, будучи вынужденной,—не есть законная; при этомъ онъ добавилъ: «да будетъ грѣхъ клятвопреступленія на мнѣ и на моей братіи! Иди съ Богомъ и правдою на свою отчину; а мы, Государь, за тебя будемъ молить Бога».

Успокоенный на счетъ «проклятой грамоты», и усиленный ежедневно прибывавшимъ къ нему множествомъ людей, Василій двинулся изъ Вологды къ Твери, гдѣ князь Борисъ Александровичъ обѣщалъ помочь ему, съ условіемъ, чтобы Василій женилъ своего старшаго сына,—семилѣтняго Іоанна, на его дочери Маріи. Торжественное обрученіе двухъ малютокъ состоялось тотчасъ-же, а затѣмъ Тверскіе полки—усилили Васильевы.

По мѣрѣ приближенія войскъ великаго князя къ Москвѣ, Шемяка все болѣе и болѣе терялъ своихъ доброхотовъ. Между тѣмъ, князь Василій Ярославовичъ Серпуховскій, князь Семенъ Оболенскій, Ѳеодоръ Басенокъ и другіе Московскіе люди, ушедшіе въ Литву, еще не зная объ освобожденіи великаго князя, рѣшили со своей стороны двинуться ему на помощь. Въ Смоленскихъ мѣстахъ, у города Ельни, они встрѣтили Татаръ съ двумя царевичами. Завязалась перестрѣлка. Кто-то съ Татарской стороны крикнулъ: «Что вы за люди, куда идете?» «Мы Москвичи» отвѣчали Русскіе: «идемъ искать своего государя, великаго князя Василія. А вы что за народъ»? «А мы»—отвѣчали Татары: «слышали, что великій князь Василій обиженъ братьями, идемъ его искать за давнее добро и за его хлѣбъ, что много добра намъ сдѣлалъ». Случай этотъ очень ярко рисуетъ намъ тогдашнее народное настроеніе; со всѣхъ сторонъ собирались полки помогать Москвѣ за ея старое добро.

Крамола Шемяки быстро теряла почву и скоро совсѣмъ была разрушена общенароднымъ движеніемъ въ пользу Василія, на защиту законнаго порядка. Дѣйствительно, положеніе Шемяки въ Москвѣ было самое незавид-

ное. Окруженный людьми подозрительной вѣрности и самой сомнительной нравственности, онъ, разумѣется, долженъ былъ имъ уступать, мирволить; тѣ пользовались этимъ, грабили и обирали гражданъ, которые обращались къ княжескому суду Шемяки и не находили въ немъ правды. «Отъ сего времени», говоритъ лѣтописецъ, «въ Великой Руси про всякаго судью грабителя и насильника говорили съ укоризною, что это судья Шемяка, что его судъ Шемякинъ судъ».

Наконецъ, видя себя оставленнымъ всѣми, Шемяка запросилъ у великаго князя мира, который тотъ далъ, какъ ему, такъ и союзнику Шемяки,—князю Ивану Можайскому, взявъ съ обоихъ клятвенныя записи въ вѣрности. Затѣмъ Василій торжественно въѣхалъ въ Москву.

Возвращеніемъ его, разумѣется, всѣ были довольны, кромѣ Шемяки. Онъ очень скоро нарушилъ свою клятвенную запись и сталъ вновь строить ковы противъВасилія. Тогда, послѣдній отдалъ разсмотрѣніе этого дѣла на судъ духовенству. Достойные Русскіе пастыри, во главѣ съ митрополитомъ Іоною, человѣкомъ великой души и святой жизни, также безпредѣльно преданнымъ Русской Землѣ, какъ и его предшественники, Святые митрополиты Петръ и Алексій, отправили къ Шемякѣ грозное посланіе, укоряя его въ нарушеніи установившагося новаго порядка престолонаслѣдованія и въ отсутствіи любви къ Родинѣ.

Однако, Шемяка не послушался и увѣщаній духовенства, и великій князь долженъ былъ выступить противъ него въ 1448 году въ походъ, послѣ чего Шемяка опять далъ на себя «проклятую грамоту», и опять нарушилъ ее въ слѣдующемъ же 1449 году, неожиданно осадивъ Кострому, гдѣ сидѣлъ доблестный князь Иванъ Стрига-Оболенскій съ Ѳеодоромъ Басенкомъ. Слѣпой великій князь вновь выступилъ противъ Шемяки съ войсками, при которыхъ находился также митрополитъ и епископы. Шемяка смирился опять, написалъ проклятую грамоту и опять ее нарушилъ въ 1450 году, успѣвъ собрать войско противъ Василія Васильевича; но ему нанесъ страшное пораженіе великокняжескій воевода,—князь Василій Оболенскій. Тогда Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ ему оказали пріютъ; изъ Новгорода онъ кинулся въ Устюгъ, и страшно злодѣйствовалъ надъ тѣми, кто не желалъ ему присягнуть; оттуда, преслѣдуемый великокняжескими войсками, онъ бѣжалъ опять въ Новгородъ, гдѣ, наконецъ, въ 1453 году умеръ, говорятъ, отъ яду. Извѣстіе о его смерти было встрѣчено съ великой радостью, какъ въ Москвѣ, такъ и по всей Землѣ.

«Шемякина смута» — говоритъ И. Е. Забѣлинъ — «послужила не только испытаніемъ для сложившейся уже крѣпко вокругъ Москвы народной тверди, но была главной причиной, почему народное сознаніе вдругъ быстро потянулось къ созданію Московскаго Единодержавія и Самодержавія. Необузданное самоуправство властолюбцевъ и корыстолюбцевъ, которые съ особой силою всегда поднимаются во время усобицъ и крамолъ, лучше другихъ способовъ научило народъ дорожить единствомъ власти, уже много разъ испытанной въ своихъ качествахъ на пользу земской тишины и по-

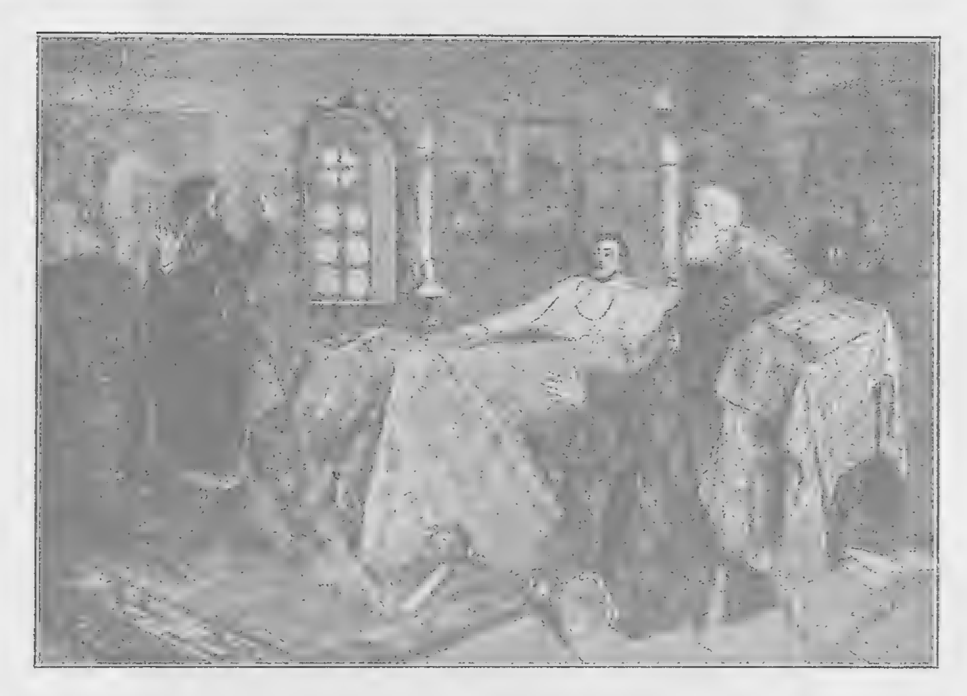
рядка. Василій Темный, человѣкъ смирный и добрый, который всѣ случавшіяся бѣдствія больше всего приписывалъ своимъ грѣхамъ, всегда уступчивый и вообще слабовольный,—по окончаніи смуты, когда все пришло въ порядокъ и успокоилось, сталъ по прежнему не только великимъ княземъ или старѣйшиной въ князьяхъ, но, помимо своей воли, получилъ значеніе Государя, т. е. властелина Земли, Земледержца, какъ тогда выражались. Шемякина смута, упавшая на Землю великими крамолами, разореньями и убійствами, какъ причина великаго земскаго безпорядка, перенесла народные умы къ желанію установить порядокъ строгою и грозною властію, вслѣдствіе чего личность великаго князя, униженная, оскорбленная и даже ослѣпленная во время смуты, тотчасъ послѣ того возстановляетъ свой государственный обликъ, и въ еще большей силѣ и величіи».

Еще при жизни Шемяки, чтобы послѣ своей смерти отбить всякій поводъ къ смутѣ по вопросу о престолонаслѣдіи, Василій Темный, какъ его стали звать послѣ ослѣпленія, назначилъ, въ 1449 году, своимъ соправителемъ старшаго своего сына и наслѣдника— десятилѣтняго Іоанна, который съ тѣхъ поръ сталъ тоже носить званіе великаго князя.

Маленькій Іоаннъ Васильевичъ, проведя свое дѣтство въ самый разгаръ Шемякинской смуты, смолоду долженъ былъ испытать много бѣдствій и насилій, много страха и ужаса, хотя всегда находился въ большомъ береженьи у преданныхъ его отцу боярскихъ дѣтей. Онъ воспитывался въ превратностяхъ судьбы, въ земскомъ безпорядкѣ и, конечно, вынесъ недоброе чувство противъ всѣхъ тогдашнихъ тревогъ и крамолъ. Эти чувства раздѣлялись, какъ мы видѣли, въ тѣ времена и всѣми Русскими людьми, и въ народныхъ сердцахъ закрѣпилось стремленіе истребить насиліе, мятежъ, смуту и крамолу въ самомъ корнѣ. «Власть великаго князя получаетъ новыя силы, и его Самодержавіе повсюду оправдывается, какъ единое спасеніе отъ земскихъ неурядицъ. Послушаніе и повиновеніе со стороны земства сознается какъ неизбѣжное требованіе возстановляемаго порядка. Молодой Іоаннъ Васильевичъ продолжаетъ свое воспитаніе именно въ развитіи этихъ новыхъ отношеній земства»—говоритъ И. Е. Забѣлинъ.

Послѣ смуты Шемяки, Василій Темный, какъ и слѣдовало ожидать, пошелъ на его союзника, вѣроломнаго князя Ивана Андреевича Можайскаго, который, не сопротивляясь, побѣжалъ въ Литву. Можайскъ же былъ присоединенъ къ Москвѣ. Затѣмъ, по поводу какой то крамолы, «вѣроятно не маловажной»—примѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ, былъ схваченъ и заточенъ въ Угличѣ—князь Василій Ярославовичъ Серпуховскій, бывшій однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей противъ Шемяки. Удѣлъ его тоже перешелъ къ великому князю. Это случилось въ 1462 году. Такимъ образомъ, къ этому времени изъ всѣхъ удѣловъ Московскаго и Суздальскаго княжествъ остался только одинъ—князя Михаила Андреевича Верейскаго, двоюроднаго брата Василія Темнаго, такъ какъ удѣлы Шемяки и Василія Косого были присоединены еще раньше, равно какъ и удѣлъ ихъ младшаго брата Димитрія Краснаго, скончавшагося въ 1440 году.

Смерть его сопровождалась необыкновенными обстоятельствами: онъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ и долго не могъ, такъ какъ кровь, не переставая, лила у него изъ носу. Тогда ему заткнули ноздри, чтобы дать причаститься. Вскорѣ послѣ этого онъ заснулъ и всѣ признали его мертвымъ; положили въ гробъ, и стали читать надъ нимъ Псалтырь. Вдругъ, къ общему ужасу, мнимый мертвецъ скинулъ съ себя покровъ и началъ пѣть стихири, не открывая глазъ. Цѣлыхъ три дня Димитрій Красный пѣлъ и говорилъ о душеспасительнихъ предметахъ, наконецъ, дѣйствительно умеръ съ именемъ Святого.



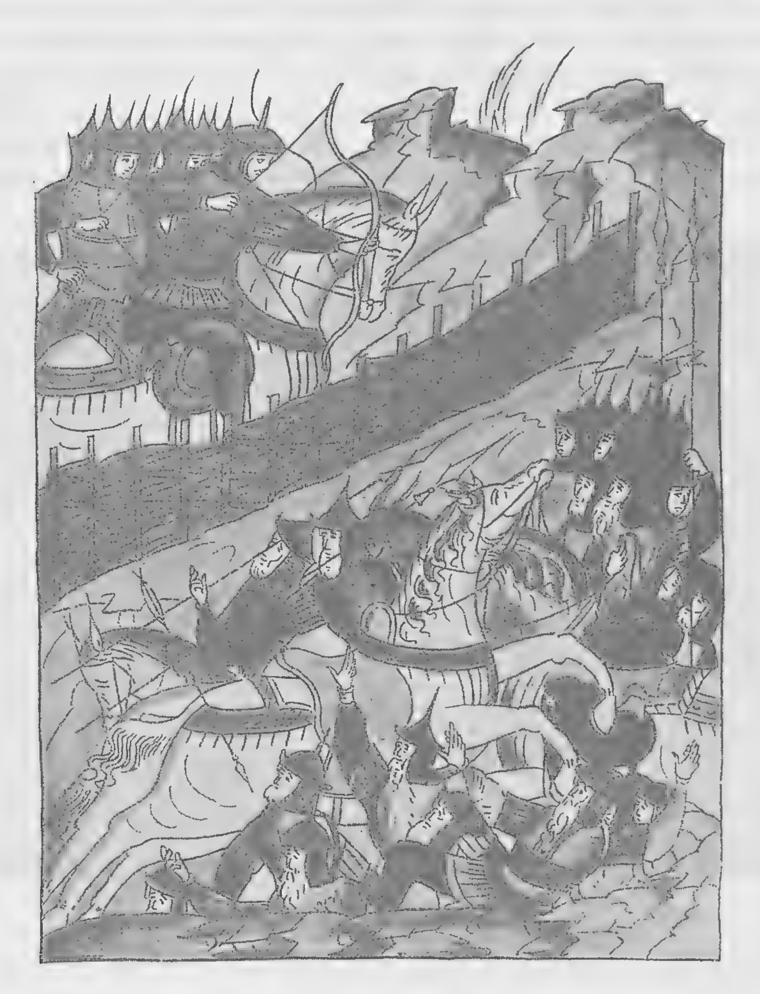
50. Пробужденіе князя Димитрія Краснаго въ гробу.

Картина художника Селезнева въ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ.

Великій Новгородъ, во время Шемяки, неоднократно оказывалъ послѣднему покровительство, причемъ держалъ его у себя до самой смерти. Поэтому, управившись съ Можайскимъ княземъ, Василій двинулся въ 1456 году и противъ Новгорода, чтобы наказать его за неисправленіе. Съ нимъ вмѣстѣ шли всѣ князья и воеводы со множествомъ войска. Новгородцы испугались и выслали посадника съ челобитьемъ—перемѣнить гнѣвъ на милость. Но Василій этого челобитья не принялъ и шелъ дальше. Остановившись въ Яжелбицахъ, великій князь выслалъ къ Руссѣ князя Ивана Стригу-Оболенскаго и Ѳеодора Басенка.

Захвативъ въ этомъ городѣ богатую добычу, воеводы отпустили главную рать назадъ, а сами поотстали съ немногими боярскими дѣтьми;

вдругъ передъ ними неожиданно показалось пятитысячное Новгородское войско. Храбрые Москвичи, которыхъ не было и двухсотъ человѣкъ, рѣшили, что лучше всѣмъ погибнуть въ честномъ бою, нежели



51. „И тогда бысть вѣсть къ нимъ, а и сами видяху, что идетъ на нихъ отъ Новагорода рать велми велика; пять тысящь ихъ бяше, а сихъ до двусотъ не остася. Видѣвши же устрашишася; потомъ же начаша глаголати межъ собою: „Что сотворимъ? аще не поидемъ противу ихъ битися, то погибнемъ отъ своего государя великого князя, понеже корысть взяхомъ и воя съ тѣмъ отпустихомъ; но лучше помремъ съ ними за правду своего государя, а за ихъ измѣну". И поидоша противу имъ; бысть же плетень межъ ихъ и суметы снѣжные велики, и не бѣ имъ вмѣсти снятися лзѣ"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

бѣжать. «Если не пойдемъ противъ нихъ биться»—говорили эти доблестные люди,—«то погибнемъ отъ своего Государя великаго князя; лучше помереть». При этомъ, видя на Новгородцахъ крѣпкіе доспѣхи, они стали стрѣлять по ихъ лошадямъ, которыя начали бѣситься отъ ранъ и сбивать своихъ всадни-

ковъ. И вотъ, двѣсти Московскихъ людей одержали рѣшительную побѣду надъ 5.000 Новгородцевъ, и взяли въ плѣнъ ихъ посадника. Пораженіе это, конечно, ясно показывало, насколько Новгородцы уже утратили свою прежнюю доблесть и какъ самоотверженно храбры и стойки были въ это время Московскія войска.

Вслѣдъ за этимъ успѣхомъ, къ великому князю въ Яжелбицы прибылъ изъ Новгорода владыка Евфимій и сталъ усиленно просить мира. Василій Темный согласился на него, но взялъ 10.000 рублей выкупа и, кромѣ того, поставилъ условіемъ, чтобы впредь вѣчевымъ грамотамъ не быть, а печати быть великихъ князей Московскихъ. Кромѣ того, Новгородъ обязался безъ спору платить «Черный боръ», по требованію великаго князя, и не давать пристанища его врагамъ. Этими условіями, конечно, наносился сильнѣйшій ударъ самостоятельности вольнаго города; поэтому понятно, что Яжелбицкій договоръ возбудилъ во многихъ Новгородцахъ страшную злобу противъ великаго князя; когда онъ пріѣхалъ въ 1460 году въ Новгородъ съ двумя младшими сыновьями, то граждане задумали его убить съ дѣтьми и вѣрнымъ слугою Θеодоромъ Басенкомъ. Новгородскій владыка насилу успѣлъ отговорить ихъ отъ этого замысла.

Послѣ Новгорода, Василіемъ была приведена въ порядокъ и Вятка, населенная Новгородскими выходцами за то, что она всегда стояла на сторонѣ Московскихъ враговъ и постоянно воевала съ великокняжескимъ городомъ Устюгомъ.

Иначе сложились у великаго князя отношенія со Псковомъ. Псковичи всегда помнили, что Москва ихъ вѣрный союзникъ противъ Нѣмецкаго засилья. Въ 1460 году они отправили Василію знатныхъ пословъ съ подарками и били ему челомъ, чтобы онъ жаловалъ свою отчину и печаловался о ней. «Обижены мы отъ поганыхъ Нѣмцевъ»,—говорили послы—«водою, землею и головами; церкви Божіи пожжены погаными на миру и на крестномъ цѣлованіи». На это великій князь обѣщалъ оборонять Псковъ отъ Нѣмцевъ, какъ дѣлывали отцы его и дѣды, и вскорѣ послалъ къ нимъ намѣстникомъ сына своего Юрія.

Княжества Тверское и Рязанское во время Шемякинкой смуты постоянно колебались между Москвой и Литвою, но затѣмъ, какъ мы видѣли, Тверской князь Борисъ примкнулъ къ Василію, сосватавъ свою дочь за его старшаго сына—семилѣтняго Іоанна. Рязанскій князь Иванъ Θеодоровичъ, видя что Москва беретъ верхъ надъ Шемякой, тоже примкнулъ къ ней и, умирая въ 1456 году, отдалъ своего восьмилѣтняго сына на руки великому князю Василію. Послѣдній перевезъ малютку къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города княжества послалъ своихъ намѣстниковъ.

Такъ быстрыми шагами шло возвышеніе Москвы и объединеніе вокругъ нея Сѣверо-Восточной Руси въ послѣдніе годы великаго княженія Василія Темнаго.

Слѣпой великій князь до конца своей жизни сохранилъ большую живость нрава, веселое расположеніе духа и страсть принимать личное участіе въ воинскихъ походахъ, которыхъ ему пришлось совершить не мало, какъ въ борьбѣ со смутой, такъ также и дѣйствуя противъ Татаръ, не перестававшихъ нападать на наши владѣнія. Кромѣ набѣговъ Улу-Магомета, въ 1449 году неожиданно появился на берегахъ рѣки Пахры сильный Татарскій отрядъ, причинившій много бѣды Православному люду, но затѣмъ онъ былъ на голову разбитъ нашимъ служилымъ царевичемъ Касимомъ, а въ 1451 году— къ самой Москвѣ подошелъ изъ-за Волги Татарскій царевичъ Мазовша; укрѣпивъ городъ и оставивъ въ немъ мать, жену и митрополита Іону, Василій отправился вмѣстѣ со старшимъ сыномъ Іоанномъ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ Вологду — собирать войска.

52. Великій князь Василій Васильевичъ.
По Титулярнику.

Мазовша подошелъ къ Москвѣ 2-го іюля и зажегъ всѣ посады; время было сухое, и пожаръ распространялся съ необыкновенной быстротой; изъ-за дыма ничего нельзя было видѣть, но всѣ приступы были мужественно отбиты. Когда же Москвичи на другой день проснулись, то увидѣли, что Татары уже исчезли: они быстро побѣжали, побросавъ захваченные тяжелые товары. Народъ прозвалъ набѣгъ Мазовши «скорою Татарщиной».

Въ 1454 году Татары пытались опять быстро подойти къ Москвѣ, но были разбиты великокняжескими войсками. Въ 1459 году они вновь собрались на Москву; но на берегахъ рѣки Оки имъ нанесъ жестокое пораженіе семнадцатилѣтній наслѣдникъ престола—великій князь Іоаннъ Васильевичъ.

Въ 1460 году ханъ Золотой Орды—Ахматъ подошелъ къ Переяславлю Рязанскому, однако скоро долженъ былъ отступить съ большимъ стыдомъ; наконецъ, въ 1461 году, великій князь объявилъ войну Казани, но къ нему, вслѣдъ затѣмъ, явились отъ Казанскаго хана послы, и онъ заключилъ съ ними миръ.

53. Витовтъ, въ изображеніи Польскаго художника Яна Матейки.

Во время Василія Темнаго, кромѣ царства Казанскаго, окончательно образовалось изъ Черноморскихъ улусовъ и ханство Крымское, гдѣ сталъ царствовать родъ Гиреевъ; это было новое грозное разбойничье гнѣздо, причинившее впослѣдствіи не мало бѣдъ Русской Землѣ, первоначально же направлявшее свои хищные набѣги, главнымъ образомъ, на Литву.

Со стороны Литвы за все время великаго княженія Василія, несмотря на тяжелое время Шемякинской смуты, не было враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ Москвѣ.

Причинами этому были тѣ сложныя и подчасъ тяжелыя обстоятельства, которыя въ это время переживало само великое княжество Литовское. Мы видѣли, что Ягайлой и Витовтомъ была подписана такъ называемая Городельская Унія, по которой всѣ Литовскіе паны, принявшіе Латинство, были сравнены въ правахъ съ Польскими. Они плотнымъ кольцомъ окружили Витовта и составили его думу или раду, а также имѣли важнѣйшее значеніе на общихъ съѣздахъ или сеймахъ. Вмѣстѣ съ этимъ, Витовтъ сталъ сажать исключительно католиковъ своими намѣстниками и въ чисто Русскихъ областяхъ Литовскаго княжества. Кромѣ того, Латинскіе епископы— Виленскій, Луцкій, Брестскій, Жмудскій и Кіевскій— получили важное значеніе при рѣшеніи всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Все это, конечно, не могло не повлечь за собою сильнаго неудовольствія всѣхъ Русскихъ подданныхъ Витовта, но онъ мало обращалъ на это вниманія, будучи всецѣло занятъ осуществленіемъ своихъ честолюбивыхъ мечтаній, несмотря на то, что былъ старъ и не имѣлъ сыновей.

Онъ сталъ замышлять не только совершенно уничтожить зависимость Литвы отъ Польши, но еще и подчинить себѣ послѣднюю. Для этого, онъ началъ увѣрять, что дѣти Ягайлы отъ его четвертой жены, происходятъ на самомъ дѣлѣ, отъ другого отца, а потому послѣ его смерти, согласно договора, заключеннаго между ними ранѣе рожденія этихъ дѣтей, онъ, Витовтъ, и наслѣдуетъ Польскую корону. Но этотъ оговоръ не удался восьмидесятилѣтнему честолюбцу; тогда онъ сталъ хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ для себя лично и просилъ объ этомъ Нѣмецкаго императора Сигизмунда, обѣщая ему ратную помощь въ борьбѣ послѣдняго съ Турками. Сигизмундъ охотно согласился дать могущественному Литовскому великому князю королевскій вѣнецъ, и для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ самъ прибылъ въ 1429 году въ городъ Луцкъ, гдѣ Витовтъ устроилъ блестящій съѣздъ различныхъ государей.

Сюда, кромѣ Сигизмунда, пріѣхалъ молодой внукъ Витовта—великій князь Московскій Василій Васильевичъ, престарѣлый Ягайло, князья Тверской и Рязанскій, ханъ Перекопской (Крымской) Орды, магистры Орденовъ Нѣмецкаго и Ливонскаго, легатъ или посолъ папы, Византійскій посолъ и многіе изъ удѣльныхъ князей Русскихъ и Литовскихъ. Витовтъ старался удивить гостей великолѣпіемъ пріема и роскошнѣйшими пирами, для которыхъ изъ княжескихъ погребовъ ежедневно отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, романеи и пива, а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 барановъ и по 100 зубровъ, лосей и кабановъ. Въ это же время устраивались, конечно, огромнѣйшія охоты для приглашенныхъ.

Съѣздъ, однако, не привелъ къ желаемой Витовтомъ цѣли. Сигизмундъ легко уговорилъ Ягайлу дать согласіе на вѣнчаніе Витовта короной, но этому воспротивились могущественные Польскіе паны во главѣ съ Краковскимъ епископомъ Збигневомъ Олесницкимъ. Они отлично понимали, что обращеніе Литвы въ королевство навѣки оторветъ ее отъ Польши, и

такъ подѣйствовали на слабодушнаго Ягайлу, что тотъ залился слезами, благодарилъ ихъ за вѣрность, и затѣмъ ночью тайно бѣжалъ изъ Луцка, чѣмъ привелъ въ немалое смущеніе Витовта и его гостей. Тѣмъ не менѣе, Витовтъ былъ убѣжденъ, что будетъ королемъ и пригласилъ въ слѣдующемъ году многихъ гостей на свою коронацію въ Вильну; сюда же прибылъ по особо усердной просьбѣ Витовта и Ягайло. Все было готово для совершенія торжества: не доставало только короны, давно высланой императоромъ Сигизмундомъ. Но она не появлялась; Поляки узнавъ, что корона находится въ пути, послали ее перехватить. Послѣ напраснаго и долгаго

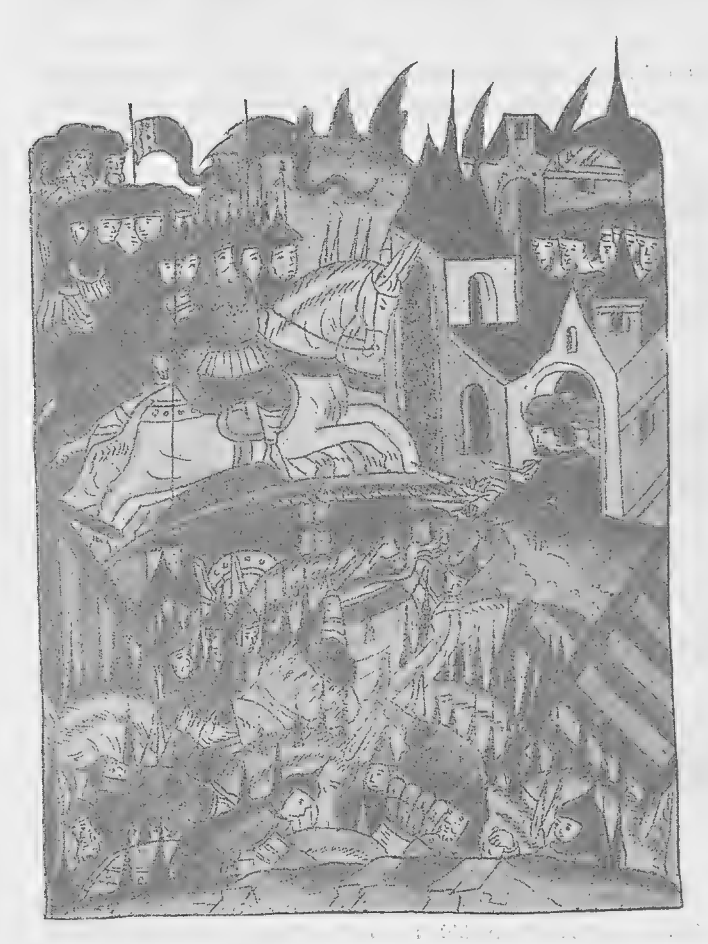
54. Древняя охота на оленей въ Литвѣ.

Съ рисунка XVII вѣка, помѣщеннаго въ книгѣ: „Великокняжеская и Царская охота на Руси“ Н. Кутепова.

ожиданія коронаціи, гости, приглашенные на нее, стали разъѣзжаться. Это такъ подѣйствовало на Витовта, что онъ расхворался и скончался въ октябрѣ, того же 1430 года. Такъ умеръ этотъ честолюбивый и могущественный князь, бывшій наряду съ Гедеминомъ и Ольгердомъ—однимъ изъ главныхъ объединителей Западной Руси подъ властью Литвы. Но сильно покровительствуя Латынянамъ и тѣсня Православіе, онъ, можетъ быть, противъ своей воли, работалъ для будущаго поглощенія Польшей всего Литовскаго княжества.

Со своимъ внукомъ, великимъ княземъ Василіемъ Московскимъ, Витовтъ не имѣлъ непосредственныхъ столкновеній, но воевалъ въ 1426 году со Псковомъ, а въ 1427 году съ Новгородомъ. Въ 1426 году онъ подошелъ съ многочисленнымъ войскомъ къ Псковскому городу Опочкѣ, жители кото-

раго, устроивъ мостъ на канатахъ, набили подъ нимъ кольевъ, а сами спрятались въ крѣпости. Татары, приведенные Витовтомъ, не видя никого на стѣнахъ,—бросились на мостъ; онъ тотчасъ же рухнулъ, какъ только гражданами были подрѣзаны канаты, и огромное количество Татаръ упало на колья, послѣ чего жители истребили ихъ почти поголовно. Тогда Витовтъ отошелъ отъ Опочки и сталъ осаждать другой Псковскій городъ Вороначъ; граждане его оборонялись очень крѣпко, но стали уже изнемогать. Вдругъ на помощь имъ пришло само небо: сдѣлалась гроза, притомъ такая страшная, что все Литовское воинство ожидало своей погибели, а Витовтъ, взявшись за столбъ въ своемъ шатрѣ, въ ужасѣ кричалъ: «Господи помилуй!» Вслѣдъ за этой грозой, Витовтъ поспѣшилъ заключить миръ со Псковомъ, тѣмъ болѣе, что этого же требовалъ и его внукъ—Василій Московскій.



55. Бой у Опочки. ...„ Яко же бысть полонъ мостъ противныхъ и гражане поръзаша ужища и мостъ падеся съ ними на коліе оно. И тако изомроша вси"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Походъ его противъ Новгородцевъ былъ удачнѣе; въ 1428 году онъ осадилъ ихъ городъ Порховъ и хотя при этомъ разорвалась огромная Литовская пушка, по названію «Галка», и убила множество своихъ, Новгородцы запросили мира и получили его за 11.000 рублей. «Вотъ вамъ за то, что называли меня измѣнникомъ и бражникомъ»,—сказалъ Витовтъ, принимая деньги.

Смерть Витовта обрадовала какъ Поляковъ, опасавшихся его честолюбивыхъ замысловъ, такъ и Русскихъ, особенно же въ его владѣніяхъ. Правящая-же католическая Литовская знать, добивавшаяся для Витовта

королевской короны, съ цѣлью отдѣленія Литвы отъ Польши, была недовольна какъ Ягайлой, такъ и Поляками. Это обстоятельство привело ихъ къ выбору Литовскимъ княземъ—брата Ягайлова—Свидригайлу, человѣка съ весьма независимымъ и крутымъ нравомъ, который, какъ мы помнимъ, побывалъ при Василіи Димитріевичѣ въ Русской Землѣ, и одно время владѣлъ у насъ богатымъ удѣломъ, но затѣмъ, вернувшись въ Литву, долгое время провелъ въ тюремномъ заключеніи. Избраніе Свидригайлы вполнѣ обезпечивало знатнымъ Литовскимъ панамъ, что при его жизни Литва не будетъ зависѣть отъ Польши. Вмѣстѣ съ этимъ, Свидригайло Ольгердовичъ былъ желаннымъ человѣкомъ и для всѣхъ Русскихъ обитателей Литвы за свою искреннюю любовь ко всему Русскому и доброе отношеніе къ Православію, хотя онъ и былъ католикомъ. Къ несчастью, однако, Свидригайло, былъ человѣкомъ грубымъ, буйнымъ, приверженнымъ къ вину и до крайности несдержаннымъ. Возведеніе его на Литовскій столъ было, разумѣется, тяжелымъ ударомъ для Поляковъ, такъ какъ онъ тотчасъ сталъ заявлять о своей полной независимости отъ Польши, доказывая, что союзъ Литвы съ Польшей вреденъ для первой, и ссорился съ Ягайлой, особенно во время попоекъ. Скоро Литовскіе католическіе паны вознегодовали на Свидригайло за то, что онъ явно благоволилъ Русскимъ, Православнымъ «схизматикамъ», раздавая имъ важныя должности.

56. Свидригайло.

Со стариннаго изображенія изъ собранія города Кракова.

Это привело къ обширному заговору противъ жизни Свидригайлы, въ который былъ посвященъ и его родной братъ Ягайло. Во главѣ заговорщиковъ сталъ свирѣпый, подозрительный и мстительный князь Сигизмундъ Кейстутовичъ, родной братъ Витовта, сильно приверженный Латинству и ненавидящій Православіе. Покушеніе на жизнь Свидригайлы не удалось, но онъ долженъ былъ бѣжать съ великаго княженія съ нѣсколькими преданными панами.

Великимъ же княземъ Литовскимъ, конечно при усердномъ содѣйствіи католическаго духовенства, былъ избранъ Сигизмундъ Кейстутовичъ. Ягайло подтвердилъ это избраніе, за что Сигизмундъ уступилъ Польшѣ Литовскую волость—Русскую Подолію, а послѣ своей смерти обѣщалъ отдать ей и другое исконное Русское владѣніе—Волынь. Затѣмъ,

чтобы привлечь къ себѣ Литовскихъ бояръ и пановъ Православнаго исповѣданія, Сигизмундъ далъ имъ почти тѣ же льготы, что и католикамъ. При этомъ, панамъ этимъ было также предоставлено брать Польскіе гербы, что было разрѣшено на Городельскомъ сеймѣ только Литвинамъ-католикамъ.

Но, несмотря на всѣ эти льготы, данныя Сигизмундомъ, большинство Русскихъ Земель, а именно Земли Полоцкая, Витебская, Смоленская, Черниговo-Сѣверская, Кіевская, и часть Волыни и Подоліи, остались вѣрны Свидригайлѣ, который съ ополченіемъ, собраннымъ въ нихъ, сталъ вести

57. Святой преподобный Өеодоръ, князь Острожскій.

Съ древняго изображенія надъ его мощами въ Дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры.

58. Изображеніе Ягайлы на надгробномъ его памятникѣ въ Краковѣ.

борьбу противъ Ягайлы и Сигизмунда. Русскіе люди дрались за Свидригайлу съ большимъ одушевленіемъ, надѣясь освободиться отъ Латинскаго засилья. Особенно былъ грозенъ для Поляковъ—мужественный защитникъ Волыни, Православный князь Өеодоръ Острожскій, принявшій впослѣдствіи иноческій чинъ и причтенный къ лику Святыхъ.

Предпринятая борьба могла бы окончиться въ пользу Свидригайлы, если бы, въ 1431 году въ Витебскѣ, онъ не совершилъ ужаснаго преступленія. А именно, онъ позволилъ себѣ сжечь Православнаго митрополита Герасима, заподозрѣннаго имъ въ измѣнѣ; вслѣдъ затѣмъ обнаружились и его сношенія съ папою, у котораго онъ искалъ поддержки, обѣщая за это соединить Русскую церковь съ Римскою. Приведенныя два обстоя-

тельства отшатнули, конечно, большинство Западно-Русскихъ людей отъ Свидригайлы; вскорѣ онъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Сигизмунда и, въ концѣ концовъ, удержалъ за собою только Кременецъ и восточную часть Подоліи.

Ягайло умеръ во время этой борьбы съ Свидригайлой, достигнувъ 86-лѣтняго возраста. Сохранивъ до глубокой старости страсть къ охотѣ и лѣсной природѣ, онъ вышелъ въ холодную весеннюю ночь послушать пѣніе соловья, простудился и скончался недалеко отъ Львова. Плодомъ долговѣчнаго царствованія этого достопамятнаго государя была съ одной стороны Польско-Литовская унія, а съ другой—дальнѣйшее ослабленіе королевской власти въ Польшѣ. По своему безпечному, уклончивому нраву, онъ былъ именно тѣмъ государемъ, котораго желали Польскіе дворяне и духовенство, чтобы пріобрѣтать себѣ все больше и больше правъ за счетъ крестьянъ и королевской власти, и расхищать государственное достояніе. По ихъ стопамъ старались идти и окатоличенные Литовскіе бояре, почему скоро они сдѣлались богаче и вліятельнѣе своихъ же природныхъ князей, потомковъ Рюрика и Гедимина.

59. Епископъ Збигневъ Олесницкій, въ изображеніи Польскаго художника Яна Матейки.

Ягайлѣ наслѣдовалъ на Польскомъ столѣ его десятилѣтній сынъ Владиславъ. Разумѣется, королевская рада, во главѣ съ епископомъ Збигневымъ Олесницкимъ, любимцемъ молодой вдовы Ягайлы, всецѣло захватила въ свои руки управленіе страной и еще дѣятельнѣе стала поддерживать Сигизмунда.

Сигизмундъ, однако, не долго правилъ въ Литвѣ. Его мстительность къ сторонникамъ Свидригайлы, притѣсненіе Православныхъ и неслыханныя жестокости—скоро возбудили противъ него множество недовольныхъ и въ 1440 году онъ былъ убитъ Русскимъ удѣльнымъ княземъ Иваномъ Чарторійскимъ—въ Трокахъ. Престарѣлый Сигизмундъ, не выходя изъ своей опочивальни, слушалъ обѣдню, совершавшуюся въ сосѣднемъ покоѣ. При немъ въ качествѣ вѣрнаго сторожа была ручная медвѣдица, которая въ это время, какъ разъ, гуляла по двору. Медвѣдица имѣла обыкновеніе, возвращаясь въ покой Сигизмунда, царапать лапою о дверь, послѣ чего онъ ее отворялъ. Зная это, Чарторійскій съ однимъ сообщникомъ стали подражать

царапаню медвѣдицы; Сигизмундъ впустилъ ихъ, и былъ тотчасъ же убитъ желѣзными вилами.

Смерть Сигизмунда подняла опять вопросъ объ избраніи князя. Послѣ многихъ пререканій и козней, выборъ остановился на младшемъ братѣ юнаго Польскаго короля Владислава—Казимірѣ Ягайловичѣ. Поляки согласились его отпустить въ Вильну только намѣстникомъ Польскаго короля и отправили его туда съ цѣлымъ сонмомъ Польскихъ совѣтниковъ. Но Литовцы, которые хотѣли имѣть не намѣстника, а своего вѣнчаннаго великаго князя, очень ловко обманули Польскихъ гостей. Они усердно ихъ угостили на роскошномъ пиршествѣ и напоили всѣхъ до-пьяна, а на слѣдующее утро, когда хмельные Польскіе паны-сенаторы еще спали, они посадили Казиміра на великокняжескій столъ въ соборѣ, надѣли на него шапку Гедимина, подали мечъ и покрыли великокняжескимъ покрываломъ. Проведеннымъ, такимъ образомъ, Польскимъ панамъ ничего больше не оставалось, какъ уѣхать домой.

60. Владиславъ, король Польскій, по прозванію Варненчикъ (Варнскій).

Изъ книги А. Гваньини: „Описаніе Европейской Сарматіи", изданія 1581 года.

Юный же Казиміръ сталъ княжить, окруженный Литовскими вельможами. О союзѣ съ Польшей, а тѣмъ болѣе о подчиненіи ей Литовскаго княжества, не было и помину. Поляки, разумѣется, страшно негодовали противъ этого порядка вещей и стремились къ расчлененію владѣній Казиміра на нѣсколько частей, но вдругъ случилось событіе, неожиданно измѣнившее дальнѣйшія судьбы Польши и Литвы. Молодой король Польскій Владиславъ былъ избранъ въ 1439 году и королемъ Венгріи; поэтому, онъ долженъ былъ вести войну съ Турками, насѣдавшими уже съ Балканскаго полуострова на пограничныя владѣнія Венгріи и Австріи, и въ 1445 году—во время этой войны съ Турками—Владиславъ былъ неожиданно убитъ у крѣпости Варны, не оставя потомства. Тогда Поляки выбрали на его мѣсто Казиміра, который остался при этомъ и великимъ княземъ Литовскимъ, чѣмъ поставилъ себя на всю свою долголѣтнюю жизнь въ крайне затруднительное положеніе, такъ какъ долженъ былъ все время колебаться между притязаніями Поляковъ на Литовскія владѣнія, съ одной стороны, и стремленіями Литовцевъ къ полной независимости отъ Поляковъ—съ другой. Часто

Польша и Литва бывали имъ недовольны, и подымался порой вопросъ объ избраніи новаго короля для первой и новаго великаго князя для второй.

Быстро подпавшій подъ вліяніе католическаго духовенства и опасаясь потерять свою Польскую корону, Казиміръ дѣлался все болѣе и болѣе уступчивымъ по отношенію къ Латинской знати, и въ его время распущенность и изнѣженность Польскихъ пановъ, когда-то храбрыхъ и безстрашныхъ воиновъ, дошла до невѣроятныхъ предѣловъ; попойки, бахвальство и щегольство чисто женскаго пошиба — были отличительными чертами ихъ жизни; они одѣвались въ шелкъ и бархатъ и проводили цѣлые часы передъ зеркаломъ, расчесывая свои длинные волосы и завивая ихъ въ затѣйливыя кудри. Также одѣвались и причесывались богатые Польскіе жиды. Но что къ лицу торговцу-іудею, то не подобаетъ воину, и въ царствованіе Казиміра-же Польскіе паны понесли жестокое наказаніе за свою изнѣженность. Во время одного сраженія въ Венгріи, въ Буковинѣ, они потерпѣли пораженіе, причемъ, быстро отступая черезъ густой лѣсъ, множество знатныхъ пановъ, подобно Библейскому Авессалому, повисло своими кудрями на сучьяхъ и было безжалостно избито врагами. Какъ это зачастую бываетъ, — изнѣженность мужчинъ повела за собой огрубѣніе нравовъ среди женщинъ. Въ Польшѣ, въ описываемое время, появилось много разбойницъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ, причемъ среди нихъ были и принадлежащія къ шляхетскому сословію. «Каждый въ Польшѣ,—говоритъ Польскій историкъ Іоахимъ Лелевель про это время, — могъ поступать, какъ хотѣлъ; поэтому многіе злоупотребляли своей свободой».

61. Король Польскій и великій князь Литовскій Казиміръ Ягайловичъ.

Изображеніе на его надгробномъ памятникѣ въ Краковскомъ соборѣ.

Что касается отношеній къ Русскимъ, то Казиміръ, подобно своимъ предшественникамъ, и, какъ увидимъ, подобно многимъ изъ преемниковъ,—игралъ въ двѣ руки. Одной рукой онъ старался привлечь къ себѣ обитателей Восточной Россіи, соприкасавшихся съ его владѣніями въ Литвѣ, и, также какъ Витовтъ, заигрывалъ съ Новгородомъ, стремясь подкапываться подъ Московскихъ князей и не брезгая для этого

тайными сношеніями съ Татарами; въ то же время, другой рукой онъ разрушалъ первѣйшую основу Западно-Русской жизни—Православіе и всѣми силами старался покровительствовать уніи, то есть присоединенію Греческой церкви къ Латинской, вопросъ о чемъ неоднократно подымался папами и раньше, но съ особенной силой разгорѣлся въ XV столѣтіи, во время великаго княженія Василія Васильевича на Москвѣ.

Къ пятнадцатому вѣку, папы потеряли значительную часть своей силы и обаянія въ Западной Европѣ; съ ними давно уже вели борьбу свѣтскіе властители: князья, короли и Германскіе императоры, которымъ было крайне тягостно вмѣшательство въ ихъ государственныя дѣла цѣлаго ряда властолюбивыхъ папъ; борьба эта шла успѣшно для свѣтскихъ властей, такъ какъ большинство населенія было возмущено распущенностью нравовъ католическаго духовенства, хотя въ числѣ его представителей встрѣчалось, конечно, не мало людей и съ самыми высокими нравственными качествами. Тѣмъ не менѣе, существованіе такихъ монашескихъ орденовъ, какъ орденъ «Веселыхъ братьевъ» въ Италіи, открыто пользовавшійся для мотовства и распутства своими преимуществами, данными ему папой, должны были разрушать въ народной средѣ вѣру въ непогрѣшимость Латинской церкви; еще болѣе ужасенъ былъ орденъ монашествующихъ рыцарей Гроба Господня или «Храмовниковъ»; созданъ онъ былъ предварительно въ Святой Землѣ съ самыми высокими цѣлями, а затѣмъ подъ вліяніемъ разныхъ тайныхъ восточныхъ ученій, въ томъ числѣ и іудейской кабаллы, о которой подробнѣе мы скажемъ ниже, не только отрекся отъ христіанства, но даже кощунствовалъ надъ Святымъ Крестомъ въ своихъ обрядахъ и занимался при этомъ безпощаднымъ ростовщичествомъ. Французскій король Филиппъ Красивый положилъ конецъ этому возмутительному ордену; по его настоянію Храмовниковъ судили и затѣмъ многихъ изъ нихъ сожгли; къ сожалѣнію, однако, въ Западной Европѣ есть еще и до настоящаго времени тайные послѣдователи ихъ возмутительнаго ученія, о чемъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Слѣдствіемъ описанныхъ непорядковъ въ самомъ корнѣ Латинства было возникновеніе опасныхъ для него ересей, съ которыми папы начали бороться учрежденіемъ особыхъ страшныхъ судилищъ, такъ называемыхъ инквизиціонныхъ, гдѣ подозрѣваемыхъ въ ереси предавали ужаснѣйшимъ и утонченнѣйшимъ пыткамъ, а добившись отъ нихъ сознанія въ виновности, сжигали затѣмъ на кострахъ. Начало этихъ судилищъ относится къ тринадцатому вѣку, и въ XV столѣтіи костры, на которыхъ сжигали еретиковъ, пылали уже во всѣхъ концахъ католической Европы, при чемъ на Литвѣ инквизиція была введена въ 1436 году, во время великаго княженія мрачнаго и жестокаго Сигизмунда Кейстутовича.

Однако, не смотря на инквизицію, крупныя нестроенія и ереси въ католической церкви продолжались. Въ XIV вѣкѣ, одинъ изъ Французскихъ королей занялъ Римъ и силою вывелъ изъ него папъ къ себѣ во Францію, въ городъ Авиньонъ, гдѣ они прожили 70 лѣтъ. Въ началѣ же XV вѣка возникли ученія Виклефа въ Англіи, а затѣмъ и Іоанна Гусса въ

Чехіи—имѣвшія множество послѣдователей. Ученія эти осуждали невоздержаніе католическаго духовенства и указывали на крайне соблазнительное для нравственности паствы поведеніе папъ. Дѣйствительно, въ это время, какъ разъ, было сразу три папы, которые низлагали и взаимно проклинали другъ друга.

Для прекращенія всѣхъ этихъ непорядковъ былъ созванъ въ 1414 году Констанцскій соборъ, осудившій, между прочимъ, Гусса и его друга Іеронима Пражскаго на сожженіе; на соборъ этотъ, какъ мы говорили, Витовтъ отправилъ поставленнаго имъ митрополита Западной Руси

62. Сожженіе Гусса.

Изъ современныхъ рисунковъ, воспроизведенныхъ въ книгѣ: „Констанцскій соборъ 1414—1418 года", изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Григорія Цамблака хлопотать объ уніи или присоединеніи Греческой Церкви къ Латинской. Конечно, эта мысль объ уніи была какъ нельзя болѣе на руку папамъ, въ виду сильнаго паденія ихъ обаянія въ это время въ Западной Европѣ; присоединеніе къ Латинству всѣхъ исповѣдующихъ Православіе, сулило имъ огромнѣйшее вліяніе въ обширныхъ владѣніяхъ Литвы и Руси, сопряженное, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ полученіемъ съ этихъ Земель богатѣйшихъ денежныхъ средствъ. Какъ мы видѣли, Цамблакъ пріѣхалъ къ концу Костанцскаго собора и успѣха въ своемъ посольствѣ не имѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, папы продолжали лелѣять мысль о полномъ подчиненіи себѣ Православія подъ видомъ уніи. Скоро этому представился благопріятный случай. Мы видѣли, что уже къ началу XV вѣка, Турки

овладѣли Балканскимъ полуостровомъ и держали въ осадѣ несчастную Византію, при чемъ только крѣпкія стѣны Царьграда, а затѣмъ и разгромъ Тамерланомъ Баязета отсрочили на нѣсколько десятилѣтій паденіе этой когда-то великой державы. Съ цѣлью спасти себя отъ предстоящаго ужаснаго порабощенія Турокъ, Византійскій императоръ Іоаннъ Восьмой Палеологъ, предшественники коего на протяженіи многихъ вѣковъ были столь крѣпкими ревнителями Православія, рѣшилъ искать сближенія съ папой, разсчитывая при его помощи поднять всю Западную Европу противъ Турокъ. Такого же образа мыслей держался и Царьградскій патріархъ Іосифъ. Желаніе ихъ встрѣтило горячій откликъ въ лицѣ папы Евгенія Четвертаго, низложеннаго, какъ разъ въ это время, громаднымъ большинствомъ голосовъ на Базельскомъ соборѣ, при чемъ на его мѣсто былъ избранъ другой папа (Мартинъ V).

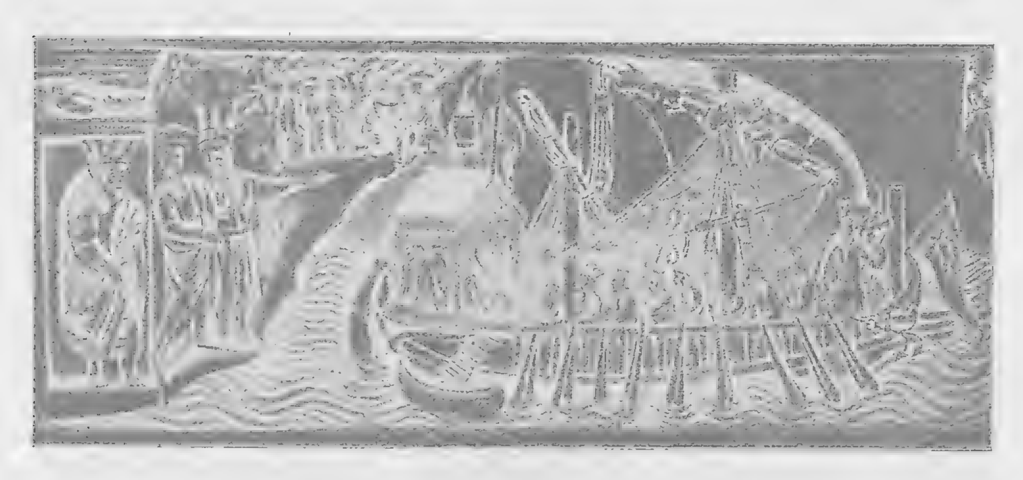
63. Бронзовое изображеніе императора Іоанна Палеологъ.
Хранится въ музеѣ Конгрегаціи Пропаганды въ Римѣ.

Не обращая никакого вниманія на свое низложеніе, Евгеній IV поспѣшилъ собрать другой соборъ въ Италіи, въ городѣ Феррарѣ, перенесенный затѣмъ во Флоренцію—для рѣшенія вопроса столь огромной важности, какъ соединеніе Греческой церкви съ Латинской. На соборъ этотъ прибылъ Византійскій царь Іоаннъ VIII Палеологъ съ патріархомъ Іосифомъ, множество высшаго Латинскаго духовенства и двадцать два представителя Православной церкви, въ томъ числѣ и преданный всецѣло папѣ—митрополитъ всея Руси.

Кто же былъ этимъ митрополитомъ?

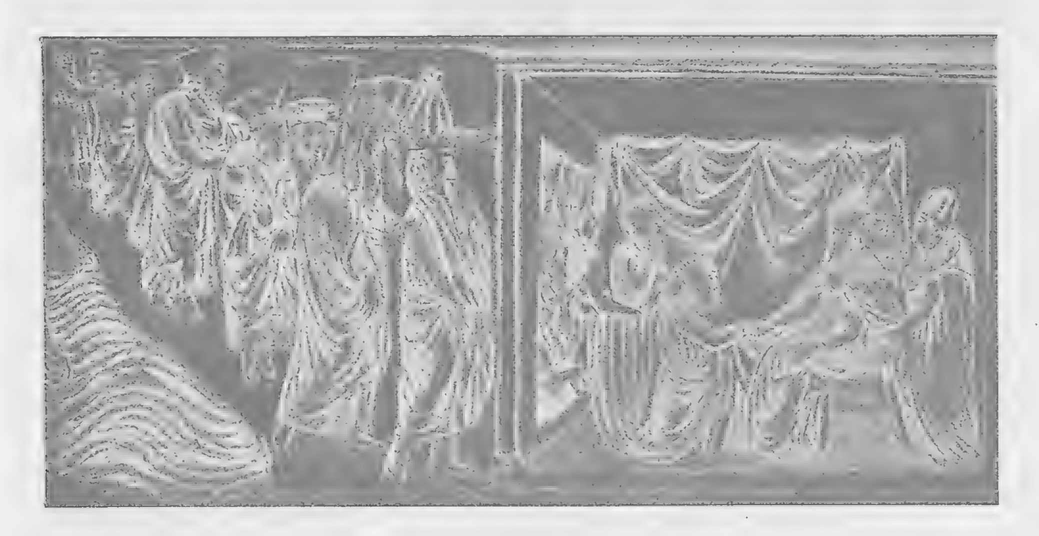
Послѣ смерти митрополита Фотія великій князь Василій Васильевичъ Московскій, вмѣстѣ со всѣми другими князьями, рѣшилъ поставить въ митрополиты уже знакомаго намъ Іону, бывшаго тогда епископомъ Рязанскимъ, и снискавшаго святостью своей жизни общую любовь и уваженіе, при чемъ еще митрополитъ Кипріанъ, увидя его въ первый разъ молодымъ монахомъ, предсказалъ ему въ будущемъ этотъ великій санъ. Однако, Святому Іонѣ суждено было не скоро стать дѣйствительно митрополитомъ всея Руси. Какъ мы знаемъ, назначеніе митрополита зависѣло отъ патріарха Царьградскаго. А въ томъ же 1432 году, когда Василій избралъ Іону, Свидригайло Литовскій, очевидно, не снесясь съ Московскимъ княземъ, самостоятельно просилъ патріарха Іосифа—назначить въ митрополиты его избранника—епископа Литовскаго—Герасима, что и было исполнено въ Царьградѣ. Когда же Свидригайло сжегъ Герасима

въ Витебскѣ, подозрѣвая его въ сношеніи съ врагомъ своимъ Сигизмундомъ, то великій князь Василій Васильевичъ отправилъ Іону въ Царьградъ съ просьбой поставить его въ митрополиты всея Руси. Но, очевидно, въ Царь-



64. Отплытіе изъ Царьграда императора Іоанна Палеолога и Царьградскаго патріарха Іосифа II въ Италію на соборъ о соединеніи церквей.

Изображеніе на бронзовыхъ вратахъ папы Евгенія IV въ храмѣ Святого Петра въ Римѣ.



65. Прибытіе въ Италію императора Іоанна и патріарха Іосифа со свитою. На правой сторонѣ рисунка изображенъ колѣнопреклоненный Іоаннъ передъ папою Евгеніемъ IV.

Изображеніе на тѣхъ же вратахъ, что и рисунокъ 64.

градѣ, гдѣ уже замышлялась унія съ папой, не могъ быть по душѣ такой крѣпкій Православный человѣкъ, какъ Іона, а потому его встрѣтили тамъ извѣстіемъ, что митрополитъ для Руси уже поставленъ. Это былъ ловкій и хитрый Грекъ Исидоръ, всецѣло посвященный въ замыслы Іоанна Палео-

лога и патріарха Іосифа, и уже успѣвшій побывать у папы и снискать его расположеніе. Поэтому, смиренный Іона долженъ былъ отправиться изъ Царьграда обратно въ Русскую Землю вмѣстѣ съ Исидоромъ, въ качествѣ простого спутника послѣдняго.

Прибывъ въ Москву, Исидоръ сталъ тотчасъ же собираться на соборъ во Флоренцію, который онъ выставлялъ, какъ восьмой Вселенскій. Конечно, этотъ соборъ, созываемый въ неправославной странѣ, долженъ былъ показаться подозрительнымъ великому князю Василію, но отклонить Исидора отъ поѣздки на него онъ не могъ. Однако, предчувствуя недоброе, великій князь, отпуская митрополита, сказалъ ему: «Смотри же, принеси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужого не приноси; если же принесешь что либо новое и чужое, то мы не примемъ».

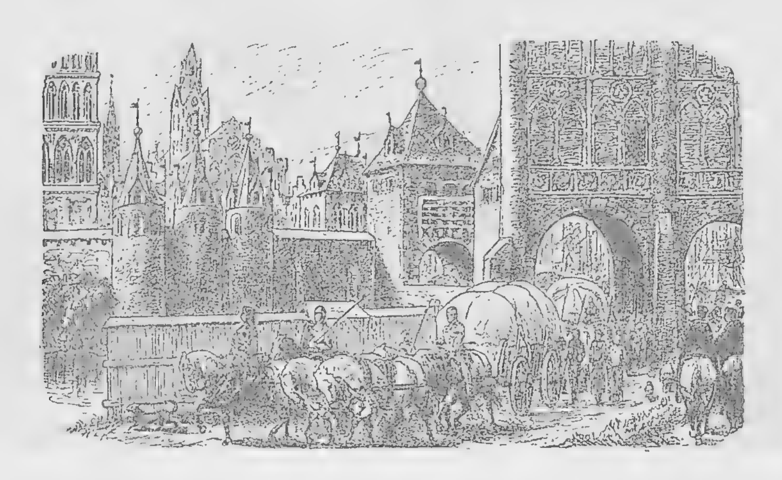
Исидоръ поклялся великому князю не измѣнять Православію и отправился въ дорогу въ Сентябрѣ 1437 года, сопутствуемый большой свитой, въ коей былъ и Суздальскій священникъ Симеонъ, оставившій любопытныя записки объ этомъ первомъ путешествіи Русскихъ въ Италію.

66. Митрополитъ Исидоръ въ Юрьевѣ. „...Сидоръ же преступивъ клятву, еже клятся предъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ о благочестіи, преже пріиде и поклонися и знаменася и цѣлова крыжъ Римскаго закона, и потомъ пріиде къ святымъ крестомъ Греческаго закона; и проводи крыжъ Римскаго закона и до костеля, сирѣчь до церкви ихъ, и честь въздаваше имъ, паче и провожаше; Греческаго же закона не толико почиташе“...

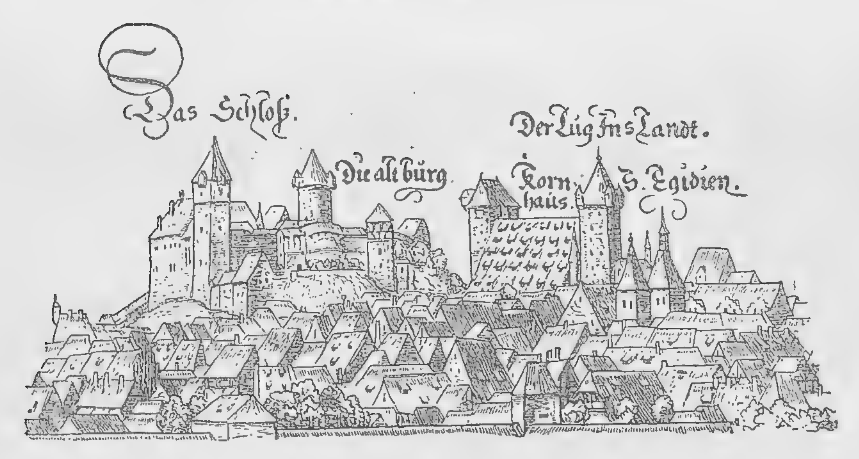
Изъ Царственнаго лѣтописца.

Когда Исидоръ прибылъ въ Дерптъ (Юрьевъ), то онъ съ благоговѣніемъ приложился сперва къ Латинскому кресту, а затѣмъ уже къ Православнымъ иконамъ. Спутники его ужаснулись и потеряли къ нему всякое довѣріе, со страхомъ ожидая его вѣроотступнической дѣятельности на соборѣ, но само путешествіе произвело на нихъ очень благопріятное впечатлѣніе.

Въ это время Западная Европа, надежно прикрытая грудью Православныхъ Восточныхъ Славянъ—Руси, Болгаровъ и Сербовъ отъ убійственныхъ вторженій Азіатскихъ кочевниковъ,—не испытывала вовсе тѣхъ ужасныхъ опустошеній, которымъ подвергались они, и могла свободно развивать свою торговлю, а также совершенствоваться



67. Городскія ворота Любека, около 1400 года.
Съ современнаго Нѣмецкаго рисунка.



68. Видъ города Нюрнберга въ XIV—XV вѣкѣ.
Со стариннаго Нѣмецкаго изображенія.

въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ. Уже городъ Юрьевъ, переименованный Нѣмцами въ Дерптъ, поразилъ нашихъ путешественниковъ своимъ видомъ: «палаты въ немъ чудныя, мы такихъ не видывали и дивились», писалъ священникъ Симеонъ. Еще больше имъ понравился Любекъ, главный городъ Ганзейскаго торговаго союза, къ которому, какъ мы знаемъ, примыкалъ и Новгородъ. «Городъ Любекъ очень дивенъ; сады прекрасные, палаты чудныя съ позолоченными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды

69. Венеція. Часть большого канала, дворецъ дожей и площадь Святого Марка.
Съ картины художника Каналетто (XVII—XVIII вѣкъ).

70. Видъ города Венеціи въ XV—XVI вѣкѣ.
Изъ Французской книги: „Космографія Бель-Форе", изданія 1575 года.

71. Куполъ соборнаго храма Богоматери во Флоренціи, въ которомъ происходило заключительное засѣданіе собора объ Уніи 1439 года.

72. Видъ Флоренціи въ XV—XVI вѣкѣ.

Изъ Нѣмецкой книги: „Космографія Себастіана Мюнстера“, изданія 1570 года.

проведены въ него, текутъ по всѣмъ улицамъ по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки». Славный городъ Нюрнбергъ въ Баваріи показался имъ хитрѣе всѣхъ прежде видѣнныхъ городовъ: «сказать о семъ убо не можно и недомысленно». Но больше всего удивили Русскихъ путешественниковъ Итальянскіе города: Венеція и Флоренція. Про Венецію отецъ Симеонъ писалъ: «А той градъ стоитъ въ морѣ, а сухого пути къ нему нѣтъ; а среди его проходятъ корабли, а по всѣмъ улицамъ воды, и ѣздятъ на бар-

73. Соборъ въ Феррарѣ „...Сидоръ Гречинъ, митрополитъ Кіевскій всеа Руси, пріиде въ область Римъскую, въ градъ, нарицаемый Ѳерару, къ Евгенію папѣ Римъскому на суемысленный ихъ осмый соборъ"...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

кахъ»... «Есть въ градѣ томъ церковь Святого Евангелиста Марка, каменная, столпы въ ней чудные, Гречинъ писалъ мусіей». Про Флоренцію же онъ говоритъ: «Градъ Флоренція великъ весьма, и такого не обрѣтохомъ въ прежде писанныхъ градехъ... Есть же во градѣ томъ лечебница велика и есть въ ней за тысячу кроватей, и на послѣдней кровати перины чудны и одѣяла драгія... И есть во градѣ томъ икона чудотворна: образъ Пречистой Божіей Матери, и есть предъ иконою тою, въ больницѣ, исцѣлѣвшихъ людей за шесть тысячъ доспѣты вощаны, во образъ людей тѣхъ»... «И суть во градѣ томъ Божница устроена велика, камень мраморъ бѣлъ, да чернъ; а у Божницы той устроены столпъ и колокольница и хитрости ей недоумѣваетъ умъ нашъ».

Однако, недоумѣвая своимъ умомъ о хитростяхъ строенія Флорентійскихъ зданій, Суздальскій іерей Симеонъ своимъ чистымъ сердцемъ—сразу постигъ измѣну митрополита Исидора и не далъ себя обмануть его хитрыми и сладкими рѣчами на соборѣ, гдѣ, какъ мы говорили, кромѣ папы и царя Іоанна Палеолога *), собрались патріархъ Константинопольскій, двадцать два Православныхъ митрополита и епископа и множество высшаго Латинскаго духовенства. Этотъ соборъ сразу же оказался такимъ, какимъ его себѣ и представлялъ Василій Темный. Онъ вовсе не задавался

Іоаннъ Палеологъ. Папа Евгеній IV.

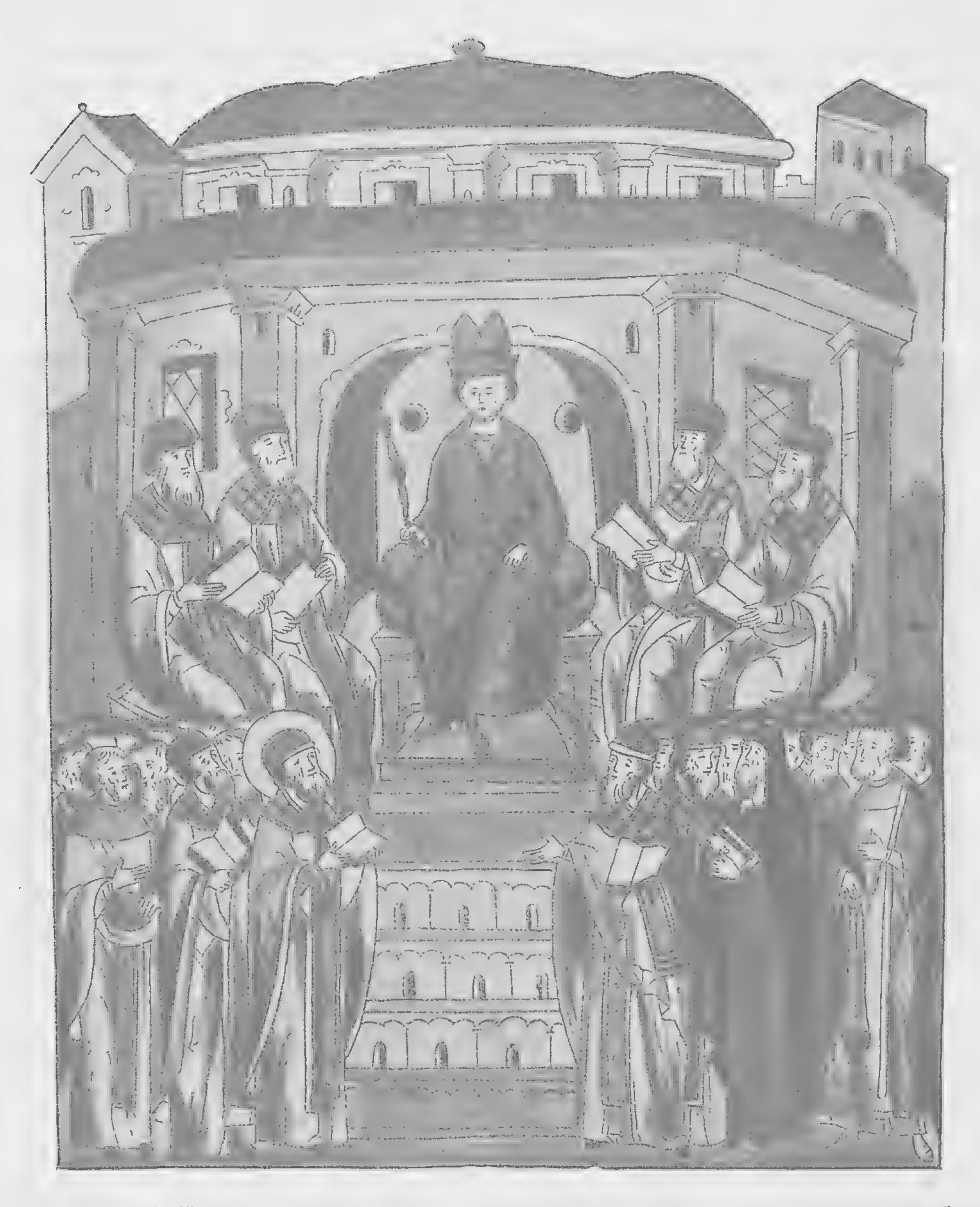
74. Засѣданіе Флорентійскаго собора, вѣроятно послѣднее, 6-го іюля 1439 года. На возвышеніи съ правой стороны, на изогнутомъ сидѣніи сидитъ папа, а противъ него, на лѣвой сторонѣ,—императоръ Іоаннъ Палеологъ.

Изображеніе на тѣхъ же вратахъ, что и рисунки 64 и 65.

цѣлью искренняго соединенія Церквей, о чемъ у насъ молятся за каждой обѣдней, и для чего Латыняне должны бы были отстать отъ своихъ уклоненій отъ Православія, а задался исключительно цѣлью подчинить папѣ всю Греческую церковь; самыми главными и опасными предателями въ этомъ дѣлѣ были митрополиты: нашъ Исидоръ и Виссаріонъ Никейскій.

Достойнымъ же ихъ противникомъ выступилъ епископъ Ефесскій—Маркъ, причинившій своею твердостью огромныя досады папѣ. Тѣмъ не

*) Къ этому времени онъ уже потерялъ свою супругу Анну, дочь Василія Димитріевича Московскаго.



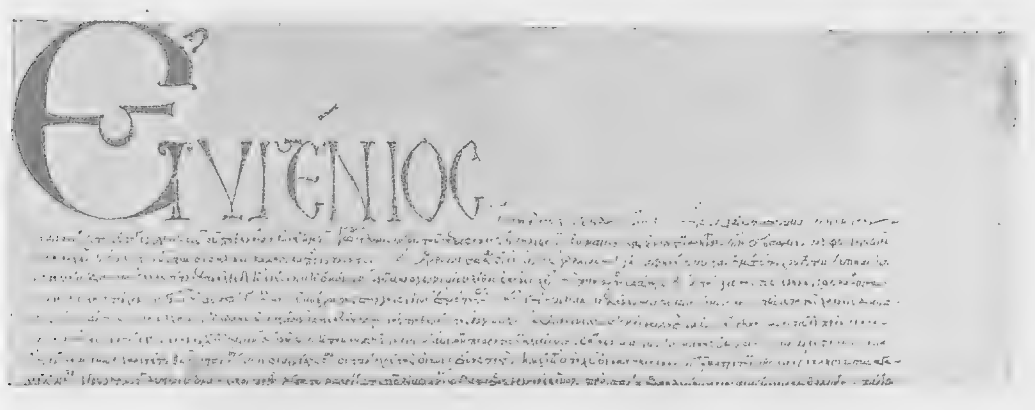
75. Флорентійскій соборъ. „...Внегда Исидору митрополиту пошедъшу к римьскому папе на соборъ и взятъ съ собою нѣкоего празвvтера Сvмеона именемъ. И тако бывшу ему с нимъ на соборѣ и не похваливша Латыньскаго правила нигдѣ и яко суетна рекше и многа ему прореновавшу Исидору о томъ, ни какими вещьми в Латыньскую волю подвигшуся. И того ради многи скорби и муки в темницахъ и во окованныхъ желѣзехъ по православной вѣре от Сидора сему прозвитеру претерпѣвшу"...

Изъ рукописнаго Житія XVI вѣка Святого Сергія Радонежскаго Троицко-Сергіевской Лавры.

менѣе, послѣ долгихъ и жаркихъ преній, унія, то-есть союзъ Православной церкви и Латинской, при полномъ подчиненіи первой послѣдней,—состоялась на этомъ соборѣ рѣшеніемъ всѣхъ голосовъ противъ одного—Марка

Ефесскаго, наотрѣзъ отказавшагося, не смотря на всѣ угрозы, подписать грамоту объ уніи. Когда объ отказѣ Марка узналъ папа, то онъ воскликнулъ съ негодованіемъ: «и такъ мы ничего не сдѣлали».

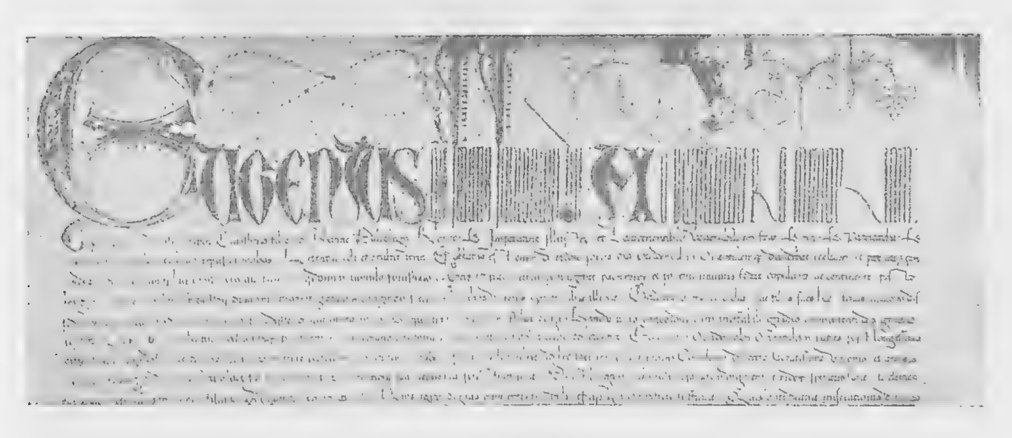
Исидоръ больше другихъ старался объ уніи и уѣхалъ изъ Флоренціи съ великимъ пожалованіемъ отъ папы:—онъ былъ назначенъ



76. Заголовокъ Греческой половины грамоты Флорентійской Уніи 1439 года.

Хранится въ Лаврентьевской библіотекѣ во Флоренціи.

папскимъ кардиналомъ—«легатомъ (намѣстникомъ) отъ ребра Апостольскаго». Заковавъ въ желѣзо, бѣжавшаго было отъ него, безстрашнаго

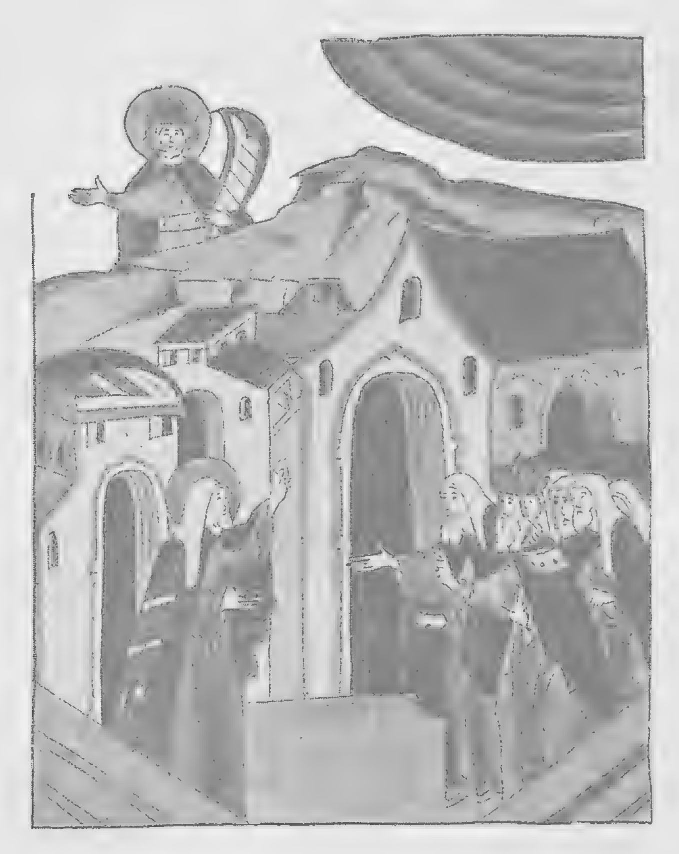


77. Заголовокъ Латинской половины грамоты Флорентійской Уніи 1439 года.

іерея Симеона, который постоянно спорилъ съ новымъ кардиналомъ и, ходя съ нимъ по божницамъ, не хотѣлъ «приклякать» (присѣдать) по Латински передъ изваяніями святыхъ, Исидоръ торжественно вернулся въ Москву въ 1441 году, приказавъ нести передъ собою большой Латинскій «крыжъ» (крестъ) и три серебряныхъ палицы.

Прибывъ въ Успенскій Соборъ, куда собралось вмѣстѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ все боярство и высшее духовен-

ство, онъ сталъ служить обѣдню по новому: поминать на ектеніи вмѣсто вселенскаго патріарха—папу, а по ея окончаніи велѣлъ читать грамоту о соединеніи церквей, въ коей было указано, вопреки Православному Символу Вѣры, что Святой Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, что хлѣбъ безквасный и квасный одинаково можетъ претворяться въ тѣло Христово,



78. Святой Маркъ Эфесскій отказывается подписать грамоту о Флорентійской Уніи. Вверху изображенъ псалмопѣвецъ Давидъ. „...Тако же по сихъ и самъ папа Евгеній, Исидоромъ наученъ митрополитомъ Русьскимъ, муками претяше ему. Онъ же сихъ ничтоже не убояшеся, но поминаше Давида пророка глаголюща: живый въ помощи Вышняго въ кровы Бога небеснаго водворится; и паки: взоветъ ко Мнѣ, и услышу ѝ; съ нимъ есмь въ скорби; изму ѝ, и прославлю ѝ; долготу дній исполню ѝ, и явлю ему спасеніе мое“...

Изъ Царственнаго лѣтописца.

и прочія Латинскія новизны. Всѣ растерялись. «Вси князи умолчаша и бояре и иніи мнози...» говоритъ литописецъ.

Не растерялся только одинъ великій князь Василій Васильевичъ, обыкновенно столь уступчивый. Онъ назвалъ Исидора Латинскимъ «ересньмъ прелестникомъ» и лютымъ волкомъ, а не пастыремъ, велѣлъ свести съ митрополичьяго стола и заключилъ подъ стражей въ Чудовомъ монастырѣ.

Послѣ этого, былъ собранъ соборъ Русскихъ епископовъ, которые, разсмотрѣвъ подробно дѣло, осудили Исидора. Вскорѣ, однако, онъ нашелъ случай бѣжать изъ своего заточенія и пробраться къ папѣ, при которомъ занялъ очень приближенное мѣсто. Великій князь не преслѣдовалъ его, но вновь

79. Великій князь Василій Темный приказываетъ заточить митрополита Исидора, прибывшаго съ Флорентійскаго собора. Въ верхнемъ изображеніи Исидоръ показанъ заточеннымъ въ келіи Чудова монастыря. „...И повелѣ ему пребыти въ монастырѣ, дондеже обыщеть о немъ по священнымъ правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ седми соборовъ святыхъ Отецъ и тако истиннымъ судомъ правды архіепископы и епископы и предъ всѣмъ священнымъ соборомъ обличитъ ересь его, яко да усрамится и отложитъ Латыньская соединенія и согласія ересная и повинется и покается и милость получить"...

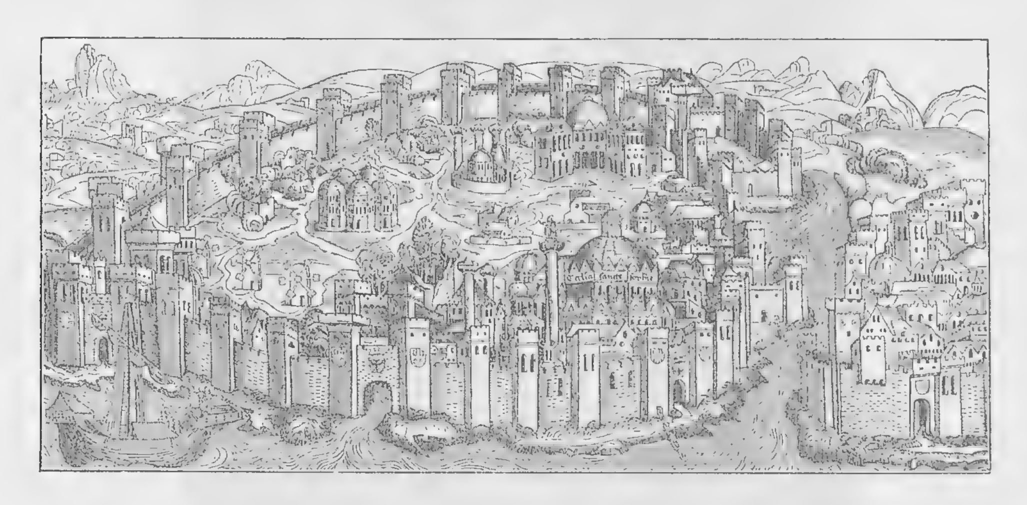
Изъ Царственнаго лѣтописца.

рѣшилъ возвести Іону митрополитомъ—соборомъ нашихъ святителей, и отправилъ объ этомъ письмо въ Царьградъ къ патріарху, прося имѣть право и впредь ставить митрополита изъ Русскихъ же—соборомъ Русскихъ епископовъ.

Письмо его не дошло до Царьграда: въ Москву скоро пришло извѣстіе о присоединеніи патріарха Іосифа къ уніи, а затѣмъ началась усобица

съ Шемякой; поэтому Іона былъ поставленъ митрополитомъ лишь по окончательномъ утвержденіи Василія Темнаго на Московскомъ столѣ; сообщая о семъ императору въ Византію, Василій писалъ: «Собравши своихъ Русскихъ святителей, согласно съ правилами, поставили мы вышеупомянутаго Іону на митрополію Русскую, на Кіевъ и на всю Русь. Мы поступили такъ по великой нуждѣ, а не по гордости или дерзости; до скончанія вѣка пребудемъ мы въ преданномъ намъ Православіи... Мы хотѣли обо всѣхъ этихъ дѣлахъ церковныхъ писать и къ святѣйшему патріарху Православному... но не знаемъ, есть ли въ вашемъ царствующемъ градѣ патріархъ или нѣтъ»...

Это было послѣднее письмо Московскаго великаго князя въ Царьградъ о поставленіи митрополита; съ тѣхъ поръ, они уже всегда выби-



80. Изображеніе Константинополя въ Нѣмецкой лѣтописи 1493 года.

рались въ Москвѣ—собраніемъ Русскихъ епископовъ. Царьградъ же въ 1453 году былъ окончательно взятъ Турками.

Флорентійская унія не принесла никакой пользы Византійскому императору Іоанну; извѣстіе о ней было встрѣчено въ Константинополѣ народнымъ бунтомъ, а папа далъ Іоанну всего 300 воиновъ и нѣсколько десятковъ тысячъ золотыхъ, обѣщая, впрочемъ, созвать крестовый походъ. Но его уже плохо слушали въ Европѣ, а дѣятельный султанъ Магометъ Второй неослабно готовился, между тѣмъ, къ завладѣнію великимъ городомъ. Царь Іоаннъ не дожилъ до этого; Царьградъ палъ при преемникѣ Іоанна—его родномъ братѣ императорѣ Константинѣ.

Турки вели приступъ съ моря и съ суши, безпрерывно въ теченіе семи недѣль. Наконецъ, Магометъ перетащилъ на колесахъ по сушѣ свои корабли во внутреннюю гавань—Золотой Рогъ, входъ въ которую изъ Босфора былъ запертъ цѣпью, и 29 мая, съ восходомъ солнца, начался страшный приступъ. Турокъ было около 300.000 человѣкъ; изъ ста же тысячъ жителей Царьграда, вооружили только 5.000 гражданъ и монаховъ;

кромѣ того, было 2.000 иностранныхъ войскъ, подъ начальствомъ храбраго Генуэзскаго рыцаря—Джустиніани. Турки какъ бѣшеные вломились въ городъ, послѣ чего началась страшная рѣзня. Императоръ Константинъ сражался геройски, но наконецъ палъ подъ ударами непріятеля; его послѣднія слова были: «Отчего я не могу умереть отъ руки христіанина?»

81. Магометъ Второй передъ Царьградомъ.
Рисунокъ Густава Доре.

Этому паденію Царьграда предшествовало много предзнаменованій, между прочимъ, замѣчательное пророческое видѣніе Болгарскому царю Симеону, воевавшему въ X вѣкѣ съ Византійскимъ императоромъ Романомъ и давшему ему легкій миръ, не смотря на то, что Болгары могли овладѣть Константинополемъ; когда Симеонъ отходилъ отъ Царьграда, то ему явился старецъ и предсказалъ, что за то, что онъ не взялъ этого города, будучи въ состояніи имъ овладѣть, а оставилъ его во власти лукавыхъ Грековъ, Болгарскій народъ и Византія подпадутъ подъ Турецкое иго.

*

Взятіе Константинополя Турками поразило всю Европу. Для Русскихъ же людей—эта потеря была такъ же тяжела, какъ пораженіе своей собственной Родной Земли. Слишкомъ много связей и преданій было у насъ съ несчастной, нѣкогда славной Византіей. Печалуясь о судьбѣ Царьграда, лѣтописецъ нашъ примѣчаетъ: «Царство безъ грозы есть конь безъ узды. Константинъ и предки его давали вельможамъ утѣснять народъ; не было въ судахъ правды, ни въ сердцахъ мужества; судіи богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ, а полки Греческіе величались только цвѣтною одеждой; гражданинъ не стыдился вѣроломства, а воинъ бѣгства, и Господь казнилъ властителей недостойныхъ, умудривъ царя Магомета, коего воины играютъ смертію въ бояхъ и судіи не дерзаютъ измѣнять совѣсти. Уже не осталось теперь ни единаго царства Православнаго, кромѣ Русскаго. Такъ исполнилось предсказаніе Святыхъ Меѳодія и Льва Мудраго, что Измаильтяне (Турки) овладѣютъ Византіей; исполнится можетъ быть и другое, что Россіяне побѣдятъ Измаильтянъ и на седьми холмахъ ея воцарятся».

Лицевая сторона.

Оборотная сторона.

82. Медаль Магомета II.

Хранится въ Королевскомъ Мюнцъ-кабинетѣ въ Берлинѣ.

Дѣйствительно, послѣ паденія Византіи, Москва съ ея государемъ, митрополитомъ и народомъ—сдѣлалась, такъ сказать, средоточіемъ истинной Христовой вѣры, къ которому все болѣе и болѣе начали стремиться сердца всѣхъ Православныхъ людей. Она стала скоро

въ сознаніи этихъ людей—третьимъ и послѣднимъ Римомъ, такъ какъ въ первомъ древнемъ Римѣ—Православіе образовалось впервые, во второмъ—Византіи—оно укрѣпилось и распространилось на многіе народы, а въ третьемъ Римѣ—Москвѣ—оно должно сохраняться до скончанія вѣка. Четвертому же Риму не быть.

83. Видѣніе Болгарскаго царя Симеона.
Рисунокъ А. Земцова.

Этому значенію Москвы въ дѣлѣ сохраненія Православія—Русскіе люди обязаны, конечно, всецѣло Божіей благодати, осѣнившей благодушнаго и слабаго Василія Темнаго, возстать какъ скала противъ Флорентійской уніи. «Это одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній», говоритъ нашъ историкъ С. Соловьевъ, «которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ». Вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ

княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность Руси въ Смутное время 1612 года, сдѣлала (какъ мы увидимъ) невозможнымъ вступленіе на Московскій престолъ Польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ Польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великой, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова». Мы

4. Святой Іона, митрополитъ всея Руси.

Съ древней иконы Историческаго музея имени Императора Александра III въ Москвѣ.

Православные Русскіе люди, живущіе въ настоящее время—должны постоянно объ этомъ помнить.

Флорентійская унія, отвергнутая въ Москвѣ, была, конечно, встрѣчена съ живѣйшей радостію католиками въ Польшѣ и Литвѣ. Польскій король Владиславъ Ягайловичъ далъ жалованную грамоту присоединенному Русскому духовенству Западной Руси, «въ виду соединенія церквей», разсчитывая, что его митрополитомъ будетъ Исидоръ. Но Исидоръ бѣжалъ изъ Москвы нигдѣ не останавливаясь ни на Руси, ни въ Литвѣ; послѣ же того, какъ Владиславъ былъ убитъ подъ Варной, братъ его Казиміръ, не

желая ссоры съ Москвой, призналъ Іону митрополитомъ и надъ Западно-Русской церковью, въ которой поэтому, конечно, не было и рѣчи объ уніи.

Но папы не такъ легко хотѣли отъ нея отказаться, и въ 1458 году отправившійся въ Римъ, послѣ взятія Царьграда Турками, Константинопольскій патріархъ Григорій Мамма, заискивая въ папѣ, поставилъ митрополитомъ для Западной Руси нѣкоего епископа Григорія, ученика и ревностнаго послѣдователя кардинала-митрополита Исидора. Въ Москвѣ былъ созванъ соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоны изъ Сѣверо-Восточныхъ владыкъ, которые отправили Западно-Русскимъ епископамъ увѣщаніе не принимать къ себѣ Григорія; на это Казиміръ, ведя свою обычную игру въ двѣ руки, не согласился и даже предложилъ Василію Темному избрать Григорія вмѣсто Іоны и для Сѣверо-Восточныхъ епархій, ссылаясь на то, что Григорій привезъ съ собой грозное посланіе папы, въ которомъ тотъ повелѣвалъ: «поймать и сковать нечестиваго отступника Іону». Но Василій, разумѣется, не согласился. Русская же митрополія вновь раздѣлилась, и на этотъ разъ окончательно.

Раздѣленіе это крайне горестно подѣйствовало на Святого Іону, который, поставивъ себѣ преемникомъ епископа Ѳеодосія Ростовскаго, преставился въ 1461 году, прославившись еще при жизни чудотвореніемъ; послѣ же кончины—народъ почиталъ его за крѣпкую любовь къ Православію и Русской Землѣ—наравнѣ съ святителями Петромъ и Алексіемъ. Въ слѣдующемъ 1462 году сошелъ въ могилу, на 47 году жизни, и великій князь Василій; онъ умеръ отъ прижиганія тѣла трутомъ, что дѣлалъ по совѣту тогдашнихъ врачей, полагавшихъ, что у него «сухотная болѣзнь».

Изъ лицъ, занимавшихъ видное положеніе при Василіи Темномъ, и стяжавшихъ по себѣ память за вѣрность своему Государю, обращаютъ на себя вниманіе: князья Ряполовскіе и Оболенскіе; послѣдніе были потомками Святого Михаила Черниговскаго и многіе изъ нихъ оказались весьма искусными въ ратномъ дѣлѣ. Затѣмъ, удержали свое значеніе и бояре Кобылины-Кошкины; члены этой семьи отличались особой преданностью Василію въ самыя тяжелыя времена, вмѣстѣ съ знаменитымъ Ѳеодоромъ Басенкомъ. Вѣрными слугами Темнаго были также члены древняго рода Плещеевыхъ, изъ котораго происходилъ Святой Алексій, митрополитъ Московскій, а именно бояре Ѳеодоръ Челяднинъ и Василій Кутузовъ. Запятналъ же свое имя черной измѣной—бояринъ Иванъ Старковъ, предавшій Василія въ тяжелое время и перешедшій на сторону Шемяки.

Василій Темный оставался въ теченіе всей своей жизни почтительнымъ сыномъ по отношенію Софіи Витовтовны и безупречнымъ мужемъ, завѣщавъ послѣ смерти своей вдовѣ, по обычаю предковъ, богатыя земли съ деревнями и селами, изъ которыхъ нѣкоторыми великія княгини могли распоряжаться совершенно по своему произволу и завѣщать, въ свою

очередь, кому угодно; такія владѣнія, составлявшія полную собственность великихъ княгинь, назывались «опричнинами».

Княжескіе доходы при Василіи Темномъ состояли, какъ и въ древнія времена, изъ судебныхъ пошлинъ и различнаго рода податей; весьма крупную статью ихъ составляли, кромѣ того, и доходы отъ произведеній земли, такъ какъ потомки Калиты, какъ мы видѣли, усердно собирая Русскую Землю, употребляли значительную часть своихъ денегъ на скупку земельныхъ участковъ у мелкихъ удѣльныхъ князей и другихъ лицъ *). Затѣмъ, крупные доходы приносили также: рыбная ловля, пчеловодство, охота и ловля бобровъ; для охоты посылались на сѣверъ цѣлыя ватаги звѣролововъ, а бобровыми гонами завѣдывали особые бобровники. Въ большомъ ходу была и ловля кречетовъ для охоты, а также и медвѣдей, которыхъ во множествѣ водили по Руси для потѣхи народа. Князья держали тоже большія стада коней и имѣли обширные сады.

Первенствующее значеніе въ государственной жизни имѣла, какъ и прежде, княжеская дружина, то есть военно-служилое сословіе, при чемъ, какъ и въ старину, старшіе въ этомъ сословіи, бояре, составляли ближайшихъ совѣтниковъ князя—такъ называемую боярскую думу. Имъ же князь приказывалъ вѣдать и внутренними отраслями государственнаго управленія.

Такъ какъ въ Московскомъ княжествѣ князья сидѣли на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, то дружина, конечно, также пріобрѣла осѣдлость, при чемъ члены ея скоро сдѣлались значительными землевладѣльцами, главнымъ образомъ потому, что награды военно-служилому сословію производились въ то время, преимущественно, пожалованіемъ землей, при чемъ, если земли давались во временное пользованіе, то онѣ назывались помѣстьями, а если, напротивъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе, то вотчинами.

Но были, впрочемъ, и другіе виды жалованія за службу, а именно: боярамъ давались на *кормленіе* или доходы съ цѣлыхъ городовъ, или же доходы въ данной мѣстности, съ какой-либо одной отрасли великокняжескаго хозяйства; первые бояре, получавшіе города на кормленіе, назывались *введенными*, а вторые, получавшіе только доходъ съ извѣстной статьи хозяйства—*путными* (старинное слово *путь* и настоящее *доходъ*—отъ доходить—выражаютъ одно и то же понятіе). Ниже бояръ стояли боярскіе дѣти и дворяне. Самымъ же младшимъ служилымъ сословіемъ были «вольные княжескіе слуги или люди дворовые», таможенники, пристава и пр., получавшіе разнаго вида жалованье; подъ ними были уже слуги полусвободные: бортники, садовники, конюха, псари, ловчіе и др. Остальное населеніе, не принадлежащее къ служилому сословію, составляло такъ назы-

*) Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Московскіе князья составляли полную противуположность Польскимъ королямъ. Послѣдніе постоянно нуждались въ деньгахъ и постепенно заложили и распродали Нѣмцамъ всю Силезію, составлявшую ископное ихъ владѣніе.

ваемое «земство» или «*тяглое*» населеніе. Къ верхнему слою этого сословія принадлежали наиболѣе крупные торговцы—*гости*, за которыми слѣдовали собственно *купцы*, дѣлившіеся на сотни—гостинную, суконную и другія.

Низшее городское населеніе имѣло наименованіе черныхъ людей; они дѣлились на «черныя сотни».

Сельское населеніе,—какъ и теперь, носило названіе крестьянъ; слово это происходитъ, вѣроятно, отъ древне-Арійскаго слова—*кърст*—борозда (откуда бороздить—кърстить—пахать). Весьма замѣчательно, что оно почти совпадаетъ со словомъ христіанинъ, почему многіе простые люди и смѣшиваютъ эти названія, и въ этомъ смѣшеніи кроется глубокій внутренній смыслъ, такъ какъ Русскій человѣкъ по приходѣ сельскій житель и горячій христіанинъ. Назывались крестьяне въ XV вѣкѣ также *сиротами;* слово это показывало, разумѣется, сочувственное къ нимъ отношеніе другихъ слоевъ населенія. Крестьяне были попрежнему свободны, но чтобы обработывать землю должны были заключать условія съ ея владѣльцами: частными собственниками, монастырями, или государствомъ; при этомъ, въ виду того, что частые переходы хлѣбопашцевъ отъ одного владѣльца къ другому являлись крайне убыточными для народнаго хозяйства, въ XIV—XV вѣкѣ начали уже дѣлаться нѣкоторыя попытки къ ограниченію этихъ переходовъ. Такъ, въ Московской Руси для нихъ былъ назначенъ срокъ—именно осенній Юрьевъ день, то есть окончаніе полевыхъ работъ; кто же уходилъ раньше этого дня, того возвращали къ прежнему владѣльцу земли.

Кромѣ свободнаго сельскаго населенія—попрежнему были и несвободные или холопы. Общее обѣднѣніе, наступившее во время татарщины, значительно увеличило число холоповъ; многіе закладывались въ холопы за долги, а иные, какъ это дѣлалось и въ Западной Европѣ, шли добровольно въ холопы къ сильнымъ и богатымъ людямъ, просто потому, что за ихъ спиной имъ жилось легче и они могли скорѣе найти защиту отъ лихихъ людей.

При Василіи Темномъ встрѣчаются первыя извѣстія о *казакахъ*, именно о казакахъ Рязанскихъ, населявшихъ украинныя Рязанскія мѣста, и жившихъ бокъ о бокъ съ хищниками, хозяйничавшими постоянно въ нашихъ южныхъ степяхъ. Въ казаки шли, конечно, самые бѣдные, но притомъ и самые выносливые и воинственные люди, потерявшіе надежду на сносную жизнь въ родныхъ мѣстахъ, и шедшіе искать лучшей доли въ пограничное приволье, съ тѣмъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать ее отъ Татаръ и иныхъ лихихъ людей.

Нравы населенія отличались во времена Василія Темнаго тою же грубостью, которая явилась послѣдствіемъ нашествія Татаръ; въ высшемъ сословіи женщины рѣдко показывались на улицахъ и жили почти исключительно въ тѣсномъ семейномъ кругу. Любимыми занятіями народа были бои кулачные и на дреколіяхъ; среди бояръ же устраивались «игрушки», подобно рыцарскимъ поединкамъ (турнирамъ) Западной Европы; игрушки эти иногда оканчивались смертію.

Грубость нравовъ отразилась также и на законодательствѣ: участилось примѣненіе смертной казни, причемъ она полагалась во многихъ случаяхъ и за воровство, разбой и конокрадство. Часто употреблялись также тѣлесныя наказанія, которыя на Руси примѣнялись ко всѣмъ преступникамъ, не взирая на ихъ званіе; на Западѣ же—благородные были отъ нея освобождены. Изъ этихъ тѣлесныхъ наказаній—наиболѣе употребительнымъ было битіе кнутомъ; оно происходило обыкновенно на *торгу*, то есть на городскихъ площадяхъ, и носило поэтому названіе «торговой казни».

85. Орлеанская дѣва.
Съ древнѣйшаго изображенія (XVI вѣка) Іоанны д'Аркъ, хранящагося въ музеѣ города Орлеана.

Отмѣчая это огрубѣніе нравовъ въ Русской Землѣ, слѣдуетъ, однако, отнюдь не забывать, что въ Западной Европѣ они были еще значительно болѣе жесткими. Смертная казнь и жестокія пытки примѣнялись тамъ во множествѣ случаевъ, не говоря уже объ ужасѣ инквизиціонныхъ судилищъ и десяткахъ тысячъ костровъ, ею зажоженныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы находимъ несомнѣнное огрубѣніе нравовъ во время Шемякинской смуты,—то слѣдуетъ помнить, что въ Западной Европѣ пятнадцатый вѣкъ ознаменовался—общимъ крайнимъ упадкомъ нравовъ, а шедшія тамъ войны и усобицы сопровождались прямо ужасающими жестокостями и злодѣйствами. Мы уже видѣли, какое полное отсутствіе нравственности проявлялось въ поступкахъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей — Ягайлы, Витовта и Свидригайлы; не менѣе безнравственны были Ливонскіе и Прусскіе рыцари, крайне безчеловѣчно относившіеся къ побѣжденнымъ имъ народностямъ. Современный Нѣмецкій лѣтописецъ говоритъ, что «наши собаки пользуются лучшимъ обращеніемъ, нежели эти побѣжденные люди».

Въ остальной Европѣ нравы были не лучше.

Въ первой половинѣ XV вѣка закончилась знаменитая столѣтняя война между Англіей и Франціей, ознаменовавшаяся вмѣстѣ съ подвигами мужества и многочисленными жестокостями, коварствомъ и низостями, изъ которыхъ величайшей было сожженіе католическимъ духовенствомъ на кострѣ, якобы за сношеніе съ нечистой силой,—святой дѣвушки Іоанны д'Аркъ; она привела Францію къ побѣдѣ и затѣмъ была малодушно предана

Англичанамъ Французами же, а въ настоящее время, по прошествіи 500 лѣтъ послѣ ея сожженія, торжественно причтена къ лику Святыхъ тѣмъ-же Латинскимъ духовенствомъ, которое осудило ее на сожженіе.

Тогда же жилъ во Франціи знаменитый баронъ Жиль-де-Ретцъ, болѣе извѣстный по прозванію «Синяя борода», убившій нѣсколькихъ женъ и въ продолженіи четырнадцати лѣтъ похитившій огромное количество дѣтей съ тѣмъ, чтобы среди страшныхъ истязаній медленно выпускать изъ нихъ кровь и приносить этимъ жертву сатанѣ и прочимъ нечистымъ духамъ, «подателямъ золота, знанія и могущества».

86. Король Людовикъ XI передъ клѣткой, въ которой сидитъ кардиналъ Ла-Балю

Изъ книги: „Исторія Франціи" Монторгейля. Рисунокъ Жоба.

Наконецъ, во времена же Василія Темнаго царствовалъ во Франціи мрачный король Людовикъ Одиннадцатый; онъ ознаменовалъ свою жизнь великимъ дѣломъ, такъ какъ собралъ воедино почти всю Францію, раздѣленную до этого между нѣсколькими владѣтелями, постоянно между собою враждовавшими; но ужасомъ вѣетъ при чтеніи о тѣхъ способахъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для этого собиранія: Людовикъ возсталъ противъ собственнаго отца, затѣмъ противъ облагодѣтельствовавшихъ его герцоговъ Бургундскихъ и ознаменовалъ все свое царствованіе страшнымъ вѣроломствомъ и утонченными безчисленными казнями, при чемъ любимымъ его занятіемъ было запирать своихъ враговъ въ небольшія желѣзныя клѣтки, въ которыхъ они могли помѣщаться только съежившись, и еже-

дневно приходить любоваться ихъ страданіями; мысль о такомъ изувѣрствѣ ему далъ одинъ Латинскій кардиналъ, котораго онъ перваго же и засадилъ въ клѣтку и выдержалъ въ ней двѣнадцать лѣтъ.

На югѣ Европы, въ Испаніи, Италіи и Византіи, нравы были нисколько не лучше; особенно же жестоки были они въ Италіи: убійства родныхъ братьевъ были тамъ дѣломъ самымъ обыденнымъ, при чемъ отрава употреблялась такъ же часто, какъ и кинжалъ. Владѣтели Итальянскихъ городовъ постоянно враждовали, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ партіями противниковъ въ своихъ собственныхъ городахъ, и изощрялись до чрезвычайности въ устройствѣ разнаго рода западней и тайныхъ убійствъ. Совершенно по тому же направленію шли въ XV вѣкѣ и папы; борясь за власть съ могущественными князьями Италіи, они держали особыхъ наемниковъ, которые совершали неслыханныя звѣрства во владѣніяхъ ихъ враговъ и избивали тысячами совершенно невинныхъ жителей; при этомъ, особую извѣстность своими преступленіями, изъ которыхъ убійства и отравленіе были лишь однимъ изъ видовъ, пріобрѣлъ во второй половинѣ XV вѣка—папа Александръ Шестой, изъ фамиліи Борджіа; мы встрѣтимся съ нимъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи.

87. Начальникъ (ректоръ) и студенты средневѣкового университета въ Германіи (Пражскаго).

Изъ Французской книги: „Наука и письменность въ средніе вѣка" Поля Лакруа.

Замѣчательно, что такое невѣроятное паденіе и ожесточеніе нравовъ въ Западной Европѣ происходило въ то время, когда науки, искусства и ремесла—достигли въ ней весьма большого развитія и ученые пользовались повсемѣстно огромнымъ вліяніемъ, а многіе города славились своими высшими учебными заведеніями—университетами, которые вмѣщали въ себѣ по нѣсколько десятковъ тысячъ слушателей.

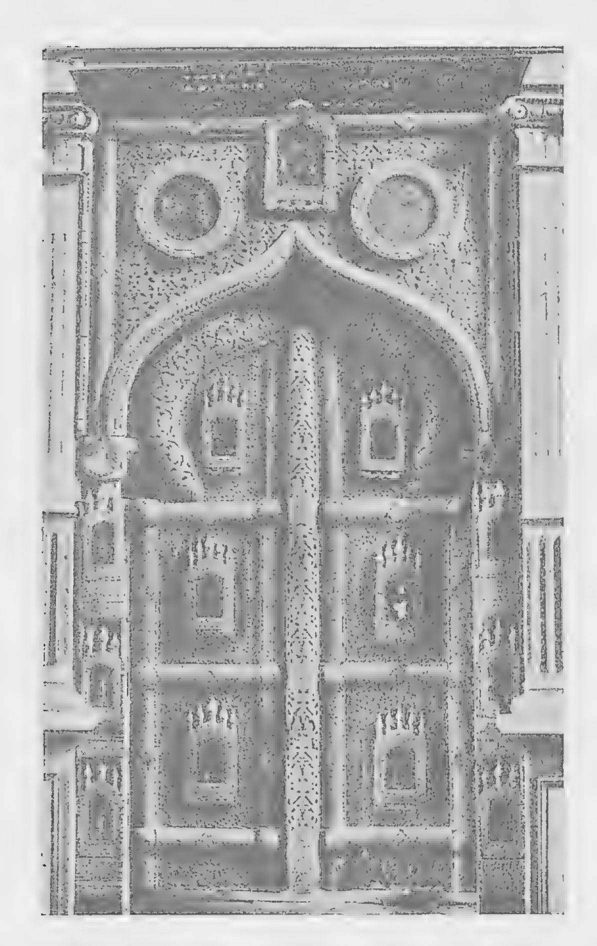
Поэтому, разсматривая нравы Русской Земли въ XV вѣкѣ, мы видимъ, что они были значительно мягче и неизмѣримо чище, чѣмъ Западно-Европейскіе, не смотря на то, что научное образованіе, вслѣдствіе татар-

щины, стояло у насъ тогда крайне низко. Самъ великій князь Василій Темный былъ неграмотенъ; при этомъ, наши ближайшіе Западные сосѣди— Польша, Литва и Орденскіе Нѣмцы ревниво заслоняли отъ насъ все, что могло идти къ намъ съ Запада въ цѣляхъ истиннаго просвѣщенія, а также для развитія разнаго рода искусствъ и ремеслъ. Особенно недружелюбно относились купцы Ганзейскихъ городовъ, торговавшіе съ Великимъ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ, Витебскомъ и Полоцкомъ, къ тому, чтобы Русскіе купцы сами ѣздили за море, и всячески старались имъ препятствовать въ этомъ. Такимъ образомъ, жители перечисленныхъ городовъ, соприкасавшіеся съ иностранцами, могли заимствовать у нихъ, главнымъ образомъ, только плохое. Въ Новгородѣ и Псковѣ упали когда-то знаменитыя искусства: иконопись и строительство; Москва въ XV вѣкѣ, уже значительно ихъ опередила. За то Новгородцы старались подражать Нѣмцамъ въ ихъ внѣшности, какъ это, между прочимъ, видно на помѣщаемомъ здѣсь рисункѣ изъ Новгородской Палеи 1477 года, гдѣ даже окружающіе царя Давида изображены въ Нѣмецкой одеждѣ. Одни лишь деревянныя Царскія врата, сооруженныя Новгородцами въ XV вѣкѣ, въ церкви Спаса Нередицы — замѣчательны, по своей высоко-художественной работѣ.

88. Царь Давидъ и его окружающіе.
Изъ Толковой Палеи Новгородскаго письма 1477 года.

Конечно, высшее Русское духовенство продолжало попрежнему быть носителемъ и распространителемъ просвѣщенія. Въ это время особенно развилось составленіе житій Русскихъ Святыхъ, что вмѣстѣ со «сказаніями» о замѣчательныхъ князьяхъ и событіяхъ Родной Земли (о нашествіи Батыя, Евпатіи Коловратѣ, Мамаевомъ побоищѣ, объ убіеніи въ ордѣ Михаила Тверского и пр.) составляло любимое чтеніе нашихъ предковъ. Имѣлись составленныя Русскими писателями и сказанія о путешествіяхъ въ разныя страны, изъ которыхъ особенной извѣстностію пользовались, уже упомянутыя нами, воспоминанія Суздальскаго священника Симеона о Флорентійскомъ соборѣ и сказаніе «о созданіи Царьграда и взятіи его Турками». Вмѣстѣ съ тѣмъ, у насъ обращались и переводныя сочиненія съ Греческаго, Болгарскаго, Персидскаго, Арабскаго и даже Индійскаго языковъ; конечно, больше всего было переводовъ съ языковъ Греческаго

и Болгарскаго, благодаря усилившимся сношеніямъ Россіи съ Константинополемъ и Аѳономъ *). Среди помянутыхъ сочиненій, наряду съ духовно-нравственными книгами и историческими, видное мѣсто занимали также книги «отреченныя», то есть признанныя церковью вредными и запрещенными. Сюда относились разныя ложныя сказанія изъ Ветхаго и Стараго Завѣта, порою и кощунственныя, а также и различныя книги о волхвованіи и чародѣйствѣ, чѣмъ очень жадно занимались въ тѣ времена во всей Западной Европѣ; среди послѣднихъ наибольшею извѣстностью пользовались на Руси: «Тайная тайныхъ» или «Аристотелевы врата», ложно приписываемыя великому Греческому мудрецу Аристотелю, воспитателю Александра Македонскаго, «Рафли» (гаданіе по черточкамъ и точкамъ), «Шестокрылъ» (гаданіе по звѣздамъ), «Лопаточники» (волхвованіе по лопаткамъ убитыхъ животныхъ), «Трепетники» (гаданіе по дрожанію мышцъ, зуду въ различныхъ частяхъ тѣла, звону въ ушахъ) и пр.



89. Деревянныя рѣзанныя Царскія врата въ храмѣ Спаса Нередицы въ Новгородѣ.

Русское высшее духовенство продолжало, какъ мы видѣли, всецѣло слѣдовать завѣтамъ Святыхъ митрополитовъ Петра и Алексія и, въ противоположность Латинскому, всячески заботилось не объ усиленіи собственной власти, а объ укрѣпленіи державы Московскихъ государей для собиранія Русской Земли воедино.

Конечно, только благодаря глубокой любви къ Православію, поддержанной въ сознаніи всѣхъ высокимъ нравственнымъ поведеніемъ высшихъ пастырей церкви, среди которыхъ было не мало Святыхъ, могъ, не-

*) Изслѣдованію вопроса о переводныхъ сочиненіяхъ въ XIV—XVII столѣтіяхъ— посвященъ обширный трудъ академика А. И. Соболевскаго: «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ» въ «Сборникѣ отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ» 1903 года.

обученный грамотѣ, Василій Темный безошибочно рѣшить вопросъ объ отверженіи Флорентійской уніи и тѣмъ навѣки опредѣлить судьбу Русскаго народа.

Въ одно время съ святителемъ Іоною подвизались въ Русской Землѣ и другіе угодники Божіи, также какъ и онъ причтенные нашей церковью къ лику Святыхъ.

90. Звонница собора Святой Софіи въ Новгородѣ.
Сооружена въ XV вѣкѣ Святымъ Евфиміемъ.

Въ Новгородѣ особенно прославились своимъ благочестіемъ и святостью архіепископы Евфимій и Іона. Святой Евфимій отличался рѣдкою щедростью по отношенію къ сирымъ и бѣднымъ; онъ былъ горячимъ сторонникомъ Василія Темнаго въ борьбѣ его съ Шемякой и скорбѣлъ душой— видя глубокое паденіе нравовъ Новгорода. Имъ были открыты нетлѣнныя мощи Святого Варлаама Хутынскаго, а также сооружена знаменитая звонница Софійскаго собора. Преемникомъ Святого Евфимія былъ Святой архіепископъ Іона. Онъ тоже отличался своею необыкновенно широкою помощью бѣдному люду и являлся всегда усерднымъ печальникомъ за Новгородъ передъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ.

Такою же святостью жизни прославили себя святители церкви Пермской, преемники Святого Стефана—Святые Герасимъ, Питиримъ и Іона Пермскіе, положившіе величайшіе труды, полные высокаго самоотверженія, на просвѣщеніе дикихъ язычниковъ.

Во второй половинѣ XV вѣка стяжали себѣ вѣнецъ святости и многіе иноки; нѣкоторые изъ нихъ жили отшельниками въ отдаленныхъ окраинахъ Русской Земли, преимущественно на суровомъ сѣверѣ; другіе положили основаніе многолюднымъ обителямъ. Такъ, преподобный Діонисій—положилъ начало знаменитой Глушицкой обители, въ Вологодской губерніи, въ которой подвизались многіе Святые; изъ нихъ особенно замѣчателенъ Святой Григорій Пельшемскій, отличавшійся чрезвычайно праведной и суровой жизнью. Во время жестокихъ опустошеній, которымъ

91. Спасо-Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, въ Вологодской губерніи.

предавалъ Димитрій Шемяка Вологодскій край, у Святого Григорія находили пріютъ множество несчастныхъ, при чемъ съ цѣлью ихъ защиты онъ рѣшилъ обратиться съ увѣщательнымъ письмомъ къ Шемякѣ и былъ за это сброшенъ имъ съ высокаго моста въ воду, отчего и принялъ смерть. Прославился своей святостью и Святой Макарій Желтоводскій, слѣдовавшій всю свою жизнь самому суровому посту и воздержанію; его подвижническая жизнь производила настолько сильное впечатлѣніе, что даже многіе Татары, видя ее,—принимали христіанство.

Особенной святостью жизни своихъ иноковъ славился также при Василіи Темномъ—Спасо-Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, часто совершенно затиравшійся въ зимнее время льдами.

Пустынные берега рѣки Ваги, въ дебряхъ Двинской Земли, озарились подвигами преподобнаго Варлаама Шенкурскаго,—бывшаго въ міру

Новгородскимъ посадникомъ, — Василіемъ Степановичемъ Своеземцевымъ.

Близь самаго Новгорода—сынъ Тверского боярина Иванъ Борозда, въ иночествѣ Савва, побывавъ на Аѳонѣ, основалъ обитель на рѣкѣ Вишерѣ которая также дала Русской Землѣ многихъ подвижниковъ; самъ же преподобный Савва долгое время подвизался на столпѣ.

92. Древняя икона Святого Пафнутія Боровскаго.

Изъ собранія Н. П. Лихачева.

Въ то же время, въ предѣлахъ Московскаго великаго княжества—стяжалъ себѣ знаменитость великій подвижникъ преподобный Пафнутій Боровскій. Пафнутій съ ранней молодости отличался любовью къ благочестію и основалъ свою обитель, подобно преподобному Сергію, въ густомъ лѣсу, недалеко отъ города Боровска. Онъ велъ такой строгій образъ жизни, что вкушалъ ровно столько пищи, чтобы не умереть. Принявши схиму и обрекши себя на уединенную молитву, онъ послѣ этого не могъ уже совершать литургію, и только разъ по нуждѣ служилъ Пасхальную обѣдню,

при чемъ совершалъ это съ такимъ благоговѣніемъ, что по окончаніи ея сказалъ своимъ ученикамъ: «нынѣ душа моя едва осталася въ тѣлѣ».

Святой Пафнутій отличался неумолимой строгостью въ соблюденіи чистоты догматовъ нашей вѣры и обладалъ страшнымъ даромъ проникать насквозь души приходящихъ къ нему и открывать всѣ ихъ тайныя мысли. Во время своей земной жизни онъ совершилъ множество исцѣленій отъ болѣзней и ежедневно кормилъ до тысячи человѣкъ, когда случался голодъ.

Подвизались въ это время и нѣсколько знаменитыхъ юродивыхъ: блаженный Максимъ Московскій, блаженный Исидоръ Ростовскій и блаженный Михаилъ Клопскій, жившій въ Новгородѣ; Михаилъ Клопскій обладалъ даромъ прозорливости и чудотворенія, смѣло обличалъ Шемяку въ его злодѣяніяхъ и предсказалъ его смерть.

Наконецъ, во время Василія Темнаго жили и подвизались смиренные основатели первой обители на Бѣломъ морѣ—знаменитаго Соловецкаго монастыря. На устьѣ рѣки Выга, у бѣдной часовни проживалъ старецъ Германъ, много пространствовавшій на своемъ вѣку, при чемъ въ этихъ странствованіяхъ онъ посѣтилъ какъ берега Бѣлаго моря, такъ и пустынный островъ Соловки. Однажды къ нему пришелъ другой старецъ, убѣленный сѣдинами. Это былъ Савватій, прошедшій строгое подвижничество въ Кирилло-Бѣлоозерской обители, но въ поискахъ за болѣе тяжкими трудами, побывавшій и въ монастырѣ на Валаамскомъ островѣ, откуда онъ направилъ свои стопы на сѣверъ и дошелъ до часовни, гдѣ проживалъ Германъ. Они поселились вмѣстѣ. Узнавъ о существованіи дикаго Соловецкаго острова, Савватій уговорилъ Германа идти съ нимъ туда для подвижничества. Оба древнихъ старца прибыли на островъ въ 1429 году, совершивъ въ малой ладьѣ переѣздъ черезъ бурное море въ теченіе двухъ дней. Они построили своими руками убогую хижину и стали терпѣливо сносить суровую сѣверную природу, согрѣваясь любовью къ Господу и проводя почти все время въ молитвѣ и пѣніи псалмовъ.

Слухъ объ отшельникахъ дошелъ до прибрежныхъ жителей и они послали одну семью, чтобы ознакомиться ближе со средствами острова—съ цѣлью устроить на немъ поселеніе. Разъ Савватій пѣлъ съ Германомъ воскресную всенощную и вышелъ покадить крестъ, поставленный передъ ихъ келіей. Вдругъ неожиданно послышались крики. Оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, дряхлый старецъ бросился смѣло на нихъ и увидѣлъ горько рыдавшую женщину. «Я шла къ мужу», объяснила она: «и вдругъ встрѣтила двухъ свѣтлыхъ юношей, сказавшихъ мнѣ: «Бѣгите отсюда, не для васъ это мѣсто; сонмы иноковъ будутъ здѣсь славить Бога; бѣгите, иначе скорая смерть постигнетъ васъ». Германъ разсказалъ старцу объ этой встрѣчѣ и оба прославили Господа за возвѣщенную имъ Его волю.

На шестомъ году совмѣстной отшельнической жизни, Германъ отправился на берегъ—къ рѣкѣ Онегѣ, для нуждъ келіи; послѣ же его отъѣзда, въ томъ же, году старцу Савватію было извѣщеніе о скоромъ его разрѣшеніи отъ тѣлесныхъ узъ. Онъ рѣшилъ поспѣшить на твердую

землю, чтобы пріобщиться Св. Тайнъ и, пробывъ два дня на морѣ въ ветхой лодкѣ, достигъ берега, послѣ чего отправился въ часовню на рѣку Выгъ, гдѣ встрѣтилъ новаго игумена Наѳанаила. Наѳанаилъ причастилъ Савватія, и тотъ на другой день умеръ; Савватій скончался сидящимъ въ куколѣ и мантіи, съ кадильницей въ рукахъ и молитвою на устахъ, и былъ похороненъ тутъ же, у часовни.

По кончинѣ Савватія—островъ долго оставался необитаемымъ. Только въ 1436 году, старецъ Германъ встрѣтилъ на устьѣ рѣки Сумы инока Зосиму, искавшаго удобное мѣсто для безмолвія, и разсказалъ ему про свою жизнь съ Савватіемъ. Зосима предложилъ Герману вновь отправиться съ нимъ на Соловецкій островъ, куда оба старца и прибыли благополучно. Они тотчасъ же поставили себѣ кущи изъ вѣтвей и провели ночь въ молитвѣ.

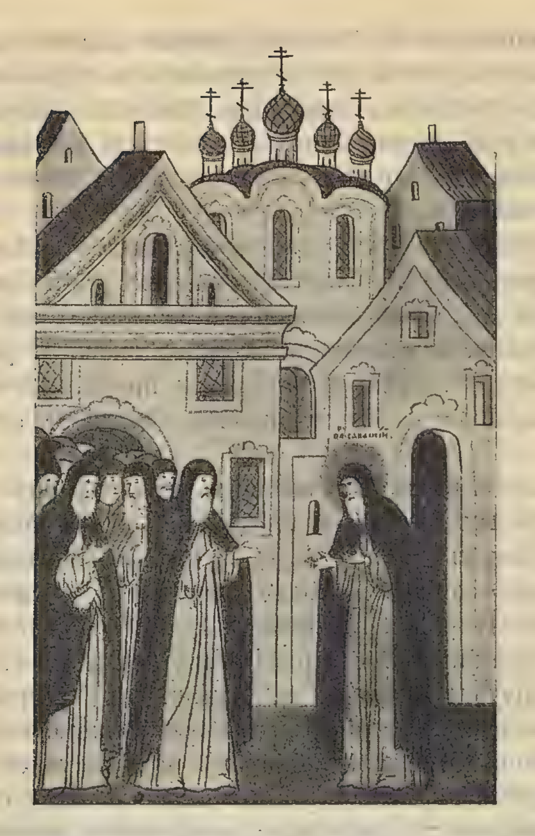
Утромъ Зосима, выйдя изъ шалаша, увидѣлъ надъ собой необыкновенный свѣтъ и въ воздухѣ церковь. Вначалѣ онъ ужаснулся, такъ-какъ еще не былъ знакомъ съ видѣніями, но затѣмъ возблагодарилъ Господа за указаніе мѣста для сооруженія храма, послѣ чего немедленно же сталъ съ Германомъ рубить лѣсъ для постановки келій. Въ исходѣ лѣта, Германъ отправился на Сумскій берегъ, чтобы запастись хлѣбомъ, и не смогъ уже за непогодой вернуться до весны на островъ, на которомъ Зосима оставался совершенно одинъ, при чемъ хлѣбъ ему приносили два какихъ то неизвѣстныхъ человѣка, безслѣдно затѣмъ скрывавшихся.

По возвращеніи Германа, къ нимъ мало по малу стали собираться другіе иноки и общими трудами была воздвигнута церковь во имя Преображенія Господня, въ которую блаженный Іона, архіепископъ Новгородскій, прислалъ антиминсъ и церковную утварь. Затѣмъ, по просьбѣ братіи онъ послалъ имъ и игумена; но игуменъ этотъ изъ-за суровой природы не могъ оставаться на Соловкахъ. Іона прислалъ другого; когда же и второй не выдержалъ тамошнихъ условій жизни, то братія упросила Зосиму принять на себя игуменство, на что онъ согласился послѣ многихъ отказовъ. Монастырь скоро прославился святостью жизни своихъ иноковъ, и къ нему начали стекаться богомольцы и приношенія; черезъ нѣсколько лѣтъ была построена другая церковь Преображенія Господня, а потомъ и Успенія Божіей Матери.

Затѣмъ, къ великой радости братіи, удалось розыскать одного Новгородца, который похоронилъ Савватія у устья рѣки Выга. Самъ Зосима отправился за его тѣломъ и перевезъ въ Соловки. Мощи Савватія оказались не только нетлѣнными, но источали при этомъ изъ себя благовонное муро.

По дѣламъ обители преподобному Зосимѣ пришлось побывать и въ Новгородѣ. Нравы вольнаго города пришли въ это время уже въ полный упадокъ, и дѣйствительная власть надъ нимъ принадлежала алчной и властолюбивой женщинѣ—знаменитой Марѳѣ Посадницѣ, изъ семьи Борецкихъ. Она сурово приняла Зосиму и велѣла его выгнать изъ своего дома.

*



93. Святой Савватій въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ.

Изъ Житія Преподобныхъ Савватія и Зосимы, бывшаго собранія И. А. Вахромѣева, хранящагося нынѣ въ Московскомъ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III.

94. Преподобные Савватій и Германъ ѣдутъ по морю на островъ.

Изъ того же Житія, что и рис. 93, а также рисунки 95 и 96.

Тогда онъ покачалъ головой и сказалъ: «Вотъ наступитъ день, когда въ этомъ дворѣ исчезнетъ сила жителей его, и затворятся двери дома сего и

95. Къ преподобному Зосимѣ приходятъ иноки.

96. Иноки располагаются на зимовку.

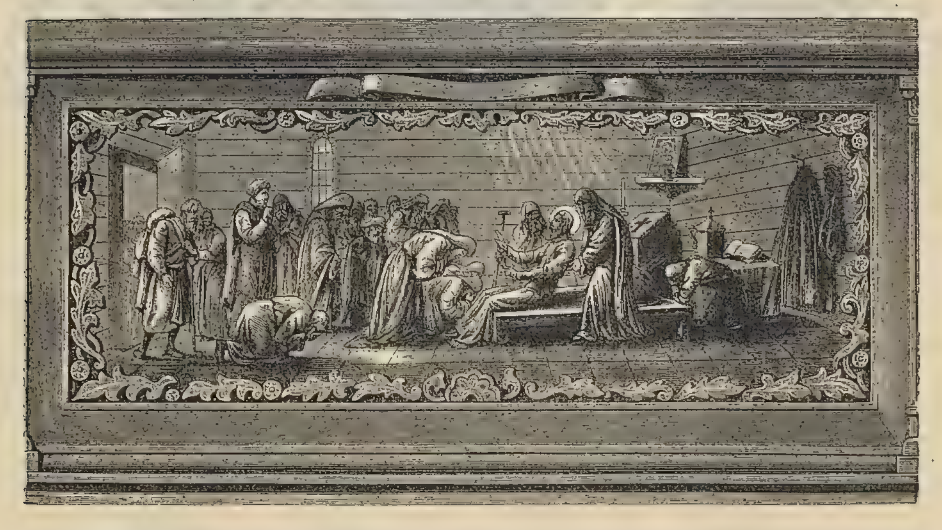
уже никогда не отворятся, и будетъ дворъ этотъ пустъ». Новгородскій же владыка принялъ сторону Зосимы и выхлопоталъ ему грамоту на владѣніе Соловецкимъ островомъ.

97. Изображеніе перенесенія мощей Святого Савватія съ Выга въ Соловки—на новой ракѣ Преподобныхъ

98. Преподобный Зосима на пиру у Мареы Посадницы.

Изъ рукописнаго Житія Святыхъ Савватія и Зосимы, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра Третьяго.

99. Видѣніе преподобнаго Зосимы на пиру у Марфы Посадницы.
Изъ того же Житія, что и рисунокъ 98.



100. Изображеніе преставленія Преподобнаго Зосимы—на той же ракѣ, что и рисунокъ 97.

Тогда смилостивилась и Мароа; она просила у него прощенія и пригласила на большой обѣдъ къ себѣ. Зосима согласился. На этомъ пиру у Мароы произошло замѣчательное явленіе. Святой старецъ взглянулъ на шестерыхъ бояръ, сидѣвшихъ за столомъ, затрепеталъ и заплакалъ. Тѣ поняли, что онъ видѣлъ нѣчто ужасное. «Я видѣлъ»,— говорилъ онъ своему ученику Даніилу, возвратившись съ пира,—«страшное видѣніе: Шестеро этихъ бояръ сидѣли за трапезой, а головъ у нихъ не было; и въ другой разъ я взглянулъ на нихъ и то же увидѣлъ, и въ третій—все то же. Съ ними сбудется это въ свое время, ты самъ увидишь, но никому не разглашай неизрѣченныхъ судебъ Божіихъ».

Зосима скончался 17 апрѣля 1478 года, на шестнадцать лѣтъ переживъ великаго князя Василія Темнаго, при чемъ вскорѣ послѣ его кончины— исполнилось видѣнное имъ на пиру у Мароы Борецкой.

Онъ умеръ въ полной памяти, завѣщавъ братіи миръ и соблюденіе устава и назначивъ послѣ себя игуменомъ отца Арсенія.

Православная Церковь причислила Савватія и Зосиму къ лику Святыхъ. Обитель же ихъ, основанная слезами, постомъ и великимъ подвижничествомъ, стала въ скоромъ времени однимъ изъ славнѣйшихъ оплотовъ Православія въ Русской Землѣ.

101. Шитье на поручняхъ митрополита Фотія.
Хранится въ Патріаршей ризницѣ въ Москвѣ.

102. Кремлевская стѣна въ Новгородѣ и башня Кокуй.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Великое княженіе Іоанна Васильевича Третьяго. Великій Новгородъ. Бракъ съ Софіей Ѳоминичной. Строительство Іоанна. Присоединеніе Твери. Менгли-Гирей Ахматъ. Братья и внукъ. Война съ Литвою. Побѣды на Востокѣ. Сношенія съ Западомъ. Внутреннія дѣла Московскаго государства. Жидовствующіе. О титулѣ Русскаго Государя.

ВАСИЛІЙ Темный благословилъ своего старшаго сына Іоанна Васильевича Третьяго *) великимъ княжествомъ Московскимъ и городами Коломной, Владиміромъ, Переяславлемъ, Костромою, Галичемъ, Устюгомъ, Вяткой, Суздалемъ, Нижнимъ-Новгородомъ, Муромомъ, Юрьевомъ, Боровскомъ, Калугою, Алексинымъ и нѣкоторыми другими; остальные же четыре его сына—Юрій и Андрей Большой, Борисъ и Андрей Меньшой, получили лишь по два—по три второстепенныхъ города въ удѣлы.

Такимъ образомъ, Іоаннъ Васильевичъ получилъ въ наслѣдство область въ тридцать разъ большую той, которую завѣщалъ своимъ дѣтямъ—первый собиратель Москвы—его прапрадѣдъ Іоаннъ Калита.

---

*) Іоаннъ Первый—Калита, Второй—Кроткій или Добрый—отецъ Димитрія Донского.

Такое огромное увеличеніе Московскихъ владѣній было плодомъ преемственной дѣятельности цѣлаго рода умныхъ, настойчивыхъ и бережливыхъ предковъ Іоанна III; однако, размѣры этихъ владѣній все же составляли лишь незначительную часть всей Русской Земли, бывшей подъ властью Владиміра Святого и Ярослава Мудраго.

Въ половинѣ пятнадцатаго вѣка, почти весь Русскій Сѣверъ, съ сѣверо-западнымъ угломъ у Финскаго Залива, составлялъ область вольнаго города—Великаго Новгорода, къ которому на юго-западѣ примыкала маленькая область другого вольнаго города—Пскова. Вся же Западная Русь, то-есть нынѣшняя Бѣлоруссія, вмѣстѣ съ областью Смоленской, и вся Малая Русь (Галиція), Волынь, Подолія и Кіевская область, съ сосѣдними къ ней Землями—нынѣшними великорусскими губерніями—Курской и Орловской и даже съ частями Тульской и Калужской, входили въ составъ Литовско-Польскаго государства. За Тулой же и за Рязанской Землею начиналось обширное степное пространство до береговъ морей: Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго,—гдѣ осѣдлому Русскому населенію не удавалось основаться прочно и гдѣ господствовали Татары, свившіе себѣ разбойничья гнѣзда—въ Крыму, надежно прикрытомъ со стороны Русской степи Перекопскимъ перешейкомъ, и на южной Волгѣ въ Сараѣ и Астрахани.

На средней Волгѣ, какъ мы видѣли, обосновались Татары Казанскаго царства; наконецъ, на нашемъ сѣверо-востокѣ, Вятчане, хотя и числились за Московскимъ княземъ, но мало слушались его.

Самъ стольный городъ Москва лежалъ вблизи трехъ окраинъ княжества: на сѣверѣ, въ верстахъ 80-ти, начиналось княжество Тверское, самое враждебное Москвѣ изо всѣхъ Русскихъ княжествъ; на югѣ—верстахъ въ ста—шла по берегу средней Оки сторожевая линія противъ самаго безпокойнаго врага—Татаръ; а на западѣ—въ ста-же съ небольшимъ верстахъ за Можайскомъ, въ Смоленской области, стояла уже Литва, самый опасный изъ всѣхъ враговъ Москвы.

Такимъ образомъ, достаточно было нѣсколькихъ переходовъ для непріятеля, чтобы онъ могъ достигнуть Москвы съ сѣвера, запада и юга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Московское княжество было далеко не самымъ крупнымъ: Литовское государство, большинство населенія котораго состояло изъ Русскихъ, и области Новгорода Великаго были гораздо обширнѣе его.

Замѣтимъ также при этомъ, что на всемъ огромномъ пространствѣ Русской Земли, кромѣ крайняго сѣвера и востока, не было деревни, которая не находилась бы подъ чужимъ, иноземнымъ игомъ: на Западѣ онѣ были подъ властью Литвы, а на востокѣ, время отъ времени, Русскимъ князьямъ приходилось собирать дань, чтобы отправлять ее Татарамъ въ Золотую Орду, которые все же продолжали считаться верховными владѣтелями Сѣверо-Восточной Руси.

Такимъ образомъ, несмотря на большіе успѣхи, достигнутые напряженными трудами предковъ Іоанна III, при восшествіи его на прародитель-

скій престолъ, дѣло завѣщанное ими—собираніе Русской Земли—было далеко еще не закончено. Правда, онъ имѣлъ за собой лучшія чувства всѣхъ Русскихъ людей, всей народной тверди, тяготѣвшей къ Москвѣ, и огромную поддержку въ лицѣ нашего доблестнаго духовенства, а также рядъ испытанныхъ вѣрныхъ слугъ среди бояръ и прочихъ чиновъ военно-служилаго сословія; однако, не мало предстояло трудовъ и самому двадцатидвухлѣтнему великому князю Іоанну, чтобы вести государство по тому пути, который завѣщали ему его предшественники и первые митрополиты и чудотворцы Московскіе.

Къ великому счастію для нашей Родины, онъ обладалъ для этого всѣми необходимыми душевными свойствами. Это былъ истинный потомокъ Всеволода III Большое Гнѣздо и Іоанна Калиты. Человѣкъ твердый, умный и необыкновенно трудолюбивый, несомнѣнно отлично знакомый во всѣхъ подробностяхъ съ прошлымъ Русской Земли, онъ чрезвычайно ясно усвоилъ себѣ великіе завѣты своихъ предковъ и всю свою жизнь настойчиво стремился приводить ихъ въ исполненіе. При этомъ, испытавъ, какъ мы видѣли, съ юныхъ годовъ превратности судьбы, онъ рано позналъ жизнь и людей и къ каждому дѣлу относился съ необыкновенной обдуманностію, трезво взвѣшивая всѣ обстоятельства, прежде чѣмъ принять какое либо рѣшеніе.

Принимая съ дѣтства участіе въ военныхъ походахъ, онъ, какъ мы помнимъ, едва достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, уже одержалъ блистательную побѣду надъ Татарами на берегу Оки; однако, ставши Государемъ, Іоаннъ не увлекся славой завоевателя: обращая самое большое вниманіе на устройство своихъ вооруженныхъ силъ и искусно выбирая для начальствованія надъ ними соотвѣтствующихъ военоначальниковъ, онъ, тѣмъ не менѣе, по примѣру пращура своего Всеволода Большое Гнѣздо, съ большой неохотой обнажалъ свой мечъ, но когда дѣлалъ это, то подобно всѣмъ великимъ полководцамъ, сразу назначалъ значительныя воинскія силы для похода съ тѣмъ, чтобы быстро рѣшить дѣло въ свою пользу.

Если мы прибавимъ къ этому большую почтительность къ матери нравственность въ семейной жизни и истинное благочестіе, то мы получимъ довольно полное представленіе о молодомъ великомъ князѣ Московскомъ, призваннымъ волею Божіею совершить великія дѣла для дальнѣйшаго собиранія Русской Земли въ продолженіе 43 лѣтъ своего великаго княженія.

При этомъ необходимо замѣтить, что Іоанномъ всегда очень разбирались средства для означеннаго собиранія, и усиленіе Московскаго княжества имѣло всегда твердые поводы и причины, которые оправдывались обстоятельствами тогдашнихъ княжескихъ отношеній и общеземскими цѣлями. Собрать Землю было легко только послѣ того, какъ были собраны умы народа въ полное убѣжденіе, что въ Землѣ, какъ и въ каждомъ дворѣ, должно быть единое хозяйство и одинъ хозяинъ—господарь. Какъ только развилось и окрѣпло понятіе о Земскомъ Государѣ, всѣмъ

своимъ подданнымъ въ отцовъ и праотца мѣсто поставленномъ, такъ началось, какъ мы увидимъ, и прямое собиранiе Русской Земли, и потому настоящимъ ея собирателемъ въ смыслѣ земскаго соединенiя и настоящимъ Государемъ *всея Руси* былъ Iоаннъ III Васильевичъ. Онъ съ большимъ умѣнiемъ воспользовался силою, накопленной его предшественниками, которая заключалась не въ земельныхъ прiобрѣтенiяхъ, а таилась въ общенародномъ убѣжденiи, что для спокойствiя Земли необходима единая крѣпкая власть.

Къ величайшему нашему сожалѣнiю не сохранилось достовѣрнаго изображенiя Iоанна. Но изъ описанiя лѣтописца мы знаемъ, что это былъ высокiй, стройный князь, съ проницательнымъ взглядомъ; онъ носилъ длинную бороду и былъ, кажется, нѣсколько сутуловатъ.

103. Iоаннъ III Васильевичъ.

Изъ „Космографiи Андрея Теве 1575 года". Теве нашелъ это изображенiе у одного изъ Грековъ Малой Азiи.

Съ первыхъ же шаговъ своего великаго княженiя, Iоаннъ показалъ себя мудрымъ правителемъ, свято чтущимъ договоры и обязательства. Мы видѣли, что малолѣтнiй Рязанскiй князь Василiй воспитывался въ Москвѣ, а владѣнiями его управляли Московскiе намѣстники. Понятно, однимъ своимъ словомъ, Iоаннъ могъ присоединить его владѣнiя къ своимъ, но онъ отнюдь не сдѣлалъ этого, а, по достиженiи Василiемъ 16 лѣтъ, отправилъ его въ Рязань, женивъ предварительно на сестрѣ своей Аннѣ, съ которой былъ связанъ самой нѣжной дружбой. Этимъ онъ прiобрѣлъ себѣ въ Рязанскомъ князѣ вѣрнаго и послушнаго сподвижника.

Въ то же время со своимъ шуриномъ, княземъ Тверскимъ Михаиломъ Борисовичемъ, Iоаннъ заключилъ договоръ какъ съ братомъ и равнымъ себѣ великимъ княземъ. Съ Псковомъ и Новгородомъ онъ держалъ себя также по старинѣ. Когда Псковитяне просили у него ратной помощи противъ Ливонцевъ, онъ тотчасъ же послалъ ее имъ, послѣ чего Нѣмцы позорно бѣжали; когда же Псковъ попросилъ для себѣ отдѣльнаго епископа отъ Новгорода, въ надеждѣ, что Iоаннъ приметъ ихъ сторону, такъ какъ Новгородцы попрежнему дѣлали многое, чтобы возбудить противъ себя гнѣвъ великаго князя, то онъ, во имя справедливости, поддержалъ Новгород-

скаго архіепископа, на сторонѣ котораго было право, освященное стариной.

Первый походъ, по вступленіи Іоанна III на престолъ, былъ на Казань. Въ 1467 году, нашъ служилый Татарскій царевичъ Касимъ донесъ Іоанну, что его доброхоты въ Казани предлагаютъ ему самому сѣсть здѣсь на царство и просилъ у Іоанна помощи, который выслалъ ему сильную рать подъ начальствомъ князя Стриги-Оболенскаго. Рати этой, однако, изъ-за осенняго времени, не пришлось сражаться съ Казанцами, при чемъ, вслѣдствіе наступившаго ненастья, она отходила съ такими лишеніями, что даже принуждена была ѣсть въ постные дни скоромное. Но князьямъ Даніилу Холмскому и Хрипуну Ряполовскому, а также и нѣкоторымъ другимъ воеводамъ, удалось разбить отдѣльные Татарскіе отряды въ 1468 году, за что Татары въ томъ же году подошли къ Вяткѣ и заставили ея жителей передаться Казанскому хану.

Тогда, весною 1469 года, великій князь послалъ на Казань большую рать изъ боярскихъ дѣтей на судахъ подъ начальствомъ воеводы Константина Александровича Беззубцева, изъ славнаго рода бояръ Кошкиныхъ-Кобылиныхъ; другая рать, собранная изъ Московскихъ городовыхъ людей, шла съ княземъ Нагимъ-Оболенскимъ; она должна была соединиться съ первой подъ Нижнимъ Новгородомъ. Наконецъ, третья рать, подъ начальствомъ князя Даніила Ярославскаго, была двинута изъ Вологды и Устюга на Вятку, чтобы заставить Вятчанъ идти на Казанскаго царя.

Беззубцевъ и Оболенскій-Нагой соединились въ Нижнемъ. Повидимому, въ это время Казанская ханша, имѣвшая у себя огромное вліяніе на дѣла, успѣла прибыть въ Москву и упросить Іоанна вступить въ переговоры о мирѣ, такъ какъ Іоаннъ послалъ Беззубцеву грамоту, въ которой приказывалъ ему самому стоять въ Нижнемъ, а отпустить на Казань только охотниковъ. Но когда Беззубцевъ передалъ черезъ князей и воеводъ эту грамоту рати, то все войско, какъ одинъ человѣкъ, отвѣчало: «Всѣ хотимъ на окаянныхъ Татаръ, за святыя церкви, за Государя великаго князя Іоанна и за Православное христіанство», и поэтому Беззубцевъ, исполняя приказъ великаго князя, остался одинъ въ Нижнемъ,

Ратники же, отслуживъ молебенъ за Государя и по силѣ раздавъ милостыню, на третьи сутки подошли къ Казани. Здѣсь, они неожиданно напали на посадъ, убили въ немъ и сожгли множество Татаръ и освободили большое количество христіанскихъ плѣнниковъ; затѣмъ, они отступили на близь лежащій островъ, въ ожиданіи подхода главной рати хана Ибрагима, собравшаго большія силы. Дѣйствительно, Татары не замедлили появиться въ огромномъ количествѣ; воеводы и ратники собрались крѣпко обороняться и начали отсылать отъ себя молодыхъ людей съ большими судами. Но молодежь также рвалась въ бой; она стала нарочно въ такое мѣсто, гдѣ должна была встрѣтиться съ Татарами и, вмѣстѣ со старшими ратниками, прогнала непріятеля до города, послѣ чего всѣ благополучно отошли на соединеніе съ

Беззубцевымъ. Послѣдній вскорѣ блестяще отбилъ нечаянное нападеніе Татаръ, произведенное на него послѣ того, какъ ханша Казанская, возвращавшаяся изъ Москвы, объявила ему о заключеніи мира.

Еще болѣе блистательными подвигами ознаменовали себя войска князя Ярославскаго, шедшаго къ Казани рѣками Вяткою и Камою. Они подошли тогда, когда рать Беззубцева уже ушла изъ-подъ нея, и вся Казанская сила преградила имъ судами выходъ изъ Камы въ Волгу. Тѣмъ не менѣе, несмотря на огромное неравенство силъ, Русскіе смѣло вступили въ бой, чтобы пробить себѣ дорогу; битва была ожесточенная; сѣклись, схватываясь руками; нѣсколько Русскихъ воеводъ пало на мѣстѣ, но наши беззавѣтные храбрецы во главѣ съ доблестнымъ княземъ Василіемъ Ухтомскимъ, который скакалъ по связаннымъ непріятельскимъ судамъ и билъ ослопомъ непріятелей, наконецъ пробились и съ честью прибыли къ Нижнему, откуда послали бить челомъ Іоанну.

Великій князь до крайности обрадовался этимъ подвигамъ и дважды посылалъ Ухтомскому и Ярославскому по золотой деньгѣ, что считалось въ то время величайшей наградой. Скромные герои наши отдали эти деньги священнику, который былъ съ ними подъ Казанью, прося его помолиться Богу о Государѣ и обо всемъ его воинствѣ.

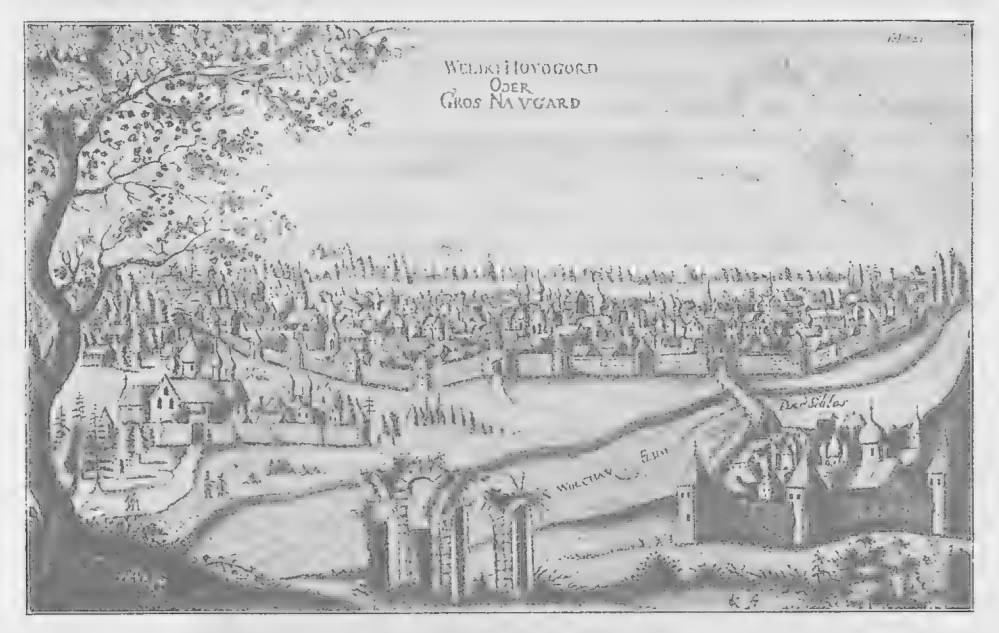
Эти блистательные подвиги не дали, однако, осязательныхъ слѣдствій, такъ какъ войска наши дѣйствовали порознь; тогда, лѣтомъ того-же 1469 года, Іоаннъ послалъ подъ Казань двухъ своихъ братьевъ: Юрія и Андрея Большого, со всею силою Московской и Устюжской, конной и судовой, которая 1 сентября вогнала Татаръ въ городъ, обвела вокругъ него острогъ и переняла воду. При такихъ обстоятельствахъ, Ибрагимъ, видя себя въ большой бѣдѣ, заключилъ миръ по всей волѣ великаго князя и выдалъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ за 40 лѣтъ, которыхъ было, конечно, великое множество.

Усмиривъ Казань, Іоанну пришлось заняться Господиномъ Великимъ Новгородомъ.

Мы видѣли, что только особое заступничество Святого Іоны, архіепископа Новгородскаго, и смерть Василія Темнаго, помѣшали послѣднему нанести окончательный ударъ Новгородскимъ порядкамъ, развившимся во время княжескихъ усобицъ на Руси, и которымъ необходимо долженъ былъ быть положенъ конецъ, когда Земля вновь начала собираться къ Москвѣ. Однако, Іоаннъ III, вѣрный своему правилу—свято чтить договоры и безъ крайней нужды не прибѣгать къ оружію, тщательно соблюдалъ, какъ мы говорили, по отношенію къ Новгороду старину и миръ, заключенный его отцемъ.

Конечно, Новгородцы отлично понимали, что при первомъ же случаѣ, когда они нарушатъ свои обязательства къ Москвѣ, то послѣдняя поднимется грозной войной, которая сразу положитъ конецъ ихъ независимости.

Въ вольномъ городѣ, какъ всегда раздираемомъ раздорами различныхъ партій, къ этому времени возникло раздѣленіе между сторонниками



104. Видъ Новгорода Великаго.
Изъ книги XVII вѣка: „Описаніе путешествія въ Московію Адама Олеарія".

Москвы и сторонниками другого собирателя Руси—Литвы, которая одна могла противостать Москвѣ. Литовскіе князья были католиками, а новопоставленный для Западной Руси митрополитъ Григорій человѣкомъ весьма сомнительнаго Православія; поэтому, отдѣленіе Новгорода отъ Москвы на сторону Польско-Литовскаго государя—Казиміра—являлось, несомнѣнно, измѣною какъ Русскому дѣлу, такъ и Православію.

Зато эта отдача себя подъ покровительство Литвы, сулила сохраненіе старыхъ вольностей, которыми въ сущности пользовалось исключительно Новгородское властолюбивое денежное боярство, почему среди этого боярства и образовалась сильная партія, рѣшившая поддаться Казиміру, чтобы оградить себя его заступничествомъ отъ Москвы. Во главѣ ея стояла вдова умершаго посадника Мароа Борецкая, на пиру у которой имѣлъ страшное видѣніе Святой Зосима. Эта алчная до власти старуха, несмотря на свой преклонный возрастъ, такъ какъ имѣла уже взрослыхъ сыновей, изо всѣхъ силъ старалась привлечь на сторону Литвы возможно больше сторонниковъ и не щадила для этого своихъ богатствъ, при чемъ мечтала выйти замужъ за того Литовскаго сановника, который будетъ присланъ Казиміромъ въ Новгородъ намѣстникомъ, и разсчитывала раздѣлить съ нимъ власть.

Подобное явно враждебное къ Москвѣ настроеніе не замедлило сказаться: скоро въ Новгородѣ начались оскорбленія великокняжескихъ людей и нападенія на Московскія владѣнія. Іоаннъ III, конечно, отлично

понималъ, въ чемъ заключалось дѣло, но рѣшилъ сначала дѣйствовать на Новгородцевъ увѣщаніями. Онъ кротко послалъ имъ сказать: «Люди Новгородскіе, исправьтесь, помните, что Новгородъ—отчина великаго князя; Не творите лиха, живите по старинѣ!»

На это Новгородцы оскорбили великокняжескихъ пословъ на вѣчѣ и послали ему такое дерзкое слово въ отвѣтъ: «Новгородъ не отчина великаго князя. Новгородъ самъ себѣ Господинъ».

Но и этотъ дерзкій отвѣтъ не вывелъ изъ терпѣнія Іоанна.

105. Видѣніе Святого Зосимы на пиру у посадницы Марѳы.

Клеймо на древней иконѣ Святыхъ Савватія и Зосимы въ храмѣ Новгородской Софіи.

Онъ послалъ на него сказать Новгородцамъ: «Отчина моя Великій Новгородъ, люди Новгородскіе! Исправьтесь, не вступайте въ мои Земли и воды, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мнѣ бить челомъ, а я буду жаловать свою отчину по старинѣ».

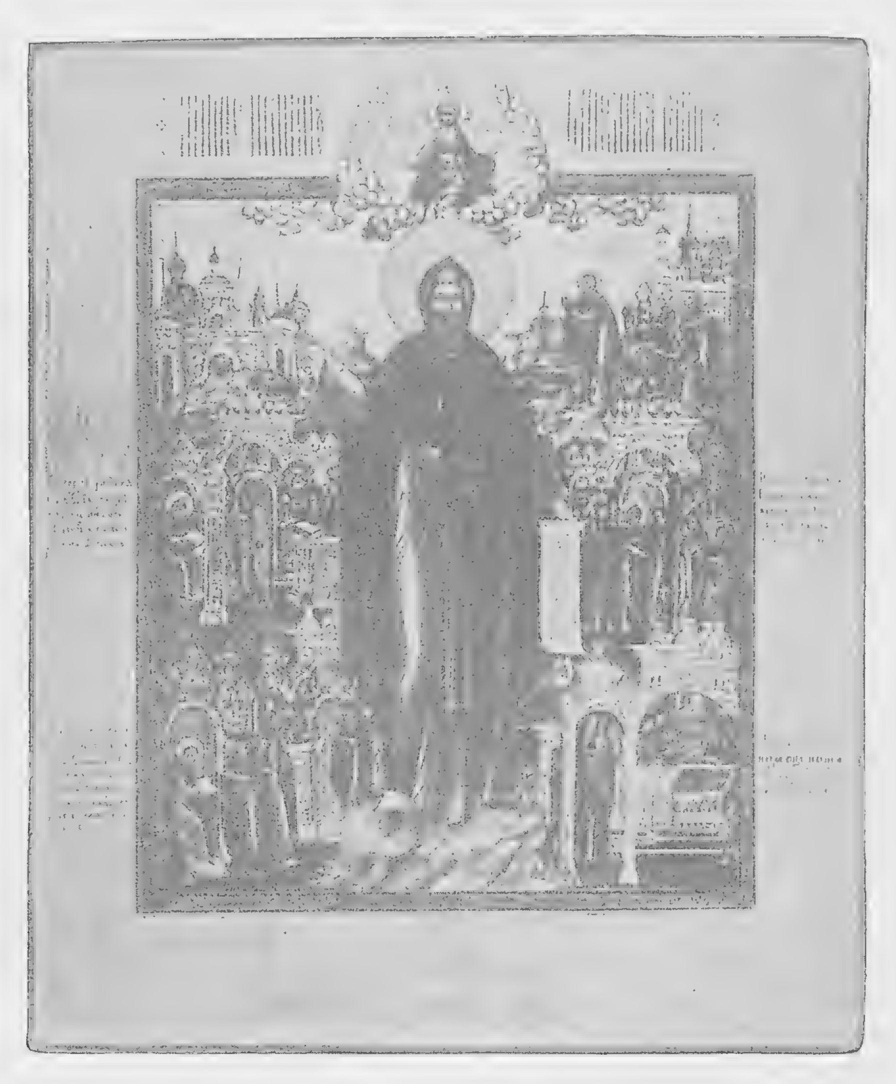
Московскіе бояре замѣтили великому князю, что Новгородъ оскорбляетъ его достоинство. Но онъ хладнокровно отвѣчалъ имъ: «Волны бьютъ о камни и ничего камнямъ не сдѣлаютъ, а сами разсыпаются пѣною, какъ бы въ посмѣяніе. Такъ будетъ и съ этими людьми Новгородскими».

Между тѣмъ, въ 1670 году, умеръ глубокочтимый Іоанномъ Новгородскій владыка Святой Іона, бывшій, какъ мы видѣли, горячимъ защитникомъ своего города передъ Москвой, при чемъ на его мѣсто былъ выбранъ Ѳеофилъ, человѣкъ слабой воли и безъ связей въ Москвѣ, а къ Новгородцамъ прибылъ изъ Кіева на княженіе, по ихъ приглашенію, Михаилъ Олельковичъ, внукъ Ольгерда, — человѣкъ Православный, но подручникъ и сторонникъ Казиміра. Въ это же время, партія Марѳы Борецкой стала настойчиво требовать заключенія договора съ Литвою о переходѣ Новгорода подъ ея власть. Въ городѣ по этому поводу начались оживленныя сходки, совѣщанія и споры.

106. Марѳа Посадница.
Ваяніе Д. Стеллецкаго.

Новгородцы въ это время были уже далеко не такими доблестными людьми, которыхъ мы видѣли во времена Ярослава Мудраго. Несмотря на то, что Земля ихъ была всегда въ особо благопріятныхъ условіяхъ, сравнительно съ другими Русскими Землями, такъ какъ она почти не страдала отъ княжескихъ усобицъ и почти не знала Половцевъ и Татаръ, ведя при этомъ богатѣйшую торговлю и обладая богатѣйшими же владѣніями на Сѣверо-востокѣ Руси, населеніе ея замѣтно выродилось къ концу XV вѣка. Уваженіе къ великокняжеской власти пало, воинская доблесть гражданъ изчезла и нажива и властолюбіе были главнѣйшими нравственными двигателями всѣхъ, при чемъ денежная знать всецѣло владѣла вѣчемъ путемъ подкупа «худыхъ мужиковъ вѣчниковъ»; положеніе же Новгородскихъ крестьянъ было самое тяжелое, сравнительно съ крестьянами остальныхъ мѣстностей. Паденіе общей нравственности вызвало, конечно, сильные непорядки во всѣхъ отросляхъ управленія. Описывая Новгородскія злоупотребленія, лѣтописецъ съ горечью замѣчаетъ, что не было тогда въ Новгородѣ правды и праваго суда, былъ по всей области раздоръ, крикъ и вопль, «и всѣ люди проклинали старѣйшинъ нашихъ и городъ нашъ».

Въ это время, въ подгородномъ Новгородскомъ урочищѣ Клопскѣ жилъ замѣчательный праведникъ, про котораго мы уже говорили: это былъ юродивый—блаженный Михаилъ Клопскій. Онъ еще въ 1440 году, встрѣтивъ Новгородскаго владыку Евфимія, сказалъ ему: «А сегодня большая радость



107. Древняя икона преподобнаго Михаила Клопскаго.

Изъ собранія Н. П. Лихачева.

въ Москвѣ. У великаго князя (Василія Темнаго) родился сынъ, которому дали имя Іоаннъ. Разрушитъ онъ обычаи Новгородской Земли и принесетъ гибель нашему городу».

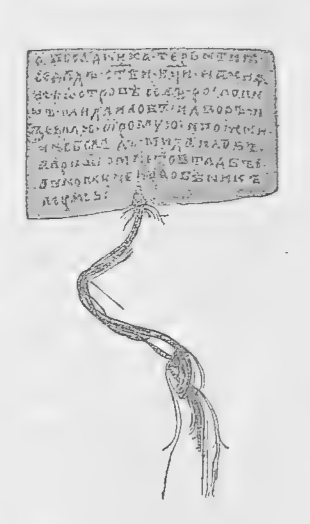
Пріѣздъ Михаила Олельковича въ 1470 году и дѣятельность партіи посадницы Мароы по переходу подъ власть Литвы совпали со страшными

знаменіями въ Новгородѣ. Сильная буря сломила крестъ на Святой Софіи; колокола въ Хутынскомъ монастырѣ сами по себѣ издавали печальный звукъ; на нѣкоторыхъ гробахъ появлялась кровь. Посадникъ Немиръ, также сторонникъ Мароы и Казиміра, заѣхалъ однажды въ монастырь къ Михаилу Клопскому. Тотъ спросилъ Немира—откуда онъ?—«Былъ, отче, у своей пратещи (тещиной матери)»—«Что у тебя, сынокъ, за дума, о чемъ это ты все ѣздишь думать съ женщинами?»—«Слышно—сообщилъ посадникъ,—лѣтомъ собирается на насъ идти князь Московскій, а у насъ есть свой князь Михаилъ».—«То, сынокъ, не князь, а грязь»—возразилъ блаженный: «шлите-ка скорѣй пословъ въ Москву, добивайте челомъ великому князю за свою вину, а не то онъ придетъ на Новгородъ со всѣми своими силами, выйдете вы противъ него, и не будетъ вамъ Божьяго пособія, и перебьетъ онъ многихъ изъ васъ, а еще больше того въ Москву сведетъ, а князь Михаилъ отъ васъ въ Литву уѣдетъ и ни въ чемъ вамъ не поможетъ».

Слова блаженнаго сбылись. Узнавъ о переговорахъ съ Казиміромъ, Іоаннъ Васильевичъ опять послалъ кроткое увѣщаніе Новгороду, припоминая ему, что онъ издревле знаетъ только княжескій родъ Святого Владиміра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ увѣщаніе Новгородцамъ и митрополитъ Филиппъ.

Но оба увѣщанія не помогли, и Московскіе послы были отправлены назадъ съ безчестіемъ.

Іоаннъ и послѣ этого не разгнѣвался, и еще разъ послалъ въ Новгородъ своего посла Өеодора Топоркова съ такимъ словомъ: «Не отступай моя отчина отъ Православія; изгоните Новгородцы изъ сердца лихую мысль, не приставайте къ Латинству, исправьтесь и бейте мнѣ челомъ; я васъ буду жаловать и держать по старинѣ». Митрополитъ Филиппъ также послалъ новое увѣщаніе. Но ничего не помогло. Многочисленное посольство изъ знатныхъ Новгородцевъ отправилось въ Литву и заключило съ Казиміромъ договоръ о переходѣ Новгорода подъ его руку, при чемъ онъ обѣщалъ сохранить его вольности и не трогать Православія. Вотъ начало этого навсегда позорнаго для Новгорода договора: «Честной король Польскій и князь великій Литовскій заключилъ дружескій союзъ съ нареченнымъ владыкою Өеофиломъ, съ посадниками, тысяцкими Новгородскими, боярами, людьми житьими, купцами и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ...



108. Часть одной изъ жалованныхъ грамотъ Господина Великаго Новгорода.

Этотъ договоръ, какъ увидимъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и смертнымъ приговоромъ Новгороду.

Узнавъ про него, великій князь Московскій рѣшилъ, наконецъ, обнажить свой мечъ на измѣнниковъ Русской Земли.

*

Въ маѣ 1471 года Іоаннъ созвалъ на думу братьевъ своихъ, митрополита, архіепископовъ, бояръ и воеводъ и, объявивъ, что рѣшилъ идти на Новгородъ—за его измѣну, предложилъ вопросъ, выступать ли немедленно или ждать зимы, пока замерзнутъ болота и рѣки Новгородской Земли. Рѣшили выступить немедленно. Самъ великій князь шелъ съ главной ратью на Новгородъ, а воевода Образцовъ—долженъ былъ идти завоевывать Двинскую область. Въ Москвѣ былъ оставленъ сынъ великаго князя Иванъ Молодой. Въ Псковъ же и Тверь было послано предложеніе присоединить свои войска къ великокняжескимъ.

Походъ этотъ пользовался общимъ сочувствіемъ. «Невѣрные»—говоритъ лѣтописецъ, описывая его, «изначала не знаютъ Бога, а эти Новгородцы столько лѣтъ были во христіанствѣ и подъ конецъ начали отступать къ Латинству; великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на иноязычныхъ и на отступниковъ отъ Православія».

Скоро великокняжескіе войска вступили съ разныхъ сторонъ въ Новгородскую Землю и стали страшно ее опустошать; къ нимъ незамедлили присоединиться полки Псковскіе и Тверскіе, а Новгородцы, между тѣмъ, остались безъ князя и безъ помощи; Михаилъ Олельковичъ, какъ и предсказалъ Михаилъ Клопскій,—поспѣшилъ отъ нихъ уѣхать въ Кіевъ, ограбивъ по дорогѣ Старую Руссу; король же Казиміръ не трогался съ мѣста и не послалъ имъ ни одного человѣка; тогда Новгородцы обратились за поддержкой къ Ливонскимъ Нѣмцамъ; тѣ начали пересылаться съ великимъ магистромъ, а въ это время головные Московскіе полки, подъ начальствомъ князя Даніила Холмскаго, сожгли Руссу и побили двѣ передовыя Новгородскія рати, среди которыхъ господствовало то же раздвоеніе, какъ и въ самомъ Новгородѣ. При этомъ, Московскіе ратные люди, овладѣвъ во множествѣ снаряженіемъ Новгородцевъ—кольчугами, щитами и шлемами, съ презрѣніемъ бросали ихъ въ воду, говоря, что войско великаго князя богато собственными доспѣхами и не имѣетъ нужды въ принадлежавшихъ измѣнникамъ.

Видя, что на постороннюю помощь разсчитывать трудно, Новгородскіе приверженцы Литвы стали на-спѣхъ собирать собственное войско; они силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отъ роду и на лошадь не садились. Кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били и бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ набралось до 40,000 человѣкъ; войско это было ввѣрено посаднику Димитрію Борецкому—сыну старухи Маѳы. Оно двинулось по лѣвому берегу Шелони, разсчитывая нанести отдѣльное пораженіе Псковичамъ, шедшимъ съ Запада. Но великій князь предвидѣлъ это движеніе Новгородцевъ и своевременно направилъ князя Даніила Холмскаго по правому берегу рѣки на соединеніе со Псковичами.

Завидя Новгородскіе полки, шедшіе по лѣвому берегу Шелони на Псковичей, Московскіе воеводы, несмотря на то, что у нихъ было всего лишь немного больше четырехъ тысячъ человѣкъ, рѣшили вступить въ

бой съ въ десять разъ сильнѣйшимъ противникомъ, вѣря въ искусство своихъ воиновъ и прекрасный духъ, ихъ оживлявшій. Они обратились къ нимъ со словами: «Настало время послужить Государю; не убоимся и трехсотъ тысячъ мятежниковъ;—за насъ правда и Господь Вседержитель»—и затѣмъ, во главѣ рати кинулись, «яко львы рыкающе», говоритъ лѣтописецъ, «черезъ рѣку ону великую», въ глубокомъ мѣстѣ, гдѣ не было брода. Мужественные Московскіе воины послѣдовали за своими вождями вплавь, при чемъ никто не утонулъ; достигнувъ же противоположнаго берега, они стремительно бросились на врага съ побѣднымъ кличемъ: «Москва!.. Москва!..» Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе: 12,000 человѣкъ пало на мѣстѣ, а 17,000 было взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ и Димитрій Борецкій съ двумя воеводами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обозѣ была найдена и измѣнническая договорная грамота съ Казиміромъ.

Великій князь получилъ извѣстіе о Шелонской побѣдѣ въ Яжелбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода, откуда онъ перешелъ къ Руссѣ, увѣренный, что сюда не замедлятъ явиться Новгородскіе послы съ просьбой о мирѣ. Но къ своему удивленію онъ узналъ, что Новгородъ волнуется по прежнему, и что Литовская сторона, несмотря на всѣ неудачи, держитъ верхъ. Тогда Іоаннъ, возмущенный безъ сомнѣнія договорной грамотой съ Казиміромъ, приказалъ казнить Димитрія Борецкаго съ тремя знатными плѣнниками. «Вы за короля задаваться хотѣли»—сказалъ онъ имъ.

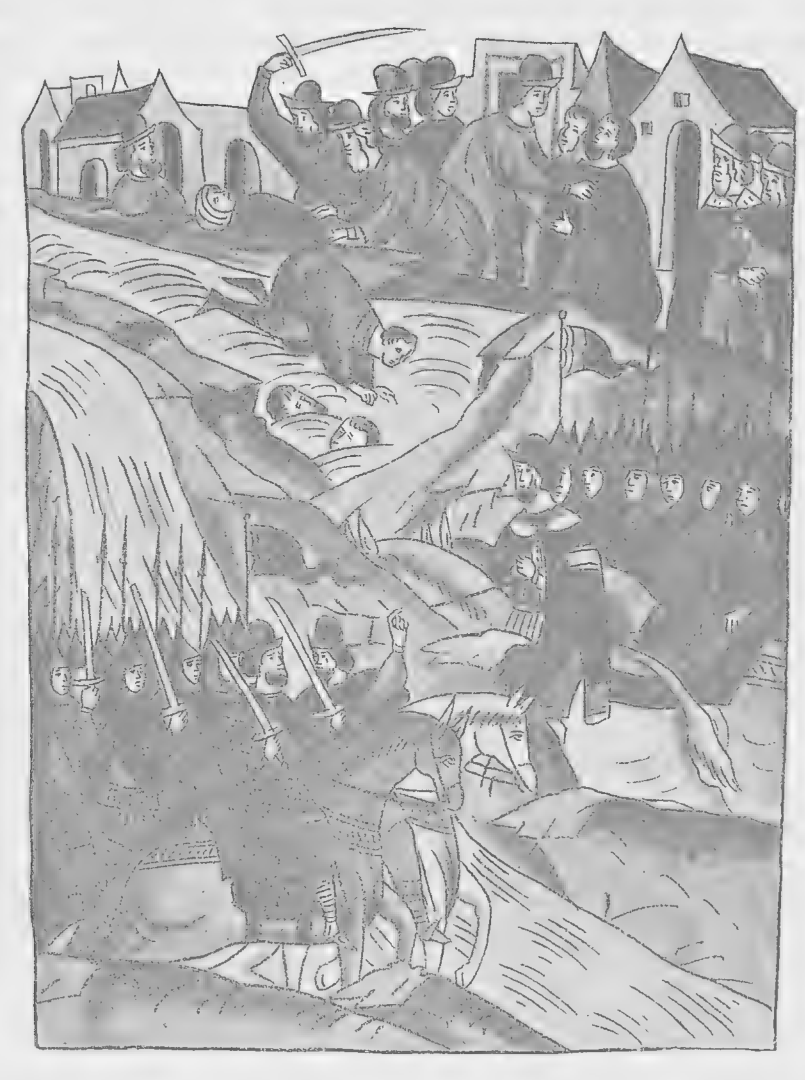
Скоро Новгородцы увидѣли, что дальше сопротивляться имъ будетъ немыслимо; власть въ городѣ перешла къ Московскимъ сторонникамъ и владыка Ѳеофилъ былъ посланъ съ челобитьемъ. Іоаннъ милостиво даровалъ миръ по всей старинѣ, взявъ лишь *за проступку* 15.500 рублей деньгами, при чемъ въ своемъ договорѣ жители вольнаго города обязывались ни подъ какимъ видомъ не отдаваться Литвѣ, а быть неотступно съ Москвою; владыкъ же своихъ тоже ставить по старинѣ у гроба Святого Петра чудотворца въ Москвѣ.

Одновременно съ пораженіемъ на Шелони, Новгородцы были на голову разбиты и въ Двинской Землѣ Московскимъ воеводой Образцовымъ, хотя онъ имѣлъ только 4.000 человѣкъ противъ 12.000. Однако, несмотря на эту побѣду, Іоаннъ и здѣсь заключилъ миръ по старинѣ: отдалъ Новгороду его Заволоцкія владѣнія, потребовавъ лишь возвращенія всѣхъ прежнихъ захватовъ, сдѣланныхъ тамъ въ Московскихъ владѣніяхъ, преимущественно во время Шемякиной смуты.

Такое счастливое окончаніе борьбы съ грознымъ Московскимъ княземъ не принесло никакой пользы Новгороду и никого въ немъ не образумило. Тамъ опять немедленно начались распри сторонъ и безчинства сильныхъ денежныхъ людей.

Скоро степенный посадникъ Василій Ананьинъ со своими приспѣшниками, въ числѣ коихъ были все больше бывшіе сторонники Литвы, напалъ на двѣ улицы—на Славкову и Никитину, которыя видимо доброхотствовали

Москвѣ, и переграбилъ и перебилъ ихъ людей, многихъ даже до смерти.

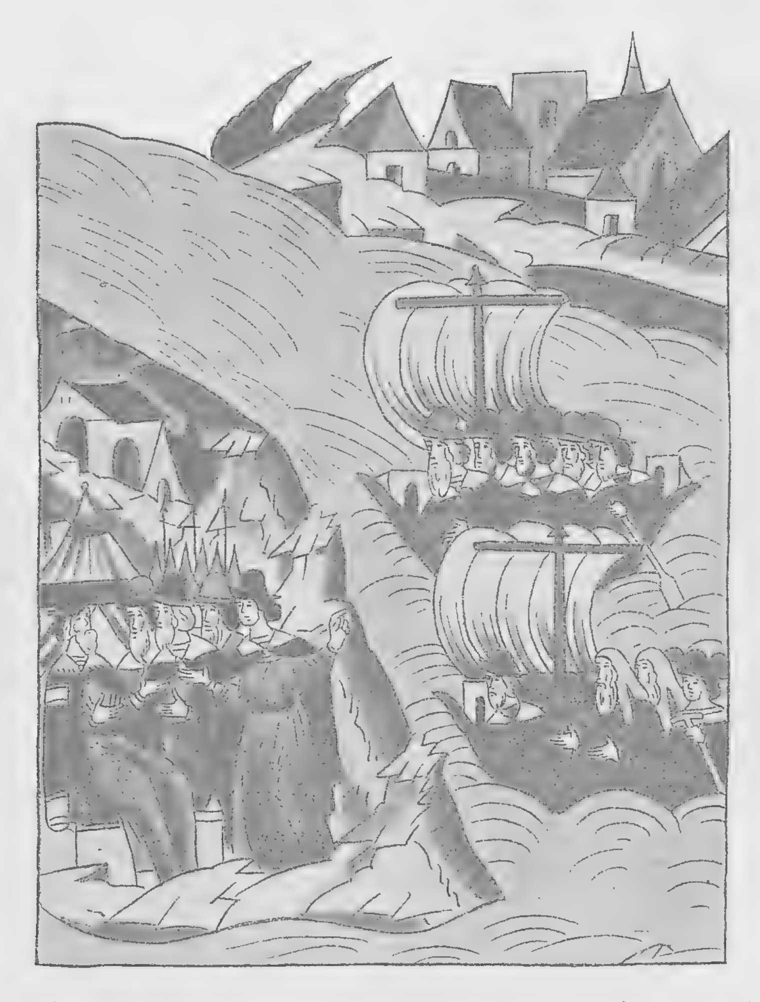


109. Шелонская битва. Въ верху изображено, какъ Новгородцы кидаютъ въ Волховъ, не желающихъ идти въ бой... „Которіи бо не хотѣли поити къ бою тому, и они сами тѣхъ разграбляху и избиваху, а иныхъ въ рѣку въ Волховъ метаху. Сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячъ на бою томъ. И поидоша скоро со многыми силами на тѣхъ же воеводъ великаго князя, на передовый полкъ, на князя Михаила Холмъскаго и на Феодора Давидовича. Воеводы же великаго князя аще и вмалѣ бѣста,—глаголютъ бо бывшеи тамо, яко съ пять тысущь ихъ только бѣ,...—не устрашишася, но, надѣющеся на Господа Бога и пречистую Его Матере и на правду Государя своего, поидоша скоро устремительно противу ихъ, яко львы рыкающе, чрезъ рѣку ону велиную".

Изъ Царственнаго лѣтописца.

Такія же безчинства сторонниками Литвы производились и въ другихъ мѣстахъ. Но теперь у обиженныхъ былъ защитникъ—великій

князь Іоаннъ, которому по старинѣ принадлежало право суда въ Новгородѣ; правда, это право было предано забвенію и никто имъ давно не пользовался, но обиженный и ограбленный людъ, тяготѣвшій къ Москвѣ, послалъ объ этомъ напомнить Іоанну Васильевичу, отправивъ ему жалобу на своихъ засильниковъ.



110. Новгородскіе послы бьютъ челомъ Іоанну. „... Въ той же день прійдоша изъ Новгорода на усть Шелоны въ судѣхъ езеромъ Илменемъ нареченный на архіепископство Феовилъ съ посадники и съ тысячскими и съ прочими градскими людми изо всѣхъ концовъ"....

Изъ Царственнаго лѣтописца.

И вотъ, 22 октября 1475 года, Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ *миромъ*, но въ сопровожденіи множества людей. Начиная съ Вышняго Волочка, великаго князя встрѣчали вездѣ послы Новгородскіе съ дарами, но встрѣчали также и челобитчики. Чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ Новгороду, тѣмъ болѣе высыпало ему навстрѣчу жалобщиковъ, которые ждали отъ него суда праведнаго и нелицепріятнаго. 21 ноября, вели-

кій князь въѣхалъ въ Новгородскій кремль и пробылъ здѣсь до 26 января 1476 года. Онъ милостиво принималъ обильное угощеніе и дары отъ архіепископа и многихъ Новгородскихъ людей, и въ то же время назначилъ

111. Великій князь Іоаннъ Васильевичъ III у Новгорода.

Изъ рукописнаго Житія Святыхъ Савватія и Зосимы, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III.

великокняжескій судъ, при чемъ по старинѣ—потребовалъ, чтобы при разбирательствѣ, для полнаго безпристрастія, были бы какъ его пристава, такъ и Новгородскіе. Судъ состоялся въ присутствіи Ѳеофила и старыхъ

посадниковъ, при чемъ всѣ жалобы были признаны справедливыми. Тогда Іоаннъ велѣлъ взять обвиненныхъ, и главныхъ изъ нихъ посадить за приставами, а остальныхъ отдать на крѣпкую поруку.

Владыка и посадники явились затѣмъ къ нему просить помиловать схваченныхъ бояръ. Но Іоаннъ отвѣчалъ имъ: «Извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ этихъ бояръ и прежде зла было, а нынѣ что ни есть дурного въ нашей отчинѣ—все отъ нихъ: такъ какъ же мнѣ ихъ за это дурное жаловать»? и приказалъ въ тотъ же день отправить скованными въ Москву—бывшаго посадника Ананьина съ тремя главными товарищами.

Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, великій князь снизошелъ на новыя ходатайства владыки и освободилъ нѣкоторыхъ бояръ, отданныхъ на поруки, а затѣмъ послѣ ряда пировъ, данныхъ въ его честь, отбылъ въ Москву. Строгій и безпристрастный судъ великаго князя понравился Новгородцамъ. И вотъ, не ожидая пока онъ вновь пріѣдетъ къ нимъ, они стали брать своихъ приставовъ и сами ѣхали судиться въ Москву, забывъ старинное свое право: «На Низу Новгородца не судить». Сюда, за княжескимъ судомъ потянули бояре, поселяне, житьи люди, монахини, вдовы и многое множество разнаго народа—искать управу на свои обиды.

Это показываетъ, конечно, что самъ Новгородскій народъ сталъ смотрѣть на Московскаго великаго князя какъ на своего верховнаго судью. Литовская партія была, разумѣется, сильно этимъ недовольна, но ничего не могла сдѣлать, такъ какъ ни Казиміръ, ни Татары не проявляли враждебныхъ дѣйствій противъ Москвы, а между тѣмъ, въ 1477 году, случилось обстоятельство, давшее неожиданный оборотъ отношеніямъ великаго князя къ Новгороду. Въ Москву пріѣхало двое Новгородскихъ пословъ—Назаръ Подвойскій и Захаръ вѣчевой дьякъ и назвали въ своемъ челобитьи Іоанна *Государемъ*, тогда какъ прежде Новгородцы ни одного великаго князя не называли Государемъ, а только Господиномъ. Іоаннъ, конечно, обратилъ вниманіе на это и отправилъ своихъ пословъ спросить въ Новгородъ: «Какого тамъ хотятъ Государства? хотятъ ли, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ судъ Государя, чтобы управители его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя»?

Неизвѣстно по чьему порученію назвали Новгородскіе послы—Іоанна Государемъ; нѣкоторые лѣтописцы говорятъ, что это было сдѣлано ими по рѣшенію владыки и бояръ, но безъ вѣдома вѣча. Во всякомъ случаѣ, какъ только Московскіе послы прибыли въ Новгородъ съ вопросомъ Іоанна—то тамъ всталъ жестокій мятежъ, при чемъ было убито нѣсколько именитыхъ людей, заподозрѣнныхъ въ преданности Москвѣ.

Съ этого времени, какъ говоритъ лѣтописецъ, «Новгородцы взбѣсновались какъ пьяные и опять захотѣли къ королю». Московскихъ пословъ, однако, отпустили съ честью и приказали имъ передать Іоанну, что бьютъ ему челомъ какъ своему Господину, но Государемъ его не зовутъ, а просятъ жить по старинѣ, какъ договорились въ послѣдній разъ.

Получивъ этотъ отвѣтъ, великій князь пришелъ къ митрополиту и объявилъ ему о клятвопреступленіи Новгородцевъ: «я не хотѣлъ у нихъ Государства, сами прислали, а теперь запираются и на насъ ложь положили». Онъ объявилъ объ этомъ также матери—инокинѣ Маѳѣ, и боярамъ, а затѣмъ, напутствуемый благословеніемъ всѣхъ, осенью того же 1477 года, собрался въ походъ—наказать Новгородъ, и двинулъ къ опальному городу сильные полки по разнымъ дорогамъ.

23 ноября Іоаннъ стоялъ уже въ тридцати верстахъ отъ Новгорода. Здѣсь явился къ нему владыка Ѳеофилъ съ посадниками и, назвавъ его «Государемъ», билъ челомъ, чтобы онъ переложилъ свой гнѣвъ на милость,—оставилъ бы все по старинѣ и впредь на судъ Новгородцевъ въ Москву не звалъ. Вмѣсто отвѣта, Іоаннъ повелѣлъ своему войску подойти вплотную къ городу и окружить его со всѣхъ сторонъ; затѣмъ онъ послалъ сказать въ городъ, что они сами знаютъ, что отправили къ нему Назара Подвойскаго и Захара вѣчевого дьяка, которые назвали его Государемъ; при этомъ, выставивъ всѣ вины Новгородцевъ передъ нимъ, Іоаннъ закончилъ свое слово такъ: «Князь великій вамъ говоритъ: захочетъ Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бьютъ».

Новгородцы поняли, конечно, какъ имъ слѣдуетъ бить челомъ, но медлили до послѣдней крайности. Великій же князь, между тѣмъ, окружилъ городъ тѣснымъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе чего тамъ скоро насталъ недостатокъ въ продовольствіи, а Московскую рать, по приказу Іоанна, обильно снабжали всякаго рода продовольствіемъ Псковичи: хлѣбомъ, калачами, пшеничной мукой, рыбою и медомъ.

4 декабря къ Іоанну явился опять владыка Ѳеофилъ съ посадниками; они били челомъ, чтобы Государь пожаловалъ, какъ Богъ положитъ ему на сердце—свою отчину жаловать. Но Іоаннъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ какъ бить челомъ».

Послы отправились назадъ въ городъ, и на другой день прибыли съ повинной, что дѣйствительно Новгородъ посылалъ въ Москву Назара да Захара называть великаго князя Государемъ, и потомъ заперлись. Тогда Іоаннъ приказалъ имъ отвѣтить: «Если ты, владыко, и вся наша отчина, великій Новгородъ, сказались передъ нами виноватыми, и спрашиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, въ Новгородѣ, то объявляемъ, что хотимъ такого же государства, какъ и въ Москвѣ». 7 декабря послы явились съ новыми рѣчами. Они просили, чтобы великій князь бралъ дань съ каждой сохи по полугривнѣ, но чтобы все остальное было по старинѣ. Іоаннъ, однако, рѣшительно этому воспротивился. Тогда послы попросили его, чтобы онъ указалъ, какъ его Государству быть въ Новгородѣ: «потому что Великій Новгородъ Низоваго обычая не знаетъ».

На это великій князь отвѣчалъ имъ: «Государство наше таково: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а Государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ

Низовой Землѣ, чтобы было на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя Земли наши за вами и вы ихъ намъ отдайте; воеводъ не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ Землѣ судъ стоитъ».

Послѣ шести дней размышленія, Новгородцы объявили что согласны на снятіе колокола и уничтоженіе посадника, но просятъ не выводить ихъ въ Низовую Землю и не звать туда на службу. Іоаннъ ихъ всѣмъ этимъ пожаловалъ. Тогда послы просили написать объ этомъ договоръ, съ тѣмъ, чтобы обѣ стороны цѣловали на немъ крестъ. Но имъ объявили, что великій князь не станетъ цѣловать креста своимъ подданнымъ.

«Пусть бояре поцѣлуютъ крестъ»—просили послы, но получили тоже отказъ. Отказано было имъ и въ цѣлованіи креста со стороны великокняжескаго намѣстника.

Послѣ этого, Новгородцы должны были присягнуть на полное подданство Московскому великому князю; Іоаннъ-же, опредѣливъ, что онъ будетъ брать по полугривнѣ съ сохи въ годъ, и оказавъ многія льготы владыкѣ и бѣднымъ монастырямъ, выѣхалъ 5 февраля 1478 года въ Москву, оставивъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ—князей Стригу и Ярослава Оболенскихъ. Передъ отъѣздомъ онъ велѣлъ схватить главныхъ крамольниковъ: Мароу Борецкую съ внукомъ Василіемъ Ѳеодоровичемъ и еще шесть Новгородцевъ и отвести ихъ въ Москву. Вслѣдъ за Іоанномъ отправили въ Москву и вѣчевой колоколъ; «и вознесли его на колокольницу—говоритъ лѣтописецъ—съ прочими колоколами звонити».

Такъ закончилось вольное существованіе Великаго Новгорода. Конечно, многіе изъ его гражданъ не скоро могли забыть свое независимое житье и неоднократно заводили крамолу. Но Іоаннъ твердо подавлялъ ее своей властной рукой. Въ 1480 году, узнавъ о сношеніяхъ крамольныхъ Новгородцевъ съ Казиміромъ и съ Нѣмцами, и о томъ, что въ городѣ заводятся старые порядки, онъ подошелъ къ нему со своими полками и пушками заставилъ отворить себѣ ворота. Затѣмъ всѣ заговорщики были строго наказаны во главѣ съ владыкой Ѳеофиломъ: его взяли подъ стражу и отослали въ Московскій Чудовъ монастырь, 100 главныхъ крамольниковъ были преданы смертной казни, а 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ переведено по Низовымъ городамъ.

Въ 1481 году, было опять схвачено четверо Новгородскихъ бояръ, а затѣмъ тридцать человѣкъ приговорено къ смертной казни, по поклепу другъ на друга въ сношеніяхъ съ Польскимъ королемъ, но когда они передъ висѣлицей стали каяться въ этихъ поклепахъ, то Іоаннъ даровалъ имъ жизнь.

Въ 1487 году, пришлось перевести изъ Новгорода во Владиміръ на Клязьмѣ 50 семей лучшихъ купцовъ и, наконецъ, въ 1488 году перевели изъ Новгорода въ Москву больше семи тысячъ житьихъ людей за то, что они хотѣли убить великокняжескаго намѣстника; ихъ разселили по разнымъ городамъ Московскаго княжества, а на ихъ мѣсто были посланы въ Новгородъ—изъ Москвы и другихъ Низовыхъ городовъ дѣти боярскіе и купцы.

Эта мѣра оказалась самой дѣйствительной для окончательнаго приведенія Новгорода подъ власть Москвы.

Во время описанныхъ событій въ Великомъ Новгородѣ, Іоаннъ былъ дѣятельно занятъ также и многими другими важными дѣлами. Въ числѣ ихъ было и заключеніе новаго брака.

Въ 1467 году скончалась его первая жена—великая княгиня Марія Борисовна, съ коей онъ былъ обрученъ въ Твери отцомъ своимъ Василіемъ Темнымъ, будучи еще маленькимъ мальчикомъ. Отъ этой первой жены остался сынъ—Иванъ Молодой, котораго Государь, по примѣру Василія Темнаго,

112. Отправка Мароы посадницы и вѣчевого колокола въ Москву.

Рисунокъ художника А. Кившенко

назвалъ также великимъ княземъ, съ цѣлью отнять у братьевъ своихъ всякій предлогъ къ предъявленію старыхъ правъ старшинства передъ племянникомъ, при чемъ всѣ грамоты писались отъ обоихъ великихъ князей.

Вдовый двадцатисемилѣтній Іоаннъ Московскій былъ, конечно, для всѣхъ—весьма завиднымъ женихомъ. Но особенные виды питались на него въ Римѣ папою Павломъ II. Дѣло въ томъ, что въ это время жила въ Римѣ родная племянница послѣдняго Царьградскаго царя Константина Палеолога, убитаго при взятіи Турками Константинополя, дочь его брата Өомы—Софія. Софія Өоминична была воспитана въ правилахъ Флорентійской уніи и

папа, увѣренный что она благопріятствуетъ Латинству, рѣшилъ посватать ее за Іоанна Васильевича съ тѣмъ, чтобы при ея посредствѣ пріобщить къ уніи и Московское Государство.

Вдохновителемъ папы въ этомъ дѣлѣ былъ бывшій Православный Никейскій патріархъ Виссаріонъ, одинъ изъ подписавшихъ Флорентійскую унію и получившій званіе Римскаго кардинала. Въ февралѣ 1469 года въ Москву прибылъ грекъ Юрій съ письмомъ отъ Виссаріона,

113. Отпѣваніе бояръ, которыхъ преподобный Зосима видѣлъ на пиру у Маѳы посадницы безъ головъ.

Изъ рукописнаго Житія Святыхъ Савватія и Зосимы, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III.

въ которомъ послѣдній предлагалъ Іоанну руку царевны, причемъ писалъ, что она отказала изъ преданности къ Православію двумъ женихамъ— Французскому королю и Медіоланскому (Миланскому) герцогу. Великій князь отнесся къ этому предложенію съ обычной своей обстоятельностью; онъ совѣтовался съ матерью, митрополитомъ и боярами, а затѣмъ отправилъ въ Римъ своего посла: монетнаго мастера, Итальянца Ивана Фрязина (Джана Баптиста делла Вольпе), принявшаго въ Русской Землѣ

Православіе. Иванъ Фрязинъ не замедлилъ вернуться въ Москву, восхваляя Софію, и привезъ ея живописное изображеніе—портретъ, или какъ въ то время говорили на Руси—*парсуну*. Тогда Іоаннъ отправилъ вновь того же Фрязина въ Римъ, чтобы представить его лицо при обрученіи, и привести затѣмъ Софію въ Москву.

Въ Римѣ ловкій, но не особенно щекотливый въ дѣлахъ совѣсти, посолъ Іоанна выставлялъ себя ревностнымъ католикомъ, и, умалчивая о своемъ переходѣ въ Православіе, увѣрилъ всѣхъ, что Іоаннъ весьма склоненъ къ Латинству и съ удовольствіемъ поможетъ папѣ въ крестовомъ походѣ противъ Турокъ.

114. Изображеніе кардинала Виссаріона на его нагробіи въ церкви Святыхъ Апостоловъ въ Римѣ.

Папа далъ Софіи богатое приданое и 29 іюня 1472 года она выѣхала въ Россію въ сопровожденіи многихъ Грековъ и нарочитаго папскаго посла—кардинала Антонія Бонумбре, посланнаго имъ, чтобы поднять вопросъ объ уніи.

Достовѣрнаго изображенія Софіи Ѳоминичны, къ сожалѣнію, не имѣется. Помѣщаемый же здѣсь рисунокъ, гдѣ папа вручаетъ ей приданое, представляетъ снимокъ со стѣнописи въ больницѣ Святого Духа въ Римѣ, работы довольно плохого художника, жившаго на полтораста лѣтъ позже ея. Но сохранилось, и вѣроятно вполнѣ достовѣрное, изображеніе ея брата Андрея, посѣтившаго впослѣдствіи два раза свою сестру въ Москвѣ.

Сохранилось также восторженное описаніе красоты и очаровательности Софіи Өоминичны, составленное однимъ изъ гражданъ Итальянскаго города Болоньи, куда она прибыла по пути въ Москву. «Софія Өоминична—разсказываетъ онъ—носила плащъ изъ парчи и соболей надъ пурпуровымъ платьемъ, а на головѣ золотое украшенье съ жемчугомъ. Ея свиту составляли самые знатные молодые люди, спорившіе изъ за чести держать ея лошадь подъ уздцы».

Невѣста Московскаго великаго князя была встрѣчаема во всей Германіи съ большими почестями. 1 сентября она прибыла въ Любекъ, гдѣ

115. Папа Сикстъ IV вручаетъ приданое Софіи Өоминичнѣ, стоящей передъ нимъ, послѣ своего обрученія, рядомъ съ Иваномъ Фрязинымъ, который принимаетъ изъ рукъ папы кошелекъ съ золотомъ.

Стѣнопись въ больницѣ Святого Духа въ Римѣ.

сѣла на корабль, а 21-го числа того же мѣсяца вышла на берегъ въ Ревелѣ. Гонцы великаго князя тотчасъ же дали знать по всему пути о ея пріѣздѣ.

Въ Юрьевѣ Софія была торжественно встрѣчена Московскимъ посломъ, который почтительно привѣтствовалъ ее отъ имени жениха. Высоконареченную всюду привѣтствовали, разумѣется, самымъ сердечнымъ образомъ, но съ особенной любовью отнеслись къ ней Псковичи; на шести насадахъ, въ сопровожденіи множества лодокъ, они поплыли по своему озеру къ Нѣмецкому берегу, вышли изъ судовъ и, наполнивъ кубки и позлащенные рога, били ей челомъ—виномъ и медомъ. Софія Өоминична ласково ихъ

приняла и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобы скорѣе покинуть Нѣмцевъ.

Впереди Пскова ее встрѣтило все духовенство съ крестами и хоругвями и всѣ посадники. Вступивъ на Русскую Землю, будущая великая княгиня сразу показала себя строгой ревнительницей Православія: она тотчасъ-же подошла къ благословенію священниковъ, а затѣмъ прямо отправилась со спутниками въ Троицкій Соборъ; вошелъ съ ней туда и кардиналъ Антоній, «не по нашему обычаю одѣтый—весь въ красное»,—говоритъ лѣтописецъ, «въ перчаткахъ, которыхъ никогда не снимаетъ, и благословляетъ въ нихъ, и несутъ передъ нимъ распятіе литое, высоко взоткнутое на древкѣ, къ иконамъ не подходитъ и не крестится; въ Троицкомъ Соборѣ приложился только къ Пречистой, и то по приказанію царевны».

116. Братъ великой княгини Софіи Ѳоминичны—Андрей Палеологъ.

Стѣнопись художника Пентурикків въ Ватиканскомъ дворцѣ.

Когда до Москвы дошли свѣдѣнія, что вездѣ, гдѣ останавливается Софія, передъ папскимъ посломъ носятъ серебрянное распятіе—«Латинскій крыжъ», то великій князь сталъ думать съ боярами, можно ли допустить такое шествіе по Москвѣ и наконецъ послалъ спросить митрополита Филиппа.

Тотъ отвѣчалъ: «Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко; если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въ городѣ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; неприлично намъ слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругается».

Получивъ этотъ отвѣтъ, Іоаннъ послалъ боярина отобрать крыжъ у Антонія и спрятать его въ сани; тотъ было воспротивился, но дѣлать было нечего.

Софія въѣхала въ Москву 12 ноября 1472 года и тотчасъ же была обвѣнчана съ Іоанномъ. На другой день кардиналъ Антоній, какъ посолъ папы, былъ торжественно принятъ великимъ княземъ. Онъ сейчасъ же поднялъ вопросъ о соединеніи церквей на основаніи Флорентійскаго собора; но митрополитъ выставилъ противъ него на споръ Русскаго книж-

ника Никиту Поповича, который своими вопросами и отвѣтами поставилъ папскаго посла въ полный тупикъ; кардиналъ не нашелся что отвѣчать и поспѣшилъ кончить споръ, съ досадой промолвивши: «Нѣтъ книгъ со мной».

Такимъ образомъ, папская попытка привлечь Русскую церковь къ Латинству, при посредствѣ брака Іоанна съ царевной Софіей, сразу окончилась полной неудачей: Софія оказалась вполнѣ преданной Православію, а папскій кардиналъ былъ посрамленъ въ спорѣ нашимъ книжникомъ Никитою Поповичемъ.

Бракъ Іоанна съ Софіей Ѳоминичной имѣлъ совершенно иныя послѣдствія, чѣмъ разсчитывалъ папа. Новая Русская великая княгиня принесла

117. Торжественная встрѣча Псковичами Софіи Ѳоминичны Палеологъ.

Картина художника Бронникова въ Историческомъ музеѣ имени Императора Александра III въ Москвѣ.

съ собой всѣ завѣты и преданія Византійскаго царства, столько столѣтій славнаго своей крѣпкой Православной вѣрой и своимъ мудрымъ государственнымъ устройствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она принесла съ собой въ глазахъ всѣхъ Православныхъ людей и передачу всѣхъ правъ Византійскихъ государей, послѣ покоренія ихъ державы Турками, какъ своему Православному супругу—Московскому великому князю, такъ и будущимъ своимъ отъ него Православнымъ потомкамъ.

А это наслѣдіе Византіи въ дѣлѣ собиранія Москвою Православныхъ Русскихъ Земель, имѣло, конечно, огромное нравственное значеніе.

Послѣ брака съ Софіей, по отзыву всѣхъ современниковъ, въ Іоаннѣ замѣтно произошла перемѣна. Онъ сталъ какъ бы выше, чѣмъ прежніе

118. Гербъ Московскій.

По Титулярнику.

великіе князья, держалъ себя съ бо̀льшимъ величіемъ, требовалъ къ себѣ бо̀льшихъ знаковъ внѣшняго почитанія и безусловнаго повиновенія отъ всѣхъ. Перемѣна эта, конечно, была совершенно необходима, когда Москва изъ небольшого Московскаго княжества стала развиваться въ могущественное государство, при чемъ общее стремленіе всей Земли и духовенства было, чтобы во главѣ его стоялъ неограниченный и самодержавный Государь, Божіей Милостію всѣмъ своимъ подданнымъ въ отцовъ и праотца мѣсто поставленный.

Нѣтъ сомнѣнія, что прибывшіе съ Софіей Ѳоминичной изъ Италіи Греки также во многомъ способствовали установленію взглядовъ на сущность верховной власти въ Государствѣ.

119. Печать Государственная малая (такъ называемая—Двойная Кормчая) Великаго Князя Іоанна III Васильевича.

Эта печать привѣшена къ договорной грамотѣ 1504 года іюня 16-го, заключенной по приказанію Великаго Князя Іоанна Васильевича между дѣтьми его Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ и Княземъ Юріемъ Ивановичемъ, о бытіи имъ въ дружбѣ и согласіи.

Первымъ видимымъ знакомъ преемственности Московской Руси отъ Византіи было принятіе Государственнымъ гербомъ двуглаваго орла, бывшаго гербомъ Греческихъ царей. Со времени брака Іоанна съ Софіей Ѳоминичной, двуглавый орелъ вмѣстѣ со всадникомъ, поражающимъ копьемъ змѣя, дѣлается навсегда нашимъ Государственнымъ гербомъ, причемъ всадникъ изображаетъ какъ Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія, такъ также и Государя, поражающаго своимъ копьемъ всѣхъ враговъ Отечества и всякое противугосударственное зло.

На ряду съ важными дѣлами по собиранію Руси, Іоаннъ неутомимо старался также объ украшеніи своего стольнаго города Москвы и, въ этомъ

отношеніи, шелъ совершенно по стопамъ своего прапрадѣда Іоанна Калиты. При Іоаннѣ III Москва изъ деревянной стала бѣлокаменной.

120. Святой митрополитъ Іона.

Съ древней иконы четырехъ святителей Московскихъ въ иконостасѣ Ипатіевскаго монастыря въ г. Костромѣ.

Въ дѣлѣ этомъ, конечно, важнѣйшей заботой великаго князя было попеченіе о Божьемъ храмѣ, который являлся какъ бы основнымъ камнемъ для созданія народнаго государственнаго единства, о кремлевскомъ соборѣ Успенья Божіей Матери, заложенномъ при Іоаннѣ Калитѣ собственными руками Первосвятителя вся Руси, Святымъ Петромъ чудотворцемъ, въ немъ и погребеннымъ. Храмъ этотъ отъ времени и многихъ пожаровъ сильно обветшалъ и грозилъ паденіемъ. И вотъ въ 1471 году, въ ту же лѣтнюю пору, когда войска Іоанновы одержали славную Шелонскую побѣду надъ измѣнниками Новгородцами, митрополитъ Филиппъ заложилъ сооруженіе новаго каменнаго собора и отпустилъ для этого немалое количество денегъ изъ своихъ доходовъ. Конечно, и великій князь, получивъ отъ Новгородцевъ 15.500 рублей за ихъ вину, тоже вложилъ свою лепту въ эту постройку, которая была поручена Московскимъ мастерамъ камнесѣчцамъ—Іоанну Кривцову, да Мышкину.

При разборкѣ стараго храма были открыты мощи погребенныхъ тамъ митрополитовъ. Когда приступили ко гробу Святого Іоны и сняли съ него доску, въ тотъ часъ «изыде изъ гроба благоуханіе много по всему храму; мощи же его явились всѣ цѣлы и нерушимы, прилпе бо плоть кости его и не двигнушася составы его»—говоритъ лѣтописецъ. Вскорѣ у этихъ мощей послѣдовало два случая чудеснаго исцѣленія. Съ великимъ освященіемъ и съ установленіемъ даже особаго праздества были перенесены и мощи Святаго Петра Чудотворца. Когда митрополитъ Филиппъ со многимъ страхомъ и слезами повелѣлъ разобрать надгробницу, то увидѣли гробъ, весь распавшійся отъ бывшаго пожара, «а мощи, яко свѣтъ, блещашися, ничто къ нимъ не прикоснулось, и благоуханіе многое исходяще отъ нихъ». Народъ съ напряженнымъ

вниманіемъ слѣдилъ за всѣми мельчайшими подробностями перенесенія мощей Святыхъ, почивавшихъ въ Успенскомъ соборѣ, и вообще за всемъ ходомъ его сооруженія; къ веснѣ 1774 года, церковь была уже «чудна вельми и превысока зело»; ее вывели до сводовъ, которые оставалось только замкнуть, чтобы на нихъ соорудить большую среднюю главу, какъ вдругъ, 20 мая, въ часъ солнечнаго заката, храмъ внезапно разрушился, не повредивъ, однако, гробовъ Святыхъ Петра и Іоны; сохранились также всѣ иконы, святые сосуды, книги и паникадило въ сооруженной рядомъ временной деревянной церкви.

Причиной такого несчастія и такой печали для всего города послужило плохое искусство мастеровъ, такъ какъ старый способъ постройки каменныхъ храмовъ, коимъ была такъ знаменита Русь одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ, былъ совершенно забытъ въ это время. Вмѣстѣ съ глубокой скорбію о разрушеніи храма, весь Московскій народъ видѣлъ преславное чудо и благодатное заступленіе Божіей Матери въ томъ обстоятельствѣ, что при разрушеніи церкви никто изъ людей не палъ жертвою этого несчастія, хотя весь день въ ней усердно работали камнесѣчцы, а на подмостки всходили до темноты многіе любознательные посмотрѣть, какъ подвигается работа. Чтобы начать вновь строить церковь, великій князь послалъ было за Псковскими мастерами, славившимися своимъ искусствомъ, но когда они отказались отъ столь отвѣтственной работы, то онъ рѣшилъ отправить для сего нарочитаго посла въ Италію, въ городъ Венецію, и выбралъ Семена Толбузина.

Семенъ Толбузинъ, первый изъ Русскихъ, отправленный посломъ къ иноземному государю, успѣшно выполнилъ свое порученіе и въ 1475 году возвратился въ Москву, привезя славнаго мастера муроля Родольфа Фіоравенти дельи Альберти, прозваннаго ради его хитрости Аристотелемъ, по имени знаменитаго Греческаго ученаго мужа—воспитателя великаго царя Александра Македонскаго.

Правитель Венеціи никакъ не хотѣлъ отпускать отъ себя Аристотеля, котораго приглашалъ также и Турецкій султанъ въ Царьградъ и только послѣ многихъ просьбъ, въ знакъ особой дружбы къ Іоанну, разрѣшилъ ему ѣхать въ Москву, за жалованье 10 рублей въ мѣсяцъ, цѣну по тому времени огромную. Помимо знанія строительнаго искусства, Аристотель могъ также отлично лить колокола и пушки и стрѣлять изъ послѣднихъ.

Подробно осмотрѣвъ разрушенный храмъ, онъ похвалилъ гладкость сооруженія, но похулилъ известь, что не клеевата, да и камень, сказалъ, что не твердъ.

Аристотель рѣшилъ все сломать до основанія, чтобы начать строить изъ кирпича. Для этого, 16 апрѣля 1475 года, послѣдовало новое перенесеніе мощей Святыхъ митрополитовъ Петра, Ѳеогноста, Кипріана, Фотія и Іоны—въ церковь Святого Іоанна, что подъ колоколы.

Въ теченіе недѣли, Аристотель особымъ дубовымъ брусомъ, окованнымъ съ конца желѣзомъ, который раскачивали на канатахъ, развалилъ

все оставшееся сооруженіе и затѣмъ приступилъ къ своей работѣ. На четвертое лѣто, въ 1478 году, славная постройка была окончена вчернѣ, а совсѣмъ въ 1479 году, и 12 августа торжественно освящена митрополитомъ Геронтіемъ.

Радость въ этотъ день всего города Москвы была неописуема. Великій князь повелѣлъ раздать милостыню на весь городъ всѣмъ нищимъ, а духовенство съ боярами угостилъ знатнымъ обѣдомъ. Чрезъ нѣсколько дней состоялось торжественное перенесеніе въ новый храмъ мощей Святыхъ митрополитовъ, а также и праха князя Юрія Даніиловича, старшаго брата Іоанна Калиты, здѣсь похороненнаго.

121. Успенскій соборъ въ Московскомъ кремлѣ.

Въ 1482 году, Успенскій соборъ былъ украшенъ иконописью — мастерами иконниками: Діонисіемъ, попомъ Тимофеемъ, Ярцемъ и Коною, на что далъ средства владыка Ростовскій Вассіанъ, знаменитый своимъ благочестіемъ и любовью къ Родинѣ. «Бысть же та церковь чудна»—говоритъ про Успенскій соборъ лѣтописецъ, «величествомъ, и высотой, и свѣтлостью и звонностью, и пространствомъ, яко же и прежде того не бывало въ Руси, опричь Владимірская церкви».

Сооруженіемъ заново соборнаго храма было положено только начало новому устройству города, причемъ великій князь имѣлъ не мало заботъ и трудовъ по вызову мастеровъ изъ Италіи, гдѣ въ это время былъ полный расцвѣтъ, такъ называемой «Поры возрожденія наукъ и искусствъ», чему очень сильно способствовали Греки, которые, послѣ взятія Царьграда Турками, во множествѣ поселились въ Италіи и пробудили въ средѣ ея образованныхъ жителей любовь къ изученію Греческаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ памятниковъ древней Греческой жизни, среди коихъ было много образцовъ высокаго искусства. Правители городовъ и сами папы Римскіе стали ревностно изучать древнеязыческое искусство; скоро въ Италіи появились замѣчательные живописцы, ваятели изъ камня и искус-

ные зодчіе, украсившіе ея города знаменитыми и понынѣ храмами, зданіями, картинами и статуями.

122. Внутренній видъ Успенскаго собора въ Москвѣ.

Конечно, вмѣстѣ съ поклоненіемъ древнему искусству, эта «Пора возрожденія наукъ и искусствъ» принесла въ Латинскія государства, гдѣ, съ паденіемъ обаянія папъ, сильно падало благочестіе, также

и чисто языческіе взгляды и понятія, причемъ, совершенно по язычески, высшей цѣлью жизни было поставлено *наслажденіе.*

Къ этой цѣли—наслажденію земными благами—Западные народы неуклонно стремятся и по днесь, успѣвъ, къ несчастію, привить эти взгляды и многимъ Русскимъ людямъ. Но въ пятнадцатомъ вѣкѣ передъ нашими предками стояли столь огромныя по своей трудности и столь высокія по своему значенію насущныя задачи—собираться вокругъ Православнаго Московскаго Государя и грудью своею и кровью служить оплотомъ для Западной Европы противъ нашествія мусульманскаго Востока, что они не могли даже и думать о наслажденіи жизнью; развитіе же въ Италіи искусствъ, дало намъ возможность приглашать опытныхъ зодчихъ для устроенія Москвы, и необходимыхъ другихъ мастеровъ.

123. Свибловская башня и часть кремлевской стѣны.
Сооружена около 1490 года Фрязинымъ Петромъ-Антоніемъ.

Однако, вслѣдствіе отдаленности Москвы отъ другихъ государствъ, а главное вслѣдствіе враждебности нашихъ сосѣдей—Поляковъ и Нѣмцевъ, не желавшихъ къ намъ пропускать нужныхъ людей, проходили годы, пока въ Москвѣ стали появляться эти очень желанные и необходимые Итальянскіе художники. Въ ожиданіи ихъ, Іоаннъ воспользовался искусствомъ Псковскихъ мастеровъ и въ 1484 году приказалъ построить новый каменный дворцовый храмъ Богоявленія, а митрополитъ въ томъ же году—церковь Ризъ Положенія.

Въ 1485 году, прибывшими первыми послѣ Аристотеля Итальянцами—мастерами Антоніемъ и Маркомъ Фрязиными стали сооружаться новыя кремлевскія стѣны, постройка которыхъ съ башнями или стрѣльницами и тайниками (подземными ходами) продолжалась до 1495 года; въ самомъ кремлѣ за это время было сооружено нѣсколько храмовъ, въ томъ числѣ разобраны старыя и заложены новыя каменныя церкви первоначальной постройки Іоанна Калиты: Святого Ивана Лѣствичника, что подъ колоколы, и соборъ Святого

Архангела Михаила для могилъ прародителей Государевыхъ; строителемъ послѣдняго былъ Фрязинъ Алевизъ Новый.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, великій князь рѣшилъ выстроить для себя въ кремлѣ каменныя палаты на мѣстѣ деревянныхъ. Сооруженіе ихъ началось одновременно съ перестройкой Благовѣщенской церкви мастерами Маркомъ и Петромъ-Антоніемъ Фрязиными, которые въ 1491 году построили большую палату, названную *Грановитой*, по случаю обдѣлки ея наружныхъ стѣнъ по Итальянски—гранями.

Постройка же остальныхъ дворцовыхъ палатъ затянулась надолго и окончилась уже при преемникахъ Іоанна.

Съ этого времени кремль, жилище Великихъ Государей Московскихъ, представлялъ собою какъ бы большой монастырь, потому что былъ наполненъ большими и красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменская келія въ монастырскомъ дворѣ, расположенъ былъ Государевъ дворецъ. Великолѣпная бѣлокаменная ограда съ затѣйливыми стрѣльницами, окаймлявшая кремль, имѣла нѣсколько воротъ, причемъ благочестивая народная мысль, почитавшая обиталище своего Государя въ качествѣ святыни, освѣтила и главныя кремлевскія ворота—*Спасскія*—народнымъ обычаемъ входить въ нихъ, снимая шапки, съ непокрытой головой. Когда и какъ установился этотъ обычай не выяснено, но, повидимому, онъ установленъ не по Государеву указу, а именно по благочестивой волѣ всенароднаго множества; разсказываютъ, что въ старину кто, проходя воротами, не снималъ шапки, того народъ заставлялъ класть передъ образомъ Спасителя пятьдесятъ поклоновъ.

124. Церковь Святого Ивана Лѣствичника, что подъ колоколы и колокольня Ивана Великаго въ Московскомъ кремлѣ.

(Послѣдняя заложена при преемникѣ Іоанна III, а окончена въ 1600 году при Борисѣ Годуновѣ).

Достойно особаго замѣчанія, что Фрязове-Итальянцы, устраивавшіе каменную Москву и ея сердце кремль, бывшіе учениками великихъ мастеровъ Итальянской блестящей «Поры возрожденія наукъ и искусствъ», придя со своими большими научными знаніями въ деревенскую и деревянную Москву, тѣмъ не менѣе возводили въ ней всѣ новыя каменныя сооруженія отнюдь не по Итальянскимъ, а по старо-Русскимъ образцамъ и завѣтамъ. Такъ, Успенскій соборъ былъ построенъ по образцу славнаго собора Владимірскаго, сооруженнаго Андреемъ Боголюбскимъ; по тому же образцу построенъ Архангельскій соборъ Алевизомъ Новымъ; по образцу и складу Новгородскихъ церквей сооружена церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ и колокольница, стоящая рядомъ съ Иваномъ Великимъ; по образцу древнихъ одноглавыхъ Русскихъ храмовъ выстроены были и церкви: Рождества Богородицы на Государевыхъ сѣняхъ и Благовѣщенія на Старомъ Ваганьковѣ.

125. Соборъ Архангела Михаила въ Московскомъ кремлѣ.

(Сооруженъ Фрязинымъ Алевизомъ Новымъ).

Даже Грановитая палата, отдѣланная по Итальянскому способу гранями, была только частью Государева помѣщенія, состоявшаго по старому Русскому обычаю изъ ряда палатъ и помѣщеній, соединенныхъ между собой сѣнями и переходами. Такимъ образомъ, пригласивъ Итальянскихъ мастеровъ, чтобы воспользоваться ихъ знаніями и искусствомъ въ строительствѣ, или какъ говорятъ нынѣ—ихъ *техническими знаніями*, Московская Русь во главѣ со своимъ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ крѣпко и во всемъ держалась своего ума и обычая, и вовсе не желала отворять широко двери такимъ нововведеніямъ, которыя могли бы измѣнить коренныя черты ея старинныхъ вкусовъ и укладовъ.

Украшая и перестраивая свой стольный городъ, Іоаннъ Васильевичъ, разумѣется, продолжалъ ревностно свое великое служеніе Родинѣ и на всѣхъ другихъ поприщахъ.

Вмѣстѣ съ полнымъ подчиненіемъ Москвѣ Новгорода, ему пришлось окончательно подчинить себѣ и Новгородскихъ выходцевъ—непокорныхъ

Вятчанъ, которые, пользуясь своей отдаленностью, мало признавали свою принадлежность къ общему всѣмъ Русскимъ людямъ отечеству; мало того, они стали держать прямо сторону Казани противъ Москвы. Конечно, это уже была явная измѣна и Православію и Родинѣ. Митрополитъ два раза писалъ Вятчанамъ увѣщательныя грамоты: «Называетесь вы именемъ христіанскимъ, а живете хуже нечистивыхъ; Святую церковь обижаете, законы церковные старые разоряете, Господарю Великому Князю грубите и пристаете къ его недругамъ издавна, съ поганствомъ соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великаго князя воюете безпрестанно»... Но митрополичьи грамоты не помогли, и, въ 1489 году, великій князь послалъ противъ Вятчанъ шестидесятичетырехтысячную рать подъ начальствомъ князя Даніила Щени и Григорія Морозова. Это подѣйствовало: какъ только Московскіе полки подступили къ городу Хлынову, большіе люди Вятской Земли вышли имъ бить челомъ — просить мира и покорились великому князю на всей его волѣ, послѣ чего три главныхъ измѣнника были биты кнутомъ и повѣшены; кромѣ того было выведено много лучшихъ людей съ семьями, которыхъ великій князь пожаловалъ имѣньями близъ Москвы; въ Вятку же были посланы его намѣстники.

126. Благовѣщенскій соборъ въ Московскомъ кремлѣ.

(Перестроенъ мастерами Маркомъ и Петромъ-Антоніемъ Фрязинами).

Псковъ удержалъ свои старинныя вольности, во все время великаго княженія Іоанна, который цѣнилъ, конечно, его постоянную покорность, а также и его неизмѣнную преданность Православію и Русскому дѣлу. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ со Псковской Землей объединилась Литва и основался Ливонскій орденъ, Псковъ, стоя на рубежѣ Русской Земли, въ продолженіи трехъ вѣковъ велъ съ ними упорную двухстороннюю борьбу, располагая по большей части лишь средствами своей небольшой области, простиравшейся верстъ на 300 неширокой полосой съ юга на сѣверъ, отъ верховьевъ рѣки Великой до рѣки Наровы.

Рязань во все время великаго княженія Іоанна III тоже сохраняла свою самостоятельность, благодаря тому, что Рязанскій князь во всемъ поступалъ согласно видамъ Москвы.

Долгое время продолжались добрыя отношенія у Іоанна Васильевича и съ его шуриномъ—Тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ, который по договору съ Іоанномъ, обязанъ былъ быть на Орду, Нѣмцевъ и Поляковъ за одно съ Москвой. Однако, въ 1485 году, вѣроятно вслѣдствіе

127. Спасскія ворота въ Москвѣ.
Сооружены Фрязиномъ Петромъ-Антоніемъ.

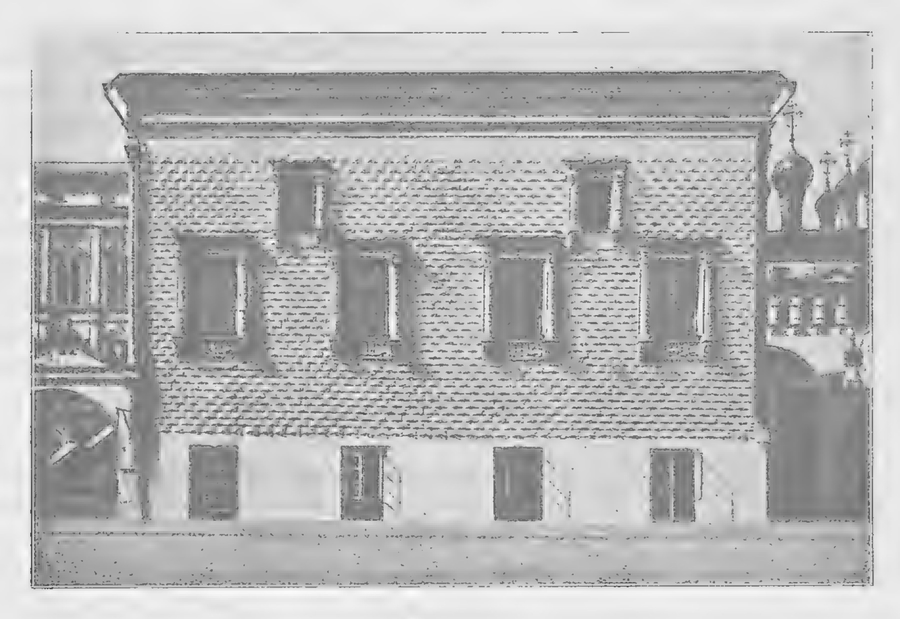
зависти Михаила къ Москвѣ, онъ сталъ держать дружбу съ Казиміромъ Литовскимъ и женился на его внучкѣ, при чемъ заключилъ съ нимъ договоръ, по которому оба они обязывались помогать другъ другу при всѣхъ обстоятельствахъ.

Этотъ договоръ былъ, разумѣется, прямой измѣною Москвѣ. Узнавъ о немъ, Іоаннъ тотчасъ же объявилъ Твери войну, и рать его вторгнулась въ ея область. Такъ какъ помощь отъ Казиміра не являлась, то Михаилъ сталъ просить о мирѣ, который Іоаннъ не замедлилъ ему дать; по этому миру Тверской князь обязался считать Іоанна и его сына своими стар-

шими братьями, сложить свое крестное цѣлованіе къ Казиміру и впредь безъ вѣдома Москвы съ нимъ ни въ какія сношенія не вступать.

Скоро послѣ этого, многіе Тверскіе бояре начали переѣзжать къ великому князю Московскому; конечно, этимъ не могъ быть доволенъ Михаилъ; онъ завелъ опять тайныя сношенія съ Литвой, но гонецъ его былъ перехваченъ и грамота къ Казиміру доставлена въ Москву.

Тогда Іоаннъ вновь собралъ войско и 8 сентября 1486 года обложилъ Тверь, при чемъ всѣмъ пушечнымъ нарядомъ руководилъ славный мастеръ Аристотель; 10-го числа были зажжены посады, а 11-го пріѣхали въ Московскій станъ всѣ Тверскіе бояре и били челомъ Іоанну; Михаилъ же Тверской бѣжалъ на Литву. При этихъ обстоятельствахъ, Іоаннъ при-



128. Грановитая палата въ Московскомъ кремлѣ (1487—1491 годы).

Сооружена Фрязинами Маркомъ и Петромъ-Антоніемъ.

соединилъ Тверь къ своимъ владѣніямъ и посадилъ въ ней своею сына Ивана Молодого, причемъ, повидимому, обошелся очень сурово съ Тверскими боярами, предавшими своего князя, такъ какъ главнаго изъ нихъ,— князя Михаила Холмскаго, онъ послалъ въ заточеніе въ Вологду, за то, что, поцѣловавши крестъ своему князю Михаилу, онъ отступилъ отъ него; «не хорошо вѣрить тому, кто Богу лжетъ»,—сказалъ при этомъ Государь.

Кромѣ Твери, при Іоаннѣ Васильевичѣ были окончательно присоединены княжества Ярославское и Ростовское, владѣльцы которыхъ уступили ихъ за деньги Москвѣ. Наконецъ, при Іоаннѣ же былъ присоединенъ и Верейскій удѣлъ; старый князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій ходилъ въ полномъ послушаніи Московскаго Государя, но сынъ Михаила Василій,

женатый на племянницѣ Софіи Ѳоминичны, разгнѣвалъ по вопросу о приданомъ великаго князя и бѣжалъ въ Литву, при чемъ отецъ его завѣщалъ Верейское княжество послѣ своей смерти Іоанну, который, въ свою очередь, предложилъ Михаилу вернуться въ Москву, но уже въ качествѣ служилаго князя.

Не мало огорченій пришлось перенести Іоанну Васильевичу и отъ своихъ родныхъ братьевъ; старшій изъ нихъ, Юрій, умеръ въ 1473 году бездѣтнымъ, при чемъ въ завѣщаніи ни слова не сказалъ о своемъ удѣлѣ—Дмитровѣ, Можайскѣ и Серпуховѣ. Іоаннъ присоединилъ его къ Московскимъ владѣніямъ, что, конечно, вполнѣ совпадало съ высшими государственными потребностями. Но на это обидѣлись остальные три брата: Андрей Большой, Борисъ и Андрей Меньшой; недовольна была и старая великая княгиня, инокиня Мароа; Іоаннъ уступилъ матери и братьямъ, и далъ послѣднимъ нѣсколько городовъ, однако, не изъ удѣла умершаго Юрія, и обязалъ ихъ имѣть, въ случаѣ своей смерти, сына своего Ивана Молодого—старшимъ братомъ и не искать подъ нимъ великаго княженія. Братья не были довольны этимъ договоромъ, но должны были смириться, выжидая болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

129. Окно южной стороны Грановитой Палаты.

(Отдѣлка конца XVII вѣка).

Между тѣмъ, поддерживаемый въ своихъ великихъ замыслахъ по собиранію Руси подъ сильную власть Московскаго Государя молодой супругой своей—Софіей Ѳоминичной, Іоаннъ искусно и дѣятельно велъ свои дѣла по отношенію къ сосѣдямъ. Казиміръ, король Польскій и великій князь Литовскій, былъ, конечно, самымъ злѣйшимъ врагомъ Москвы и охотно дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы нанести ей возможно болѣе вреда. Къ счастію для насъ, онъ не обладалъ для этого достаточной силой, и главнымъ образомъ потому, что не имѣлъ большой власти въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ; когда въ 1470 году онъ прибылъ на сеймъ, собранный въ Петроковѣ, и требовалъ денежнаго вспоможенія, Польскіе паны ему отвѣчали: «Ты намъ о денежномъ вспоможеніи не говори до тѣхъ поръ, пока не выдашь намъ подтвержденія правъ и не означишь вѣрно въ грамотѣ, какія области принадлежатъ Польшѣ и какія Литвѣ».

Разумѣется, при такихъ условіяхъ, когда всѣ отношенія подданныхъ къ государю основываются на ихъ *правахъ*, Казиміру немыслимо было вести борьбу съ Московскимъ Государствомъ, вся сила котораго именно и

состояла въ глубокомъ сознаніи всѣми подданными своихъ *обязанностей* по отношенію Государя и Родины; для нихъ, они не задумывались жертвовать не только деньгами, но и жизнью.

Но если Казиміру была не подъ силу открытая борьба съ Москвой, то онъ всюду, гдѣ могъ, дѣйствовалъ противъ нея исподтишка, своими злыми кознями. Онъ, какъ мы видѣли, возбуждалъ противъ Москвы Новгородъ и Тверь, и несомнѣнно пытался входить въ сношенія съ младшими братьями Іоанна; наконецъ, онъ всѣми способами старался наводить на Москву Татаръ, которые, какъ мы знаемъ, были раздѣлены на нѣсколько отдѣльныхъ Ордъ, изъ коихъ главными были: Золотая, Крымская и Казанская.

Между ханомъ Золотой орды—Ахматомъ и ханомъ Крымскихъ Татаръ—Менгли-Гиреемъ шла смертельная вражда. Іоаннъ Васильевичъ очень искусно воспользовался ею и сумѣлъ пріобрѣсти себѣ въ умномъ и предпріимчивомъ Менгли-Гиреѣ Крымскомъ вѣрнаго союзника на всю свою жизнь, который помогалъ намъ не только своими дѣйствіями противъ Ахмата, но также и своими набѣгами на Литву. Казиміръ пытался нѣсколько разъ, но напрасно, привлечь на свою сторону Менгли-Гирея. По отношенію же хана Золотой орды Ахмата и Ибрагима Казанскаго происки Казиміра противъ Москвы имѣли больше успѣха.

Въ 1478 году, когда Іоаннъ окончательно привелъ подъ свою державу Новгородъ, въ Казань пришло ложное извѣстіе, что онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Новгородцевъ и самъ четвертъ убѣжалъ раненый. Ханъ Ибрагимъ воспользовался этимъ, собралъ рать и вторгся въ Московскія владѣнія; когда же къ нему пришла справедливая вѣсть объ успѣхахъ Іоанновыхъ подъ Новгородомъ, то онъ отдалъ приказъ своему войску немедленно вернуться назадъ, при чемъ оно исполнило этотъ приказъ такъ ревностно, что побѣжало, бросивши даже пищу въ котлахъ. Чтобы наказать его, Іоаннъ послалъ свои войска къ самой Казани, и Ибрагимъ долженъ былъ заключить миръ по всей его волѣ. Скоро затѣмъ Ибрагимъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей отъ разныхъ женъ: старшаго Алегама и младшаго Магметъ-Аминя; послѣдній былъ сынъ честолюбивой и умной ханши Нуръ-Салтанъ, незамедлившей выйти замужъ за Менгли-Гирея Крымскаго, вѣрнаго союзника Москвы. Въ Казани же началась между братьями усобица, и младшій—Магметъ-Аминь,—лично прибылъ въ Москву просить содѣйствія противъ Алегама. Іоаннъ принялъ его сторону и въ 1487 году послалъ на Казань большую рать подъ начальствомъ князей Даніила Холмскаго, Александра Оболенскаго, Семена Ряполовскаго и Семена Ярославскаго, которые, овладѣвъ городомъ, посадили въ немъ Магметъ-Аминя; Алегамъ-же былъ посланъ въ заточеніе въ Вологду. Этимъ Казань была приведена въ полную зависимость отъ Москвы, при чемъ и Менгли-Гирей Крымскій былъ благодаренъ ей за возведеніе на Казанскій столъ его пасынка Магметъ-Аминя.

Иначе сложились дѣла у Іоанна Васильевича съ ханомъ Золотой Орды—Ахматомъ.

Казиміръ Литовскій хотѣлъ остановить успѣхи Іоанна надъ Новгородомъ посредствомъ этого Ахмата и подговорилъ его идти на Москву, но послѣдній собрался только лѣтомъ 1474 года, когда первый Новгородскій походъ окончился и Іоаннъ вернулся со своими войсками въ Москву. Узнавъ, что ханъ уже въ Алексинѣ, великій князь въ тотъ-же часъ, отслуживъ обѣдню и ничего даже не вкусивъ, вборзѣ двинулся съ полками къ Коломнѣ, *къ Берегу*, какъ тогда называлась рѣка Ока, за которой, дѣйствительно, какъ за берегомъ, растилалась, какъ океанъ, необъятная степь.

Другіе полки успѣли также во время собраться на Окѣ. Увидя множество Русскихъ полковъ, какъ море колеблющихся въ свѣтломъ вооруженіи, Ахматъ быстро побѣжалъ домой, сжегши, къ сожалѣнію, по пути городъ Алексинъ, жители котораго геройски защищались.

Послѣ этого, Іоаннъ заключилъ миръ съ Ахматомъ, и въ томъ же 1474 году пришло въ Москву большое Татарское посольство, да 3.200 купцовъ привели 40.000 лошадей на продажу.

Въ 1476 году прибыло въ Москву новое посольство отъ Ахмата; оно, какъ разсказываетъ «Казанскій лѣтописецъ», опираясь на давній обычай, потребовало дани и предъявило при этомъ Іоанну ханское изображеніе или «басму» съ тѣмъ, чтобы онъ ей поклонился.

«Великій же князь»—говоритъ лѣтописецъ, «не мало не убояся страха царева, но пріимъ басму лица его и изломаша ея на землю поверже и потопта ногами своими», послѣ чего приказалъ пословъ убить, а одного отправить къ Ахмату съ такимъ словомъ: «Ступай и объяви хану: что случилось съ его басмою и послами, то будетъ и съ нимъ, если не оставитъ меня въ покоѣ». Такимъ образомъ, Іоанномъ III было окончательно свергнуто съ Московскихъ великихъ князей позорное Татарское иго; есть извѣстіе, что онъ поступилъ такъ подъ вліяніемъ Софіи Ѳоминичны, гордость которой не могла переносить унизительной зависимости и платежа дани Московскимъ хищникамъ.

Однако, Іоанну пришлось вскорѣ пережить не мало треволненій изъ-за этого разрыва съ Золотой Ордой.

Въ 1480 году Ахматъ собралъ противъ Москвы огромное войско, получивъ увѣдомленіе отъ Казиміра Литовскаго, о начавшейся въ это время ссорѣ Іоанна съ братьями: Андреемъ Большимъ Углицкимъ и Борисомъ Волоцкимъ.

Причиной этой ссоры было ихъ недовольство тѣмъ обстоятельствомъ, что Іоаннъ, всецѣло занятый своимъ великимъ дѣломъ собиранія Руси вокругъ Москвы, естественно сталъ преслѣдовать старинное право отъѣзда бояръ къ другому князю, въ случаѣ ихъ недовольства великимъ княземъ. Одинъ изъ его намѣстниковъ, князь Оболенскій-Лыко такъ притѣснялъ подвѣдомственныхъ ему жителей, что Іоаннъ по жалобѣ послѣднихъ отнялъ у него намѣстничество и приказалъ вернуть имъ все, что было беззаконно забрано. Лыко обидѣлся и отъѣхалъ къ Борису Волоцкому. Государь приказалъ брату выдать ему виновнаго боярина, но Борисъ отказался. Тогда

130. Іоаннъ III Васильевичъ разрываетъ ханскую грамоту передъ Татарскими послами.

Картина художника Шустова.

Іоаннъ повелѣлъ схватить Лыко и отвести въ оковахъ въ Москву. Борисъ вознегодовалъ на это и послалъ сказать брату Андрею Углицкому: «Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ: нельзя уже никому отъѣхать къ намъ»..., послѣ чего братья рѣшили защищать свои права вооруженной рукой, для чего собрали рать въ своихъ владѣніяхъ.

Въ это время, какъ разъ, Государь былъ въ Новгородѣ; узнавъ о выступленіи войскъ Андрея и Бориса въ Тверскую область, онъ поспѣшилъ въ Москву, гдѣ вѣсть о начинающейся усобицѣ подняла большую тревогу. Іоаннъ тотчасъ-же отправилъ боярина къ братьямъ уговаривать ихъ—кончить дѣло миромъ, но тѣ не послушались, и, въ 20 числахъ іюля, рать ихъ двинулась къ Новгородскимъ волостямъ. Тогда Іоаннъ вторично послалъ уговаривать ихъ къ примиренію извѣстнаго епископа Вассіана Ростовскаго и послѣднему удалось склонить Андрея и Бориса послать своихъ бояръ для переговоровъ въ Москву; но сами они направились къ Литовскому рубежу и, остановившись въ Великихъ Лукахъ, стали пересылаться съ Казиміромъ, прося помощи противъ старшаго брата. Казиміръ въ непосредственной помощи имъ войсками отказалъ, но далъ городъ Витебскъ на прокормленіе ихъ женамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ извѣстить

Ахмата, что въ Московскомъ государствѣ усобица, и чтобы поэтому онъ скорѣе шелъ на Москву.

Узнавъ о движеніи Ахмата, Іоаннъ быстро собралъ свои войска на берегу Оки и самъ отправился въ Коломну. Тогда ханъ, видя, что рѣка эта крѣпко занята, взялъ направленіе къ западу, къ Литовской Землѣ, чтобы войти въ Московскія владѣнія, переправившись черезъ рѣку Угру.

Іоаннъ зорко слѣдилъ за его движеніями и своевременно послалъ приказъ сыну своему Ивану Молодому и младшему брату Андрею Меньшому перейти отъ Оки къ рѣкѣ Угрѣ, такъ что, когда ханъ подошелъ туда, то также нашелъ занятыми всѣ броды и перевозы. Въ Москвѣ, между тѣмъ, сѣли въ осадѣ: мать великаго князя—инокиня Мароа, митрополитъ Геронтій, Ростовскій владыка Вассіанъ и намѣстникъ Московскій князь Иванъ Патрикѣевъ, изъ знатныхъ Литовскихъ выходцевъ, пришедшихъ въ Москву при Василіи Темномъ. Великая же княгиня Софія Ѳоминична была послана вмѣстѣ съ казною на Бѣлоозеро.

Іоаннъ Васильевичъ, какъ только узналъ о наступленіи Ахмата, такъ тотчасъ же, кромѣ выдвиженія главной рати къ Окѣ, послалъ приказаніе воеводѣ Звенигородскому — князю Василію Ноздреватому сѣсть съ небольшимъ отрядомъ и съ войсками Крымскаго царевича Нордоулата на суда и спуститься внизъ Волгою, чтобы разгромить беззащитную Золотую Орду, зная, что Ахматъ оставилъ въ ней только женъ, дѣтей и старцевъ; великій князь былъ увѣренъ въ томъ, что какъ только ханъ узнаетъ объ этомъ нападеніи, такъ тотчасъ же кинется назадъ защищать свои улусы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Іоаннъ сообщилъ о наступленіи Ахмата своему вѣрному союзнику Менгли-Гирею, и тотъ поспѣшилъ напасть на Литовскія владѣнія, чтобы отвлечь Казиміра отъ нашихъ границъ. Отдавъ такимъ образомъ всѣ распоряженія для преградденія дальнѣйшаго наступленія Ахмата и для защиты Москвы, Іоаннъ, въ ожиданіи дѣйствій князя Ноздреватаго и царевича Нордоулата въ Золотой Ордѣ, оставилъ при войскѣ князя Даніила Холмскаго съ сыномъ Иваномъ Молодымъ; самъ-же онъ отправился въ Москву, чтобы повидаться съ матерью, а также безъ сомнѣнія и для того, чтобы употребить всѣ свои силы для примиренія съ братьями, отъѣхавшими къ Литовскому рубежу въ Великія Луки. Пылкое Московское населеніе, уже привыкшее къ цѣлому ряду побѣдъ, одержанныхъ мудростію и искусствомъ своего великаго князя, было недовольно его возвращеніемъ въ столицу и настоятельно желало, чтобы онъ скорѣе вступилъ въ большое сраженіе съ Татарами на рѣкѣ Окѣ. Такого же взгляда держалось и духовенство.

Не успѣлъ Іоаннъ въѣхать въ кремль, гдѣ его встрѣтилъ митрополитъ и епископъ Вассіанъ Ростовскій, какъ послѣдній обратился къ нему со слѣдующимъ горячимъ словомъ: «Вся кровь христіанская падетъ на тебя за то, что, выдавши христіанство, бѣжишь прочь, бою съ Татарами не поста-

вивши и не бившись съ ними; зачѣмъ боишься смерти? Не безсмертный ты человѣкъ, смертный, а безъ року смерти нѣтъ ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; дай мнѣ, старику, войска въ руки и увидишь, уклоню ли я лицо свое передъ Татарами». Великій князь съ подобающимъ уваженіемъ къ сану и возрасту Вассіана выслушалъ это горячее слово, но, разумѣется, не измѣнилъ своего рѣшенія, а поселившись въ Красномъ Селѣ близъ Москвы— сталъ выжидать развитія событій; при этомъ, безъ сомнѣнія опасаясь за излишнюю пылкость Ивана Молодого, онъ послалъ грамоту, чтобы тотъ немедленно ѣхалъ въ Москву.

Но послѣдній рѣшилъ лучше навлечь на себя отцовскій гнѣвъ, чѣмъ отъѣхать отъ войска. Видя, что сынъ не слушаетъ грамоты, Іоаннъ приказалъ князю Холмскому схватить его силою и привезти въ Москву. Однако, Холмскій не рѣшился употребить насиліе надъ молодымъ великимъ княземъ и сталъ его уговаривать исполнить приказаніе отца; но на это тотъ отвѣчалъ рѣшительно: «Умру здѣсь, а къ отцу не поѣду», и скоро одержалъ блестящій успѣхъ надъ отрядомъ Татаръ, пытавшимся тайно переправиться черезъ Угру.

Черезъ двѣ недѣли Государь отправился обратно къ войскамъ, успѣвши за это время примириться съ братьями, при чемъ Андрей Большой получилъ Можайскъ, а Борисъ Волоцкій крупныя земельныя угодія; они также отправили свои войска на Угру. При отъѣздѣ Іоанна изъ Москвы митрополитъ Геронтій благословилъ его слѣдующими словами: «Богъ да сохранитъ царство твое силою честнаго креста и дастъ тебѣ побѣду на враговъ, только мужайся и крѣпись, сынъ духовный! Не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка; и Господь Богъ укрѣпитъ тебя и поможетъ тебѣ и всему твоему христолюбивому воинству». Все-же духовенство послѣ этого слова сказало: «Аминь, буди тако, Господу ти помогающу!»

Прибывъ къ своимъ войскамъ, Іоаннъ, разумѣется, по-прежнему отнюдь не спѣшилъ вступать въ сраженіе всѣми силами съ Татарами; при этомъ, безъ сомнѣнія, чтобы выиграть время въ ожиданіи успѣха дѣйствій князя Ноздреватаго и Нордоулата, онъ началъ даже переговоры съ Ахматомъ. Ханъ обрадовался этому и отвѣчалъ: «Жалую Ивана; пусть самъ пріѣдетъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили въ Орду». Но Іоаннъ не поѣхалъ. Тогда Ахматъ послалъ ему сказать: «Самъ не хочешь ѣхать, такъ сына пришли или брата». Не получивши отвѣта, ханъ послалъ опять сказать: «Сына и брата не присылаешь, такъ пришли Никифора Басенкова», котораго очень любили въ Ордѣ. Іоаннъ, искусно выигрывая время переговорами, не послалъ и Басенкова.

Между тѣмъ, среди Московскаго воинства не многіе могли знать истинныхъ причинъ столь скромнаго и несоотвѣтствующаго, на первый взглядъ, поведенія великаго князя, и роптали на его нерѣшительность вступить

въ рѣшительное сраженіе, при чемъ обвиняли его близкихъ бояръ Ощера и Мамона, которые совѣтовали ему не вступать съ Татарами въ бой.

Волновалась и Москва, а пылкій старецъ Вассіанъ, узнавъ о переговорахъ съ ханомъ, прислалъ Государю на Угру краснорѣчивое посланіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

«Молю Величество твое, боголюбивый Государь! Не прогнѣвайся на мое смиреніе, что прежде дерзнулъ устами къ устамъ говорить твоему Величеству твоего ради спасенія: потому что наше дѣло напоминать Вамъ, а Ваше слушать насъ... Нынѣ слышимъ, что басурманинъ Ахматъ уже приближается и христіанство губитъ; ты предъ нимъ смиряешься, молишь о мирѣ, посылаешь къ нему, а онъ гнѣвомъ дышетъ, твоего моленія не слушаетъ, хочетъ до конца разорить христіанство... Дошелъ до насъ слухъ, что не перестаютъ шептать тебѣ въ ухо льстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищеніе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ... Не слушай, Государь, этихъ людей, хотящихъ честь твою преложить въ безчестіе, и славу твою въ безславіе, хотящихъ, чтобы ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христіанскимъ; выйди навстрѣчу безбожному языку Агарянскому, поревнуй прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ, которые не только Русскую Землю обороняли отъ поганыхъ, но и чужія страны брали подъ себя, говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, бравшихъ дань на царяхъ Греческихъ, о Владимірѣ Мономахѣ, который бился съ окаянными Половцами за Русскую Землю, и о другихъ многихъ, о которыхъ ты лучше нашего знаешь. А достохвальный великій князь Димитрій, твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыроядцами окаянными! Самъ напереди бился, не пощадилъ живота своего для избавленія христіанскаго.. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ сохранитъ тебя; если же, вмѣстѣ съ воинствомъ своимъ и до смерти постраждешь за Православную вѣру и Святыя церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдіи...... Не столько за грѣхи и неисправленіе къ Богу, сколько за недостатокъ упованія на Бога, Богъ попустилъ на прародителей твоихъ и на всю Землю нашу окаяннаго Батыя, который разбойнически поплѣнилъ всю Землю нашу, и поработилъ, и воцарился надъ нами, не будучи царемъ... Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ на насъ разгнѣвался какъ чадолюбивый отецъ; а теперь, Государь, если каешься отъ всего сердца и прибѣгнешь подъ крѣпкую руку Его, то помилуетъ насъ Милосердный Господь».

Это краснорѣчивое посланіе все-же не подѣйствовало на крѣпкаго духомъ и волей Іоанна. Онъ отнюдь не желалъ безъ крайней надобности вступать въ большое кровопролитное сраженіе, успѣхъ котораго всегда можетъ быть сомнителенъ, но, зорко слѣдя за Татарами, терпѣливо ожидалъ воздѣйствія на Ахмата извѣщенія о дѣлахъ, которые будутъ творить въ Ордѣ Ноздреватый и Нордоулатъ.

Въ концѣ октября стали крѣпкіе морозы и рѣки покрылись льдомъ, почему Угра уже перестала служить преградой. Іоаннъ приказалъ всѣмъ

войскамъ, своимъ и братьевъ, отойти нѣсколько назадъ къ Кременцу, гдѣ можно было, въ случаѣ надобности, биться соединенными силами. Это приказаніе было встрѣчено съ большою печалью и уныніемъ въ Русскихъ войскахъ, считавшихъ постыднымъ такое отступленіе отъ Татаръ.

Однако, черезъ нѣсколько дней сказалась вся великая мудрость въ дѣйствіяхъ Іоанна. 11-го ноября Ахматъ поспѣшно побѣжалъ назадъ, не проливъ Русской крови и не выведя ни одного плѣнника изъ предѣловъ нашей Земли. Бѣгство Ахматово, по объясненію «Казанскаго лѣтописца», послѣдовало, какъ и ожидалъ мудрый Іоаннъ, вслѣдствіе полученныхъ ханомъ извѣстій о разгромѣ Золотой Орды отрядомъ князя Ноздреватаго и царевича Нордоулата. Конечно, и наступившіе жестокіе морозы тоже заставили Татаръ поспѣшить домой.

Спустя два мѣсяца, Ахматъ, подобно Мамаю, погибъ отъ руки убійцы: онъ былъ соннымъ зарѣзанъ ханомъ Тюменской Орды—Ивакомъ. Іоаннъ же съ великой честью и славой вернулся въ Москву.

Разсматривая за время нашествія Ахмата поведеніе Московскаго народа, воинства и духовенства—съ одной стороны, а съ другой—поведеніе самого Іоанна, которое было столь несоотвѣтственно съ чувствами всѣхъ его подданныхъ, мы видимъ, что оно было вызвано исключительно нежеланіемъ безъ крайней нужды вступать въ рѣшительное сраженіе всѣми силами; народная гордость требовала немедленной расправы съ Татарами, готовая для этого пролить кровь множества доблестныхъ сыновей отечества; мудрый-же Іоаннъ, не гоняясь за ратной славой и уповая, что «сердце царево въ руцѣ Божіей», твердо рѣшилъ щадить, насколько будетъ возможно, эту драгоцѣнную кровь своихъ доблестныхъ подданныхъ, не взирая на то, что онъ не былъ понятъ ни ими, ни знаменитыми отцами Русской церкви, и—достигъ въ этомъ блистательнаго успѣха.

Послѣ благополучнаго отраженія Ахмата и заключенія мира съ братьями, Іоанну, въ томъ же 1480 и слѣдующемъ 1481 году, пришлось воевать съ Ливонскими Нѣмцами, чинившими обиды Псковичамъ, которые, впрочемъ, неоднократно и сами наносили Нѣмцамъ жестокія пораженія.

Іоаннъ и прежде заступался за Псковъ, и еще въ 1477 году его славный воевода князь Даніилъ Холмскій навелъ на Ливонцевъ такой страхъ, что они заключили перемиріе на 30 лѣтъ по всей волѣ Пскова и Іоанна, но въ 1480 году Нѣмцы нарушили его; тогда Іоаннъ послалъ свою сильную рать, которая вторгнулась въ Ливонію, чиня всюду большія опустошенія; когда въ началѣ 1482 года она взяла два укрѣпленныхъ города Феллинъ и Тарвастъ и безчисленное количество плѣнныхъ, то Ливонцы били челомъ Іоанну и заключили съ нимъ десятилѣтнее перемиріе до 1492 года.

Вмѣстѣ съ заботами о возстановленіи обаянія Русскаго имени на крайнемъ западѣ своихъ владѣній, Іоаннъ не переставалъ утверждать свое владычество и на крайнемъ востокѣ и сѣверо-востокѣ, строго слѣдуя въ этомъ отношеніи по стопамъ своихъ предковъ. Мы говорили уже, что Святые Стефанъ, Питиримъ и Іона были первыми просвѣтителями дикихъ

обитателей Пермской Земли; Іоанну Третьему приходилось уже посылать свои войска на Пермяковъ за ихъ неисправленіе и привести всю Пермскую Землю подъ свою руку.

Точно также покорилъ онъ и обитателей Далекой Югры, Вогуличей и Остяковъ; они числились подвластными Новгороду, но мало подчинялись ему. Въ 1483 году, Государь послалъ свои войска противъ Вогуличей, которые были на голову разбиты на устьѣ Пелыми; отсюда Московская рать пошла внизъ по рѣкѣ Тавдѣ (мимо Тюменя) въ Сибирскую Землю; затѣмъ она двинулась внизъ по Иртышу, а съ Иртыша на Обь въ Югорскую Землю, и вернулась къ осени въ Устюгъ, взявши въ плѣнъ много князей, людей и всякаго добра.

131. Переѣздъ черезъ сѣверный кряжъ Уральскихъ горъ.

Конечное покореніе этихъ Земель завершено было въ 1499 году. Князь Семенъ Курбскій съ другими воеводами, предводительствуя 5,000 человѣкъ, плылъ разными рѣками до Печоры, заложилъ здѣсь крѣпость, и 21 ноября отправился на лыжахъ къ Уральскимъ горамъ, къ знаменитому «Каменному Поясу». «Сражаясь съ усиліемъ вѣтровъ и засыпаемые снѣгомъ»,—говоритъ Н. М. Карамзинъ: «странствующіе полки великокняжескіе съ неописаннымъ трудомъ восходили на сіи, во многихъ мѣстахъ, непреступныя горы, гдѣ и въ лѣтніе мѣсяцы не является глазамъ ничего, кромѣ ужасныхъ пустынь, голыхъ утесовъ, стремнинъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлыхъ кречетовъ, но гдѣ, подъ мшистыми гранитами, скрываются богатыя жилы металловъ и цвѣтные камни драгоцѣнные». Пройдя такимъ путемъ 4650 верстъ, и совершая свои передвиженія зачастую при свѣтѣ

сѣвернаго сіянія, наши неустрашимые воины достигли городка Ляпина (нынѣ Вогульское мѣстечко въ Березовскомъ уѣздѣ,) гдѣ съѣхались всѣ мѣстные владѣльцы,—предлагая миръ и вѣчное подданство Московскому Великому Государю. Каждый изъ этихъ князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоанновы ѣхали также на оленяхъ, а воины на собакахъ. Всего, за этотъ походъ, было взято 40 укрѣпленныхъ городовъ. Такимъ образомъ, благодаря необыкновенному мужеству Русскихъ воиновъ и ихъ преданности своему Государю—они покорили за много тысячъ верстъ отъ Москвы обширную область.

Въ 1484 году, Іоаннъ потерялъ свою мать инокиню Мароу; къ этому времени изъ братьевъ его остались въ живыхъ только двое: Андрей Углицкій, или Большой, и Борисъ Волоцкой, такъ какъ Андрей Меньшой умеръ

132. Сѣверные олени въ упряжи.

Рисунокъ художника Шпехта.

еще въ 1480 году. Смерть матери была, конечно, большой утратой для Іоанна, но неизмѣримо большей явилась она для Андрея Углицкаго, который былъ ея любимцемъ, почему, уважая мать, Государь и прощалъ ему многое. Къ несчастію для себя, Андрей не хотѣлъ понять перемѣны въ своемъ положеніи послѣ кончины матери, какъ не понималъ и глубокихъ перемѣнъ, происходившихъ во всемъ Московскомъ Государствѣ во время великаго княженія своего мудраго брата. Онъ боялся его, хотѣлъ бѣжать въ Литву, и вмѣстѣ съ тѣмъ не исполнялъ его воли. Наконецъ, въ 1491 году, въ явное нарушеніе договора съ Іоанномъ, Андрей не послалъ свои полки вмѣстѣ съ великокняжескими на помощь Менгли-Гирею противъ Татаръ Золотой Орды; тогда Іоаннъ рѣшилъ его заточить. Онъ пригласилъ къ себѣ Андрея—спокойно поговорилъ съ нимъ, потомъ вышелъ, а въ горницу

вошелъ князь Семенъ Ряполовскій со многими князьями и боярами, и, обливаясь слезами, едва могъ сказать Андрею: «Государь Андрей Васильевичъ! Пойманъ ты Богомъ, да Государемъ великимъ княземъ всея Руси, братомъ твоимъ старшимъ», послѣ чего Андрей былъ лишенъ свободы до конца своихъ дней.

Митрополитъ, памятуя святую обязанность Православныхъ пастырей печаловаться за несчастныхъ, сталъ просить объ освобожденіи Андрея. Но Государь отвѣчалъ ему: «Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрека; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло, потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего, но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія надо внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Русскую Землю губить, жечь и полонить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, а вы будете рабами Татаръ». Такъ, для блага своего Государства подавлялъ въ себѣ Іоаннъ родственныя чувства къ брату. Что же касается Бориса Волоцкаго, то онъ держалъ себя сравнительно сносно и его не тронули до конца жизни; онъ оставилъ свои удѣльныя владѣнія двумъ сыновьямъ, которыя перешли къ великому князю Московскому только послѣ ихъ смерти.

Немало заботъ и волненій доставлялъ Іоанну и вопросъ о престолонаслѣдіи. Какъ мы знаемъ, отъ его перваго брака у него былъ сынъ Иванъ Молодой, который съ дѣтства былъ назначенъ его преемникомъ, съ наименованіемъ великимъ княземъ, причемъ грамоты обыкновенно писались отъ обоихъ великихъ князей и Государей всея Руси.

Въ 1482 году, Іоаннъ женилъ сына на Еленѣ, дочери славнаго Стефана, Господаря Молдавскаго княжества, возникшаго въ древней отчинѣ князя Даніила Романовича Галицкаго, въ низовьяхъ Прута и Днѣстра, изъ остатковъ Римскихъ поселенцевъ и нѣсколькихъ другихъ народностей, приведенныхъ въ движеніе нашествіемъ Татаръ. Въ XV вѣкѣ Стефанъ Молдавскій доблестно противоборствовалъ завоевательнымъ стремленіямъ Турокъ, «творя», по выраженію Карамзина, «съ малыми силами великое». При этомъ, онъ опасался также Поляковъ и Крымскихъ Татаръ, и потому искалъ дружбы Іоанна, зная, что его боится Казиміръ и что съ нимъ дружитъ Менгли-Гирей.

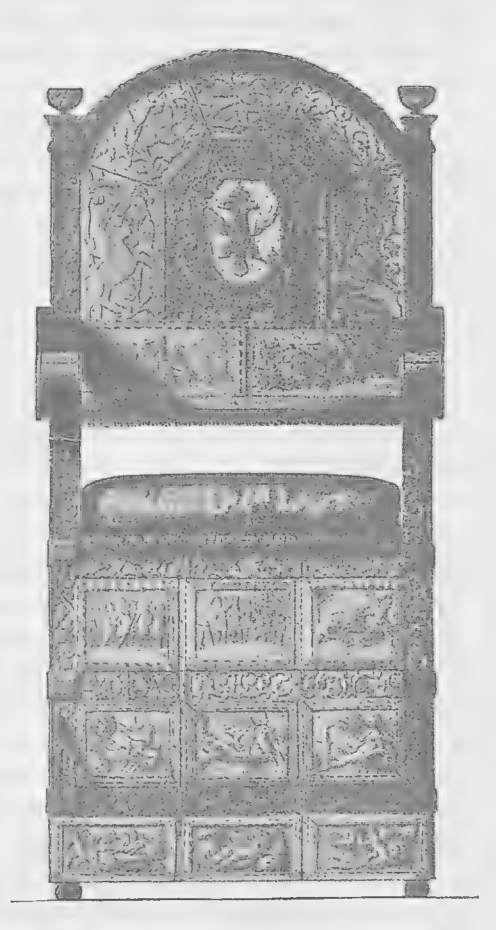
Отъ брака Ивана Молодого и Елены родился сынъ Димитрій, а отъ брака Іоанна III съ Софіей Ѳоминичной родился въ 1472 году—сынъ Василій.

Въ 1490 году, Иванъ Молодой, будучи 32-хъ лѣтъ отъ роду, разболѣлся ломотой въ ногахъ и вскорѣ умеръ.

Послѣ смерти сына, передъ Государемъ естественно явился вопросъ: кто долженъ наслѣдовать великое княженіе: сынъ Василій или внукъ Димитрій? По старому обычаю, конечно, долженъ былъ наслѣдовать Василій по отчинѣ и по дѣдинѣ; но по новымъ Московскимъ порядкамъ больше

правъ имѣлъ на наслѣдство Димитрій, какъ сынъ старшаго сына, еще при жизни отца названнаго великимъ княземъ и соправителемъ. Съ другой стороны, однако, и Василій имѣлъ огромное преимущество: онъ родился отъ Греческой царевны, принесшей съ собою въ Москву какъ бы царское наслѣдіе Византійской Имперіи.

Мнѣнія по этому поводу раздѣлились. Старые бояре, которымъ были не по душѣ всѣ новшества, привезенныя Софіею, а главное мысли, внушаемыя ею мужу и сыну о высокомъ значеніи Московскаго Государя передъ прочими князьями и боярами,—были за Димитрія; наоборотъ, люди менѣе родовитые и знатные, дѣти боярскіе и дьяки—были за Софію и Василія, такъ какъ знали, что они ставятъ личную усердную службу своему Государю выше древней породы и знатности. Среди послѣднихъ, въ 1491 году, составился заговоръ въ пользу Василія, при чемъ они рѣшили тайно погубить Димитрія, но заговоръ этотъ открылся, возбудивъ, конечно, сильное негодованіе Іоанна, который казнилъ нѣсколькихъ виновныхъ, и при этомъ разсердился на жену свою и сына: 19-ти лѣтняго Василія онъ заключилъ подъ стражу, а Софіи сталъ остерегаться. Его же сноха Елена и бояре торжествовали.



133. Тронъ изъ слоновой кости Іоанна III.

Чтобы закрѣпить въ глазахъ народа права малолѣтняго Димитрія на престолъ, Іоаннъ рѣшилъ торжественно вѣнчать его на великое княженіе, что не дѣлалось со временъ Владиміра Мономаха. 4 февраля 1492 года, въ Успенскомъ соборѣ, предъ аналоемъ, на которомъ лежали Мономахова шапка и бармы—были поставлены три сѣдалища для великаго князя, внука его и митрополита. Послѣ молебна Богородицѣ и Святому Петру Чудотворцу, Іоаннъ обратился къ владыкѣ съ просьбою благословить внука на великое княженіе, указывая на примѣръ прародителей, завѣщавшихъ свои столы старшимъ сыновьямъ: «Отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но Божіею волею сынъ мой Иванъ умеръ, а у него остался

сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при себѣ, а послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ».

Митрополитъ благословилъ Димитрія, затѣмъ старый великій князь вѣнчалъ его шапкой и бармами Мономаха, а по окончаніи молитвы и многолѣтія, митрополитъ сказалъ Іоанну: «Божіею милостію радуйся и здравствуй преславный Царь Иванъ, великій князь всея Руси, Самодержецъ, и съ внукомъ своимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ вся Руси на многая лѣта». Затѣмъ онъ обратился съ поученіемъ къ юному Димитрію, которое повторилъ и Іоаннъ, сказавъ ему: «Внукъ, князь Димитрій! Пожаловалъ я и благословилъ тебя великимъ княженіемъ; и ты имѣй страхъ въ сердцѣ, люби правду и судъ праведный и попеченіе отъ всего сердца о всемъ Православномъ христіанствѣ!» Послѣ этого Димитрій вышелъ изъ церкви въ шапкѣ и бармахъ; его трижды осыпалъ въ дверяхъ золотыми и серебряными деньгами одинъ изъ младшихъ сыновей Ивана; то же повторили и передъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами.

Однако, торжество Елены и Димитрія и униженіе Софіи и Василія продолжалось недолго. Въ 1499 году, открылась важная крамола среди бояръ, поддерживавшихъ Елену; знатнѣйшихъ изъ нихъ, послѣ разслѣдованія дѣла, князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго, приговорили къ смертной казни, при чемъ князю Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ; князей же Патрикѣевыхъ, Иванъ, снисходя на просьбы духовенства, помиловалъ: отецъ и старшій сынъ постриглись въ монахи. Въ чемъ состояла крамола бояръ неизвѣстно; но несомнѣнно одно, что эта крамола была важная; при томъ она находилась въ связи съ дѣйствіями Елены противъ Софіи и бояре были наказаны за *высокоумничанье*, то-есть за самовольныя дѣйствія противъ распоряженій великаго князя. Вслѣдъ за опалой Ряполовскаго и Патрикѣевыхъ послѣдовала и опала Елены, которая была, какъ выяснено, ярой послѣдовательницей ереси жидовствующихъ, о чемъ мы скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже.

Послѣ этого, Іоаннъ сталъ мало по малу возвращать свои добрыя чувства Василію и нерадѣть о Димитріи. Наконецъ, конечно, послѣ тяжелой душевной борьбы и тщательно обдумавъ, что болѣе послужитъ ко благу Государства, Іоаннъ рѣшилъ окончательно назначить своимъ преемникомъ Василія, а для предупрежденія смуты пожертвовать внукомъ; онъ наложилъ на него и его мать опалу и приказалъ заключить подъ стражу, не велѣвъ впредь поминать ихъ на ектеніяхъ.

Василій же, 14 апрѣля 1502 года, былъ торжественно посаженъ на великое княженіе Владимірское, Московское и вся Руси Самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита. Отправляя посла своего къ старому союзнику своему Менгли-Гирею, Іоаннъ далъ такой наказъ, въ случаѣ если посла спросятъ о причинахъ опалы Димитрія: «внука своего Государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ Государю нашему грубить; но вѣдь всякій жалуетъ того, кто служитъ и норовитъ, а который грубитъ, того за что

жаловать?» Такой же отвѣтъ долженъ былъ дать и посолъ, отправленный въ Литву, въ случаѣ вопроса о перемѣнѣ наслѣдника.

Не смотря на эти тяжелыя семейныя обстоятельства, несомнѣнно, сильно отозвавшіяся на престарѣломъ великомъ князѣ, онъ неустанно велъ дѣла своего обширнаго Государства съ обычной ему ясностью взгляда, осмотрительностью и, гдѣ нужно, необычайной настойчивостью и твердостію.

Отношенія къ Менгли-Гирею Крымскому продолжали быть неизмѣнно хорошими. Ими очень дорожилъ Іоаннъ Васильевичъ, имѣя въ виду не только Золотую Орду, но и Литву; поэтому онъ отправлялъ послами въ Крымъ всегда самыхъ знатныхъ бояръ, которые должны были оказывать Менгли-Гирею отмѣнную честь и величаніе, но по возможности, отговариваться отъ *поминковъ*, то есть подарковъ, на которые такъ были падки алчные Татары.

Менгли-Гирей тоже очень цѣнилъ дружбу Іоанна и заключилъ съ нимъ договоръ, чтобы послѣдній далъ ему пристанище на Руси, если съ нимъ случится какая-либо бѣда. Въ 1475 году, Крымъ былъ завоеванъ Турками и Менгли-Гирей остался въ немъ ханомъ въ качествѣ подручника султана; это нисколько не измѣнило его добрыхъ отношеній съ Москвою, при чемъ чрезъ его посредство завелись и наши первыя сношенія съ Турціей. Поводомъ къ нимъ послужило притѣсненіе Русскихъ купцовъ Турками въ Азовѣ и Кафѣ, торговыхъ городахъ, населенныхъ Генуэзцами, Татарами и Турками. Въ 1492 году, Іоаннъ послалъ черезъ Менгли-Гирея грамоту султану Баязету Второму, которая начиналась такъ: «Султану великому Царю! Между бусурманскими государями ты великій государь, надъ Турскими и Азямскими государями ты воленъ, ты польскій (сухопутный) и морской государь, Султанъ Баязетъ! Іоаннъ, Божіею милостію единый правый Господарь всея Россіи, отчичь и дѣдичь и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока Государь, величеству твоему слово наше таково»... Далѣе слѣдовали жалобы на утѣсненія Русскихъ купцовъ отъ Турокъ въ Кафѣ и Азовѣ, и предложеніе, какія установить правила во время ихъ пребыванія въ этихъ городахъ. Грамота оканчивалась такъ: «Еще одно слово: отецъ твой славный и великій былъ Господарь; сказываютъ, хотѣлъ онъ, чтобы наши люди между нами ѣздили здоровье наше видѣть, и послалъ было къ намъ своихъ людей, но, по Божіей волѣ, дѣло не сдѣлалось; почему же теперь между нами наши люди не ѣздятъ здоровье наше видѣть?...»

Въ отвѣтъ на эту грамоту Баязетъ отправилъ въ Москву посла, но его не пропустили Литовцы. Тогда, въ 1497 году, Іоаннъ отправилъ въ Турцію своего посла Михаила Плещеева. Чрезвычайно любопытенъ наказъ, данный Плещееву; онъ рисуетъ намъ, также какъ и наказы другимъ посламъ, насколько внимательно относился Іоаннъ къ ихъ выбору и съ какимъ достоинствомъ онъ предписывалъ имъ держать себя, чтобы не уронить въ глазахъ иноземцевъ «высокую особу Русскаго Государя», лицо котораго они «изображали» по словамъ Іоанна, а также какія обстоятель-

ныя свѣдѣнія должны были собирать послы, находясь за границей. Плещееву было наказано править поклоны султану и сыну его, намѣстнику въ Кафѣ, стоя, а не на колѣняхъ, не уступать мѣста никакому другому послу и сказать посольскія рѣчи только султану, а не пашамъ. И Плещеевъ въ точности исполнилъ этотъ наказъ: онъ не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ пашами, не поѣхалъ къ нимъ обѣдать, и съ гордостію отвергъ всѣ предложенные ему подарки. Послѣ его посольства торговля съ Турками возобновилась.

Гораздо важнѣе, чѣмъ посредничество въ нашихъ сношеніяхъ съ Турками, была услуга, оказанная Менгли-Гиреемъ Москвѣ по отношенію къ Золотой Ордѣ. Мы видѣли, что Ахматъ былъ убитъ ханамъ Ногайской Орды Ивакомъ, вскорѣ послѣ бѣгства своего съ рѣки Угры. Вражда между Ахматовыми сыновьями и Менгли-Гиреемъ продолжалась, не смотря на то, что, подчинивъ себѣ Крымъ, Турецкій султанъ, какъ верховный повелитель всѣхъ мусульманъ, потребовалъ ихъ примиренія; въ 1502 году—Менгли-Гирей напалъ на сына Ахмата—Шигъ-Ахмата и нанесъ Золотой Ордѣ тяжелый и окончательный ударъ. Шигъ-Ахматъ бѣжалъ въ Турцію, но не былъ тамъ принятъ, какъ врагъ Менгли-Гирея; тогда онъ направился къ недругу послѣдняго—къ Польскому королю, но король вѣроломно заключилъ его въ неволю, желая имѣть въ рукахъ узника, освобожденіе котораго могло постоянно страшить Менгли-Гирея.

Таковъ былъ конецъ Золотой Орды, столь грозной и знаменитой на протяженіи болѣе трехъ вѣковъ!

Предметомъ постояннымъ сношеній Іоанна съ Менгли-Гиреемъ были также дѣла Казанскія. Мы видѣли, что Іоаннъ посадилъ тамъ при помощи Русскихъ войскъ Магметъ-Аминя; это былъ человѣкъ буйный, жестокій и до крайности корыстолюбивый, который вскорѣ возбудилъ противъ себя общее негодованіе Казанскихъ вельможъ, вынудившихъ его бѣжать изъ нея въ Москву, гдѣ ему дали Каширу и Серпуховъ, а въ Казань послали его родного брата Абдылъ-Летифа. Абдылъ-Летифъ тоже недолго сидѣлъ въ Казани; въ 1502 году онъ былъ схваченъ Іоанномъ Васильевичемъ за измѣну и привезенъ на Бѣлоозеро, гдѣ и заточенъ; въ Казань же былъ опять посланъ Магметъ-Аминь. По поводу этихъ перемѣнъ великій князь приказалъ своему послу сказать Менгли-Гирею: «великій князь пожаловалъ Абдылъ-Летифа, посадилъ на Казань, а онъ ему началъ лгать, ни въ какихъ дѣлахъ управы не чинилъ, да и до Земли Казанской сталъ быть лихъ».

Магметъ-Аминь, не смотря на благодѣянія Государя, былъ ему также невѣрнымъ слугою, и въ 1505 году, схвативъ великокняжескаго посла и внезапно ограбивъ Русскихъ купцовъ, онъ подошелъ къ Нижнему-Новгороду, при чемъ Іоаннъ не успѣлъ его наказать, такъ какъ, какъ увидимъ ниже, умеръ въ томъ же 1505 году.

Съ Литвой у Іоанна были за все время его великаго княженія далеко не дружескія отношенія, хотя при жизни Казиміра дѣло до открытой войны не

доходило. Поводъ ко взаимнымъ неудовольствіямъ подавали мелкіе пограничные князья, постоянно между собою ссорившіеся, а также и пограничные разбои; кромѣ того, въ виду утѣсненія Казиміромъ Православныхъ, Русскіе князья, имѣвшіе свои владѣнія на Литвѣ, большею частью потомки Черниговскихъ князей, стали въ большомъ количествѣ переходить въ Московское подданство; такъ перешли на сторону Москвы князья Воротынскіе, Бѣлевскіе и многіе другіе, чѣмъ Казиміръ былъ крайне недоволенъ и неоднократно выражалъ это Іоанну.

Казиміръ умеръ въ 1492 году и владѣнія его раздѣлились между сыновьями: Яну Альберту досталась Польша, а Александру—Литва.

Іоаннъ тотчасъ же извѣстилъ о Казиміровой смерти Менгли-Гирея и предложилъ ему открыть совмѣстныя военныя дѣйствія противъ Литвы; скоро Московскіе отряды стали брать пограничные Литовскіе города.

134. Александръ I, великій князь Литовскій и король Польскій.

Изъ Латинской книги А. Гваньини: „Описаніе Европейской Сарматіи", изданія 1581 года.

Въ Литвѣ же, видя, что будетъ крайне трудно бороться съ Іоанномъ и Менгли-Гиреемъ, начали думать, какъ бы примириться съ Москвою, при чемъ, чтобы склонить Іоанна къ миру, рѣшили просить руки его дочери Елены Іоанновны для великаго князя Литовскаго Александра.

Но на это предложеніе былъ полученъ отвѣтъ, что нечего и думать о сватовствѣ до заключенія мира, который долженъ быть по всей волѣ великаго князя Московскаго, то есть ему должны быть отданы всѣ его пріобрѣтенія за эту войну: города Мещовскъ, Серпейскъ, Вязьма и другіе, а также и земли всѣхъ перешедшихъ въ Москву Литовскихъ князей, число которыхъ постоянно увеличивалось.

Во время этихъ пересылокъ о мирѣ и сватовствѣ, въ Москвѣ открылся заговоръ на жизнь Іоанна, вслѣдствіе чего, въ январѣ 1493 года, на Москвѣ-рѣкѣ были сожжены въ клѣткѣ Литовскій князь Иванъ Лукомскій, да Матвѣй Полякъ, Латинскій переводчикъ. Лукомскаго послалъ въ Москву еще Казиміръ, взявши съ него клятву, что онъ или убьетъ великаго князя Іоанна, или ядомъ окормитъ, при чемъ Казиміръ прислалъ къ нему свой ядъ, который былъ найденъ и послужилъ уликой; схваченный Лукомскій оговорилъ еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые были также казнены, и такимъ

образомъ, гнѣздо Литовскихъ доброхотовъ въ Москвѣ было въ корнѣ разрушено.

Дѣло Лукомскаго не помѣшало дальнѣйшимъ переговорамъ о мирѣ. Съ Литовской стороны усерднымъ ходатаемъ былъ панъ Янъ Заберезскій, намѣстникъ Полоцкій; онъ дѣятельно переписывался съ Московскимъ первымъ бояриномъ княземъ Иваномъ Патрикѣевымъ.

Наконецъ, въ 1494 году, въ Москву явились большіе Литовскіе послы, которые объявили, что они уполномочены заключить миръ, и для укрѣпленія вѣчной пріязни просятъ руку княжны Елены для Александра. Затѣмъ, начались оживленные переговоры объ условіяхъ этого мира, при чемъ Іоаннъ не только настоялъ на томъ, чтобы за нимъ остались всѣ его пріобрѣтенія, но также, чтобы въ договорѣ онъ былъ написанъ «Государемъ всея Руси», что имѣло чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ въ то время Русь, какъ мы знаемъ, была разорвана на двѣ части, изъ которыхъ одна была подъ властію Литвы.

Еще до переговоровъ объ условіяхъ мира, послы были у великой княгини Софіи и передъ тѣмъ спрашивали: «Увидятъ ли они дочерей ея?» Имъ отвѣчали, что они ихъ не увидятъ. Только по окончаніи мирныхъ переговоровъ Іоаннъ объявилъ, что согласенъ на бракъ дочери съ Александромъ, при соблюденіи непремѣннаго условія, что «ей неволи въ вѣрѣ не будетъ». Послы поручились въ этомъ головой. На другой день, они были вновь приняты Софіей Ѳоминичной и увидали старшую княжну Елену Іоанновну; затѣмъ послѣдовало обрученіе: панъ Станиславъ Гаштольдъ, староста Жемонтскій, замѣнялъ жениха. Послѣ этого, Іоаннъ отправилъ своихъ пословъ къ Александру подписать мирный договоръ и особую клятвенную грамоту относительно Елены, въ которой, между прочимъ, было сказано: «намъ его дочери не нудить къ Римскому Закону; держитъ она свой Греческій Законъ».

Александръ хотѣлъ видоизмѣнить послѣднюю грамоту и написать ее такъ: «Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона; но если она сама захочетъ принять Римскій законъ, то это ея воля». Однако, Іоаннъ рѣшительно отказался признать это видоизмѣненіе, и Александръ долженъ былъ написать грамоту именно такъ, какъ требовалъ Государь; только послѣ этого, было позволено Литовскимъ посламъ явиться за невѣстой.

Послы прибыли въ Москву въ январѣ 1495 года. Іоаннъ держалъ имъ такое слово: «Скажите отъ насъ брату и зятю нашему: на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобы нашей дочери никакимъ образомъ къ Римскому закону не нудить; если бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ Римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ, и князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ-же, чтобы между нами про то любовь и прочная дружба не рушилась. Да скажите великому князю Александру: какъ дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, а свою великую княгиню жаловалъ, держалъ бы ее

такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобы сдѣлалъ для насъ, велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь нашего Греческаго закона на переходахъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобы ей близко было къ церкви ходить».....

13 января, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, Елена была торжественно передана Литовскимъ посламъ. Передъ отъѣздомъ, Іоаннъ далъ ей рядъ обстоятельныхъ наставленій—какъ ей быть въ дорогѣ и вести себя при встрѣчѣ съ женихомъ.

Онъ наказывалъ ей, чтобы во всѣхъ городахъ, черезъ которые придется проѣзжать, она посѣщала соборные храмы и слушала бы молебны; если по дорогѣ, какіе-либо паны захотятъ дать въ ея честь обѣдъ, то приглашать на него ихъ женъ, а самимъ панамъ не велѣть быть; Шемячичей и другихъ князей измѣнниковъ, отъѣхавшихъ изъ Москвы, ни подъ какимъ видомъ не допускать къ себѣ бить челомъ, даже и послѣ того, когда она станетъ великой княгиней Литовской. Если встрѣтитъ Елену самъ великій князь Александръ, то ей изъ тапканы (повозки) выйти и челомъ ударить, и быть ей въ это время въ нарядѣ; если позоветъ ее къ рукѣ, то къ рукѣ идти и руку дать; если велитъ ей идти въ свою повозку, но тамъ не будетъ его матери, то ей въ его повозку не ходить, ѣхать ей въ своей тапканѣ. Въ Латинскую божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; захочетъ посмотрѣть Латинскую божницу или монастырь Латинскій, то можетъ посмотрѣть одинъ разъ, или дважды. Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александрова, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою божницу и ей велитъ идти съ собой, то Еленѣ провожать королеву до божницы, и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божницу не ходить.

135. Видъ города Вильны.

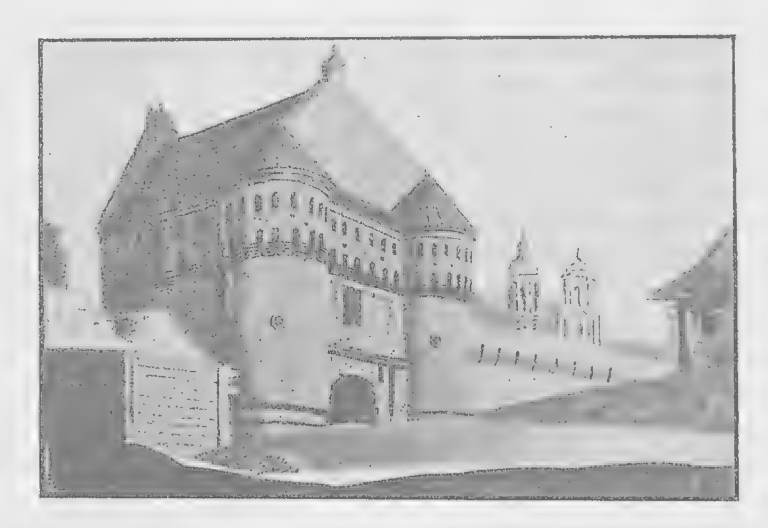
Изъ Нѣмецкой книги: „Космографія Себастіана Мюнстера" изданія 1550 года.

Александръ встрѣтилъ Елену верхомъ за три версты отъ города; отъ его коня до ея тапканы было разослано сукно, а по немъ камка съ золотомъ. Поздоровавшись съ невѣстой, Александръ велѣлъ ей опять идти въ тапкану, а самъ сѣлъ на коня и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ Вильно. Вѣнчаніе происходило въ тотъ же день, при чемъ во время его совершенія уже стали происходить споры изъ-за разницы вѣроисповѣданій: Латинскій епископъ

и самъ Александръ не хотѣли позволить, чтобы Русскій священникъ Ѳома, пріѣхавшій съ Еленой, говорилъ бы молитву, а княгиня Марія Ряполовская держала вѣнецъ, но главный изъ нашихъ бояръ князь Семенъ Ряполовскій настоялъ, чтобы, по приказу Іоаннову, означенной священникъ Ѳома говорилъ молитву, а княгиня Марія держала вѣнецъ.

Это начало не предвѣщало ничего добраго въ отношеніяхъ зятя съ тестемъ, не смотря на то, что молодая великая княгиня Литовская Елена Іоанновна дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы сохранить миръ между отцомъ и мужемъ.

Отпуская бояръ, сопровождавшихъ его невѣсту, Александръ отказалъ построить домовую Православную церковь для жены, говоря, что въ городѣ имѣются близко Греческіе храмы. Затѣмъ, онъ сталъ требовать отозванія въ Москву и всѣхъ Русскихъ людей, оставленныхъ Іоанномъ при



136. Древнія городскія ворота города Вильны, сохранившіяся до начала XIX вѣка.

Изъ Польской книги: „Вильна сто лѣтъ тому назадъ въ акварелях Франциска Шмуглевича".

дочери. Это, конечно, вызывало неудовольствіе великаго князя Московскаго, который не переставалъ требовать постройки Православной церкви для дочери; онъ настаивалъ также, чтобы Александръ продолжалъ именовать его въ грамотахъ—Государемъ всея Руси, отъ чего послѣдній уклонялся. Въ свою очередь, Александръ выражалъ неудовольствіе, что женившись на дочери Іоанна, друзья послѣдняго—Молдавскій господарь Стефанъ и Менгли-Гирей по прежнему тревожили Литовскія владѣнія.

Въ ноябрѣ 1497 года, Іоаннъ отправилъ въ Литву своего посланника, который долженъ былъ сказать Еленѣ: «Я тебѣ приказывалъ, чтобы просила мужа о церкви, о панахъ и паньяхъ Греческаго закона и ты просила ли его объ этомъ? Приказывалъ я тебѣ о попѣ, да и о боярынѣ старой и ты мнѣ отвѣтила ни то, ни се. Тамошнихъ пановъ и паней Греческаго закона тебѣ не даютъ, а нашихъ у тебя нѣтъ: хорошо-ли это?»

Но Александръ не только не думалъ строить Греческой церкви для жены, но и старался, вопреки своей клятвенной грамотѣ, данной Іоанну, побудить ее къ переходу въ католичество. Въ этомъ его поддерживало все Латинское духовенство во главѣ съ папой Александромъ Борджіа, знаменитымъ клятвопреступникомъ и отравителемъ, который писалъ Александру Литовскому, что совѣсть послѣдняго останется совершенно чиста, если онъ употребитъ всѣ возможныя средства, чтобы склонить Елену къ Латинству.

Въ 1498 году, Іоаннъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что Александръ не только неволитъ жену принять Латинство, но вмѣстѣ со Смоленскимъ епископомъ Іосифомъ, измѣнившимъ Православію, собирается обратить въ Латинство и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ, Православныхъ подданныхъ Литвы, за что папа обѣщаетъ Александра причесть къ лику Святыхъ. Подъячій Шестаковъ писалъ по этому поводу изъ Литвы намѣстнику города Вязьмы, князю Оболенскому, слѣдующее: «Здѣсь у насъ произошла большая смута между Латинами и нашимъ Христіанствомъ: въ нашего владыку Смоленскаго дьяволъ вселился, да въ Сапѣгу еще, встали на Православную вѣру. Князь великій неволитъ государыню нашу, великую княгиню Елену, въ Латинскую проклятую вѣру; но Государыню нашу Богъ научилъ, да помнила науку Государя отца своего, и она отказала мужу такъ: «вспомни, что ты обѣщалъ Государю, отцу моему; а я безъ воли Государя отца моего не могу этого сдѣлать, обошлюсь, какъ меня научитъ? Да и все наше Православное христіанство хотятъ окрестить: отъ этого наша Русь съ Литвою въ большой враждѣ. Этотъ списочекъ послалъ бы ты къ Государю, а Государю самому не узнать».

137. Папа Александръ VI Борджіа.

Мраморное ваяніе конца XV вѣка. Хранится въ музеѣ короля Фридриха въ Берлинѣ.

Получивъ эти свѣдѣнія, Іоаннъ тотчасъ-же отправилъ въ Литву Ивана Мамонова и велѣлъ сказать дочери наединѣ отъ себя и отъ матери Софіи Ѳоминичны, чтобы она пострадала до крови и до смерти, а Греческой вѣры не мѣняла.

«Такъ и поступила сія юная, добродѣтельная княгиня» говоритъ Н. М. Карамзинъ: «ни ласки, ни гнѣвъ мужа, ни хитрыя убѣжденія ковар-

наго отступника, Смоленскаго владыки, не могли поколебать ея твердости въ законѣ: она всегда гнушалась Латинствомъ, какъ пишутъ Польскіе историки».

Между тѣмъ, гоненіе въ Литвѣ на Православіе продолжалось, причемъ Александръ обѣщалъ Кіевскую митрополію епископу Іосифу Смоленскому. Этотъ невѣрный пастырь, въ угоду Александру, ѣздилъ съ Виленскимъ католическимъ епископомъ и Бернардинскими чернецами изъ города въ городъ и старался склонить Православныхъ жителей въ Латинство, ложно извращая слова Христовы: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь», а папа Александръ Борджіа послалъ объявить въ краснорѣчивой *буллѣ* (посланіи) свою радость о томъ, что еретики, наконецъ, озаряются свѣтомъ истины.

Неразумное усердіе Александра къ Латинству вызвало большое возмущеніе среди его Православныхъ подданныхъ,—какъ простыхъ людей, такъ и знатныхъ вельможъ, которые, видя утѣсненіе своей вѣрѣ, стали поддаваться Московскому Государю вмѣстѣ со своими отчинами еще въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Первымъ изъ нихъ былъ именитый князь Семенъ Бѣльскій; за нимъ послѣдовали князья Мосальскіе и Хотетовскіе и многіе бояре; наконецъ, по причинѣ гоненій за вѣру перешли къ Московскому князю и бывшіе до сихъ поръ его заклятые враги: князь Василій Ивановичъ Рыльскій, внукъ Шемяки, и сынъ пріятеля Шемяки князь Семенъ Ивановичъ Можайскій; оба они поддались со своими огромными владѣніями на Литвѣ: князь Василій съ городами Рыльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ, а князь Семенъ Можайскій съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ.

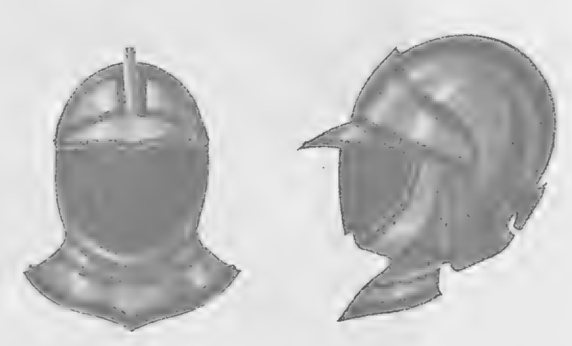
Наконецъ, Александръ спохватился, увидя, что зашелъ слишкомъ далеко въ преслѣдованіи Православія. Чтобы отвратить войну съ Москвой, онъ послалъ къ Іоанну своего намѣстника Смоленскаго Станислава, написавъ въ грамотѣ полностію все наименованіе Іоанна, и назвавъ его Государемъ всея Руси; при этомъ онъ требовалъ, чтобы и Іоаннъ Васильевичъ исполнилъ со своей стороны ихъ договоръ, по которому Московскій великій князь не могъ принимать впредь—переходившихъ изъ Литвы князей вмѣстѣ съ ихъ волостями. Александръ требовалъ также выдачи князя Семена Бѣльскаго и другихъ, которыхъ, будто-бы, «онъ никогда не думалъ гнать за вѣру».

«Поздно братъ и зять мой исполняетъ условія»,—отвѣчалъ Іоаннъ Васильевичъ: «именуетъ меня, наконецъ, Государемъ всея Россіи; но дочь моя еще не имѣетъ придворной церкви и слышитъ хулу на свою вѣру отъ Виленскаго епископа и нашего отступника Іосифа. Что дѣлается въ Литвѣ? строятъ Латинскія божницы въ городахъ Русскихъ; отнимаютъ женъ отъ мужей, дѣтей у родителей и силою крестятъ въ законъ Римскій. То ли называется не гнать за вѣру? и могу ли видѣть равнодушно утѣсняемое Православіе. Однимъ словомъ, я ни въ чемъ не преступилъ условій мира, а зять мой не исполняетъ ихъ!»

Вслѣдъ за этимъ, Іоаннъ отправилъ своего гонца къ Александру передать ему складную грамоту, коей Государь складывалъ съ себя крестное цѣлованіе и объявлялъ войну Литвѣ за принужденіе княгини Елены и всѣхъ нашихъ Литовскихъ единовѣрцевъ къ Латинству. Грамота кончалась словами: «хочу стоять за христіанство, сколько мнѣ Богъ поможетъ».

Такъ объявилъ Іоаннъ своему зятю войну, рѣшивъ обнажить свой грозный мечъ на защиту Православія.

Получивъ складную грамоту, Александръ, всячески желая отклонить войну, объявилъ, что онъ каждому своему подданному даетъ полную свободу въ вѣрѣ и намѣренъ отправить новыхъ пословъ въ Москву. Іоаннъ позволилъ имъ пріѣхать, но между тѣмъ уже бралъ города въ Литвѣ. Московскія войска были раздѣлены на двѣ рати: одной начальствовалъ знакомый намъ Магметъ-Аминь, вмѣсто котораго сидѣлъ въ это время въ Казани Абдылъ-Летифъ, при чемъ въ дѣйствительности именемъ Магметъ-Аминя дѣйствовалъ и управлялъ всѣмъ воевода Яковъ Захарьевичъ изъ знаменитаго рода бояръ Кошкиныхъ-Кобылиныхъ; рать эта шла на Серпейскъ, Мценскъ, Брянскъ, Путивль, беря по дорогѣ города, которые, въ большинствѣ случаевъ, добровольно ей передавались; съ радостью также передались ей князья Трубчевскіе или Трубецкіе, потомки Ольгерда. Усиленный ихъ дружиною, воевода Яковъ Захарьевичъ занялъ безъ кровопролитія всю Литовскую Русь отъ нынѣшней Калужской и Тульской губерніи до Кіевской. Другая Московская рать, подъ начальствомъ родного брата Якова Захарьевича—боярина Юрія Захарьевича Кошкина,—вступила въ Смоленскую область и заняла Дорогобужъ.



138. Литовскіе шлемы.

Изъ „Собранія древностей Россійскаго Государства“ Ѳ. Г. Солнцева.

Не имѣя опытныхъ полководцевъ среди Латынянъ-Литовцевъ, Александръ рѣшилъ ввѣрить свои войска Православному Русскому князю, потомку Даніила Романовича Галицкаго, Константину Острожскому, чрезвычайно искусному войну. Вступивъ въ начальствованіе вооруженными силами Александра со званіемъ гетмана Литовскаго, онъ двинулся къ Смоленску.

Въ это время, Іоаннъ прислалъ къ Дорогобужу и Тверскую рать подъ начальствомъ князя Даніила Щени, причемъ велѣлъ ему начальствовать надъ Большимъ полкомъ, а Юрію Захарьевичу Кошкину—надъ Сторожевымъ. Юрій Захарьевичъ обидѣлся и написалъ въ Москву, что ему нельзя быть ниже князя Даніила въ Сторожевомъ полку: «то мнѣ стеречь князя Данила!»

*

Эта обида весьма замѣчательна; она прямо указываетъ на уже существовавшее среди бояръ «мѣстничество», развившееся впослѣдствіи до весьма значительныхъ размѣровъ, о чемъ нами своевременно будетъ подробно разсказано. Узнавъ объ обидѣ Юрія Захарьевича, великій князь велѣлъ отвѣтить ему: «Гораздо ли такъ дѣлаешь? Говоришь, что тебѣ непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, а меня и моего дѣла; каковы воеводы въ Большомъ полку, таковы и въ Сторожевомъ: такъ не позоръ это для тебя». Послѣ этого Юрій Захарьевичъ успокоился.

139. Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ получаетъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Литвою на берегу рѣки Ведроши.

Изъ книги: „Живописный Карамзинъ"

Между тѣмъ, Константинъ Острожскій со своими Литовцами смѣло наступалъ черезъ болотистыя и лѣсистыя мѣста на наши войска, расположенныя у рѣчки Ведроши на Митьковомъ полѣ. 14 іюля 1500 года, въ славную годовщину Шелонской битвы, передній Московскій полкъ, тѣснимый Литовцами, сталъ отступать за Ведрошъ, чтобы заманить противника на другой берегъ рѣки. Этимъ началось сраженіе. Долго успѣхъ его колебался между той и другой стороной, такъ какъ у противниковъ были приблизительно равныя силы, по 80,000 человѣкъ, бившихся съ большимъ одушевленіемъ. Но опыт-

ные въ ратномъ дѣлѣ воеводы Іоанна искусно расположили тайную засаду, которая внезапнымъ ударомъ смяла непріятеля. Тогда Литовцы стали искать спасенія въ бѣгствѣ; однако наша пѣхота успѣла зайти имъ въ тылъ и подрубила мосты. Началось страшное побоище: 8.000 непріятелей пало на мѣстѣ и множество утонуло въ рѣкѣ; князь Константинъ Острожскій, Смоленскій намѣстникъ Станиславъ, князья Друцкіе, Мосальскіе, и огромное количество пановъ и простыхъ воиновъ было взято въ плѣнъ; весь обозъ и огнестрѣльные снаряды также достались Русскимъ.

Великій князь Іоаннъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ въ Москвѣ. Радость его и всего стольнаго города была неописуема; онъ тотчасъ-же послалъ спросить о здоровьѣ своихъ главныхъ воеводъ, что почиталось великою честью. Плѣнныхъ разослали по разнымъ городамъ, а князя Константина Острожскаго отправили въ оковахъ въ Вологду, гдѣ за нимъ крѣпко смотрѣли, но отлично содержали. Скоро Государь предложилъ ему перейти въ Русскую службу; Константинъ присягнулъ Іоанну и получилъ чинъ воеводы вмѣстѣ съ большими помѣстьями, но, какъ увидимъ, черезъ нѣсколько лѣтъ измѣнилъ и былъ затѣмъ злѣйшимъ нашимъ врагомъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о Ведрошской побѣдѣ, Іоаннъ получилъ донесеніе и о другихъ блистательныхъ успѣхахъ Русскаго оружія: войска Новгородскіе, Псковскіе и Великолуцкіе подъ начальствомъ племянниковъ великокняжескихъ Ивана и Ѳеодора Борисовичей взяли Торопецъ; всѣми дѣлами въ этомъ отрядѣ, подобно Якову Захарьевичу Кошкину у Магметъ-Аминя, вѣдалъ опытный бояринъ Андрей Челяднинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новые подданные Московскіе—князья Семенъ Можайскій и Василій Рыльскій-Шемятичъ, съ боярами княземъ Ростовскимъ и Семеномъ Воронцовымъ—на голову разбили Литовцевъ подъ Мстиславлемъ, положивъ семь тысячъ на мѣстѣ. Этимъ закончились рѣшительныя дѣйствія Москвы противъ Литвы; одинъ изъ младшихъ сыновей великаго князя, Димитрій Іоанновичъ, былъ посланъ подъ Смоленскъ, но не могъ имъ овладѣть, а ограничился взятіемъ Орши и опустошеніемъ Литовскихъ областей.

Война, тѣмъ не менѣе, продолжалась еще четыре года, въ теченіи которыхъ шли переговоры о мирѣ, начатые Александромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Москвѣ приходилось вести дѣйствія и противъ Ливонцевъ, которыхъ успѣлъ поднять на нее тотъ-же Александръ.

Мы видѣли, что Ливонцы заключили въ 1482 году перемиріе съ Іоанномъ на десять лѣтъ; когда срокъ его приближался къ концу, то въ 1492 году Государь заложилъ противъ Нарвы на Русскомъ берегу рѣки Наровы каменную крѣпость съ высокими башнями—Ивангородъ. Нѣмцы возобновили перемиріе еще на десять лѣтъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они всенародно сожгли въ Ревелѣ Русскаго купца, уличеннаго въ преступленіи, при чемъ, когда другіе Русскіе жаловались на это, то легкомысленные Ревельцы отвѣчали: «Мы сожгли бы и вашего великаго князя если онъ сдѣлалъ-бы то же». Эти слова были переданы Государю, который

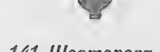
пришелъ отъ нихъ въ большой гнѣвъ; онъ изломалъ свою трость и молвилъ: «Богъ суди мое дѣло и казни дерзость». Затѣмъ, онъ потребовалъ, чтобы ему были выданы чины Ревельскаго городского самоуправленія, но получилъ отказъ. Нашъ лѣтописецъ говоритъ, что Ревельцы обижали Новгородскихъ купцовъ, грабили ихъ на морѣ, безъ обсылки съ Іоанномъ и безъ изслѣдованія дѣла варили его подданныхъ въ котлахъ, и чинили несносныя грубости его посламъ, ѣздившимъ въ Италію и Нѣмецкую Землю.

140. Печать великаго князя Іоанна III Васильевича на грамотѣ къ Бургомистру и Ратманамъ города Колывани (Ревеля).

При этихъ обстоятельствахъ, Іоаннъ вступилъ въ союзъ съ Датскимъ королемъ, врагомъ Ганзейскаго союза, въ составъ котораго входили приморскіе Нѣмецкіе города; Датскій король предложилъ Государю свою помощь противъ Шведовъ, съ которыми Іоаннъ былъ въ войнѣ, но потребовалъ, чтобы за это были открыты враждебныя дѣйствія противъ Нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ. Въ виду этого, то есть, чтобы наказать Ревельцевъ за неисправленіе и оказать помощь союзнику, Іоаннъ приказалъ въ 1495 году схватить въ Новгородѣ всѣхъ Нѣмецкихъ купцовъ (49 человѣкъ), посадить ихъ по тюрьмамъ, а товары отнять.

Ливонскіе Нѣмцы, несмотря на полученную обиду, не рѣшились поднять оружіе противъ Іоанна, который въ это время, какъ разъ, выдалъ дочь за Александра Литовскаго и былъ съ нимъ въ мирѣ, такъ какъ они понимали, насколько грозна стала теперь для нихъ Москва. Орденъ вмѣстѣ съ Ганзейскими городами началъ только упрашивать Іоанна объ освобожденіи задержанныхъ купцовъ, что и было исполнено послѣднимъ, однако безъ возвращенія товаровъ.

Кенигсбергскій коммандоръ или военачальникъ писалъ своему магистру (Нѣмецкаго Ордена) по этому поводу: «Старый Государь Русскій вмѣстѣ со своимъ внукомъ управляетъ одинъ всѣми Землями, а сыновей своихъ не допускаетъ до правленія; не даетъ имъ удѣловъ; это для магистра Ливонскаго и для Ордена очень вредно: они не могутъ устоять передъ такой силою, сосредоточенною въ однѣхъ рукахъ».



141. Шестоперъ.

Когда же у Москвы началась война съ Литвою, то Нѣмцы рѣшили тоже воевать съ нами, и въ 1501 году Ливонскій магистръ Вольтеръ фонъ Плеттенбергъ заключилъ союзъ съ Александромъ Литовскимъ, послѣ чего открылъ враждебныя дѣйствія противъ насъ—задержаніем Псковскихъ купцовъ. Іоаннъ выслалъ

Псковичамъ на помощь двухъ своихъ воеводъ, надъ которыми, однако, Нѣмцы въ 10 верстахъ отъ Изборска одержали верхъ, благодаря значительному превосходству ихъ пушечнаго наряда передъ Русскимъ. Затѣмъ Ливонцы сожгли городъ Островъ, и хитростью избили многихъ жителей Изборска, заманивъ ихъ въ засаду. Но эти удачныя дѣйствія оказались безполезными, такъ какъ въ Ливонскихъ войскахъ открылся сильный кровавый поносъ, которымъ занемогъ и самъ Плеттенбергъ, и они поспѣшили вернуться домой, справедливо опасаясь Іоанновой мести; дѣйствительно, онъ не замедлилъ выслать противъ нихъ въ 1502 году новую рать подъ начальствомъ князя Александра Оболенскаго и отрядъ служилыхъ Татаръ; рать эта встрѣтила Нѣмцевъ подъ городомъ Гелмедомъ и разбила ихъ на голову, несмотря на то, что передъ началомъ боя былъ убитъ Оболенскій. «И биша поганыхъ Нѣмцевъ»—говоритъ Псков-

142. Видъ Изборска.

скій лѣтописецъ: «на десяти верстахъ, и не оставиша имъ ни вѣстоноши (вѣстника, чтобы дать знать о несчастіи), а не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ, но биша ихъ Москвичи и Татарове, аки свиней шестоперы».

Въ томъ же году, Плеттенбергъ снова явился подъ Изборскомъ и Псковомъ, но заслышавъ о приближеніи князей Даніила Щени и Василія Шуйскаго—сталъ отходить.

Русскіе войска настигли его у озера Смолина, гдѣ произошла одна изъ кровопролитнѣйшихъ битвъ, въ которой Плеттенбергъ отбивался со славою и могъ бы одержать побѣду, если бы не случилось измѣны. Орденскій знаменосецъ Шварцъ, будучи смертельно раненъ стрѣлой, закричалъ своимъ: «Кто изъ васъ достоинъ принять отъ меня знамя?» Къ нему кинулся одинъ изъ рыцарей—Гаммерштетъ, но Шварцъ ему знамени не отдалъ; озлобленный этимъ Гаммерштетъ отрубилъ ему руку; однако, умирающій Шварцъ

все-таки ему знамени не отдалъ, а схватилъ его другой рукой и сталъ грызть зубами; тогда Гаммерштетъ бѣжалъ къ Русскимъ и помогъ имъ истребить значительную часть Нѣмецкой пѣхоты. Нѣмцы, тѣмъ не менѣе, успѣли отойти къ своей границѣ въ порядкѣ и очень гордились этимъ; Русскіе же воеводы, несмотря на оказанную имъ Гаммерштетомъ услугу, съ такимъ презрѣніемъ относились къ нему, что онъ долженъ былъ уѣхать отъ нихъ въ Данію.

Этими дѣйствіями закончилась помощь, оказанная Александру Литовскому Ливонскимъ Орденомъ въ борьбѣ его съ Москвой.

143. Вольтеръ фонъ-Плеттенбергъ.

Съ мраморнаго ваянія въ замкѣ города Риги.

Не бо̀льшимъ было и содѣйствіе, оказанное Александру его естественными союзниками,—королями Польскимъ, Чешскимъ и Венгерскимъ, которые были его родными братьями.

Прося о поддержкѣ противъ Москвы, посолъ Александра говорилъ его брату Владиславу, королю Венгерскому, что онъ долженъ оказать ему помощь не только по кровному родству, но и во имя Латинской вѣры, утвержденной въ Литвѣ Ягайлой: «Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени Русь покушается ее уничтожить: не только Москва, но и подданные княжата Литовскіе; на отца вашего Казиміра они вставали по причинѣ вѣры; по той же причинѣ встаютъ теперь и на васъ, сыновей его. Братъ вашъ Александръ нѣкоторыхъ изъ нихъ за это казнилъ, а другіе убѣжали

къ Московскому князю, который вмѣстѣ съ ними и поднялъ войну, ибо до него дошли слухи, что нѣкоторые князья и подданные нашего Государя, будучи Русской вѣры, принуждены были принять Римскую».

Братья войскъ своихъ не послали, но обѣщали Александру ходатайствовать передъ Іоанномъ. Какъ мы говорили выше, Государь при началѣ войны также разрѣшилъ Александру прислать своихъ пословъ въ Москву для продолженія переговоровъ о мирѣ. Прибывшій, въ 1500 году, Смоленскій намѣстникъ Станиславъ Кишка сталъ отъ имени Александра оправдываться во взводимыхъ на послѣдняго обвиненіяхъ.

Но Іоаннъ отвѣчалъ, что ему доподлинно извѣстно о принужденіи Александромъ всѣхъ Православныхъ въ Литвѣ—къ переходу въ Латинство: «Къ дочери нашей, къ Русскимъ князьямъ, панамъ и ко всей Руси посылаетъ, чтобы приступили къ Римскому закону! Сколько велѣлъ поставить Римскихъ божницъ въ Русскихъ городахъ, въ Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ? Женъ отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ имѣніемъ отнимаютъ, да сами крестятъ въ Римскій законъ: такъ-то зять нашъ не принуждаетъ къ Римскому закону»?..

Въ 1501 году, въ Москву пріѣхали послы королей Венгерскаго и Польскаго, которые просили Іоанна о мирѣ, утверждая, что война его съ Александромъ приноситъ большой вредъ христіанству, такъ какъ всѣ христіанскіе государи хотятъ быть за одно противъ Турокъ, при чемъ они грозили помочь своими войсками брату, если Государь не заключитъ съ нимъ мира.

На это Іоаннъ отвѣчалъ, объясняя причины войны: «Мы зятю своему ни въ чемъ не выступили; онъ намъ ни въ чемъ не исправилъ: такъ если король Владиславъ хочетъ брату своему неправому помогать, то мы, уповая на Бога, по своей правдѣ противъ недруга хотимъ стоять, сколько намъ Богъ поможетъ: у насъ Богъ помощникъ и наша правда». Тѣмъ не менѣе, Іоаннъ обѣщалъ заключить съ зятемъ миръ на условіяхъ, которыя онъ сочтетъ пріемлемыми.

Александръ прислалъ новаго посла, который объявилъ Іоанну, что за смертію Яна Альбрехта его государь провозглашенъ и королемъ Польскимъ, каковое обстоятельство, впрочемъ, нисколько не увеличивало силы Александра, такъ какъ между Литовскими и Польскими панами шла крупная вражда и раздоры. Вслѣдъ за посломъ великаго князя Литовскаго прислалъ свою грамоту Іоанну и папа Александръ Шестой Борджіа, усердно прося заключить миръ, чтобы соединиться всѣмъ христіанамъ противъ Турокъ. Грамоту эту привезъ Венгерскій посолъ, который отъ имени своего короля говорилъ, что общій походъ противъ Турокъ задерживается исключительно изъ-за войны Москвы съ Литвою.

На это Іоаннъ ему отвѣчалъ: «Мы съ Божіею волею, какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стояли, такъ и теперь стоимъ, и впредь, если дастъ Богъ, хотимъ, уповая на Бога, за христіанство противъ поганства стоять, какъ намъ Богъ поможетъ и просимъ у Бога того, чтобы христіанская рука высока была надъ поганствомъ». Затѣмъ, ука-

завъ на причины войны, Іоаннъ продолжалъ: «Короли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ противъ насъ за свою отчину стоять: но короли что называютъ своею отчиной? не тѣ ли города и волости, съ которыми князья Русскіе и бояре пріѣхали къ намъ служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что королей Владислава и Александра—отчины Польское королевство, да Литовскія Земли отъ своихъ предковъ, а Русская Земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины наша отчина»...

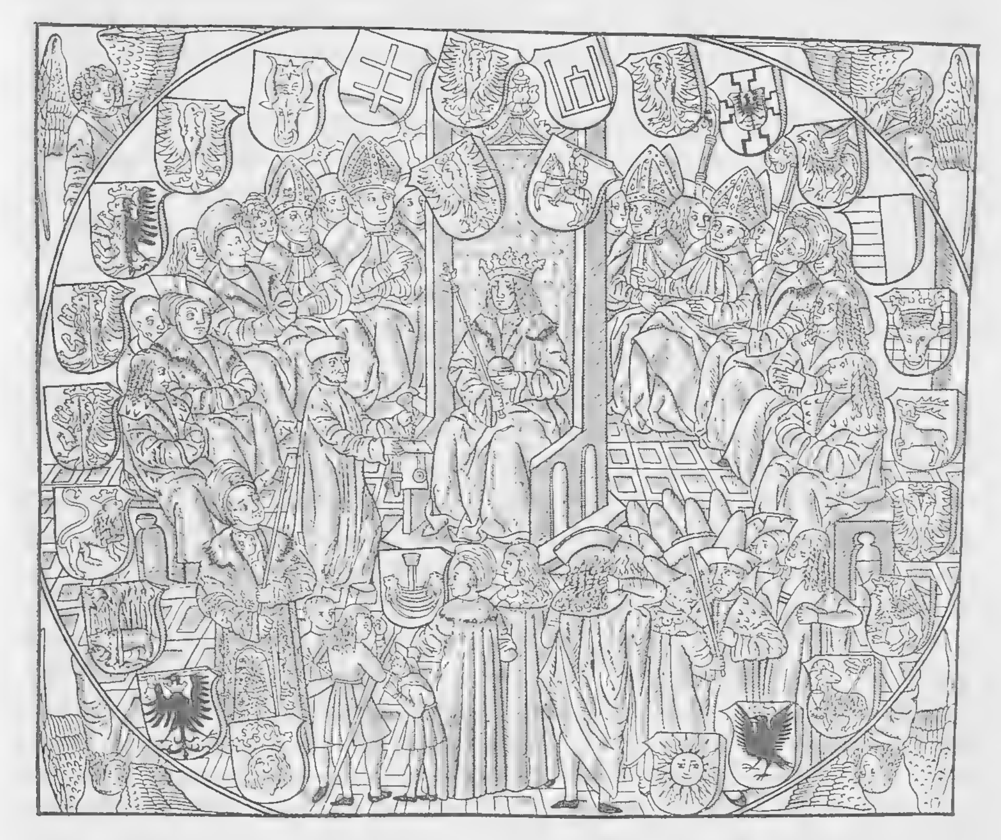
144. Коронованіе короля Польскаго Александра I въ Краковѣ, въ 1501 году.

Изъ требника Краковскаго соборнаго настоятеля, впослѣдствіи епископа Плоцкаго Эразма Ціолека. Находится въ библіотекѣ князя Чарторыйскаго въ Краковѣ.

Наконецъ, Іоаннъ далъ опасную (охранную грамоту) для большихъ Литовскихъ пословъ, которые пріѣхали для мирныхъ переговоровъ. Вмѣстѣ съ ними и Елена Ивановна, ставшая королевой Польской, прислала съ Ивановъ Сапѣгою горячее письмо къ отцу, умоляя его заключить съ мужемъ миръ, и увѣряя что онъ не принуждаетъ ее къ Латинству.

«Государю отцу моему Ивану», начиналось оно, «Божьею милостью Государю всеа Русіи и Великому князю Володимерскому, Московскому, Новогородцкому, Псковскому, Тферскому, Югорскому, Пермскому, Болгарскому и иныхъ, Олена, Божьею милостью, Королеваа Полскаа и Великая Княгини Литовскаа, Русскаа, Прусскаа, Жемотскаа и иныхъ, дочи твоа, тобѣ госу-

дарю и отцу своему челомъ бьетъ»..., а заканчивалось, послѣ увѣреній въ правотѣ своего мужа, словами: «...со плачемъ тобѣ государю моему челомъ бію: змилуйся надо мною убогою дѣвкой своею, не оставь челобитьа моего, не дай недругомъ моимъ радоватись о бѣдѣ моей и веселитись о плачи моемъ. Бо, господине государю, коли увидятъ твое жалованье на мнѣ служебници твоей, ото всихъ буду честна и всимъ грозна: а не будетъ



145. Изображеніе на пергаменѣ короля Александра и сейма въ Радомѣ, въ рѣдчайшей старопечатной Польской книгѣ: „Статутъ (законоположенія) королевства Польскаго", изданной на Латинскомъ языкѣ въ 1506 году королевскимъ канцлеромъ Іоанномъ Лаcскимъ. Король Александръ и радные паны изображены съ длинными волосами, завитыми въ локоны; передъ королемъ стоитъ канцлеръ Ласскій и подаетъ ему „Статутъ" съ привѣшенной къ нему печатью.

Хранится въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ въ Варшавѣ.

ласки твоее, самъ, государь и отецъ мой можешь разумѣти, чтожъ вси мя отпустятъ прироженые и подданые государя моего. И для того послала есми до тебе, государя и отца моего, челомъ біючи канцлеря своего, намѣстника Бряславского и Жижморского, пана Ивашка Сопѣгу; и ты бы государь и отецъ мой, пожаловалъ, выслухалъ его, и учинилъ на челобитье мое, и змиловался надо мною. А я, до моей смерти, богомолица и служебница

твоа и подножье твое. Писанъ у Вильни, Генваря 2 день,... Служебница и дѣвка *) твоа, Королеваа и Великаа Княгини Олена, со слезами тебѣ государю и отцу своему низко челомъ біетъ».

Такія же письма были написаны Еленой Іоанновной къ матери Софіи Ѳоминичнѣ и братьямъ Василію и Юрію.

Отправляя пословъ, Александръ поручилъ имъ не соглашаться на то, чтобы писать Іоанна Государемъ всея Руси, по крайней мѣрѣ, хотя бы на тѣхъ грамотахъ, которыя будутъ посылаться въ Польшу или Литву, и затѣмъ постараться заключить миръ на такихъ условіяхъ, какія были до войны.

Но Московскіе бояре объявили имъ рѣшительно: «Тому нельзя статься, какъ вы говорите, чтобы по старому докончанію быть любви и братству. То уже миновало. Если Государь вашъ хочетъ съ нашимъ Государемъ любви и братства, то онъ бы Государю нашему отчины его, Русской Земли поступился».

Дѣлать было нечего; послы Александра уступили, и 25 марта 1503 года было заключено перемиріе на шесть лѣтъ.

Перемирная грамота была написана отъ имени великаго князя Іоанна, Государя всея Руси, сына его великаго князя Василія и остальныхъ дѣтей. По грамотѣ этой, Александръ дѣлалъ Москвѣ громадныя уступки. Онъ обязывался не трогать Земель Московскихъ, Новгородскихъ, Рязанскихъ, Пронскихъ и уступалъ Земли: князя Семена Можайскаго (Стародубскаго), Василія Шемячича, князя Семена Бѣльскаго, и князей Трубецкихъ и Мосальскихъ; города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Гомель, Любечъ, Почепъ, Трубчевскъ, Радогощь, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Торопецъ, Остеръ, всего 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища и 13 селъ. Таковы были блистательнѣйшія слѣдствія войны, предпринятой Іоанномъ для защиты Православія среди Русскаго населенія Литовскихъ областей, и выигранной благодаря славнымъ побѣдамъ его доблестныхъ воиновъ и ихъ искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ и вѣрныхъ своему Государю вождей.

Послѣ того какъ договоръ былъ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ, Іоаннъ потребовалъ у пословъ, чтобы Александръ непремѣнно поставилъ у дочери въ сѣняхъ Греческую церковь и далъ Православныхъ слугъ, добавивъ при этомъ: «А начнетъ братъ нашъ дочь нашу принуждать къ Римскому закону, то пусть знаетъ: мы этого ему не спустимъ, будемъ за это стоять, сколько намъ Богъ пособитъ».

---

*) Въ описываемые времена замужнія женщины именовались дѣвками при обращеніи къ старшимъ, въ знакъ почтенія къ послѣднимъ, не у насъ только на Руси, но, повидимому, во многихъ Государствахъ Западной Европы; такъ, во Франціи—одна только королева называлась замужней—«мадамъ»; остальныхъ же женщинъ, даже ихъ собственные мужья, наименовали—«мадемуазель»—то есть дѣвицами.

Затѣмъ онъ призвалъ посла Елены Ивана Сапѣгу и держалъ ему такое слово: «Ивашка! Привезъ ты къ намъ грамоту отъ нашей дочери, да и словами намъ отъ нея говорилъ: но въ грамотѣ иное не дѣло написано, и не пригоже ей было о томъ намъ писать. Пишетъ, будто ей о вѣрѣ отъ мужа никакой присылки не было: но мы навѣрное знаемъ, что мужъ ея Александръ король подсылалъ къ ней, чтобы приступила къ Римскому закону. Скажи отъ насъ нашей дочери: «Дочка! Памятуй Бога, да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой Греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ Римскому закону не приступай ни которымъ дѣломъ; церкви Римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь Римскую не ходи, душой никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестія не учини; а только по грѣхамъ что станется, то намъ, и тебѣ, и всему нашему роду будетъ великое безчестіе, и закону нашему Греческому будетъ укоризна. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и ты бы пострадала. А только дочка поползнешься, приступишь къ Римскому Закону, волею ли, неволею: то ты отъ Бога душою погибнешь, и отъ насъ будешь въ неблагословеніи; я тебя за это не благословлю и мать не благословитъ; а зятю своему мы того не спустимъ: будетъ у насъ съ нимъ за то безпрестанно рать».

Со своими послами, отправленными въ Литву для взятія присяги съ Александра въ соблюденіи договора, Иванъ послалъ дочери слово, совершенно такого же свойства, какъ и наказъ, отправленный чрезъ Ивана Сапѣгу.

Кромѣ того, онъ далъ ей и порученіе: развѣдать, не найдется ли въ Западной Европѣ невѣсты среди царствующихъ домовъ для старшаго его сына Василія; при этомъ посламъ наказывалось: «Если королева Елена укажетъ государей, у которыхъ дочери есть, то спросить какихъ лѣтъ дочери? да о матеряхъ ихъ и о нихъ не было ли какой дурной молвы»? Елена отвѣчала: «Развѣдывала я про дѣтей деспота Сербскаго, но ничего не могла допытаться. У маркграфа Бранденбургскаго говорятъ пять дочерей, большая осьмнадцати лѣтъ хрома, нехороша; подъ большею—четырнадцати лѣтъ, изъ себя хороша... Есть дочери у Баварскаго князя, какихъ лѣтъ не знаютъ, матери у нихъ нѣтъ; у Стетинскаго князя есть дочери, слава про мать и про нихъ добрая. У Французскаго короля сестра обручена была за Альбрехта, короля Польскаго, собой хороша, да хрома, и теперь на себя чепецъ положила, пошла въ монастырь...».

Послѣ заключенія перемирія, у Іоанна съ мужемъ Елены происходили весьма частыя пересылки, главнымъ образомъ по поводу взаимныхъ недоразумѣній пограничныхъ жителей, при чемъ отношенія между тестемъ и зятемъ были, по прежнему, далеко не дружественныя. Александръ, разумѣется, не могъ простить Москвѣ—отторженія столькихъ волостей отъ Литвы и однажды даже послалъ сказать Іоанну, что пора ему возвратить Литвѣ—Земли, взятыя у нея по перемирному договору, такъ какъ ему жаль своей отчины. На это Государь велѣлъ отвѣтить Александру, что и ему также жаль своей отчины, Русской Земли, которая за Литвою,—Кіева, Смоленска и другихъ городовъ.

Изъ этихъ словъ ясно видно, какъ смотрѣлъ Іоаннъ на будущія отношенія Руси къ Литвѣ. Онъ предвидѣлъ, что предстоитъ кровавая и продолжительная борьба, пока не будетъ собрана во едино его отчина, вся Русская Земля подъ рукою Православныхъ Самодержцевъ Московскихъ, и въ этомъ же духѣ наказывалъ своимъ посламъ говорить и Менгли-Гирею, чтобы послѣдній не мирился съ Литвой, а если Менгли-Гирей скажетъ, что великій князь самъ перемирье взялъ, то отвѣчать ему: «Великому князю съ Литовскимъ прочнаго мира нѣтъ; Литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и Земель, что у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины, всей Русской Земли; взялъ же съ нимъ теперь перемирье для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города за собой укрѣпить»...

Одновременно съ пріѣздомъ, въ 1503 году, большихъ Литовскихъ пословъ въ Москву за миромъ, Іоаннъ разрѣшилъ пріѣздъ и посламъ Ливонскаго Ордена, при чемъ далъ имъ опасный листъ такого рода: «Іоаннъ, Божіей милостью, Царь и Государь всея Руси, и великій князь, и сынъ его князь великій Василій Ивановичъ, Царь всея Руси, магистру Ливонской Земли, архіепископу и епископу Юрьевскому и инымъ епископамъ и всей Земли Ливонской: присылали вы бить челомъ къ брату нашему и зятю Александру, королю Польскому и великому князю Литовскому о томъ, что хотите къ намъ слать бить челомъ своихъ пословъ. И мы вамъ на то листъ свой опасный дали». Послы, пріѣхавъ въ Москву, ожидали заключенія перемирія съ Литвой, а затѣмъ ихъ отправили по старинѣ въ Новгородъ подписать перемиріе съ намѣстниками великокняжескими, такъ какъ заключать съ ними миръ самому великому князю въ Москвѣ, считалось для Нѣмцевъ слишкомъ большой честью.

Мы видѣли, что Іоаннъ, еще до окончанія войны съ Литвой, заключилъ союзъ съ королемъ Датскимъ Іоганомъ, который искалъ Шведскаго престола. Вслѣдствіи этого союза, наши войска въ 1496 году ходили къ Выборгу, но не могли его взять, хотя употребляли при осадѣ огромныя пушки—въ три съ половиной сажени длины, а въ 1497 году—Русскіе вторглись въ Финляндію, опустошили ее до Тавасгуса и на голову разбили Шведскія войска, положивъ 7.000 человѣкъ на мѣстѣ. Въ то же время—наши полки, составленные изъ Устюжанъ, Двинянъ, Онѣжанъ и Важанъ, отправились отъ устьевъ Сѣверной Двины Бѣлымъ моремъ въ Лапландію, завоевали берега восьми рѣкъ, и привели въ Русское подданство обитателей побережья рѣки Лименги.

Война со Шведами окончилась, когда Іоганъ Датскій сталъ Шведскимъ королемъ.

Созданіе Іоанномъ Третьимъ обширнаго и могущественнаго Московскаго Государства повлекло за собой, какъ мы видѣли, и частыя сношенія съ различными государями, при чемъ въ Западной Европѣ—только впервые узнали, что восточнѣе Польши и Литвы существуетъ большая независимая отъ нихъ Держава. Это открытіе сдѣлалъ Нѣмецкій рыцарь Нико-

лай Поппель, путешествовавшій изъ любопытства по отдаленнымъ странамъ и заѣхавшій въ 1486 году въ Москву. Возвратясь домой, онъ объявилъ Германскому императору Фридриху, что великій князь Московскій не только не подвластенъ Польскому королю, но гораздо сильнѣе и богаче его.

Вслѣдствіе этого, въ 1489 году, Поппель вновь прибылъ въ Москву уже въ качествѣ императорскаго посла, при чемъ просилъ Іоанна разрѣшить говорить съ нимъ наединѣ. Іоаннъ въ этомъ ему отказалъ; тогда Поппель въ присутствіи бояръ сталъ просить руку одной изъ дочерей великаго

146. Походъ на лыжахъ въ Лапландію въ 1497 году.
Рисунокъ Н. Каразина.

князя отъ имени императора—для племянника послѣдняго, владѣтельнаго маркграфа Баденскаго. Іоаннъ отвѣтилъ на это, что хочетъ съ императоромъ любви и дружбы и отправитъ къ нему своего посла. Поппель вновь сталъ просить позволенія говорить съ великимъ княземъ наединѣ. Іоаннъ, наконецъ, согласился и поотступивъ отъ бояръ сталъ его слушать, а дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ записывалъ посольскія рѣчи. Поппель началъ съ просьбы, чтобы его слова не были переданы Полякамъ или Чехамъ, иначе ему придется поплатиться головой, а затѣмъ продолжалъ такъ: «Мы слышали, что ты посылалъ къ Римскому папѣ просить у него королевскаго титула (званія) и что Польскому королю это очень не понравилось, посылалъ

онъ къ папѣ съ большими дарами, чтобы папа не соглашался. Но знай, что папа въ этомъ дѣлѣ не имѣетъ никакой власти, а только императоръ. Поэтому, если желаешь быть королемъ своей Земли, то я буду вѣрнымъ слугой твоей милости и буду хлопотать передъ императоромъ, чтобы твое желаніе исполнилось».

На эту хитрую рѣчь императорскаго посла, Іоаннъ велѣлъ сказать ему слѣдующія достопамятныя слова: «Сказываешь, что намъ служилъ и впредь служить хочешь: за это мы тебя здѣсь жалуемъ, да и тамъ въ твоей Землѣ тебя жаловать хотимъ. А что ты намъ говорилъ о королевствѣ, то мы, Божіею милостію, Государи на своей Землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ быть, какъ мы теперь Государи на своей Землѣ, а поставленія, какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ».

147. Императоръ Фридрихъ III.
Съ изображенія, хранящагося въ Германскомъ музеѣ въ Нюрнбергѣ.

Пристыженный Поппель больше не заикался о поставленіи Іоанна въ Русскіе короли Нѣмецкимъ императоромъ.

Въ томъ же 1489 году, изъ Москвы былъ отправленъ посолъ къ императору Фридриху и сыну его Максимиліану—Грекъ Юрій Траханіотъ, коему было наказано: «Если спросятъ его: цесарь (императоръ) спрашивалъ у вашего Государя хочетъ ли онъ отдать дочь за племянника императорскаго маркграфа Баденскаго, то отвѣчать: за этого маркграфа Государю нашему отдать дочь неприлично, потому что Государь нашъ многимъ Землямъ Государь Великій, но гдѣ будетъ прилично, то Государь нашъ съ Божіею волею хочетъ это дѣло дѣлать. Если начнутъ выставлять маркграфа владѣтелемъ сильнымъ, скажутъ: отчего неприлично вашему Государю выдать за него свою дочь?—то отвѣчать: во всѣхъ Земляхъ извѣстно, надѣемся и вамъ вѣдомо, что Государь нашъ великій Государь, урожденный изначала, отъ своихъ прародителей; отъ давнихъ лѣтъ прародители его были въ пріятельствѣ и любви съ прежними Римскими царями, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи... такъ какъ-же, такому великому Государю выдать дочь свою за маркграфа? Если же станутъ говорить, чтобы великому князю выдать дочь за императорскаго сына—Максиміліана (будущаго императора), то послу не отговаривать, а сказать такъ: захочетъ этого цесарь, послалъ-бы къ нашему Государю своего человѣка. Если же станутъ говорить накрѣпко, что цесарь пошлетъ

своего человѣка, и посолъ возьметъ ли его съ собой?—то отвѣчать: со мной объ этомъ приказа нѣтъ, потому что цесарскій посолъ говорилъ, что Максимиліанъ уже женатъ, но Государь нашъ ищетъ выдать дочь свою за кого прилично: цесарь и сынъ его Максимиліанъ—государи великіе, нашъ Государь тоже великій Государь; такъ если цесарь пошлетъ къ нашему Государю за этимъ своего человѣка, то я надѣюсь, что Государь нашъ не откажетъ».

Траханіотъ былъ принятъ императоромъ съ величайшими почестями и въ 1490 году вернулся вмѣстѣ съ посломъ Максимиліана—Делаторомъ, который отъ его имени просилъ Іоанна о союзѣ противъ Польскаго короля, а затѣмъ началъ говорить о сватовствѣ, просилъ видѣть дочь великаго князя и спрашивалъ сколько за ней дадутъ приданаго? Бояре отвѣчали ему, что великій князь согласенъ на бракъ дочери съ Максимиліаномъ, (овдовѣвшимъ въ это время), но съ условіемъ, чтобы тотъ далъ грамоту, что жена его останется Православной и будетъ имѣть Православную церковь и священниковъ до смерти; относительно же позволенія видѣть великую княжну и приданаго, ему было сказано: «У нашего Государя нѣтъ такого обычая: не пригоже тебѣ прежде дѣла дочь его видѣть. Государь нашъ—Государь великій, а мы не слыхали, чтобы между великими Государями были ряды о приданомъ. Если дочь нашего Государя будетъ за твоимъ Государемъ, королемъ Максимиліаномъ, то Государь нашъ для своего имени и для своей дочери дастъ съ ней казну, какъ прилично великимъ Государямъ».

Послѣ этого отвѣта, Іоаннъ приказалъ боярамъ заключить союзный договоръ съ Максимиліаномъ, стремившимся тогда добыть Венгерскій столъ, свою отчину, на который намѣревался сѣсть Владиславъ, сынъ Казиміра Польскаго; въ договорѣ этомъ говорилось, между прочимъ: «Если король Польскій и дѣти его будутъ воевать съ тобою, братомъ моимъ, за Венгрію, твою отчину, то извѣсти насъ и поможемъ тебѣ усердно безъ обмана. Если же и мы начнемъ добывать великаго княженія Кіевскаго и другихъ Земель Русскихъ, коими владѣетъ Литва, то увѣдомимъ тебя, и поможешь намъ усердно, безъ обмана».

Передъ отъѣздомъ, Делаторъ былъ принятъ великой княгиней Софіей, которой онъ поднесъ отъ Максимиліана сѣрое сукно и попугая, а великій князь пожаловалъ его въ «золотоносцы», то-есть далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и золоченыя серебряныя остроги или шпоры, какъ-бы въ знакъ посвященія въ рыцарское достоинство.

Описанныя посольства не привели къ какимъ-либо важнымъ послѣдствіямъ. Бракъ великой княжны съ Максимиліаномъ не состоялся, конечно, изъ-за рѣшительнаго требованія Іоанна на счетъ сохраненія дочерью Православія; что же касается союза противъ Польши, то Максимиліанъ скоро примирился съ ней. Однако, отношенія съ Русскимъ дворомъ продолжали оставаться дружескими, и въ 1504 году Максимиліанъ опять прислалъ своего посла въ Москву, спрашивая не нужно-ли намъ его ратной помощи, или совѣта,

а также прося прислать нѣсколько бѣлыхъ кречетовъ, водившихся на нашемъ крайнемъ сѣверѣ и высоко цѣнившихся для охоты.

Іоаннъ отвѣчалъ Максимиліану, что онъ уже удачно окончилъ войну съ Ливоніей и послалъ ему одного бѣлаго и четырехъ красныхъ кречетовъ.

Въ 1505 году, Максимиліанъ опять прислалъ двѣ грамоты отъ себя и сына своего Филиппа, въ коихъ Іоаннъ и сынъ его Василій названы царями, съ просьбой освободить плѣнныхъ Ливонскихъ Нѣмцевъ, взятыхъ въ послѣднюю войну. Государь приказалъ на это отвѣтить: «Если магистръ, архіепископъ, епископы и вся Земля Ливонская отъ нашего недруга Литовскаго отстанутъ, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ и Псковъ къ нашимъ намѣстникамъ, и во всемъ нашимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову исправятся, то мы тогда, для вашей братской любви, посмотря по ихъ челобитью и исправленію, дадимъ плѣннымъ свободу».

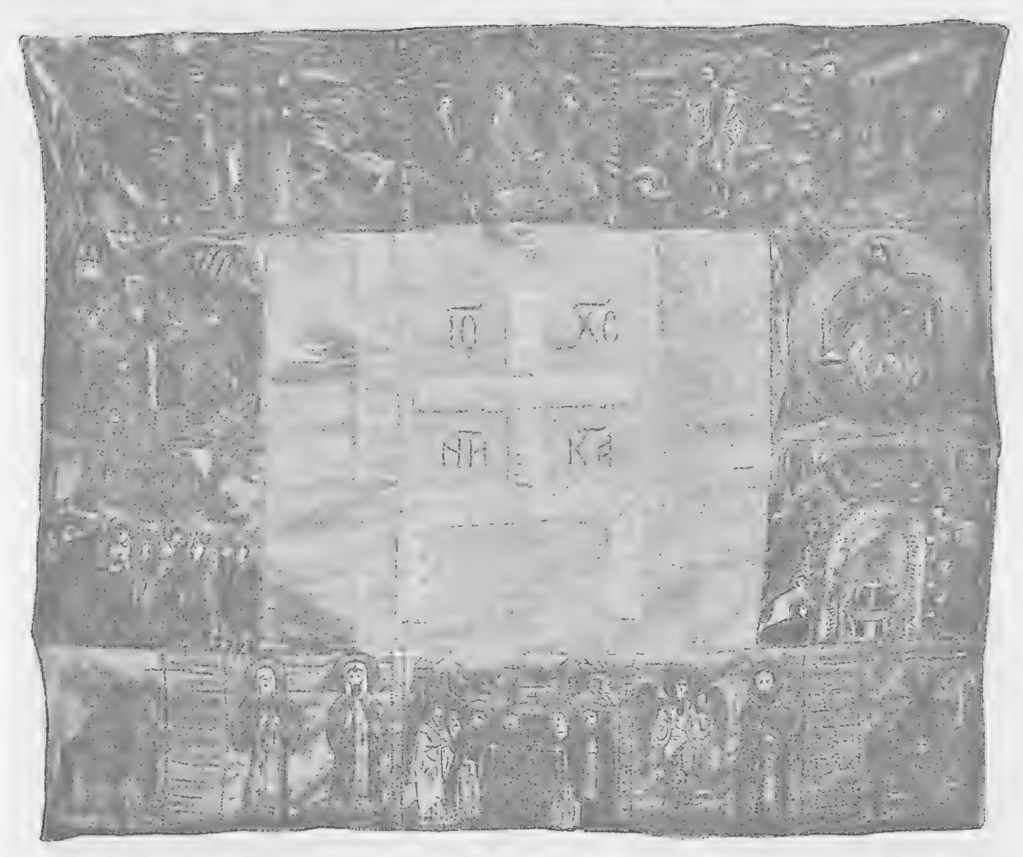
Кромѣ сношеній съ Европейскими государями, Іоанну приходилось также принимать пословъ и отъ нѣкоторыхъ Азіатскихъ владѣтелей; но главное свое вниманіе онъ обращалъ на западъ и постоянной его заботой было выписываніе искусныхъ мастеровъ по различнымъ отраслямъ производства, которымъ, наши добрые сосѣди—Поляки, Литва, Нѣмцы и Шведы. старались всячески затруднить проѣздъ въ Русскую Землю.

Помимо поименованныхъ выше Итальянцевъ зодчихъ, извѣстность по себѣ оставили: пушечный мастеръ—Фрязинъ Павлинъ Дебосисъ, отлившій великую пушку въ 1488 году; колокольный мастеръ Фрязинъ Петръ; органный игрецъ—католическій священникъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова закона Иванъ Спаситель (Сальваторъ), принявшій у насъ Православіе; серебряные мастера Олбертъ Нѣмчинъ и Карлъ изъ Медіолана, и лекаря: Антонъ Нѣмецъ и Жидовинъ мистро-Леонъ изъ Венеціи.

Особенно цѣнилъ Іоаннъ хорошихъ мастеровъ, знавшихъ руду золотую и серебряную, и умѣвшихъ отдѣлять отъ земли золото и серебро.

Посланные по его приказу на Печору два такихъ мастера Нѣмца, Иванъ да Викторъ, отыскали въ 1490 году на рѣкѣ Цыльмѣ серебряную и мѣдную руду на пространствѣ 10 верстъ.

Предположенія Іоанна найти среди царствующихъ западно-европейскихъ домовъ—невѣсту для сына и жениха для одной изъ дочерей—не увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе разницы вѣроисповѣданій. Тогда Государь рѣшилъ сочетать ихъ бракомъ дома—въ Русской Землѣ. При этомъ, находя неприличнымъ имѣть зятемъ владѣтельнаго маркграфа Баденскаго, племянника императора, Іоаннъ нашелъ вполнѣ соотвѣтствующимъ для себя породниться съ однимъ изъ своихъ вѣрныхъ слугъ; онъ выдалъ вторую свою дочь Ѳеодосію замужъ за сына своего доблестнаго военачальника князя Даніила Холмскаго; великій князь Василій Іоанновичъ тоже женился въ 1504 году на Русской—на Соломоніи Сабуровой, дѣвушкѣ не знатнаго рода, но пришедшейся ему по душѣ на смотринахъ, на которыя, по Византійскому обычаю, было собрано со всей Земли около 1500 дѣвицъ благороднаго званія.



148. Пелена, шитая великой княгиней Софіей Ѳоминичной въ 1498 году (единственный предметъ, сохранившійся отъ нея до нашихъ временъ).

Хранится въ ризницѣ Троицко-Сергіевской Лавры.

27 октября 1505 года, великій князь Иванъ Васильевичъ Третій—окончилъ свой многотрудный жизненный подвигъ на 67 году жизни и на сорокъ четвертомъ—великаго княженія, переживъ Софію Ѳоминичну на два года.

Чувствуя приближеніе конца, Іоаннъ собралъ дѣтей и бояръ и приказалъ громко читать духовную; въ то же время онъ велѣлъ освободить много заключенныхъ въ темницахъ, а должниковъ между ними выкупить за свой счетъ. Послѣ причащенія и соборованія, митрополитъ Симонъ хотѣлъ постричь его, но онъ отказался, очевидно желая умереть Государемъ, а не монахомъ.

Всегда слѣдуя въ теченіи своей жизни преданіямъ старины, онъ и въ завѣщаніи своемъ, по обычаю предковъ,—надѣлилъ волостями всѣхъ пятерыхъ сыновей. Но, тогда какъ старшему—великому князю Василію было дано 66 городовъ и въ томъ числѣ самые значительные, остальнымъ

четыремъ—Юрію, Димитрію, Семену и Андрею—были оставлены лишь небольшіе удѣлы, съ весьма ограниченными правами и полнымъ подчиненіемъ старшему брату, великое княженіе котораго они должны были держать честно и грозно, а послѣ него и того изъ сыновей Василія, кто будетъ его преемникомъ. Свято соблюдая завѣты предковъ по собиранію Русской Земли и всегда проявляя во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ удивительную обдуманность *и замѣчательное чувство мѣры,* Іоаннъ въ теченіе своей долгой жизни—сдѣлалъ рядъ огромныхъ земельныхъ пріобрѣтеній и оставилъ своему наслѣднику уже весьма могущественное Государство, превосходящее по своимъ размѣрамъ по крайней мѣрѣ въ три раза то, которое онъ получилъ отъ отца своего Василія Темнаго.

Какъ мы видѣли, дѣятельнымъ помощникомъ Іоанна во всѣхъ его дѣлахъ—былъ самъ Русскій народъ, стремившійся объединиться въ крѣпкое государство вокругъ стольнаго города Москвы, которая представляла столько дорогого и завѣтнаго для каждаго Русскаго сердца и ума. Это горячее чувство любви къ родинѣ отразилось, конечно, на всѣхъ многочисленныхъ походахъ, которые предпринималъ Іоаннъ во имя собиранія Русской Земли; мы постоянно видѣли въ его ратяхъ необыкновенное воодушевленіе и замѣчательное стремленіе къ смѣлымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, при чемъ слово «Москва»—было боевымъ кличемъ, объединявшимъ всѣхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видѣли также, что войска Іоанна и ихъ державный вождь были всегда воодушевлены самыми возвышенными понятіями о чувствѣ долга и благородствѣ; такъ, Московскіе воины побросали въ воду захваченные доспѣхи Новгородцевъ, не желая пользоваться добромъ измѣнниковъ Русскому дѣлу и Православію; Московскіе воеводы гнушались общенія съ Нѣмецкимъ измѣнникомъ Гаммерштетомъ, несмотря на оказанную имъ намъ большую услугу въ битвѣ съ Нѣмцами; самъ великій князь велѣлъ заточить князя Холмскаго, предавшаго ему своего господина—Тверского князя, не желая имѣть въ числѣ своихъ слугъ предателя; наконецъ, наши военачальники князья Ухтомскій и Ярославскій послѣ побѣды надъ Татарами, въ 1469 году, дважды получивъ отъ Іоанна высшіе въ то время знаки отличія—по золотой деньгѣ для ношенія на груди, отдали ихъ священнику, чтобы онъ молился о Государѣ и о всемъ его воинствѣ. Мужество, безкорыстіе и горячая любовь къ Родинѣ—были отличительными свойствами сподвижниковъ Іоанна III.

Постоянная потребность въ многочисленной воинской силѣ, доходившей иногда до 180,000 человѣкъ и необходимость содержанія бдительныхъ сторожевыхъ отрядовъ въ степи заставляли, разумѣется, Іоанна удѣлять военному дѣлу не мало своихъ заботъ.

Помимо служилыхъ людей или старшей дружины, бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, въ походы посылались сурожане, суконники, купчіе люди и прочіе Москвичи, «которые пригоже по ихъ силѣ», а также брались люди посошные, по одному съ нѣсколькихъ сохъ, казаки и полки Татар-

скіе—служилыхъ Татарскихъ царевичей, поселенныхъ въ разныхъ Московскихъ волостяхъ.

Кромѣ жалованья деньгами и отдачи городовъ на кормленіе, или же нѣкоторыхъ статей великокняжескихъ доходовъ (путей) въ пользованіе—въ награду за военную службу, самымъ могущественнымъ средствомъ для вознагражденія военно-служилаго сословія и для его увеличенія—являлась, по прежнему, широкая раздача помѣстій.

Вообще, съ половины пятнадцатаго вѣка, всѣ личные землевладѣльцы были обязаны нести военную службу въ Московскомъ Государствѣ и въ немъ было какъ бы правиломъ, что кто владѣетъ землею, тотъ долженъ и проливать кровь для ея защиты.

Высшимъ военнымъ сословіемъ было разумѣется, какъ и прежде, боярство, при чемъ всѣ бояре, занимая различныя государственныя должности, оставались по старинному прежде всего соратниками своего Государя.

Однако, при Іоаннѣ Третьемъ въ средѣ самого боярства начала происходить важная перемѣна, вслѣдствіе поступленія на Государеву службу многихъ князей Рюриковичей и Гедиминовичей, которые становились выше стараго Московскаго боярства; наплывъ въ среду этого боярства—многочисленныхъ служилыхъ князей, изъ бывшихъ удѣльныхъ, какъ увидимъ ниже, повлекъ за собой весьма крупныя послѣдствія.

Несмотря на многочисленныя войны, благодаря счастливому ихъ окончанію и отсутствію внутреннихъ усобицъ, сорокатрехлѣтнее время правленія Іоанна было однимъ изъ счастливѣйшихъ и самыхъ спокойныхъ для Московскаго Государства; торговля развилась весьма сильно и вообще очень поднялось благосостояніе жителей.

По свидѣтельству Италіанца Іосифа Барбаро, въ Москвѣ было такое изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ, что говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру; зимой же, въ нее привозилось великое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, продававшихся по крайне дешевой цѣнѣ. При этомъ, право варить медъ и пиво и употреблять хмѣль перешло при Іоаннѣ Третьемъ, какъ разсказываетъ Барбаро, съ цѣлью уменьшенія пьянства, въ исключительную собственность казны.

Заботясь о сохраненіи народнаго здравія и нравственности, Іоаннъ строго слѣдилъ также, чтобы къ намъ не заносились заразныя болѣзни, и всѣ пріѣзжающіе изъ-за границы подвергались тщательному надзору. Это, какъ увидимъ, было важной заботой и послѣдующихъ Московскихъ Государей.

Отъ временъ Іоанна Третьяго до насъ дошла древнѣйшая переписная, или «писцовая» окладная книга; въ книгахъ этихъ подробно описывались пригороды, волости, погосты и села съ указаніемъ количества земли, принадлежащей каждому владѣтелю, съ цѣлью ея обложенія податью въ пользу великаго князя. Земля для этого обложенія дѣли-

лась на сохи, при чемъ величина сохи мѣнялась отъ качества земли: такъ—соха доброй земли опредѣлялась величиной ея, потребной для посѣва 800 четвертей, средней—1,000 четвертей, а худой—1,200 четвертей. Послѣ покоренія Новгорода, Иванъ установилъ тамъ размѣръ подати по полугривнѣ съ сохи, что вѣроятно соотвѣтствовало размѣру земельной подати и въ другихъ частяхъ Государства. Посадскіе и слободскіе люди платили подати въ зависимости отъ величины и степени зажиточности ихъ дворовъ. Наконецъ, были обложены податью или тамгою и всякаго рода товары.

Крестьяне при Іоаннѣ Третьемъ оставались по прежнему свободными, но было точно и окончательно установлено, что переходы отъ одного владѣльца къ другому могли происходить только одинъ разъ въ году, именно за недѣлю до Юрьева дня—и недѣлю спустя его.

Опредѣленіе это вошло въ такъ называемый «Судебникъ» Іоанна Третьяго или судный уставъ, составленный въ 1497 году дьякомъ Гусевымъ. Въ началѣ «Судебника», между прочимъ, говорится: «Посуловъ (взятокъ) боярамъ и окольничымъ и дьякамъ отъ суда не брать и судомъ не мстить и не дружить никому». «Судебникъ» Іоанна Третьяго значительно отличается отъ «Русской Правды» Ярослава Мудраго: месть и самоуправство не допускается, но наказанія гораздо суровѣе, чѣмъ по Русской Правдѣ. Смертная казнь и торговая (битье кнутомъ) полагались по «Судебнику» за многія преступленія: за второе воровство, разбой, убійство, душегубство и разныя другія лихія дѣла, причемъ по старому оставлено какъ судебное доказательство «поле», или «судебный поединокъ», а также введены пытки. Введеніе въ «Судебникъ» смертной казни и разнаго рода пытокъ—явилось всецѣло заимствованіемъ изъ Западной Европы. Сравнивая «Судебникъ» Іоанна съ судебникомъ Казиміра Польскаго 1468 года, мы встрѣчаемъ въ послѣднемъ—висѣлицу и пытки, при чемъ висѣлица полагалась уже за первое воровство свыше полтины, а по Магдебургскому праву, данному Литовскимъ великимъ княземъ западнорусскимъ городамъ Полоцку, Минску и Смоленску—употреблялись постоянно, какъ наказаніе,—отсѣченіе головы, посаженіе на колъ и потопленіе.

149. Изъ „Судебника Іоанна III“ 1497 года.

Важнымъ преимуществомъ Русскаго законодательства предъ Западно-Европейскимъ было то обстоятельство, что у насъ передъ уголовнымъ закономъ были *всѣ безусловно совершенно равны.* Такъ, въ 1491 году, по приговору суда, всенародно сѣкли кнутомъ князя Ухтомскаго, дворянина

Хомутова и бывшаго архимандрита Чудовскаго монастыря за составленіе подложной грамоты, сочиненной ими, чтобы получить въ собственность чужую землю.

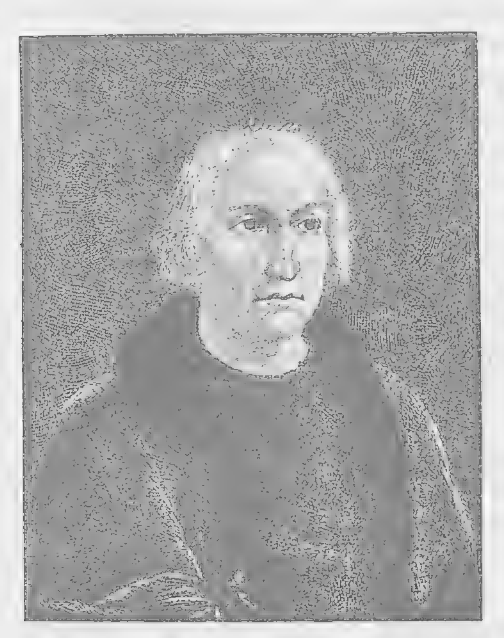
Сурово наказывалъ Іоаннъ Васильевичъ и пріѣзжихъ иностранныхъ мастеровъ, если они этого заслуживали. Мы говорили, что сынъ великаго князя Иванъ Молодой умеръ въ 1390 году, разболѣвшись ломотой въ ногахъ. Его взялся лечить пріѣхавшій изъ Венеціи Жидовинъ мистро-Леонъ, объявившій великому князю: «я вылечу сына твоего, а не вылечу—вели меня казнить смертной казнью». Іоаннъ согласился на это условіе и позволилъ лечить сына; Жидовинъ сталъ давать ему во внутрь зелье и жегъ ноги стеклянными сосудами, причемъ лечилъ такъ усердно, что Иванъ Молодой сперва слегъ, а затѣмъ и умеръ. Похоронивъ его, великій князь, во исполненіе условія—приказалъ отрубить голову мистро-Леону, какъ минуло сорокъ дней по смерти сына. Другой врачъ, Нѣмецъ Антонъ, котораго Іоаннъ держалъ въ большой чести, лечилъ служилаго Татарскаго князя Каракучу и уморилъ его смертнымъ зельемъ «на посмѣхъ», какъ говоритъ лѣтописецъ; за это Іоаннъ выдалъ лекаря Антона сыну Каракуча и онъ былъ зарѣзанъ Татарами на Москвѣ-рѣкѣ. Мѣры эти, конечно, поражаютъ насъ своею крайней суровостью; но не надо забывать, что въ XV и XVI вѣкѣ—среди иноземныхъ лекарей было множество самыхъ отъявленныхъ шарлатановъ.

150. Нѣмчинъ - врачъ начала XVI вѣка.

Современный рисунокъ Нѣмецкаго художника Альбрехта Дюрера.

Заботясь о привлеченіи въ свое Государство свѣдущихъ мастеровъ иноземцевъ, великій князь отлично понималъ при этомъ, что если восточные пришельцы-Монголы завоевали Русскую Землю силою, то пришельцы съ Запада будутъ стараться завладѣть ею хитростью, и потому зорко слѣдилъ за всѣми ними. Первымъ попался услужливый монетчикъ Иванъ Фрязинъ, черезъ котораго велись переговоры о сватовствѣ Софіи Ѳоминичны. Онъ взялся доставить Венеціанскаго посла Тревизана къ хану Золотой Орды Ахмату чрезъ Московскія владѣнія и выдалъ его за своего родственника-купца. Когда обманъ открылся, то великій князь приказалъ посадить Тревизана въ тюрьму, откуда онъ былъ выпущенъ только послѣ усиленныхъ просьбъ управителя Венеціи, а Иванъ Фрязинъ былъ взятъ подъ стражу передъ самымъ въѣздомъ Софіи Ѳоминичны въ Москву, затѣмъ закованъ въ желѣзо и заточенъ.

Когда завязались наши сношенія съ Германіей, то въ 1492 году король Максимиліанъ прислалъ въ Москву Нѣмца Снупса съ письмомъ къ великому князю, въ которомъ онъ просилъ оказать означенному Снупсу содѣйствіе въ изученіи Русской Земли и въ путешествіи за Каменный поясъ къ рѣкѣ Оби. Іоаннъ принялъ Снупса ласково, но рѣшительно отказалъ ему въ просимой помощи подъ предлогомъ трудности пути; въ дѣйствительности, онъ, конечно, опасался этого Нѣмецкаго лазутчика и не желалъ, чтобы онъ видѣлъ наши недавно пріобрѣтенныя сѣверо-восточныя земли, гдѣ открылся новый источникъ богатства для Россіи, такъ какъ, несомнѣнно былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, что въ Западной Европѣ, во вторую половину пятнадцатаго вѣка, развилась необыкновенная жажда открытій новыхъ земель съ цѣлью обогащенія. Теперь, вмѣсто крестовыхъ походовъ, тамъ стали предприниматься походы промышленные—въ надеждѣ найти золото, драгоцѣнные камни и другія богатства. Особенно привлекали жажду наживы всѣхъ западныхъ Европейцевъ—разсказы о баснословныхъ богатствахъ Индіи. Въ поискахъ морского пути въ Индію была открыта въ 1498 году Америка смѣлымъ Итальянскимъ мореплавателемъ Христофоромъ Колумбомъ, а Португальскій мореплаватель Васко-де-Гама, въ томъ же 1498 году, обогнувъ съ юга Африку, дошелъ до Индіи.

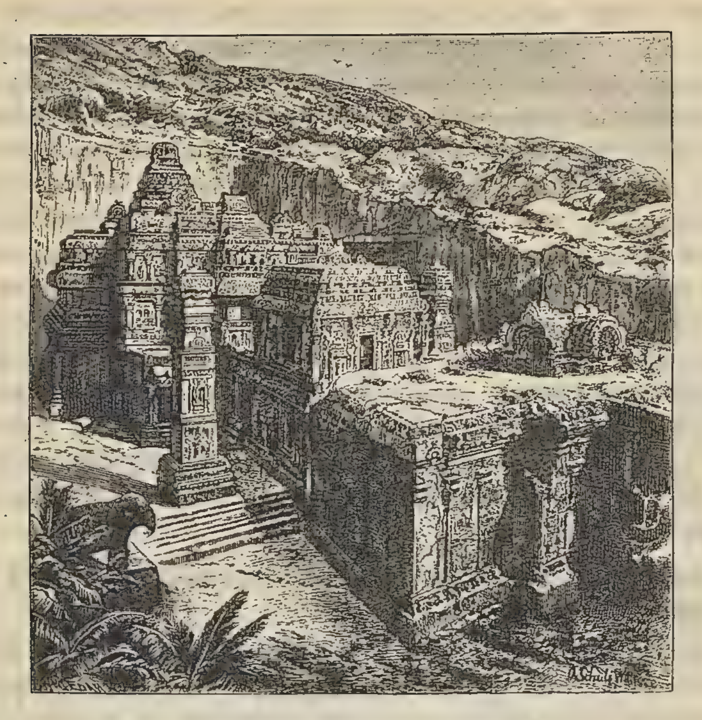


151. Христофоръ Колумбъ.

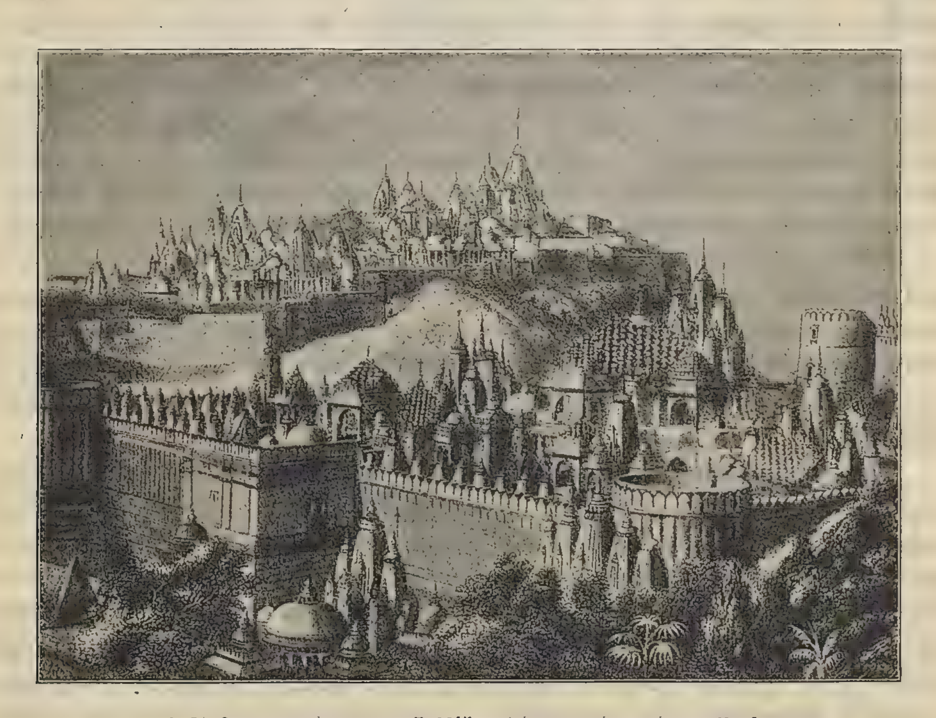
Съ изображенія въ морскомъ музеѣ города Мадрита.

Но еще за тридцать лѣтъ до Васко-де-Гама, около 1470 года, нашъ Тверской купецъ Аѳонасій Никитинъ, безъ всякой посторонней помощи, также открылъ путь въ Индію, и при томъ, при гораздо болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ Васко-де-Гама. Аѳонасій Никитинъ, имѣя въ Россіи долги, рѣшилъ пробраться съ дорогимъ жеребцомъ въ Индію, надѣясь выгодно его продать тамъ и вернуться затѣмъ на Родину съ богатыми и рѣдкими товарами.

До насъ дошло чрезвычайно любопытно составленное имъ описаніе его «Хожденія за три моря». Отъ Твери до Астрахани онъ плылъ Волгой, и чрезъ Дербентъ и Баку пробрался въ Персію. Будучи по дорогѣ ограбленъ Татарами и подвергаясь все время огромнымъ опасностямъ, онъ прибылъ наконецъ въ Индію, гдѣ посѣтилъ множество городовъ и славный Эллорскій храмъ. «Вѣръ въ Индіи всѣхъ 84 вѣры,—разсказываетъ онъ,—и всѣ вѣруютъ въ Будду, а вѣра съ вѣрою не пьетъ, не ѣстъ



152. Эллорскій храмъ въ Индіи.



153. Священная гора съ Буддійскими монастырями въ Индіи.

не женится». Что намъ особенно дорого въ повѣствованіи Аѳонасія Никитина—это горячая вѣра въ Бога, которая не оставляла этого замѣчательнаго Русскаго человѣка въ самыя тяжелыя времена, и необыкновенно трогательная привязанность его къ Православію и къ своей Родинѣ. Описывая свои злоключенія, онъ говоритъ: «Мнѣ, рабу Божію Аѳонасію, сгрустнулось по вѣрѣ: уже прошло четыре великихъ поста, четыре Свѣтлыхъ Воскресенья, а я грѣшный не знаю, когда Свѣтлое Воскресенье, когда постъ, когда Рождество Христово и другіе праздники, не знаю ни среды, ни пятницы; книгъ у меня нѣтъ; когда меня пограбили, то книги у меня взяли; я съ горя пошелъ въ Индію, потому что на Русь мнѣ не съ чѣмъ было идти, не осталось товару ничего... Господи Боже мой! на Тя уповаю, спаси мя! Пути не знаю, какъ выйти изъ Индостана; вездѣ война! А жить въ Индостанѣ все истратишь, потому что у нихъ все дорого: я одинъ человѣкъ, а по два съ половиною алтына въ день издерживаю, вина и сыты не пью». Наконецъ, Никитинъ благополучно вернулся домой черезъ Персію, Черное море и Кафу.

Огромное значеніе, какъ и въ прежнія времена, имѣло при Іоаннѣ III наше духовенство.

Въ началѣ его великаго княженія митрополитомъ Московскимъ былъ Ѳеодосій, старецъ ревностный и добродѣтельный, который чрезвычайно способствовалъ своимъ усердіемъ охраненію въ неприкосновенности величайшей христіанской святыни—храма Гроба Господня. Въ Іерусалимѣ, въ это время какъ разъ, было большое землетрясеніе, отъ котораго палъ куполъ въ означенномъ храмѣ. Когда объ этомъ узналъ Египетскій султанъ, коему была подвластна Святая Земля, то онъ рѣшилъ уничтожить храмъ до самаго основанія и поставить надъ Гробомъ Господнимъ мечеть. Іерусалимскій патріархъ Іоакимъ умолилъ его, однако, не дѣлать этого и султанъ согласился на его просьбу, при условіи, если ему внесутъ огромныя по тогдашнему времени деньги, а именно пять съ половиною тысячъ Итальянскихъ золотыхъ. Для сбора этихъ денегъ патріархъ намѣренъ былъ самъ ѣхать въ Россію, но по дорогѣ заболѣлъ и скончался въ Кафѣ, а вмѣсто него прибылъ его племянникъ Іосифъ, которому Ѳеодосій своимъ усерднымъ стараніемъ и помогъ собрать на Руси нужныя деньги и тѣмъ спасти Гробъ Господень отъ мусульманскаго поруганія.

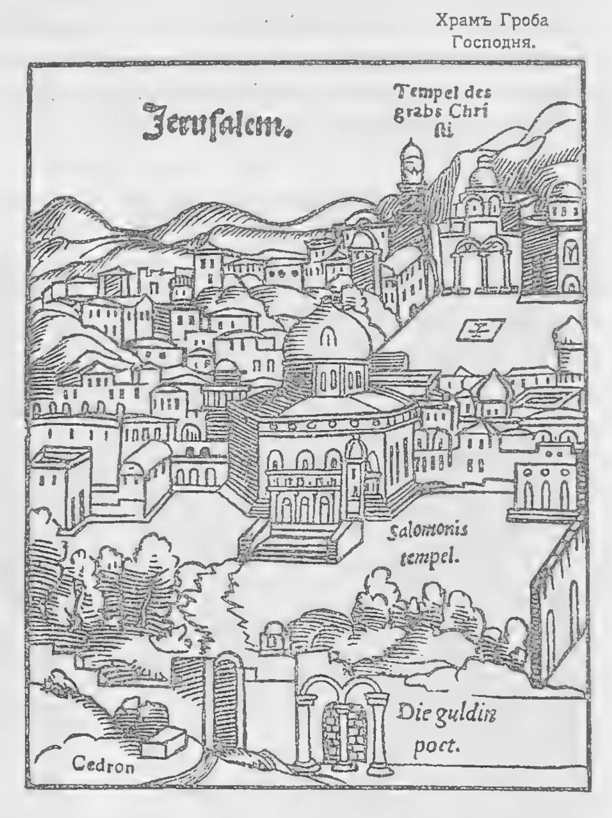
Будучи крайне недоволенъ многими священниками, ведшими неправедную жизнь, Ѳеодосій очень вооружался противъ этого, еженедѣльно собиралъ многихъ изъ нихъ для поученія, постригалъ вдовыхъ въ монахи, разстригалъ нераскаявшихся, и, въ концѣ концовъ, навлекъ на себя сильное неудовольствіе паствы, такъ какъ многія церкви остались безъ священниковъ. Тогда ожидали конца міра и великое множество частныхъ людей имѣло свои домовыя церкви. Крайне удрученный этимъ неудовольствіемъ, Ѳеодосій отказался отъ митрополіи, заключился въ Чудовомъ монастырѣ

и, взявъ себѣ въ келію одного прокаженнаго старца, ходилъ за нимъ до конца жизни, самъ омывая его смрадные струпья.

Ближайшимъ преемникомъ Θеодосія были Филиппъ, а затѣмъ Геронтій; Филиппъ, какъ мы помнимъ, не допустилъ, чтобы несли Латинскій крыжъ предъ кардиналомъ, пріѣхавшимъ съ царевной Софіей, а Геронтій былъ однимъ изъ увѣщавшихъ Іоанна вступить въ битву съ Ахматомъ на рѣкѣ Угрѣ.

Изъ епископовъ, святительствовавшихъ при Іоаннѣ Третьемъ, кромѣ извѣстнаго уже намъ Вассіана, знаменитаго своимъ горячимъ словомъ во время того же нашествія Ахмата, стяжалъ себѣ неувядаемую память Чудовскій архимандритъ, а впослѣдствіи Новгородскій архіепископъ — Геннадій, какъ горячій ревнитель Православія, не мало пострадавшій за него своей непоколебимой стойкостью, но успѣвшій къ концу своей дѣятельности оградить Русскую церковь отъ крайне пагубнаго и тлетворнаго вторженія въ ея нѣдра жидовства *).

Храмъ Гроба Господня.

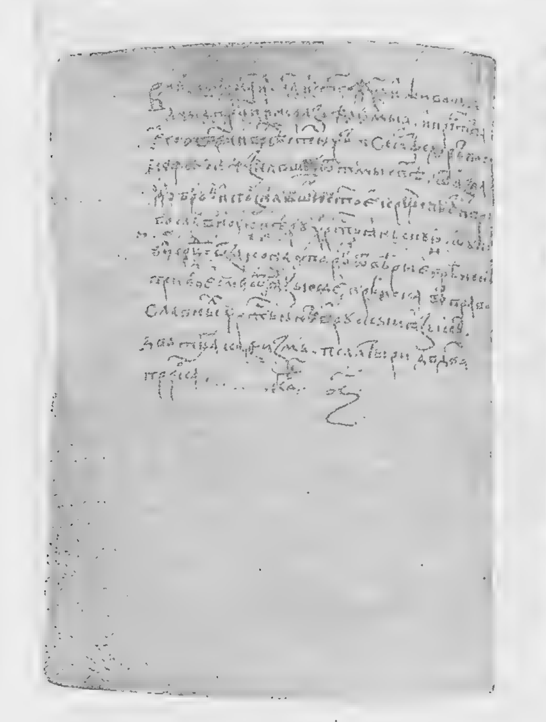


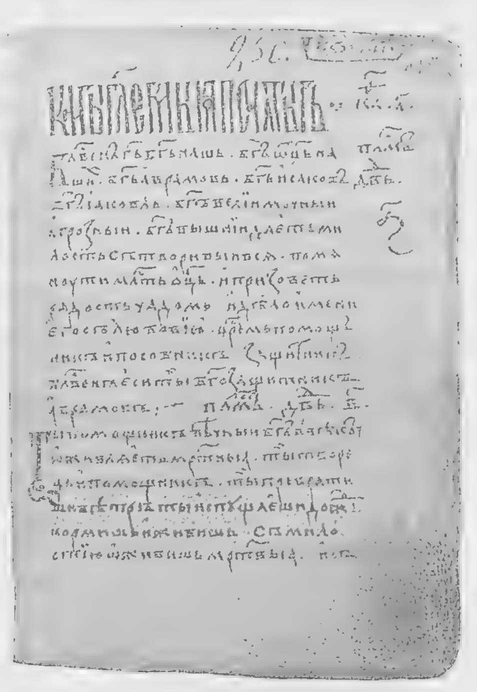
154. Изображеніе Іерусалима и храма Гроба Господня въ Нѣмецкой Космографіи Себастіана Мюнстера— изданія 1550 года.

Во время управленія Русской митрополіей — преемникомъ Θеодосія—Филиппомъ I, занимавшимъ митрополичій столъ съ 1464 по 1474 года,— какой то іудей Θеодоръ, прибывъ въ Московское Государство, по всѣмъ вѣроятіямъ изъ Литвы, крестился и такъ повелъ свои дѣла, что митрополитъ поручилъ ему, какъ знающему Іудейскій языкъ—перевести на Сла-

*) Мы именуемъ Іудеевъ—жидами, а не евреями, какъ ихъ часто называютъ многіе Русскіе писатели новѣйшаго времени, и дѣлаемъ это потому, что Еверъ, предокъ Авраама, считается родоначальникомъ многихъ Семитическихъ племенъ, въ томъ числѣ и Арабовъ; Іудеи же происходятъ отъ потомковъ Іуды, почему на всѣхъ Европейскихъ языкахъ для нихъ и имѣются названія, происходящія отъ слова Іуда:—*юде*—(по-нѣмецки), *джю*—(по-англійски), *жюйф*—(по-французски), *жид*—(по-польски) и такъ далѣе; наши лѣтописцы, а также историки—Карамзинъ и Соловьевъ, тоже неизмѣнно называютъ Іудеевъ—жидами.

вянскій—Псалтырь, что тотъ и сдѣлалъ. Псалтырь эта сохранилась въ собраніи рукописей Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ нашихъ ученыхъ оказывается Іудейской молитвенной книгою «Махазоръ», при чемъ, по словамъ одного изъ изслѣдователей, М. Н. Сперанскаго, «ни въ одномъ изъ псалмовъ этого перевода нѣтъ пророчествъ о Христѣ», которыхъ такъ много въ истинной псалтыри, такъ-какъ Ѳеодоръ жидъ, «фанатически преданный іудейству»... перевелъ вовсе не псалтырь Давида, а молитвы іудейскія, употребляемыя при богослуженіи, въ которыхъ ярко просвѣчиваетъ іудейская оппозиція (непріязнь) ученію о троичности лицъ Божества».



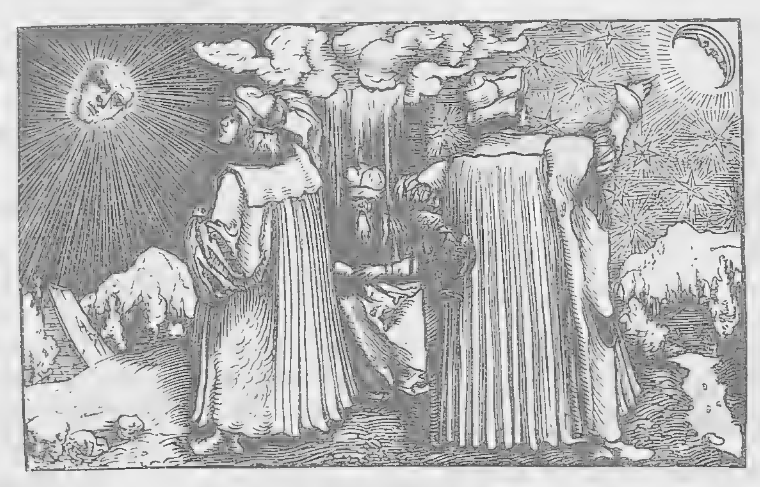


155. Псалтырь Ѳеодора Іудея (листы 249 оборотъ и 250).
Рукопись Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря № 6/1083.

Темная личность Ѳеодора жида была только предшественникомъ гораздо болѣе опасныхъ разрушителей нашей Вѣры.

Въ 1470 году, какъ мы говорили, Новгородцы пригласили себѣ Литовскаго князя Михаила Олельковича. Съ нимъ вмѣстѣ изъ Кіева прибылъ и ученый жидъ Схарія, который былъ хорошо наученъ... «чародѣйству же и чернокнижію, звѣздознанію и астрологіи», какъ его впослѣдствіи описываетъ одинъ изъ обличителей. Этотъ Схарія и взялся за прочное насажденіе жидовства въ лонѣ нашей церкви. Первымъ его ученикомъ былъ священникъ Діонисій, котораго онъ, безъ сомнѣнія, привлекъ тайнами іудейскаго чернокнижія или *каббалы*, являющимися смѣсью Вави-

лонскихъ и Египетскихъ тайныхъ ученій, передѣланныхъ іудейскими учеными раввинами на свой ладъ. Въ каббалу, между прочимъ входитъ *астрологія*, то есть искусство узнавать судьбу каждаго человѣка посредствомъ наблюденія за звѣздами и различныхъ таинственныхъ вычисленій надъ ними, а также *магія*, или искусство производить чары, съ помощью заклинаній и другихъ волхвованій. Заманчивыя и таинственныя свѣдѣнія, которыя сулитъ изученіе каббалы, служатъ на протяженіи множества вѣковъ, вплоть до настоящаго времени, сильнѣйшей приманкой для людей легковѣрныхъ и не особенно твердыхъ въ Христіанствѣ, при чемъ по мѣрѣ углубленія въ занятія эти у нихъ мало по малу въ корнѣ разрушается вѣра во Христа, такъ какъ наставники-каббалисты, пользуясь своимъ вліяніемъ на учениковъ, постепенно убѣждаютъ ихъ, что полное посвященіе въ тайныя науки возможно лишь при условіи отреченія отъ Христа.



156. Астрологи

Рисунокъ XVI вѣка, приписываемый Германскому художнику Гольбейну.

XIV и XV столѣтія ознаменовались особеннымъ увлеченіемъ Западно-Европейскаго общества занятіями каббалистическими науками, преимущественно же астрологіей. Уже упомянутыя нами въ предыдущей главѣ «Отреченныя книги», во множествѣ появившіяся на Руси въ XIV и XV вѣкѣ, въ переводахъ съ Западно - Европейскихъ языковъ: «Аристотелевы врата, или Тайныя Тайныхъ», «Рафли», «Шестокрылъ», «Трепетники» и «Лопаточники», хотя и приписывались Египетскимъ и Арабскимъ мудрецамъ, но, какъ выясненно цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, имѣютъ самую близкую связь съ Іудейской каббалой, и повидимому значительная часть ихъ составлена жидовскими раввинами, изъ коихъ въ средніе вѣка особой извѣстностью пользовался нѣкій Моисей Маймонидъ; странствовавшіе подъ видомъ врачей и знахарей раввины во множествѣ распространяли его сочиненія на разныхъ языкахъ и разсказывали чудеса про его врачебное искусство и необыкновенныя познанія въ тайныхъ наукахъ. Однимъ изъ

такихъ странствующихъ раввиновъ-каббалистовъ, которыхъ въ это время имѣлось много въ Западной Европѣ, и былъ, очевидно, Схарія. Діонисій не замедлилъ совершенно поддаться опытному жиду-совратителю и привелъ къ нему вскорѣ другого священника Алексѣя, тоже ставшаго усерднымъ ученикомъ Схаріи; послѣдній, видя успѣхъ своего растлѣнія Православныхъ священниковъ, выписалъ еще двухъ жидовъ учителей изъ Литвы: Шмойлу Скаряваго и Моисея Хапуша.

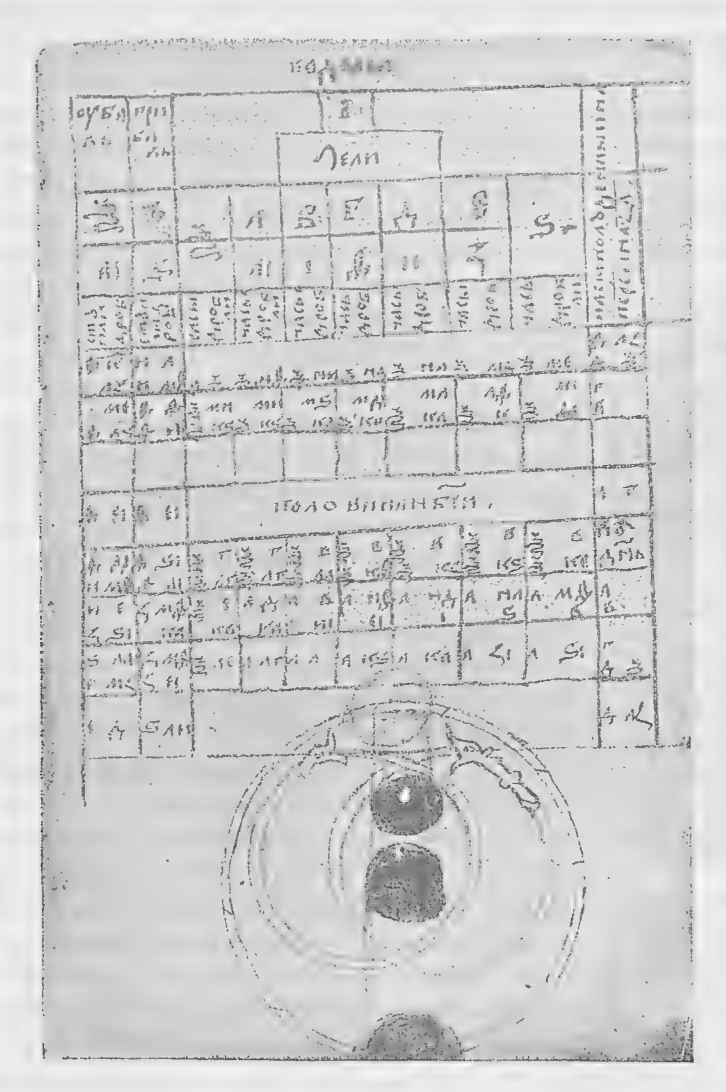
Оба новообращенныхъ священника такъ усердствовали въ новомъ ученіи, что хотѣли даже обрѣзаться, но жиды ихъ до этого не допустили, говоря, что, въ случаѣ паденія на нихъ подозрѣній, обрѣзаніе будетъ служить уликою, и что жидовства они должны держаться тайно, явно же оставаться христіанами и строго исполнять наружное благочестіе. Это наружное благочестіе первыхъ еретиковъ обратило на нихъ общее вниманіе и содѣйствовало быстрому распространенію ихъ ученія, при чемъ новообращенные жидовствующіе всѣми силами старались получать священническія мѣста, чтобы успѣшно дѣйствовать на свою паству.

157. Вліяніе небесныхъ свѣтилъ на человѣка.
Рисунокъ XV вѣка, приведенный во Французской книгѣ: „Общедоступная астрономія“ К. Фламмаріона.

При этомъ, если они «видѣли человѣка твердаго въ Православіи»,—говоритъ извѣстный нашъ историкъ С. Соловьевъ: «передъ такимъ и сами являлись Православными; передъ человѣкомъ, обличающимъ ересь, они и сами являлись строгими ея обличителями, проклинали еретиковъ; но гдѣ видѣли человѣка слабаго въ вѣрѣ, тутъ были готовы на ловлю». Еретики отличались ученостью и имѣли книги, какихъ не было у Православнаго духовенства, которое потому и не могло успѣшно бороться съ ними. Конечно, они не сразу открывались своимъ ученикамъ въ жидовствѣ, а предварительно старались возбудить ихъ сомнѣніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новаго и Стараго Завѣтовъ, криво толкуя ихъ, и въ то же время заманивали ихъ воображеніе недомолвленными разсказами о прелестяхъ каббалистики, и только послѣ того, шагъ за шагомъ, переходили къ полному отрицанію и хулѣ христіанства, не признавая ни Божества Спасителя, ни Божественнаго Его Воскресенія; притомъ, жидовствующіе, строго блюдя наружное благочестіе на людяхъ, когда оставались одни между собой, самымъ возмутительнымъ образомъ наругались надъ Православной Святыней—иконами и крестами, позволяя себѣ надъ ними неслыханныя кощунства. Увидя, что дѣло разрушенія Православной Вѣры,—благодаря усердію новообращенныхъ, несомнѣнно обольщенныхъ прелестью открытій, которыя имъ сулила каббала, стало

на вполнѣ прочныя основанія, жидъ Схарія счелъ благоразумнымъ скрыться со своими жидами помощниками изъ Русской Земли.

Русскіе же жидовствующіе безвозбранно продолжали свое развращающее и преступное дѣло. Скоро слава о благочестивой жизни и



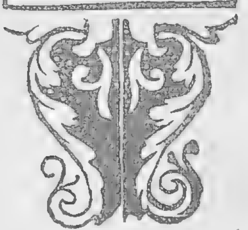
158. Таблица „Шестокрыла", составленная Итальянскимъ іудеемъ Имануэлемъ Баръ-Якобомъ въ XIV вѣкѣ, по списку Холмскаго музея на Славянскомъ языкѣ.

Изъ труда академика А. И. Соболевскаго: „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ".

мудрости двухъ главныхъ Новгородскихъ еретиковъ — Діонисія и Алексѣя—достигла до того, что обратила на нихъ вниманіе великаго князя Іоанна Васильевича, когда онъ былъ въ Новгородѣ въ 1480 году, и оба они были имъ взяты въ Москву, причемъ одному было велѣно быть

протопопомъ въ Успенскомъ соборѣ въ кремлѣ, а другому—въ Архангельскомъ.

Такимъ образомъ, гнусная ересь заползла, такъ сказать, въ самое святое мѣсто для Русскихъ людей. Отсюда, оба попа стали усердно распространять пагубное ученіе среди извѣстнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ людей, окружавшихъ великаго князя, и скоро пріобрѣли себѣ многихъ усердныхъ сообщниковъ, въ числѣ которыхъ были: невѣстка великаго князя—Елена, вдова Ивана Молодого и мать наслѣдника престола Димитрія, Симоновскій архимандритъ Зосима и славный своею грамотностью и ученостью думный дьякъ Ѳеодоръ Курицинъ, пользовавшійся величайшимъ и особо трогательнымъ расположеніемъ великаго князя; онъ завѣдывалъ сношеніями съ иностранными государями и самъ ѣздилъ къ нимъ посломъ; къ нему примкнулъ и другой Курицынъ—Волкъ.



159. Раввинъ-каббалистъ.

Изъ іудейской книги, напечатанной въ городѣ Мантуѣ въ 1560 году.

Конечно, самымъ могущественнымъ соблазномъ для уловленія жидовствующими этихъ славныхъ людей было завлеченіе ихъ въ занятія астрологіей.

Вмѣстѣ съ этими занятіями астрологіей, жидовствующіе, безъ сомнѣнія, стали также всѣми мѣрами распространять и отреченныя книги.

Въ продолженіе 17 лѣтъ секта существовала въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ, куда ее разнесли, оставаясь совершенно неизвѣстной правительству, такъ какъ упорное запирательство и употребленіе при этомъ всевозможныхъ клятвъ составляло одно изъ основныхъ правилъ еретиковъ. Наконецъ, въ 1487 году, она была случайно открыта въ Новгородѣ. Пьяные еретики затѣяли между собою ссору и въ ней стали нарекать другъ на друга, при чемъ выдали и свою тайну о принадлежности къ сектѣ.

Объ этомъ сообщили архіепископу, которымъ былъ въ это время Геннадій. Онъ донесъ сейчасъ же въ Москву великому князю и митрополиту Геронтію. Великій князь съ обычнымъ своимъ здравомысліемъ отвѣчалъ ему: «Того береги, чтобы то лихо въ Земли не распростерлося». Геннадій немедленно нарядилъ слѣдствіе, въ которомъ ему помогло раскаяніе священника Наума, отрекшагося отъ жидовства и сообщившаго важныя свѣдѣнія о существѣ и ученіи секты. Но обыскъ, произведенный Геннадіемъ, вслѣдствіе рѣшительнаго запирательства сектантовъ, привелъ къ немногому: было задержано только четыре человѣка (два священника и два дьякона), которыхъ онъ отдалъ на поруки. Скоро они нашли случай бѣжать въ Москву, гдѣ, какъ мы видѣли, у нихъ имѣлись могущественные покровители. Геннадій послалъ за бѣжавшими все обыскное дѣло въ Москву;

здѣсь, несмотря на настойчивыя запирательства сектантовъ, великимъ княземъ и митрополитомъ было признано, что трое изъ нихъ въ пьяномъ видѣ наругались надъ святыми иконами. Государь приказалъ бить ихъ на торгу кнутьемъ и отправилъ затѣмъ къ Геннадію съ приказаніемъ: «ты созови соборъ, обличи ихъ ересь и дай имъ наставленіе: если не покаются, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ, которые казнятъ ихъ гражданской же казнью» (битье кнутомъ на торгу).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Геннадію предписано было производить дальнѣйшій розыскъ объ ереси. Онъ усердно занялся этимъ и открылъ новыхъ еретиковъ, при чемъ на покаявшихся накладывалъ епитимію, а упорствующихъ отсылалъ къ намѣстникамъ для гражданской казни. Всѣ свои розыски о нераскаявшихся еретикахъ Геннадій направлялъ въ Москву, прося окончательно осудить ихъ, созвавъ для этого соборъ. Но на эти просьбы онъ не получалъ никакого отвѣта. Безъ сомнѣнія, Московскимъ жидовствующимъ духовенствомъ и дьякомъ Ѳеодоромъ Курицинымъ, дѣло было выставлено передъ великимъ княземъ и митрополитомъ какъ сильно преувеличенное, а самъ Геннадій—безпокойнымъ человѣкомъ. Эта Московская ослаба послужила большимъ соблазномъ для раскаявшихся Новгородскихъ еретиковъ; они побѣжали въ Москву, стали здѣсь безпрепятственно ходить въ церковь и алтарь, а нѣкоторые даже и служить литургію, наругиваясь надъ святынею. Въ этомъ протопопъ Діонисій, взятый великимъ княземъ въ Москву вмѣстѣ съ Алексѣемъ изъ Новгорода, дошелъ до крайней дерзости: во время богослуженія онъ плясалъ за престоломъ и ругался надъ крестомъ. Причиной такого наругательства, говоритъ извѣстный ученый Е. Голубинскій въ своей «Исторіи Русской Церкви», была «не одна только прямая и простая ненависть къ христіанству какъ къ вѣрѣ, но и тотъ языческій взглядъ, существовавшій у волхвовъ (и доселѣ остающійся у колдуновъ), что — чѣмъ сильнѣе будутъ оскорбленія христіанской святыни, тѣмъ дѣйственнѣе будутъ волхвованія».

Между тѣмъ умеръ митрополитъ Геронтій, и на его мѣсто былъ поставленъ тайный послѣдователь жидовствующихъ—Симоновскій архимандритъ Зосима, человѣкъ распутный и пьяный. На это поставленіе уговорилъ великаго князя пользовавшійся его большимъ довѣріемъ соборный протопопъ Алексѣй, «своими волхвованіями подойде державнаго, да поставитъ на престолѣ святительскомъ сквернаго сосуда сатанина, его же онъ напои ядомъ жидовскаго».

Такимъ образомъ, во главѣ всей Русской церкви сталъ жидовствующій митрополитъ. Опасность была воистину велика.

Какъ только Зосима сѣлъ на митрополичьемъ столѣ, онъ началъ сейчасъ же тѣснить Геннадія; прежде всего, онъ потребовалъ отъ него исповѣданія вѣры. Это прямо означало, что Геннадій подозрѣвался въ неправовѣріи. Конечно, послѣдній отлично понималъ, кто строитъ противъ него козни, но не только не устрашился своихъ враговъ, а

наоборотъ усилилъ противъ нихъ свою ревность. Онъ отказался послать Зосимѣ свое исповѣданіе, объяснивъ, что онъ уже далъ его по обычаю, при поставленіи въ архіепископскій санъ, и съ своей стороны напоминалъ Зосимѣ, что послѣдній обѣщалъ настаивать передъ великимъ княземъ о преслѣдованіи еретиковъ и казни ихъ: «Если князь великій того не обѣщаетъ и не казнитъ этихъ людей, то какъ намъ тогда срамъ свести со своей Земли. Вонъ Фряги, смотри, крѣпость какую держатъ по своей вѣрѣ; сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про Шпанскаго короля, какъ онъ свою Землю то очистилъ». При этомъ Геннадій прямо указывалъ на Государева дьяка и любимца Θеодора Курицина, какъ на корень всего зла: «отъ него вся бѣда стала; онъ отъявленный еретикъ и заступникъ еретиковъ передъ Государемъ».

Вслѣдъ за письмомъ къ митрополиту, Геннадій отправилъ посланіе и къ архіереямъ: Ростовскому, Суздальскому, Тверскому и Пермскому; онъ убѣждалъ ихъ всѣхъ—требовать безотлагательнаго созванія собора и самаго строгаго суда надъ еретиками въ виду того, что они держатъ свою ересь въ тайнѣ, а явно остаются ревностными Православными. «Отъ явнаго еретика человѣкъ бережется», писалъ онъ, «а отъ сихъ еретиковъ какъ уберечься, если они зовутся христіанами. Человѣку разумному они не объявятся, а глупаго какъ разъ съѣдятъ».

Геннадіево посланіе оказало немедленно же свое дѣйствіе. Зосима не могъ противиться общему требованію духовенства, и соборъ открылся 17 октября 1490 года, хотя, по проискамъ митрополита, Геннадія на него не пригласили. Тѣмъ не менѣе, соборъ обвинилъ еретиковъ и проклялъ ихъ; часть сослали въ заточеніе, а нѣкоторыхъ отправили Геннадію въ Новгородъ, при чемъ самъ Зосима во главѣ собора вынужденъ былъ вынести имъ приговоръ, начинавшійся такъ: «Рѣчью глаголю вамъ, прелестникомъ и отступникомъ вѣры Христовы, тобѣ Захаріе черньцю, и тобѣ Гаврилу протопопу Новогородскому, и тобѣ Максиму попу, и тобѣ Денису попу, и тобѣ Василью попу, и тобѣ Макару дьякону, и тобѣ Гриди дьяку, и тобѣ Васюку дьяку, и тобѣ Самухѣ дьяку, и всѣмъ вашимъ единомысленникомъ, мудрьствующимъ съ вами злую ваша оканную и проклятую ересь, что есте чинили въ Великомъ Новѣгородѣ злая и проклятая дѣла неподобная: мнози отъ васъ ругалися образу Христову и Пречистые образу, написаннымъ на иконахъ, а иніи отъ васъ ругались кресту Христову, а иніи отъ васъ на многіа святыя иконы хулные рѣчи глаголали, а иніи отъ васъ святыя иконы щепляли и огнемъ сжигали, а иніи отъ васъ крестъ силолоенъ (крестъ изъ дерева алоэ) зубы искусали, а иніи отъ васъ святыми иконами и кресты о землю били и грязь на нихъ метали, а иніи отъ васъ святыя иконы въ лоханю метали, да иного поруганіа есте много чинили надъ святыми образы написанныхъ на иконахъ. А иніи отъ васъ на самого Господа нашего Ісуса Христа Сына Божья и на Пречистую Его Богоматерь многіа хулы изрекли..... Ино все то чинили есте по обычаю жидовскому, противясь божественному закону и вѣрѣ христіанстѣй»...

Геннадій велѣлъ посадить осужденныхъ на лошадей лицомъ къ хвосту въ вывороченномъ платьѣ и въ берестовыхъ остроконечныхъ шлемахъ съ надписью: «се есть сатанино воинство». Въ такомъ видѣ ихъ провезли по всему Новгороду, выставляя на позоръ народонаселенія, и въ заключеніе сожгли на ихъ головахъ шлемы. Однако, соборъ 1490 года нисколько не обезсилилъ ереси въ Москвѣ, гдѣ главные жидовствующіе, и въ томъ числѣ митрополитъ, остались неоткрытыми.

Дерзость еретиковъ особенно усилилась, когда прошелъ 1492 годъ: на этотъ годъ падало седьмое тысячелѣтіе со времени сотворенія земли по Библейскому счисленію, и многіе, по суевѣрію, ожидали конца міра, а, между тѣмъ, годъ благополучно окончился и все оставалось по прежнему. «Если Христосъ былъ Мессія»—говорили еретики Православнымъ: «то почему же онъ не явился въ славѣ, по вашимъ ожиданіямъ».

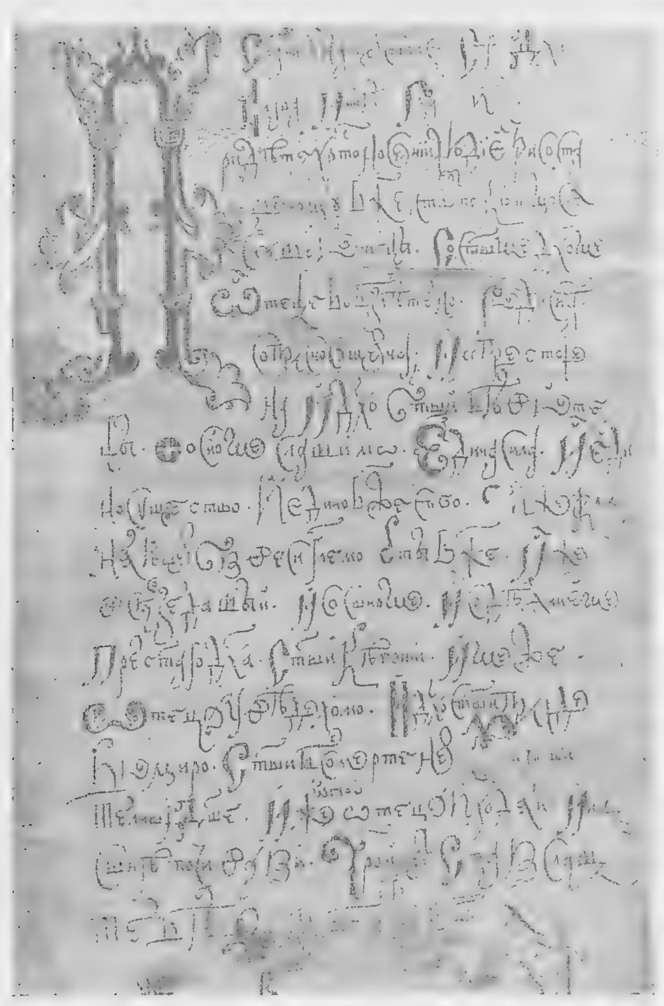
160. Святой Іосифъ Волоцкой.

Съ древней иконы, хранящейся въ храмѣ Волоколамскаго монастыря, основаннаго Преподобнымъ.

Но въ это время на поддержку Геннадію для борьбы съ жидовствомъ выступилъ могущественный союзникъ, знаменитый игуменъ Волоколамскаго монастыря—Іосифъ Санинъ, съ ранней молодости прославившій себя подвигами суроваго подвижничества и не устрашившійся просить постриженія у Пафнутія Боровскаго, страшнаго старца, который, какъ мы говорили, имѣлъ особый даръ отгадывать по лицу приближавшагося къ нему человѣка все, что у того дѣлается на душѣ.

Пафнутій, увидя павшаго къ его ногамъ юношу, узналъ тотчасъ же съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и постригъ его въ тотъ же день. Избранный послѣ смерти Пафнутія игуменомъ Боровскаго монастыря, Іосифъ хотѣлъ ввести уставъ еще гораздо болѣе строгій и когда увидѣлъ, что братія этимъ недовольна, то ушелъ въ Волоколамскіе лѣса, гдѣ основалъ

обитель съ правилами строжайшаго общежительнаго устава; онъ запретилъ женщинамъ всякое сношеніе съ братіей, и самъ, подчиняясь этому, отказалъ себѣ въ свиданіи съ престарѣлой матерью. Здѣсь, онъ скоро прославилъ себя особо трудными подвигами высшаго подвижничества и кромѣ того пріобрѣлъ славу, какъ мужъ знаменитый своей ученостью и начитанностью.



161. Страница изъ собственноручной рукописи Святого Іосифа Волоцкаго, хранящейся въ ризницѣ Волоколамскаго монастыря.

Видя возрастающую наглость жидовствующихъ и соблазнительное поведеніе митрополита, — Іосифъ смѣло и рѣшительно поднялся противъ него и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ написалъ посланіе къ Суздальскому епископу Нифонту, призывая его съ остальными Русскими іерархами стать на защиту Православія. «Въ великой церкви Пречистой Богородицы, на престолѣ Святыхъ Петра и Алексія»—писалъ онъ: «сидитъ скверный, злобный волкъ въ пастырской одеждѣ, Іуда предатель, бѣсамъ причастникъ, злодѣй, какого не было между древними еретиками и отступниками..... Если не искоренится этотъ вторый Іуда — то мало по малу отступничество утвердится и овладѣетъ всѣми людьми. Какъ ученикъ—учителя, какъ рабъ—государя, молю тебя: поучай все Православное христіанство, чтобы не приходили къ этому скверному отступнику за благословеніемъ, не ѣли и не пили съ нимъ». Всѣхъ обличительныхъ посланій, или «Словъ» противъ жидовствующихъ преподобный Іосифъ Волоцкой написалъ 16; собраніе ихъ извѣстно подъ именемъ «Просвѣтителя», при чемъ они написаны настолько сильно и живо, что до

сихъ поръ нельзя равнодушно читать тѣ мѣста «Просвѣтителя», въ которыхъ говорится о нечестивыхъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ жидовствующихъ.

Приведенное выше посланіе Іосифа къ Нифонту Суздальскому, написанное, вѣроятно, за одно съ Геннадіемъ, возымѣло свое дѣйствіе. Въ 1794 году Зосима, отговорившись немощію, добровольно сложилъ съ себя званіе митрополита и удалился въ монастырь, а на его мѣсто былъ поставленъ Симонъ, игуменъ Троицко-Сергіевой лавры.

Поставленіе Симона митрополитомъ было произведено самимъ великимъ княземъ Іоанномъ въ Успенскомъ соборѣ; знаменуя, что соизволеніе Государя даетъ Русской церкви первосвятителя, Іоаннъ торжественно повелѣвъ Симону—«принять жезлъ пастырства и взойти на сѣдалище старѣйшинства».

Тѣмъ не менѣе и удаленіе Зосимы нисколько не ослабило ереси въ Москвѣ. Искусно вліяя на великаго князя черезъ дьяка Θеодора Курицина и навѣстку Елену, къ которой онъ, какъ разъ въ то время, особенно благоволилъ, охладѣвъ къ Софіи Θоминичнѣ, жидовствующіе добились назначенія архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря—инока Кассіана, державшагося жидовства, съ тѣмъ, чтобы онъ опять поднялъ на ноги Новгородскихъ еретиковъ, сильно ослабленныхъ дѣятельностью Геннадія. Скоро Юрьевъ монастырь сдѣлался средоточіемъ жидовствующихъ; тамъ происходили ихъ совѣщанія и совершались наруганія надъ священными предметами.

Геннадій, конечно, зналъ о непорядкахъ въ Юрьевомъ монастырѣ, но многаго сдѣлать не могъ, такъ какъ Московскіе еретики, а вмѣстѣ съ ними и бояре князья Патрикѣевы, благожелатели Елены и ея сына, настраивали великаго князя, постоянно нуждавшагося въ землѣ для раздачи ее военно-служилому сословію въ видѣ помѣстій, отнять часть Новгородскихъ архіепископскихъ земель для боярскихъ дѣтей.

Тѣмъ не менѣе, Геннадій продолжалъ, насколько могъ, свою борьбу съ жидовствомъ. Сознавая при этомъ, что съ нимъ надо бороться не только наказаніемъ, но и убѣжденіемъ, и что для этого нужны просвѣщенные священники, онъ первый началъ говорить о необходимости училищъ для духовныхъ, созданныхъ въ древней Руси Святымъ Владиміромъ и Ярославомъ, и исчезнувшихъ при страшномъ Татарскомъ игѣ. «Билъ я челомъ»—писалъ онъ митрополиту Симону: «государю великому князю, чтобы велѣлъ училища устроить; вѣдь я своему государю напоминаю для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ: когда приведутъ ко мнѣ ставленника *), грамотнаго, то велю ему ектенью выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ же, научивъ какъ божественную службу совершать. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика: я велю ему Апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ;

*) Въ священники или дьяконы, по выбору міранъ.

велю дать Псалтырь—онъ и по тому едва бредетъ; я ему откажу—а они кричатъ: Земля, господине, такая, не можемъ добыть человѣка, чтобы грамотѣ умѣлъ; но вѣдь это всей Землѣ позоръ, будто нѣтъ въ Землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить!.... Для того то я и бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправится»....

Усердно заботясь о просвѣщеніи священниковъ и о борьбѣ съ ересью,—Геннадій, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣшно руководилъ огромнымъ трудомъ, который довелъ конца. Это былъ полный новый переводъ Стараго Завѣта—на Церковно-Славянскій языкъ.

Торжество еретиковъ продолжалось, къ счастью, недолго. Смерть ихъ главы Θеодора Курицина, умершаго послѣ 1497 года,—была для нихъ огромной потерей, такъ какъ, несомнѣнно, главнымъ образомъ онъ усыплялъ бдительность Іоанна, увѣряя его, что никакого жидовства нѣтъ, а есть невинное занятіе угадыванія судьбы по звѣздамъ, къ каковому занятію, по естественному стремленію знать свою судьбу, были склонны почти всѣ государи въ тотъ вѣкъ.

162. Заключительная приписка въ концѣ Геннадіевскаго списка Библіи.

«Звѣздозаконію бо прилежаху»—говоритъ Іосифъ Волоцкой про Θеодора Курицина и протопопа Алексія: «и многимъ баснотвореніемъ и астрологіи и чародѣйству; сего ради мнози къ нимъ уклонишася и погрязоша въ глубинѣ отступленія».

Затѣмъ, въ 1499 году, опала поразила Патрикѣевыхъ и ихъ партію. Іоаннъ охладѣлъ къ невѣсткѣ и внуку и примирился съ Софіей Θоминичной, постоянной горячей ревнительницей Православія, которая съ сыномъ Василіемъ поддерживала частыя отношенія, какъ съ Геннадіемъ, такъ и съ Іосифомъ Волоцкимъ. Съ возвращеніемъ довѣрія Іоанна Васильевича къ женѣ, послѣдняя устроила доступъ Іосифу къ великому князю, который и безъ того его высоко чтилъ. Оставшись съ Государемъ наединѣ, Іосифъ сталъ усердно упрашивать его о принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ.

«Прости меня, отче, какъ простили меня митрополитъ и владыка. Я зналъ про Новгородскихъ еретиковъ»,—сказалъ Іоаннъ, каясь, безъ сомнѣнія, въ томъ, что онъ взглянулъ на нихъ слишкомъ легко, полагая, что главнымъ ихъ занятіемъ была астрологія».—«Мнѣ ли тебя прощать?»—отвѣчалъ Іосифъ. — «Нѣтъ, отче, пожалуй, прости меня».—«Государь»,—сказалъ ему на это Іосифъ: «если ты подвигнешься на нынѣшнихъ ерети-

ковъ, то и за прежнихъ Богъ тебѣ проститъ». Въ томъ же духѣ дѣйствовали на Іоанна и его духовникъ съ митрополитомъ.

Наконецъ, въ концѣ 1504 года, былъ созванъ соборъ на еретиковъ. Но въ немъ уже не могъ принять участія Геннадій. Дѣло въ томъ, что въ предыдушемъ 1503 году былъ тоже созванъ церковной соборъ, на которомъ участвовалъ и онъ, для разсмотрѣнія вопроса о повышеніи нравственности среди духовенства, вопроса, поднятаго самимъ же Геннадіемъ. Соборъ этотъ постановилъ рядъ суровыхъ опредѣленій, въ числѣ коихъ было воспрещеніе служить вдовымъ священникамъ обѣдню, въ виду того, что они часто вели жизнь не достаточно чистую по ихъ сану, а также запрещеніе митрополиту, архіепископамъ и епископамъ брать за поставленіе духов-

163. Схима, крестъ и вериги Святого Іосифа Волоцкаго.

Хранятся въ ризницѣ Волоколамскаго монастыря.

ныхъ лицъ всѣхъ степеней какую либо плату, при чемъ за нарушеніе сего—полагалось лишеніе сана. Лицо, которое первое подверглось во всей строгости этому соборному постановленію, былъ самъ Геннадій!..... Едва онъ прибылъ въ Новгородъ, какъ на него послѣдовало обвиненіе, что онъ ставитъ священниковъ «за мзду» и онъ долженъ былъ, сложивъ свой санъ, удалиться въ Чудовъ монастырь. «Догадываются, что сверженіе Геннадія было дѣломъ еретиковъ»,—говоритъ С. Соловьевъ.

На соборѣ 1504 года, обличителемъ жидовствующихъ явился Іосифъ. Главнѣйшіе виновные—дьякъ Волкъ Курицинъ, Димитрій Коноплевъ и Иванъ Максимовъ были переданы въ руки гражданскаго суда, а затѣмъ сожжены въ клѣткѣ, 28 декабря, въ Москвѣ. Некрасу Рукавову отрѣзали языкъ

и отправили въ Новгородъ; тамъ его сожгли вмѣстѣ съ архимандритомъ Касьяномъ, братомъ и нѣкоторыми другими. Менѣе виновныхъ отправили въ заточеніе въ тюрьмы, а еще менѣе виновныхъ въ монастыри. Іосифъ Волоцкой не одобрялъ отправленія еретиковъ въ монастыри и говорилъ Іоанну: «Этимъ ты, государь, творишь мірянамъ пользу, а инокамъ погибель», и требовалъ болѣе суровыхъ наказаній.

Ударъ, нанесенный ереси соборомъ 1504 года, былъ очень силенъ, но, однако, не окончательно искоренилъ ее, какъ мы увидимъ въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи.

Кромѣ участія въ соборѣ 1504 года, созванномъ для разбора ереси жидовствующихъ, Іосифъ Волоцкой принималъ также участіе и въ соборѣ 1503 года, на которомъ, какъ мы говорили, разсматривался вопросъ о поднятіи нравственности среди духовенства. На этомъ же соборѣ былъ поднятъ вопросъ и о владѣніи монастырями землею.

Мы видѣли, какъ образовывались многіе изъ Русскихъ монастырей. Обыкновенно благочестивый человѣкъ, чувствовавшій въ себѣ призваніе къ подвижничеству, удалялся въ пустынь—дремучій лѣсъ, ставилъ себѣ здѣсь убогую келію и начиналъ свой подвигъ. Скоро къ нему стекалось нѣсколько братій, такихъ же подвижниковъ, рубилась церквица и возникало общежитіе, гдѣ всѣ были заняты суровой работой для снисканія себѣ пропитанія. Вслѣдъ за этимъ, вблизи новой обители начинали селиться крестьяне; образовывались небольшіе *починки*, превращавшіеся, мало по малу, въ населенныя деревни. Правительственная власть всегда охотно шла на поддержку возникавшимъ обителямъ и уступала имъ обширныя земли, на которыя садились крестьяне и начинали ихъ обработывать. Это былъ одинъ изъ источниковъ появленія земельной собственности у монастырей.

Другимъ источникомъ были вклады въ монастыри, дѣлаемые многими богатыми и благочестивыми людьми,—*на строеніе души*, то есть, чтобы въ память ихъ послѣ смерти совершались безкровныя жертвы на литургіяхъ и производилась раздача милостыни бѣднымъ. Вклады эти состояли весьма часто изъ земельныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ, бѣдныя обители, основанныя благочестивыми подвижниками, стали мало по малу богатѣть, и къ концу пятнадцатаго вѣка монастыри являлись уже очень крупными земельными собственниками на Руси и многіе изъ нихъ имѣли весьма сложное хозяйство. Конечно, иноки, назначаемые для веденія этого хозяйства, отвлекались отъ чисто монашеской жизни, но зато, владѣя земельнымъ имуществомъ, монастыри могли идти навстрѣчу народнымъ нуждамъ, не отказывать просящимъ въ помощи и кормить въ неурожайные годы голодающихъ.

Къ воротамъ монастыря преподобнаго Іосифа Волоколамскаго прибыло во время голода до 7000 человѣкъ изъ окрестныхъ селъ, прося хлѣба. Другіе побросали передъ монастыремъ своихъ голодныхъ дѣтей, а сами разошлись. Іосифъ приказалъ келарю ребятъ подобрать и

164. Видъ Іосифова-Волоколамскаго монастыря въ настоящее время.

содержать въ монастырской странопріимницѣ, а взрослымъ раздавать хлѣбъ. Чрезъ нѣсколько дней келарь доложилъ: ржи нѣтъ и братію кормить нечѣмъ; на это Іосифъ приказалъ казначею купить ржи, но тотъ отвѣтилъ: «денегъ нѣтъ». Тогда игуменъ велѣлъ занимать деньги и покупать рожь, а братскую трапезу сократить до крайней скудости. Конечно, подобное отношеніе монастырей къ бѣднымъ вполнѣ оправдывало владѣніе ими землей.

Однако, среди Русскаго духовенства были и другіе взгляды на этотъ предметъ, и на соборѣ 1503 года по этому поводу былъ поднятъ вопросъ знаменитымъ Ниломъ Сорскимъ, мужемъ праведнымъ и кроткимъ (въ миру Майковымъ), положившимъ начало на рѣкѣ Сорѣ новому на Руси виду монашескаго житія, именно «скитскому», который состоялъ въ томъ, что иноки поселялись вдвоемъ или втроемъ, питались отъ плодовъ собственныхъ рукъ и поддерживали другъ друга въ «умномъ дѣланіи», то есть въ борьбѣ съ дурными помыслами и страстями, и непрестанной внутренней молитвѣ. Скитъ, по ученію Нила Сорскаго, могъ состоять изъ нѣсколькихъ келій, гдѣ жило по два или по три пустынника, но затѣмъ обитель не имѣла права владѣть землею и казною, и даже принимала милостыню лишь въ случаѣ крайней нужды. Взглядъ Нила на то, что монастыри не должны владѣть землею и вообще имуществомъ, поддерживали и такъ называемые «Заволжскіе старцы», жившіе подобно ему въ скитахъ, лѣсахъ и болотахъ.

Противъ взглядовъ Нила и Заволжскихъ старцевъ горячо возсталъ, не менѣе ихъ знаменитый своимъ подвижничествомъ, Іосифъ Волоцкой, который смотрѣлъ на монастырь, какъ на прибѣжище для сирыхъ и голодныхъ, а также какъ на разсадникъ властей церковныхъ. «Если у монастырей селъ не будетъ», —говорилъ Іосифъ: «то какъ честно́му и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честны́хъ старцевъ, то

165. Скитъ.

Картина академика Е. Е. Волкова.

откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа? Если не будетъ честнѣхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется». Мнѣніе Іосифа превозмогло на соборѣ и земли были оставлены монастырямъ, но споръ между приверженцами Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго или «Осифлянами», какъ ихъ называли, продолжался еще долгое время среди духовенства.

Какъ мы говорили, соборъ 1503 года обратилъ также свое особое вниманіе на поднятіе нравственности среди духовныхъ лицъ, не останавливаясь передъ весьма суровыми мѣрами.

166. Святой старецъ удитъ рыбу.

Картина художника М. В. Нестерова.

Отъ описываемаго же времени до насъ дошли и нѣкоторыя замѣчательныя поученія священно-служителямъ. «Въ церкви разговаривать не давай», говорится въ одномъ изъ нихъ, «приноса не приноси на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ, разбойниковъ, грабителей и властителей немилосердныхъ, корчемниковъ, рѣзоимцевъ (рѣзъ—процентъ), ротниковъ (рота—клятва), клеветниковъ, поклепниковъ, лжепослуховъ, волхвовъ, потворниковъ, игрецовъ, злобниковъ или кто

томитъ челядь свою голодомъ и ранами и наготой. Къ убогимъ сиротамъ, болѣетъ ли кто нибудь изъ нихъ или умретъ или родитъ, приходи прежде чѣмъ позовутъ.... Стой на стражѣ день и ночь... Кого изгубишь лѣпостью или нерадѣніемъ, мука ихъ на тебѣ взыщется; къ троеженцу не входи въ домъ, развѣ только будетъ на одрѣ смертномъ».

Это поученіе показываетъ, конечно, насколько должны были быть близки отношенія приходского священника къ его прихожанамъ и какъ высшія духовныя власти ставили ему въ обязанность принимать дары на церковь только отъ достойныхъ и чистыхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ людей милосердныхъ къ своей меньшой братіи—слугамъ и челяди. Тотъ же взглядъ о милосердіи къ рабамъ очень опредѣленно высказалъ Іосифъ Волоцкой въ посланіи къ одному вельможѣ: «Слухъ до меня, господине, дошелъ..... будто велико твое немилосердіе и нежалованіе къ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота, скудость въ тѣлесныхъ потребахъ, голодомъ таютъ, наготой страждутъ... Писаніе повелѣваетъ рабовъ какъ братій миловать, питать и одѣвать и о душахъ ихъ заботиться, научать на всякія добрыя дѣла; если же рабъ и сироты у тебя въ такой тѣснотѣ, то не только имъ нельзя добрыхъ дѣлъ дѣлать, но, умирая съ голоду, они не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ»...

Такое истинно христіанское отношеніе духовенства къ своей паствѣ не оставалось, конечно, безъ самаго благотворнаго вліянія на прихожанъ: имѣется извѣстіе, что во времена Іоанна Третьяго граждане Москвы содержали для погребенія странниковъ село «Скудельничье», при чемъ у нихъ былъ трогательный обычай ходить туда въ четвергъ седьмой недѣли поста (семикъ), покупать каноны, свѣчи и молиться объ умершихъ, послѣ чего они засыпали старую яму, наполненную мертвецами, и выкапывали новыя; копали и засыпали всѣ, Бога ради, мужчины и женщины.

Заканчивая обзоръ главнѣйшихъ событій въ жизни Русской Земли при Іоаннѣ Третьемъ и дѣлъ, совершенныхъ имъ лично за свое сорокатрехлѣтнее великое княженіе, намъ остается помянуть еще одно, которое онъ самъ считалъ въ числѣ важнѣйшихъ, начальныхъ — объ именованіи Русскаго Государя въ торжественныхъ случаяхъ, или объ его титулѣ.

Мы видѣли, что Іоаннъ продолжалъ себя называть великимъ княземъ, хотя при немъ предѣлы Московскаго государства расширились уже до великой державы, и что послѣ паденія Царьграда и женитьбы его на Софіи Ѳоминичнѣ, именно къ нему, какъ къ верховному защитнику Православной вѣры, переходило наименованіе императора.

Мы видѣли также, что иногда его и величали, какъ императоромъ, такъ и царемъ. Однако, не въ этихъ новыхъ величественныхъ наименованіяхъ онъ видѣлъ большое начальное дѣло. Онъ видѣлъ его въ выраженіи *«всея Руси»* и непремѣннымъ условіемъ мира съ Литвой ставилъ включеніе этихъ словъ въ перемирную грамоту.

Это требованіе Іоанна было основано на томъ, что Царскій титулъ Русскаго Государя заключаетъ въ себѣ сокращенно всю исторію Русской Земли и задачи ея верховныхъ властителей, смыслъ дѣятельности которыхъ можетъ быть кратко выраженъ словами: «Умиротвореніе или собираніе Земель и народовъ», продолжающееся и неоконченное еще и по нынѣ, такъ какъ нѣтъ еще до сихъ поръ ни полнаго собиранія, ни совершеннаго умиротворенія.

Самодержецъ, царь, обладатель, повелитель—всѣ эти наименованія, заключающіяся въ титулѣ, сливаются и завершаются въ одномъ словѣ: «Миротворецъ». На основаніи этого, титулъ Царскій и прочитывается, по древнему обычаю, въ храмѣ собиранія Русской Земли—въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, куда, какъ извѣстно, перенесены иконы и даже иконостасы изъ присоединенныхъ городовъ, а также въ областныхъ соборахъ, наканунѣ праздника Рождества Христова, пришедшаго водворить миръ во всей Землѣ. И это ежегодное чтеніе Царскаго титула указываетъ и напоминаетъ всѣмъ, что Русскій Государь, расширяя и увеличивая свой титулъ, является исполнителемъ Его святой воли, чтобы на Землѣ былъ миръ *). Такъ, несомнѣнно, смотрѣлъ Іоаннъ Третій на свою задачу, которую Божьимъ Промысломъ онъ призванъ былъ исполнить, и, несомнѣнно, точно также смотрѣлъ на него Русскій народъ, какъ на Божіею милостію даннаго ему Государя, всѣмъ своимъ подданнымъ въ отцовъ и праотца мѣсто поставленнаго. Отсюда понятна та огромная, неограниченная власть, которую имѣлъ Іоаннъ въ своемъ Государствѣ. Онъ могъ объявить Псковскимъ посламъ: «Развѣ не воленъ я, князь великій, въ своихъ дѣтяхъ и въ своемъ княженіи», въ то время, какъ по смерти Казиміра Литовскаго, сынъ его Александръ писалъ, «что паны радные великаго княжества Литовскаго заблагоразсудили оставить его, Александра, въ Литвѣ, и на Руси, для защиты отъ непріятеля, на то время, пока не *выберутъ* великаго князя».

Русскій народъ далъ Іоанну Третьему наименованіе Грознаго, также, какъ увидимъ впослѣдствіи, и внуку его Іоанну Четвертому. И, дѣйствительно, Іоаннъ былъ грозный царь и, когда было нужно, казнилъ и заточалъ виновныхъ противъ порядка и тишины въ своей Землѣ; при этомъ, для блага Земли, онъ, какъ мы видѣли, не останавливался даже передъ тѣмъ, чтобы жертвовать своими чувствами къ самымъ близкимъ людямъ: братьямъ и внуку. Это наименованіе Іоанна Грознымъ понималось народомъ въ смыслѣ его требовательности и строгой справедливости; въ этомъ же смыслѣ писалъ, какъ мы указывали, и архіепископъ Геннадій къ митрополиту объ устройствѣ церковныхъ школъ: «Для того то я и бью челомъ Государю,

*) Этимъ внутреннимъ значеніемъ титула Православныхъ Русскихъ Государей Миротворцевъ онъ рѣзко разнится отъ титула мусульманскихъ завоевателей, Турецкихъ султановъ, въ числѣ почетныхъ наименованій которыхъ—въ ихъ титулѣ имѣется также и названіе «убійца».

чтобы велѣлъ училища строить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословенiемъ это дѣло исправится»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на прозванiе Грознаго, Iоаннъ, по свидѣтельству современниковъ, отличался чрезвычайной почтительностью при сношенiи съ духовными лицами, а въ боярской думѣ любилъ «встрѣчу», то есть высказыванiе мнѣнiй, несогласныхъ съ его личными, чтобы можно было полнѣе и разностороннѣе разобрать вопросъ, подлежащiй разсмотрѣнiю думы. Чрезвычайно отзывчивымъ былъ онъ также и ко всѣмъ общественнымъ бѣдамъ: мы видѣли, что когда въ 1472 году пришла на Москву вѣсть о движенiи хана Ахмата со всей ордой, то Iоаннъ въ тотъ же часъ, ничего не вкусивъ, вборзѣ двинулся съ полками къ Коломнѣ, чтобы преградить ему дорогу. Также ретиво и самоотверженно принималъ онъ участiе въ тушенiи большихъ пожаровъ, неоднократно случавшихся въ Москвѣ.

167. Великiй князь Iоаннъ III Васильевичъ.
По Титулярнику.

«Iоаннъ оставилъ государство удивительное пространствомъ»,—говоритъ Н. М. Карамзинъ,—«сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ пра-

вленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ Отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла отъ нашествія Монголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ... Нѣмецкіе, Шведскіе историки шестнадцатаго вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшие замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ. Оба, безъ сомнѣнія, велики. Но Іоаннъ, включивъ Россію въ число государствъ Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго склада подданныхъ... Призывая художниковъ для украшенія столицы, для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ, любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому государю, къ чести, не къ униженію собственнаго народа».

168. Кубокъ-пѣтухъ Іоанна III—1492 года.

Хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

169. Московскій Государь со своими боярами.

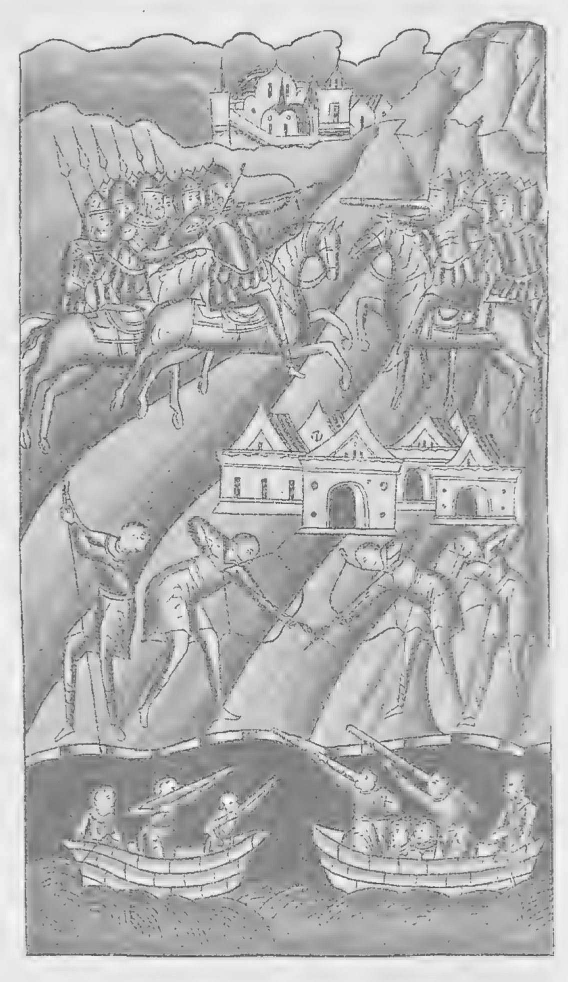
Изъ рукописнаго Житія Святыхъ Савватія и Зосимы, хранящагося въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ Императора Александра III.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Великій князь Василій Іоанновичъ Третій. Казань. Псковъ. Смоленскъ. Орша. Хабаръ Симскій. Послѣдніе удѣлы. Бракъ съ Еленой Глинской. Новое боярство. Максимъ Грекъ и Вассіанъ Косой. Старецъ Филоѳей. Лютеръ. Бытъ Московскаго Государства. Болѣзнь и кончина великаго князя.

ИЗВѢСТІЕ о кончинѣ великаго князя Іоанна Васильевича Московскаго пробудило у всѣхъ враговъ нашей Родины, особенно же у его зятя, короля Александра, живѣйшія надежды, что вслѣдъ за ней у насъ поднимется усобица; разсчитывали на неопытность двадцатипятилѣтняго наслѣдника стараго великаго князя, пользуясь которой сторонники Димитрія, сына покойнаго Ивана Молодого—начнутъ дѣлать попытки добывать послѣднему великое княженіе.

Но надежды эти не оправдались. Василій Іоанновичъ явился вполнѣ достойнымъ преемникомъ своего отца. Онъ былъ проникнутъ совершенно тѣми же завѣтами, какъ и предки его — Московскіе князья, и отличался яснымъ пониманіемъ обстоятельствъ, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать; при этомъ, будучи, какъ увидимъ, менѣе счастливымъ, чѣмъ покойный родитель,—Василій Третій, благодаря своей необыкновенной твердости и настойчивости, всегда съ честью доводилъ до конца задуманное имъ на благо Земли, а потому, не взирая на нѣкоторыя неудачи и трудныя обстоятельства, успѣшно продолжалъ святое дѣло собиранія Русской Земли подъ властью Московскихъ Государей.



О. „...Велики же князь Василеи хотя отомстити изменнику своему, рабу, Казанскому царю, и паки взяти у него Казань и посла въ себѣ мѣсто брата своего князя Дмитрѣя Углицкого, прозвищемъ Жилку, и съ нимъ многія князи и воеводы Рускія со многими силами воинскими хъ Казани, полемъ на конехъ и въ лодіяхъ... Егда же воемъ Рускимъ пришедшимъ хъ Казани, и первое далъ имъ Богъ побѣду на Казанцовъ, потомъ же—охъ, увы намъ—разгнѣвася на ня Господь, и побѣждени быша христьянѣ отъ поганыхъ“...

Изъ „Казанскаго лѣтописца“.

Отлично сознавая, что дарованіе свободы племяннику дастъ поводъ всѣмъ врагамъ Земли завести тотчасъ-же крамолу и смуту, Василій рѣшилъ продолжать держать несчастнаго Димитрія узникомъ, но, не будучи по природѣ человѣкомъ жестокимъ, онъ старался скрасить эту неволю тѣмъ, что щедро дарилъ племянника, почему Димитрій и оставилъ послѣ себя богатѣйшее имущество въ деньгахъ и драгоцѣнностяхъ, находившееся при немъ въ мѣстѣ его заключенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Василій рѣшилъ тотчасъ же наказать Казанскаго царя Магметъ-Аминя, дерзко поднявшагося на насъ незадолго до кончины Іоанна Третьяго, и весной 1506 года отправилъ противъ него на судахъ войско. Походъ этотъ былъ неудаченъ. Наши высадились на

берегъ, построились для боя и пошли подъ Казань, но Татарская конница—зашла имъ въ тылъ и отрѣзала отъ судовъ; бой кончился полнымъ пораженіемъ Русскихъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Василій, ни мало не смутясь, въ тотъ же день отдалъ распоряженіе о движеніи новой сильной рати подъ Казань, которая подошла туда черезъ два мѣсяца и вновь потерпѣла полную неудачу. На этотъ разъ Казанцы пустились на хитрость: они притворно бѣжали передъ нашими полками и увлекли ихъ за собою на пригородное Арское поле, гдѣ, въ это время какъ разъ, была ярмарка, ежегодно собиравшая подъ Казань торговцевъ со всего Востока. Русскіе думали, что Казанцы бѣгутъ, бросили ихъ преслѣдовать, и кинулись на грабежъ, которому предавались до ночи. На разсвѣтѣ же Магметъ-Аминь внезапно двинулъ свои войска на нашихъ, безпечно расположившихся на ярмарочномъ полѣ, и нанесъ имъ жесточайшее пораженіе; при этомъ были убиты князья Курбскій и Палецкій. Оставшіеся отъ погрома бросились на суда и поспѣшно отступили, преслѣдуемые Казанцами, которые были остановлены только близъ рѣки Суры Московской конницей, шедшей подъ начальствомъ доблестнаго Ѳеодора Киселева.

Всѣхъ вернувшихся изъ похода воеводъ Василій встрѣтилъ безъ всякаго гнѣва; онъ только сложилъ главное начальствованіе надъ ратью съ брата своего Димитрія, проявившаго оба раза подъ Казанью полную неспособность распоряжаться войсками, и тотчасъ-же приказалъ знаменитому полководцу своего отца князю Даніилу Холмскому готовиться идти въ третій походъ подъ Казань. Походъ этотъ, однако, не состоялся: Магметъ-Аминь поспѣшилъ принести повинную, очевидно устрашенный настойчивостью и твердостью великаго князя; онъ вернулъ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ и по старому призналъ себя подручникомъ Москвы.

Отправивъ своихъ пословъ осенью 1507 года заключить съ Казанью миръ, Василій, вмѣстѣ съ тѣмъ, двинулъ свои войска на западъ—воевать Литовскую Землю. Причины этой войны заключались въ слѣдующемъ:

Узнавъ о смерти тестя, король Александръ сталъ сейчасъ же готовить свои полки къ войнѣ съ Москвою, разсчитывая на усобицу, которая тамъ поднимется,—такъ какъ предполагалъ, какъ мы уже говорили, что у сидѣвшаго въ заключеніи Димитрія довольно сильная партія; при этомъ Александръ не замедлилъ извѣстить и Ливонскаго магистра Плеттенберга, что теперь настала самая подходящая пора, чтобы ударить соединенными силами «на непріятеля вѣры христіанской». Плеттенбергъ согласился съ этимъ, но отвѣчалъ, что надо дождаться конца перемирія и навѣрное узнать какъ будутъ молодые князья управляться въ своемъ Государствѣ, такъ какъ онъ тоже ждетъ несогласій между ними.

Разсчитывая, что приготовленія Литвы къ походу устрашатъ Василія и заставятъ поднять головы всѣхъ недовольныхъ имъ въ Московскомъ Государствѣ, Александръ послалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москву пословъ своихъ, Глѣбова и Сапѣгу, требовать возвратить Литвѣ всѣ наши прежнія завоеванія, для заключенія вѣчнаго мира. На это бояре Москов-

скіе вѣжливо, но твердо объявили, что великій князь владѣетъ только своими Землями и ихъ не уступитъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Василій послалъ напоминаніе Александру, чтобы онъ не принуждалъ жену свою королеву Елену Іоанновну къ Латинству.

Въ августѣ 1506 года Александръ умеръ, не оставя послѣ себя дѣтей.

Это навело Василія Іоанновича на мысль, что въ своемъ лицѣ онъ могъ бы соединить какъ Восточную Русь, такъ и Западную, при томъ совершенно мирнымъ путемъ; въ виду этого, онъ отправилъ сестрѣ Еленѣ тайный наказъ, въ которомъ говорилъ, что она можетъ прославить себя на вѣки этимъ великимъ дѣломъ, и предложилъ ей переговорить съ епископами, панами, всей радой и земскими людьми, объ избраніи государемъ на Литвѣ своего брата—Московскаго великаго князя. Однако этому мудрому замыслу Василія не суждено было осуществиться. Елена прислала отвѣтъ, что королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ уже выбранъ братъ Александра—Сигизмундъ.

Въ связи съ этимъ избраніемъ Сигизмунда на Литвѣ встала сильная смута и усобица.

171. Король Сигизмундъ I.
Изъ Польскаго гербовника: „Гнѣздо Добродѣтелей", изданія 1550 года.

При покойномъ Александрѣ первое мѣсто въ Литвѣ занималъ нѣкій князь Михаилъ Глинскій, потомокъ Татарскаго князя, перешедшаго вмѣстѣ съ Тохтамышемъ къ Витовту. Этотъ Глинскій родился Православнымъ, но, воспитываясь въ Германіи, принялъ затѣмъ Латинство; онъ много путешествовалъ, былъ прекрасно образованъ и славился большою храбростію и знаніемъ военнаго дѣла, которое изучилъ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ войскахъ Германскаго императора. Вернувшись въ Литву, Глинскій снискалъ себѣ дружбу Александра, но возбудилъ противъ себя своимъ высокомѣріемъ недовольство множества пановъ. Когда Александръ былъ выбранъ королемъ Польскимъ, то Глинскій получилъ еще большее значеніе и былъ на дѣлѣ настоящимъ намѣстникомъ великаго князя въ Литвѣ, хотя и не носилъ этого званія. Когда же, въ 1506 году, Александръ умеръ, то Литовцы сильно опасались, чтобы Глинскій, владѣвшій огромными землями и богатствами, не сталъ бы искать для себя великаго княженія и поспѣшили выбрать себѣ въ великіе князья брата Александра Сигизмунда, не снесясь вовсе съ Поляками, которые очутились вслѣдствіе

этого въ необходимости избрать себѣ въ короли того-же Сигизмунда, чтобы не разстаться съ Литвой.

Первымъ дѣломъ Литовскихъ пановъ, послѣ избранія Сигизмунда, было, разумѣется, постараться возбудить въ послѣднемъ холодность и недовѣріе къ Глинскому, чего они скоро и достигли. Но властолюбивый Глинскій отнюдь не желалъ мириться со своимъ новымъ положеніемъ. Между тѣмъ Сигизмундъ, человѣкъ смѣлый, предпріимчивый и коварный, вступивъ на престолъ, сталъ тотчасъ же дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ Москвой, не желая упускать благопріятнаго, какъ казалось ему, времени, наступившаго послѣ двухъ нашихъ неудачъ подъ Казанью, и разсчитывая на содѣйствіе со стороны Крыма, гдѣ въ это время вѣрный другъ Іоанна Третьяго—Менгли-Гирей сильно одряхлѣлъ, а всѣ дѣла вершали его алчные до наживы сыновья, при чемъ походы Василія подъ Казань на пасынка Менгли-Гиреева—Магметъ-Аминя возбудили и стараго Крымскаго хана противъ насъ. Пославъ подговаривать Крымцевъ и Ливонцевъ собраться противъ Москвы, Сигизмундъ отправилъ Василію Іоанновичу пословъ съ извѣщеніемъ о своемъ вступленіи на престолъ и съ новымъ требованіемъ возвращенія Литовскихъ областей, взятыхъ Іоанномъ Третьимъ.

Но, въ это время какъ разъ, благодаря твердости Василія,—въ Москву уже прибыли Казанскіе послы съ просьбою о мирѣ, и наши бояре дали посламъ Сигизмунда обычный отвѣтъ, что великій князь чужихъ Земель и вотчинъ не держитъ, а только свои: «чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ, князь великій, и что намъ далъ Богъ, а отъ прародителей нашихъ и вся Русская Земля наша отчина». Къ этому отвѣту было прибавлено, что перемиріе покойнымъ великимъ княземъ было заключено съ Александромъ, «а съ Сигизмундомъ королемъ намъ перемирья не было. Если же Сигизмундъ хочетъ съ нами мира и добраго согласія, то и мы хотимъ съ нимъ мира, *какъ намъ будетъ пригожe*». Вслѣдъ затѣмъ, Сигизмунду было послано подтвержденіе и о томъ, чтобы онъ берегъ вдовую королеву Елену Іоанновну и отнюдь не принуждалъ бы ее къ Латинству.

Получивъ этотъ отвѣтъ, Сигизмундъ удвоилъ усилія, чтобы возбудить противъ насъ Ливонцевъ и Крымцевъ, при чемъ, посылая послѣднимъ большое количество золота, онъ не устыдился раболѣпно испросить у Менгли-Гирея ярлыкъ не только на тѣ Земли, которыми владѣлъ: Кіевскую, Волынскую, Подольскую и Смоленскую, но и на тѣ Западно-Русскіе города, которые уже были за Москвой: Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій, Курскъ, Путивль, Брянскъ, Мценскъ, а также и на Новгородъ Великій, Псковъ, Рязань и Пронскъ.

Однако всѣ замыслы Сигизмунда не удались. Ливонцы, видя, что въ Москвѣ дѣла идутъ хорошо, отъ войны отказались; Крымцы ограничились небольшими набѣгами на наши владѣнія, а въ самой Литвѣ скоро встала страшная смута, которую поднялъ Глинскій. Онъ нѣсколько разъ жаловался Сигизмунду на своихъ враговъ, но, не найдя у него управы,

сказалъ королю: «Ты заставляешь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ оба мы послѣ горько жалѣть будемъ»,—послѣ чего завелъ пересылку съ Москвой; затѣмъ, онъ неожиданно напалъ на своего главнаго врага, пана Заберезскаго, убилъ его и, удалившись въ восточныя области Литовскаго княжества, сталъ покорять ихъ подъ свою власть, потянувъ при этомъ за собой и многихъ Русскихъ, въ томъ числѣ князей Мстиславскихъ и Друцкихъ, чтобы перейти на сторону Москвы.

Этими благопріятными обстоятельствами, разумѣется, не замедлилъ воспользоваться Василій Іоанновичъ, войска котораго начали воевать Литовскіе предѣлы со стороны Смоленска.

Такъ началась первая война съ Литвой во время его великаго княженія. Она продолжалась два года, въ теченіе которыхъ Сигизмундъ, видя, что хотя рѣшительныхъ сраженій и не было, но дѣла складываются не въ его пользу, тщетно пытался поднять противъ Василія его брата Димитрія Іоанновича Углицкаго; затѣмъ, онъ прислалъ въ Москву своихъ пословъ съ предложеніемъ вѣчнаго мира, такъ какъ ему необходимо было заняться подавленіемъ внутреннихъ усобицъ.

Василій охотно пошелъ навстрѣчу этому предложенію и по заключенному между ними вѣчному миру Сигизмундъ навсегда уступалъ Москвѣ всѣ пріобрѣтенія въ Западной Руси, сдѣланныя Іоанномъ Третьимъ.

Такимъ образомъ, благодаря своей твердости, Василій заключилъ миръ съ Литвой по всей своей волѣ и закрѣпилъ за Москвой всѣ огромныя завоеванія его отца.

Но этотъ вѣчный миръ съ Литвой былъ, конечно, только временнымъ *перерывомъ* борьбы и притомъ на короткій срокъ, что отлично сознавалъ Василій; онъ понималъ, что Сигизмундъ употребитъ всѣ свои усилія, чтобы отторгнуть отъ насъ новопріобрѣтенныя владѣнія, послѣ того какъ оправится отъ смуты, поднятой Глинскимъ. Поэтому, Государь не переставалъ зорко слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ Литвѣ и усиленно готовился къ продолженію борьбы.

Вмѣстѣ съ этими приготовленіями къ новой войнѣ съ Литвою, Василій долженъ былъ заниматься и другими важными дѣлами, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ стояли отношенія съ Крымомъ. Отношенія эти, какъ мы видѣли, начали сильно портиться: Менгли-Гирей впалъ въ дряхлость, а угодничество и богатые дары Сигизмунда пришлись очень по сердцу его сыновьямъ и всѣмъ Крымскимъ мурзамъ. Они быстро поняли, что для нихъ будетъ выгоднѣе всего торговать своей дружбой съ обоими соперниками—Москвой и Литвой, брать съ обоихъ богатые дары и, вѣроломно нарушая договоры, нападать при каждомъ удобномъ случаѣ на пограничныя области то того, то другого государства. Такимъ образомъ, съ этого времени—Крымъ надолго дѣлается настоящимъ разбойничьимъ гнѣздомъ, добраться до котораго чрезъ степи и Перекопскую насыпь въ тѣ времена было невозможно, почему Московскимъ Государямъ и пришлось защищаться отъ внезапныхъ набѣговъ этихъ хищныхъ Татарскихъ ордъ

устройствомъ по границѣ сильныхъ укрѣпленныхъ линій, на подобіе тѣхъ, какіе были возведены на Руси противъ Печенѣговъ еще во времена Святого Владиміра, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, стараться жить въ мирѣ съ Крымскими ханами, не тратя однако на это большихъ средствъ и не позволяя Татарамъ чрезмѣрно заноситься въ своихъ требованіяхъ.

Эта трудная и неблагодарная задача лежала тяжелымъ бременемъ на Василіи Іоанновичѣ во все время его великаго княженія.

Лѣтомъ 1507 года, Крымцы, несмотря на существовавшій союзъ

172. Ханскій дворецъ въ Бахчисараѣ.

съ нами, произвели, какъ-бы безъ вѣдома Менгли-Гирея, неожиданный набѣгъ на Бѣлевскія, Одоевскія и Козельскія мѣста и увели съ собой богатѣйшую добычу и множество полона. Но Московскіе воеводы пустились за Татарами вслѣдъ, нагнали ихъ на рѣкѣ Окѣ и нанесли сильное пораженіе, отнявъ всю добычу.

Такія разбойничьи нападенія Крымцевъ на наши украины не мѣшали имъ считать себя попрежнему въ союзѣ съ нами и нагло выпрашивать огромные подарки. Обыкновенно, ихъ послы привозили въ Москву множество грамотъ отъ всѣхъ царевичей и царевенъ, которые слали тяжелые поклоны съ легкими «поминками» (подарками), а себѣ требовали тяжелыхъ

поминковъ. Также нагло обращались и съ нашими послами въ Крыму— хищные Татарскіе царевичи и мурзы.

Отправляя своего посла, знатнаго боярина Морозова къ Менгли-Гирею, Василій писалъ хану, что если Морозовъ потерпитъ такое же насиліе и безчестіе, какъ его предшественникъ Заболоцкій, то впредь будутъ посылаться въ Крымъ не бояре, а молодые люди; при этомъ Морозову былъ данъ наказъ: «если станутъ у него просить какой пошлины, то ему въ пошлину никому ничего не давать, кромѣ того, что съ нимъ послано отъ великаго князя въ поминкахъ».

173. Ханское кладбище въ Бахчисараѣ.

Сохраняя, по возможности, добрыя отношенія съ Крымомъ, Василій склонился на усиленныя ходатайства стараго Менгли-Гирея—освободить его пасынка Абдылъ-Летифа, заточеннаго при Іоаннѣ III за неисправленіе, и далъ ему городъ Юрьевъ, при чемъ обязалъ его клятвенной грамотой быть вѣрнымъ слугой Москвы и безъ ея вѣдома не выѣзжать изъ предѣловъ Государства.

На предложеніе-же Менгли-Гирея идти воевать для него Астраханское царство Василій отвѣтилъ вѣжливымъ, но рѣшительнымъ отказомъ. Такъ были установлены на время отношенія съ Крымомъ.

По окончанiи войны съ Литвою, Ливонскiе Нѣмцы тоже прислали въ 1509 году въ Москву бить челомъ о перемирiи, которое и было заключено съ ними Новгородскими и Псковскими намѣстниками на 14 лѣтъ.

Такимъ образомъ, чрезъ четыре года послѣ вступленiя своего на прародительскiй престолъ, Василiй Iоанновичъ заставилъ всѣхъ своихъ сосѣдей встать въ такiя отношенiя къ Москвѣ, какiя онъ признавалъ полезными для своего Государства.

Вмѣстѣ съ этимъ, онъ приступилъ къ большому Русскому домашнему дѣлу, которое не было еще совершено его предками при собиранiи Земли, а именно къ присоединенiю вольнаго города Пскова въ составъ Московскаго Государства. Мы видѣли, какiя огромныя заслуги имѣлъ въ своемъ прошломъ Псковъ,— являясь всегда мужественнымъ и вѣрнымъ защитникомъ Православiя и Русской народности противъ Нѣмцевъ, Литовцевъ и Чуди; мы видѣли также, насколько въ болѣе выгодную сторону отличались всѣ Псковскiе порядки отъ Новгородскихъ и какъ всегда Псковичи были вѣрны Московскимъ князьямъ.

174. Церковь Святого Сергiя „съ Залужья" во Псковѣ.
Сооружена въ XIV вѣкѣ.

Эта огромная заслуга Пскова нашла себѣ, разумѣется, справедливую оцѣнку и въ Iоаннѣ Третьемъ, который, присоединивъ Новгородъ, оставилъ Пскову всю его старину. Но, конечно, небольшая независимая область могла существовать самостоятельно рядомъ съ могущественнымъ Московскимъ Государствомъ лишь до тѣхъ поръ, пока съ ея стороны не было дано Московскому великому князю повода къ измѣненiю ея древнихъ, уже отжившихъ порядковъ.

Поводъ этотъ явился въ княженiе Василiя. На бѣду Пскова, послѣднее время его самостоятельности сопровождалось сильными распрями и смутами. Какъ прежде въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ вѣчемъ овладѣла чернь—«худые мужики вѣчники»; правосудiе упало, лихiе люди оставались безнаказанными и пошло страшное хищенiе общественныхъ денегъ, о чемъ ранѣе никогда не было слышно; кромѣ того, Псковичи начали ссо-

риться съ великокняжескимъ намѣстникомъ княземъ Рѣпнею-Оболенскимъ, присланнымъ къ нимъ въ началѣ 1509 года. Когда осенью того же года Василій Іоанновичъ прибылъ въ Новгородъ, то получилъ отъ Оболенскаго жалобу, что Псковичи держатъ его не честно. Вслѣдъ за этой жалобой прибыли въ Новгородъ Псковскіе посадники и бояре и, поднеся по обычаю дары великому князю, стали въ свою очередь жаловаться на Рѣпню-Оболенскаго. Чтобы разобрать это дѣло, великій князь отправилъ во Псковъ князя Петра Васильевича Великаго и дьяка Далматова, при чемъ приказалъ имъ: выслушать порознь князя Оболенскаго и Псковичей, а затѣмъ помирить ихъ. Но посланники донесли ему, что Псковичи съ намѣстникомъ не мирятся, а просятъ другого.

Тогда Василій вызвалъ къ себѣ въ Новгородъ Оболенскаго и Псковскихъ посадниковъ, самъ разобралъ это дѣло и признавъ, что виновны въ немъ Псковичи, а не его намѣстникъ, положилъ опалу на посадниковъ; онъ велѣлъ ихъ схватить и роздать дѣтямъ боярскимъ по подворьямъ. Устрашенные посадники и другіе Псковичи стали бить челомъ Василію, что сознаютъ свою вину, и просили, чтобы Государь пожаловалъ отчину свою, Псковъ, устроилъ какъ ему Государю Богъ извѣстилъ.

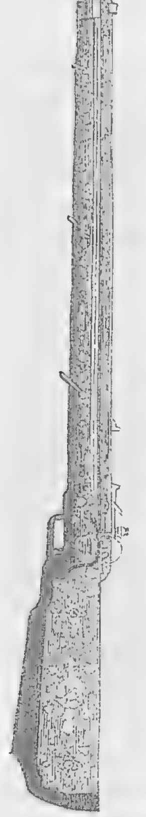
На это челобитье Василій объявилъ имъ черезъ бояръ свою волю: «вѣчевой колоколъ свѣсите, чтобы впредь вѣчу не быть, а быть во Псковѣ двумъ намѣстникамъ, и по пригородамъ быть также намѣстникамъ; Государь самъ хочетъ быть во Псковѣ, помолиться Святой Троицѣ и всему указъ чинить, какъ судить намѣстникамъ во Псковѣ и по пригородамъ...».

Извѣстіе объ участи посадниковъ привело жителей Пскова въ ужасъ. Они собрали вѣче и стали думать: «ставить ли щитъ противъ Государя» и приготовляться къ оборонѣ, или, памятуя крестное цѣлованіе, что нельзя на него поднять рукъ,—подчиниться его волѣ. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ. Скоро прибылъ во Псковъ великокняжескій дьякъ Третьякъ-Далматовъ, собралъ вѣче и передалъ на немъ требованіе Василія относительно колокола и намѣстниковъ. Дѣлать было нечего. Псковичи горько плакали, прощаясь со своими старыми правами, бросались другъ другу на шею и обливались слезами, а на разсвѣтѣ другого дня, въ послѣдній разъ по звону своего колокола, собрались на вѣче и держали Далматову такое слово: «Въ лѣтописяхъ нашихъ написано, съ прадѣдами, дѣдами и съ отцемъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ Псковичамъ отъ Государя своего великаго князя, кто бы ни былъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ; отойдемъ въ Литву, или къ Нѣмцамъ, или станемъ жить сами собой безъ Государя, то на насъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ; на Государѣ великомъ князѣ тотъ же обѣтъ, какой и на насъ, если не станетъ насъ держать въ старинѣ; а теперь Богъ воленъ, да Государь въ своей отчинѣ городѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежней присяги своей не хотимъ измѣнять и на себя кроволитіе принимать, мы на Государя рукъ поднять и въ городѣ запереться не хотимъ; а хочетъ Государь нашъ князь великій помолиться Живоначаль-

ной Троицѣ, и побывать въ своей отчинѣ во Псковѣ, то мы своему Государю рады всѣмъ сердцемъ, что не погубилъ насъ до конца».

Послѣ этой рѣчи, полной глубокаго достоинства и скорби, вѣчевой колоколъ былъ снятъ; черезъ нѣсколько дней прибыли во Псковъ Московскіе воеводы, которые привели жителей къ присягѣ, а затѣмъ и самъ Василій. Жители вышли ему навстрѣчу за три версты отъ города и ударили челомъ въ землю. Василій вѣжливо спросилъ ихъ о здоровіи.

«Ты-бъ Государь нашъ, князь великій, Царь всея Руси, здравъ былъ»— отвѣчали они ему.



175. Пищаль.

Послѣ этого, Василій поѣхалъ помолиться къ Святой Троицѣ, а на другой день отдалъ распоряженіе о переводѣ 300 самыхъ вліятельныхъ семей въ Москву. Это было, очевидно, сдѣлано, чтобы предупредить тѣ крамолы, которыя такъ долго шли въ Новгородѣ, послѣ присоединенія его Іоанномъ III, и окончились только тогда, когда была принята такая же мѣра— выводъ всѣхъ вліятельныхъ и недовольныхъ людей въ Московскія волости.

Дѣйствительно, мѣра эта оказалось очень разумной.

Присоединеніе Пскова къ Москвѣ обошлось безъ капли крови и безъ единой казни и не вызвало никакой крамолы въ будущемъ. Василій прожилъ въ городѣ четыре недѣли, устраивая въ немъ новое управленіе, и выѣхалъ въ Москву, оставя своими намѣстниками бояръ Григорія Морозова и Ивана Челяднина, при дьякѣ Мисюрѣ Мунехинѣ, а въ видѣ засады или гарнизона—1000 Московскихъ боярскихъ дѣтей и 500 Новгородскихъ пищальниковъ.

«Такъ,—говоритъ лѣтописецъ,—исчезла слава Псковская»; по его мнѣнію эта бѣда постигла Псковичей «за самоволіе и непокореніе другъ другу, за злые поклепы и лихія дѣла, за кричанье на вѣчахъ; не умѣли своихъ домовъ устраивать, а хотѣли городомъ управлять».

Проявивъ необходимую твердость, чтобы слить Псковскую Землю съ остальными частями Московскаго Государства, Василій, желая сдѣлать удовольствіе Псковичамъ, выбралъ изъ нихъ 12 старостъ, которые должны были судить вмѣстѣ съ Московскими намѣстниками и тіунами во Псковѣ и пригородахъ.

Эти намѣстники и ихъ пристава ознаменовали себя скоро великими неправдами и хищеніями. Когда слухъ объ этомъ дошелъ въ 1511 году до Василія, то онъ, какъ человѣкъ высокосправедливый, тотчасъ же смѣстилъ Морозова и Челяднина и прислалъ князей Петра Великаго и Семена Курбскаго. Умный же дьякъ Мисюрь Мунехинъ, искренно привязавшійся къ отчинѣ Святой Ольги и принесшій ей, какъ увидимъ, не мало добра, остался въ ней до своей смерти, случившейся въ 1528 году.

Вѣчный миръ, заключенный между Москвой и Литвой въ 1509 году, какъ и слѣдовало ожидать, продолжался недолго. Скоро начались взаимныя жалобы на пограничныя обидныя дѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ, Сигизмундъ настоятельно требовалъ, чтобы Василій выдалъ ему Михаила Глинскаго; Василій, конечно, на это не соглашался, а Глинскій зорко слѣдилъ изъ Москвы за всѣми дѣйствіями Сигизмунда и побуждалъ великаго князя дѣятельно готовиться къ новой войнѣ. Съ своей стороны и Сигизмундъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы поссорить насъ съ Крымомъ и, наконецъ, достигъ этой цѣли. Въ 1510 году знаменитая ханша Нуръ-Салтанъ, жена престарѣлаго Менгли-Гирея Крымскаго, пріѣхала въ Московское Государство, чтобы навѣстить своихъ сыновей отъ перваго брака своего съ бывшимъ Казанскимъ Царемъ Ибрагимомъ—Магметъ-Аминя Казанскаго и Абдылъ-Летифа, и была принята Василіемъ съ большимъ почетомъ. Проживъ около года въ Казани, Нуръ-Салтанъ вернулась въ Москву, гдѣ прожила шесть мѣсяцевъ, и разсталась съ Василіемъ, увѣряя его въ глубокой преданности своихъ сыновей и второго мужа—Менгли-Гирея.

Вѣроятно старая ханша была вполнѣ искренна, но за ея отсутствіе дѣла въ Крыму сильно измѣнились. Сигизмундъ убѣдилъ Менгли-Гирея и его сыновей окончательно перейти на сторону Литвы, обязавшись ежегодно платить хану дань въ 15,000 червонцевъ; за это Крымцы, безъ объявленія войны, должны были произвести внезапное вторженіе въ наши предѣлы. Этотъ тайный договоръ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно; въ маѣ 1512 года, огромныя полчища Крымцевъ, предводимыя сыновьями Менгли-Гирея, появились въ Бѣлевскихъ и Одоевскихъ областяхъ, предаваясь всюду неслыханнымъ злодѣйствамъ. Однако, несмотря на то, что нападеніе было совершено неожиданно, оно не застало насъ врасплохъ. Полки наши въ это время постоянно находились въ пограничныхъ областяхъ, только смѣняя другъ друга по очереди. Знаменитый воевода князь Даніилъ Щеня, а за нимъ и другіе, тотчасъ же выступили противъ Татаръ, и послѣдніе, успѣвъ опустошить одну только Рязанскую Землю, не замедлили поспѣшить уйти въ Крымъ.

Вслѣдъ затѣмъ, Государь послалъ усовѣщевать Менгли-Гирея за это разбойничье нападеніе. Тотъ отвѣчалъ, что царевичи воевали Русскую Землю безъ его вѣдома; послѣднее могло быть справедливымъ, но во всякомъ случаѣ, съ 1512 года—столь выгодный для Москвы союзъ съ Крымомъ, заключенный Іоанномъ Третьимъ, порвался уже окончательно и навсегда.

При этомъ, въ Москву не замедлили, конечно, прійти свѣдѣнія отъ ея Крымскихъ доброхотовъ, что разрывъ Менгли-Гирея съ нами былъ дѣломъ рукъ Сигизмундовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ Литвы пришли извѣстія о страшныхъ оскорбленіяхъ, которымъ подверглась тамъ, очевидно съ вѣдома Сигизмунда, вдовствующая королева Елена Іоанновна; она жаловалась брату, что Виленскій воевода Николай Радзивиллъ, вмѣстѣ съ Трокскимъ, не только не пустили ее ѣхать по своимъ дѣламъ въ городъ

Бреславль, но насильно вывели ее изъ Православной церкви, взявши за рукава, говоря, будто она хочетъ ѣхать со своей казной въ Москву, послѣ чего стали держать ее въ неволѣ. Василій немедленно послалъ по этому поводу запросъ Сигизмунду, но вскорѣ пришла вѣсть о томъ, что Елена внезапно скончалась въ своемъ заключеніи. По собраннымъ Михаиломъ Глинскимъ справкамъ по этому дѣлу, изложеннымъ имъ въ особой запискѣ, поданной Государю,—виновникомъ ея смерти былъ тотъ же Виленскій воевода Николай Радзивиллъ, подкупившій ея людей, чтобы они подсыпали ей въ кушанье лихое зелье.

176. Николай III Радзивиллъ, староста Виленскій въ началѣ XVI вѣка.

Изъ рѣдчайшей книги на Латинскомъ языкѣ: „Иконографія княжескаго рода Радзивилловъ" изданной Ф. Вобе въ 1758 году съ рисунками, воспроизводящими древніе портреты Несвижскаго замка.

Нѣсколько раньше этого, младшій братъ Василія—Симеонъ Калужскій, человѣкъ пылкій и необузданный, тяготясь положеніемъ подданнаго своего старшаго брата и мечтая о старыхъ удѣльныхъ порядкахъ, хотѣлъ передаться Литвѣ и завязалъ съ ней пересылку. Великій князь узналъ про это во время, хотѣлъ было заточить его, но потомъ снизошелъ на принесенное раскаяніе и просьбы митрополита и ограничился тѣмъ, что перемѣнилъ у него всѣхъ бояръ, такъ какъ, несомнѣнно, старые бояре были виновны въ пересылкѣ молодого Симеона Калужскаго съ Сигизмундомъ. Все это вмѣстѣ взятое должно было, конечно, привести Василія къ разрыву съ Литвой, при чемъ обстоятельства для насъ складывались весьма благопріятно: великимъ магистромъ Нѣмецкаго или Тевтонскаго Ордена былъ въ это время родной племянникъ Сигизмунда—Альбрехтъ, сынъ маркграфа Аншпахъ-Байретскаго; не желая уступать дядѣ Земель Прусской и Поморской, которыя тотъ отъ него требовалъ, онъ готовился къ войнѣ съ нимъ; поэтому и Ливонскіе Нѣмцы, зависѣвшіе отъ Нѣмецкаго Ордена, также должны были объявить войну Сигизмунду.

Наконецъ, Михаилъ Глинскій, пылая ненавистью къ Сигизмунду и отлично зная всѣ Европейскія дѣла, убѣдилъ Василія войти въ союзъ съ Германскимъ императоромъ Максимиліаномъ, который хотѣлъ добы-

вать Венгерское королевство, гдѣ сидѣли братъ и племянникъ Сигизмунда, и поддерживать Нѣмецкій Орденъ противъ притязаній Польши на Прусскія и Поморскія Земли.

Скоро Василій узналъ, что король Польскій готовитъ свои полки къ походу и побуждаетъ Менгли-Гирея совершить одновременное наступленіе въ Русскіе предѣлы со стороны Крыма. На собранной по этому поводу великокняжеской думѣ рѣшено было предупредить замыслы Сигизмунда и начать самимъ военныя дѣйствія противъ него. Василій послалъ ему «складную грамоту», въ которой, перечисливъ всѣ знаки его непримиримой вражды къ Русской Землѣ, складывалъ съ себя крестное цѣлованіе, данное при заключеніи вѣчнаго мира, и закончилъ ее слѣдующими словами: «взявъ себѣ Господа въ помощь, иду на тебя и хочу стоять, какъ будетъ угодно Богу; а крестное цѣлованіе снимаю».

Вслѣдъ затѣмъ войска наши выступили въ походъ. Находившіеся при этомъ въ Москвѣ Ливонскіе послы доносили Плеттенбергу, что никогда Москва не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огнестрѣльнаго наряда и что великій князь, пылая гнѣвомъ на короля, сказалъ: «доколѣ конь мой будетъ ходить и мечь рубить, не дамъ покоя Литвѣ». Самъ Государь предводительствовалъ ратью и покинулъ Москву съ братьями Юріемъ и Димитріемъ и зятемъ своимъ, мужемъ сестры Евдокіи—крещенымъ Татарскимъ царевичемъ Петромъ; при немъ находился, разумѣется, и Михаилъ Глинскій. Главными воеводами были князья Даніилъ Щеня и Оболенскій-Репня. Войска шли прямо на Смоленскъ, который рѣшено было взять приступомъ. Приступъ этотъ, однако, не удался и, несмотря на всѣ усилія великаго князя взять городъ, въ мартѣ 1513 года онъ долженъ былъ вернуться въ Москву, не достигнувъ своей цѣли. Но неудача эта отнюдь не поколебала его рѣшимости во что бы то ни стало овладѣть Смоленскомъ.

14-го іюня того же 1513 года, Государь вторично выступилъ въ походъ; когда воевода князь Репня-Оболенскій и окольничій Сабуровъ подходили къ Смоленску, ихъ встрѣтилъ впереди городскихъ валовъ, сидѣвшій въ Смоленскѣ намѣстникъ Сигизмунда — Юрій Соллогубъ, со всѣми своими войсками; онъ вступилъ съ нами въ битву, но потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и сѣлъ затѣмъ въ осаду. Получивъ вѣсть о побѣдѣ, Василій поспѣшилъ къ Смоленску и самъ руководилъ дѣйствіями войскъ; осада однако, и на этотъ разъ была неудачна: что Московскія пушки разрушали днемъ, то жители задѣлывали ночью и, несмотря на частыя предложенія о сдачѣ—упорно отказывались отъ нея. Въ ноябрѣ Василій отступилъ и вернулся домой.

Но и эта вторая неудача также ни мало не повліяла на его рѣшеніе непремѣнно взять Смоленскъ.

Лѣтомъ 1514 года, Государь опять выступилъ со всѣми своими войсками къ Смоленску и 29 іюля вновь началъ его осаждать. На этотъ разъ дѣла пошли успѣшнѣе. Дѣйствіемъ всего пушечнаго наряда распоряжался

пушкарь Стефанъ; онъ удачно ударилъ изъ огромной пушки по городу, при чемъ пущенное имъ ядро разорвало крѣпостное орудіе и перебило много Смольнянъ; затѣмъ, онъ выстрѣлилъ по городу мелкими ядрами, окованными свинцомъ, которыя нанесли еще больше потерь жителямъ. Когда Стефанъ ударилъ по городу третій разъ, то Смоленскій владыка

177. Икона Смоленской Божіей Матери—Одигитріи (Путеводительницы).
Писана иконописцами-кустарями с. Палехи, Владимірской губерніи.

Варсонофій вышелъ на мостъ и сталъ бить челомъ великому князю и просилъ срока до слѣдующаго дня.

Но Василій сроку не далъ, а велѣлъ продолжать пальбу изо всѣхъ пушекъ. Скоро городскія ворота отворились; изъ нихъ вышелъ Варсонофій въ полномъ облаченіи и крестомъ, вмѣстѣ съ намѣстникомъ Соллогубомъ, панами и черными людьми; подойдя къ ставкѣ великаго князя, они держали ему такое слово: «Государь князь великій; много крови хри-

стіанской пролилось, земля пуста, твоя отчина; не погуби города, но возьми его съ тихостью». Василій подошелъ подъ благословеніе владыки, пригласилъ Соллогуба и другихъ именитыхъ людей къ себѣ въ шатеръ, а черным людямъ приказалъ возвратиться въ городъ. 30 и 31 іюля жителей приводили къ присягѣ, а 1 августа послѣдовалъ торжественный въѣздъ Государя въ древнюю отчину Русскихъ князей, бывшую въ теченіе послѣднихъ 110 лѣтъ подъ властью Литвы.

«Божіею милостіею радуйся и здравствуй Православный Царь Василій, великій князь всея Руси, Самодержецъ на своей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта!»—привѣтствовалъ его въ соборной церкви владыка Варсонофій.

Послѣ обѣдни, Государь отбылъ на княжескій дворъ и сѣлъ на своемъ мѣстѣ; онъ ласково спросилъ прибывшихъ сюда знатныхъ Смольнянъ о ихъ здоровьи и предложилъ сѣсть, послѣ чего Смоленскимъ князьямъ, боярамъ и горожанамъ объявилъ свое жалованье—уставную грамоту, назначивъ имъ въ намѣстники боярина князя Василія Васильевича Шуйскаго. Затѣмъ, всѣ были приглашены къ обѣду, послѣ котораго каждый получилъ богатые дары. Бывшему королевскому намѣстнику Соллогубу и его сыну Василій сказалъ: «Хочешь мнѣ служить, и я тебя жалую, а не хочешь, воленъ на всѣ стороны». Соллогубъ просилъ разрѣшенія ѣхать къ королю и былъ отпущенъ; но какъ только онъ прибылъ къ Сигизмунду, то послѣдній, въ страшномъ гнѣвѣ за потерю Смоленска, приказалъ ему отрубить голову какъ измѣннику.

178. Карта къ дѣйствіямъ Русскихъ и Литовскихъ войскъ у Смоленска и Орши въ 1514 году.

Кромѣ Соллогуба, Государь предложилъ и всѣмъ остальнымъ служилымъ королевскимъ людямъ остаться служить ему; многіе изъ нихъ согласились и получили по два рубля денегъ и по сукну; тѣ же, которые хотѣли вернуться къ королю, были отпущены и получили сверхъ того по рублю, деньги по тѣмъ временамъ, когда цѣлая изба стоила отъ 30 до 50 копѣекъ, весьма большія.

Устроивъ дѣла въ Смоленскѣ, великій князь выступилъ въ обратный походъ къ Дорогобужу, но воеводъ съ войсками послалъ на западъ, чтобы прикрыть Смоленскъ отъ короля: въ Оршѣ былъ оставленъ Михаилъ Глинскій, а къ Борисову, Друцку и Минску были также двинуты наши отряды.

Въ это время и самъ Сигизмундъ выступилъ изъ Минска къ Борисову; онъ былъ увѣренъ одержать успѣхъ надъ Московскими отрядами, такъ какъ разсчитывалъ на содѣйствіе своего недавняго заклятаго врага—Михаила Глинскаго!

Дѣло въ томъ, что этотъ властный человѣкъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ почетнымъ, но вполнѣ подчиненнымъ положеніемъ, которое онъ занялъ при Московскомъ Государѣ, и мечталъ, что послѣ взятія Смоленска, подъ которымъ онъ, несомнѣнно, оказалъ большія услуги, въ награду за нихъ—Государь отдастъ ему этотъ городъ, на правахъ удѣльнаго князя подъ властью Москвы. Имѣется даже извѣстіе, что послѣ взятія Смоленска Глинскій будто-бы сказалъ Василію Іоанновичу: «Нынче я дарю тебѣ Смоленскъ; чѣмъ ты меня отдаришь?», и что на это Государь отвѣчалъ ему: «Я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ». Конечно, великій князь, отлично зная нравъ Михаила Глинскаго, могъ отвѣтить ему только такимъ образомъ, такъ какъ отдать драгоцѣнный Смоленскъ, древнее Русское достояніе и ближайшую теперь крѣпость къ враждебной Литвѣ, въ почти независимое владѣніе такому честолюбивому и сомнительной вѣрности человѣку, каковымъ являлся Глинскій, было бы величайшей ошибкой.

Очевидно, подъ вліяніемъ обманутыхъ надеждъ, Глинскій и рѣшилъ предать Василія Сигизмунду, чему послѣдній былъ очень радъ, также хорошо зная, какимъ опаснымъ человѣкомъ былъ Глинскій, и понимая, что его гораздо выгоднѣе имѣть на своей сторонѣ.

Переславшись съ королемъ, Глинскій тайно покинулъ ввѣренный ему Московскій отрядъ и побѣжалъ Литовцамъ навстрѣчу. Но одинъ изъ его слугъ въ ту же ночь прискакалъ къ сосѣднему Московскому воеводѣ Михаилу Голицѣ, который, сообща съ другимъ воеводою—Челяднинымъ, успѣлъ перенять дорогу Глинскому и захватить его. Послѣ этого, его немедленно доставили къ великому князю въ Дорогобужъ. Здѣсь былъ произведенъ обыскъ у бѣглеца, и найденное письмо Сигизмунда послужило явной уликой его измѣны.

Государь приказалъ заковать его въ желѣзо и отправить въ Москву; своимъ же воеводамъ онъ велѣлъ двинуться противъ наступавшаго короля, войска котораго шли подъ главнымъ начальствомъ великаго Литовскаго гетмана князя Константина Острожскаго. Этотъ Константинъ Острожскій, человѣкъ Русскій и Православный, начальствовалъ, какъ мы помнимъ, надъ Литовской ратью въ битвѣ подъ Ведрошемъ, выигранной нами, и попалъ въ плѣнъ къ Іоанну Третьему, которому вскорѣ присягнулъ на вѣрность, послѣ чего получилъ большія земельныя владѣнія. Однако, онъ не могъ забыть привольной панской жизни въ Литвѣ и, пользуясь своей свободой, бѣжалъ, при удобномъ случаѣ, изъ Русской Земли. Теперь, за добро и за ласку, оказанныя ему Москвой, онъ шелъ на нее войной во главѣ Латинскаго воинства короля.

Обѣ рати сошлись близъ Орши: Русскіе стали на лѣвомъ берегу Днѣпра, Литовцы—на правомъ. Константинъ Острожскій завелъ переговоры съ нашимъ главнымъ воеводою бояриномъ Челяднинымъ о мирѣ, но въ это время тайно навелъ мостъ въ 15-ти верстахъ и сталъ переправлять свои войска на нашъ берегъ. Когда Челяднину донесли, что половина Литовской

рати уже перебралась, почему и наступило время ударить на нее всѣми силами, чтобы разбить раньше, чѣмъ переправится другая ея половина, онъ самоувѣренно отвѣчалъ: «Мнѣ мало половины: жду ихъ всѣхъ и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними».

Вслѣдъ затѣмъ Литовскія войска перешли рѣку, устроились для боя—и началось кровопролитнѣйшее сраженіе, которое къ вечеру окончилось ужаснымъ пораженіемъ Русскихъ.

По однимъ свѣдѣніямъ, главные Московскіе воеводы Челяднинъ и князь Булгаковъ-Голица не хотѣли изъ зависти помогать другъ другу; по другимъ—Константинъ Острожскій употребилъ хитрость: отступилъ притворно, навелъ Русскихъ на пушки и въ то же время зашелъ имъ въ тылъ. Какъ бы то ни было, такой блестящей побѣды Литовцы никогда не одерживали надъ Русскими: они гнали, рѣзали и топили ихъ въ Днѣпрѣ, усѣяли тѣлами всѣ окрестныя поля и захватили огромнѣйшій полонъ: Челяднина, Булгакова-Голицу и шесть другихъ воеводъ, 37 князей, болѣе 1,500 дворянъ, всѣ знамена, пушки и обозъ,—однимъ словомъ,—вполнѣ отомстили намъ за свое Ведрошское пораженіе.

Сигизмундъ оковалъ тяжелыми цѣпями Челяднина и главныхъ воеводъ и подвергнулъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ весьма суровому заключенію, причемъ часть изъ нихъ онъ послалъ затѣмъ въ подарокъ папѣ и другимъ Европейскимъ государямъ. Всюду разсылая радостныя извѣстія о своемъ успѣхѣ, онъ мечталъ, что скоро вернетъ обратно Смоленскъ и нанесетъ рядъ другихъ пораженій Москвѣ. Тогда же, вѣроятно по его заказу, была исполнена великолѣпная картина художникомъ-очевидцемъ боя, находящаяся нынѣ въ городскомъ музеѣ города Бреславля въ Германіи. Рисунокъ 180 представляетъ снимокъ съ части этой картины; на немъ изображено послѣдствіе выстрѣла изъ Польской пушки: часть нашихъ всадниковъ, увлекаемая испуганными лошадьми, срывается съ обрывистаго берега въ воду и тонетъ; ихъ преслѣдуютъ Польскіе гусары, вооруженные длинными копьями и щитами; другіе Русскіе всадники безстрашно подскакиваютъ вплотную къ Польскимъ орудіямъ и въ упоръ выпускаютъ свои стрѣлы въ пушкарей, закованныхъ въ броню; нѣсколько позади виденъ Русскій военачальникъ изъ боярскихъ дѣтей, дѣлающій знакъ рукою своимъ воинамъ; все изображеніе чрезвычайно любопытно, такъ какъ съ полной достовѣрностью показываетъ намъ во всѣхъ подробностяхъ строй, вооруженіе и одежду Русскихъ во время битвы подъ Оршею.

Однако Сигизмундъ ошибся. Торжество его ограничилось одной только Оршинской побѣдой, и другихъ вредныхъ послѣдствій, какъ увидимъ, она намъ не принесла.

Узнавъ о пораженіи нашемъ подъ Оршей, Смоленскій владыка Варсонофій, только-что привѣтствовавшій Василія Іоанновича въ его древней отчинѣ и присягнувшій ему, послалъ къ Сигизмунду своего племянника съ письмомъ, въ которомъ говорилъ: «Если пойдешь теперь къ Смоленску

самъ, или воеводъ пришлешь со многими людьми, то можешь безъ труда взять городъ». Но Смоленскіе бояре и простые люди хотѣли остаться за Москвой и сообщили великокняжескому намѣстнику князю Василію Ва-

179. Изображеніе начала сраженія подъ Оршей.
Изъ Польской книги: „Хроника Польская Марцина Бѣльскаго", изданія 1597 года.

сильевичу Шуйскому объ измѣнѣ Варсонофія. Этотъ Василій Васильевичъ Шуйскій былъ человѣкомъ рѣшительнымъ; онъ тотчасъ же схватилъ измѣнника-владыку вмѣстѣ съ соумышленниками и посадилъ подъ стражу, а когда къ городу подошелъ Константинъ Острожскій только съ шести-

180. Сраженіе подъ Оршей 1514 года.

Правый нижній край картины, написанной художникомъ-очевидцемъ сраженія и хранящейся въ городскомъ музеѣ города Бреславля.

тысячнымъ отрядомъ, надѣясь захватить Смоленскъ, благодаря сочувствію жителей, то онъ и его воины были поражены страшнымъ зрѣлищемъ: они увидѣли висѣвшими на Смоленскихъ стѣнахъ всѣхъ измѣнниковъ, причемъ на нихъ были и всѣ подарки, недавно полученные отъ великаго князя Василія Іоанновича; кто получилъ соболью шубу, тотъ былъ и повѣшенъ въ этой шубѣ; кто получилъ серебряный ковшъ или чару, тому они тоже были привязаны на грудь; только одинъ Варсонофій, изъ уваженія къ его сану, былъ оставленъ въ живыхъ. Эта рѣшительная мѣра подѣйствовала, разумѣется, на остальныхъ Смольнянъ самымъ отрезвляющимъ образомъ, если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и шевелилось желаніе передаться королю. Константинъ Острожскій тщетно посылалъ къ нимъ грамоты съ предложеніемъ передаться Литвѣ и тщетно же дѣлалъ приступы къ городу; всѣ горожане бились крѣпко и безъ лести; когда же онъ рѣшилъ отступить, то Шуйскій съ Московскими ратными людьми и Смольнянами вышелъ изъ города, чтобы преслѣдовать его, и взялъ значительную часть обоза.

Этимъ закончились наступательныя движенія Литовцевъ, послѣ ихъ побѣды подъ Оршей; вслѣдъ затѣмъ обѣ стороны надолго прекратили военныя дѣйствія. Москва очевидно нуждалась въ отдыхѣ, а въ Литвѣ, несмотря на блестящій успѣхъ подъ Оршей, королю не было никакой возможности собрать необходимое количество войска, такъ какъ своевольнымъ панамъ война уже надоѣла, и мало кто изъ нихъ хотѣлъ идти подъ королевскія знамена. Вотъ что, между прочимъ, писалъ по этому поводу Литовской радѣ Кіевскій воевода Андрей Немировичъ: «Крымскій царевичъ прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что онъ со всѣми людьми своими уже на этой сторонѣ рѣки Тясмина, и требовалъ, чтобы я садился на коня и шелъ-бы вмѣстѣ съ нимъ на Землю Московскую; въ противномъ случаѣ, онъ одинъ не пойдетъ на нее. Я писалъ къ вашей милости не разъ, чтобы вы научили, какъ мнѣ дѣлать; но до сихъ поръ вы мнѣ не отвѣчали... Писалъ я къ старостамъ и ко всѣмъ боярамъ Кіевскимъ, чтобы ѣхали со мной на службу господарскую; но никто изъ нихъ не хочетъ ѣхать»...

Нѣсколько дѣятельнѣе Литовскихъ пановъ служили Сигизмунду его Крымскіе друзья за ежегодную дань въ 15,000 червонцевъ. Когда въ 1515 году умеръ Менгли-Гирей, то его наслѣдникъ Магметъ-Гирей прислалъ въ Москву посла съ упрекомъ, что великій князь нарушилъ съ нимъ договоръ и безъ позволенія Крыма взялъ Смоленскъ: «Ты нашему другу королю недружбу учинилъ: городъ, который мы ему пожаловали (Смоленскъ), ты взялъ отъ насъ тайкомъ; этотъ городъ Смоленскъ къ Литовскому юрту отецъ нашъ пожаловалъ, а другіе города, которые къ намъ тянутъ— Брянскъ, Стародубъ, Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль, Карачевъ, Радогощь, отецъ нашъ, великій царь, твоему отцу далъ. Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то помоги намъ казною, пришли намъ казны побольше»... Затѣмъ ханъ требовалъ кречетовъ и другихъ драгоцѣнностей. Московскій же доброхотъ, Крымскій мурза Аппакъ писалъ великому князю: «У тебя ханъ проситъ восемь городовъ,

и если ты ему ихъ отдашь, то другомъ ему будешь, а не отдашь, то тебѣ другомъ ему не бывать; развѣ пришлешь ему столько-же казны, сколько король посылаетъ, тогда онъ эти города тебѣ уступитъ. А съ королемъ имъ друзьями какъ не быть? и лѣтомъ и зимою казна отъ короля, какъ рѣка, безпрестанно такъ и течетъ, и малому, и великому, всѣмъ унововилъ»...

Вмѣстѣ съ этими наглыми требованіями, Крымцы не переставали грубо обращаться съ нашими послами; въ 1516 году они опустошили Рязанскую украйну, а въ 1517 году—20,000 татаръ появились въ Тульскихъ окрестностяхъ. Но здѣсь князья Одоевскій и Воротынскій нанесли имъ жесточайшее пораженіе и почти всѣхъ истребили; одновременно съ этимъ и другой Татарскій отрядъ былъ на голову разбитъ подъ Путивлемъ. Вслѣдъ за тѣмъ Василій Іоанновичъ собралъ боярскую думу и предложилъ ей высказаться—нужно ли послѣ этого продолжать сношенія съ Крымомъ, или вовсе порвать ихъ. Дума, однако, рѣшила на томъ, что продолжать сношенія нужно, чтобы удержать хана отъ прямого разрыва съ Москвой.

Война съ Литвой привела Василія Іоанновича къ оживленнымъ сношеніямъ съ магистромъ Нѣмецкаго Ордена маркграфомъ Альбрехтомъ; какъ мы видѣли, онъ хотѣлъ воевать съ дядей своимъ Сигизмундомъ и сдерживалъ ненависть противъ насъ подчиненнаго ему Ливонскаго Ордена, магистръ котораго, извѣстный намъ Плеттенбергъ, воевалъ съ войсками Іоанна Третьяго и сознавалъ, какую страшную опасность представляетъ для его владѣній усиленіе Москвы, гдѣ Русскіе люди громко выражали, что городъ Рига построенъ на ихъ Землѣ.

181. Маркграфъ Альбрехтъ Прусскій съ супругой.

Съ медали 1520 года, хранящейся въ Германскомъ музеѣ въ Нюрнбергѣ.

Иначе смотрѣлъ на Москву Альбрехтъ Прусскій и смиренно билъ челомъ чрезъ пословъ Василію Іоанновичу: «Чтобы великій Государь меня жаловалъ и берегъ и учинилъ меня съ собой въ союзѣ». По договору, заключенному въ Москвѣ въ 1517 году,—Альбрехтъ долженъ былъ выставить 10.000 пѣхотинцевъ и 2.000 всадниковъ, за что просилъ отъ насъ на содержаніе ежемѣсячно 60.000 Нѣмецкихъ золотыхъ, кромѣ того, что понадобится на артиллерію («что пристроитъ къ хитрецамъ и пушкамъ»). Василій на эти условія согласился, но добавилъ, что деньги будутъ выданы тогда, когда Нѣмцы начнутъ войну и вторгнутся въ Польскія владѣнія.

Пока Альбрехтъ готовился къ войнѣ, другой союзникъ Москвы, Германскій императоръ Максимиліанъ Первый—выступилъ въ 1517 году уже посредникомъ о мирѣ. Мы видѣли, что передъ началомъ войны съ Литвой,—благодаря усиліямъ Глинскаго, былъ заключенъ союзный договоръ между Василіемъ Іоанновичемъ и Максимиліаномъ противъ Сигизмунда, такъ какъ Максимиліанъ рѣшилъ искать Венгерско-Чешской короны подъ

братомъ Сигизмунда—Владиславомъ и его сыномъ. Для заключенія этого договора въ 1514 году прибылъ въ Москву императорскій посолъ Георгій Шниценъ-Памеръ, а съ нимъ обратно въ Вѣну отбыли изъ Москвы Грекъ Димитрій Ласкиревъ и дьякъ Елеазаръ Суковъ. Максимиліанъ крайне радушно принялъ Русскихъ пословъ, и 4 августа 1514 года собственноручной подписью и золотой печатью утвердилъ договоръ съ Москвой для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Сигизмунда; въ этомъ договорѣ онъ

182. Императоръ Максимиліанъ I.
Современное изображеніе художника Альбрехта Дюрера, находящееся въ музеѣ города Вѣны.

называлъ Василія императоромъ, на что, между прочимъ, впослѣдствіи ссылался Петръ Великій, принимая наименованіе императора.

Ратной помощи, однако, Москвѣ Максимиліанъ не оказалъ, а только возбуждалъ противъ Поляковъ другихъ ихъ враговъ, почему Сигизмундъ и сталъ искать съ нимъ примиренія; при этомъ, посредникомъ въ этомъ дѣлѣ явился братъ Сигизмунда—Венгерско-Чешскій король Владиславъ, такъ-какъ въ 1515 году рѣшено было, что Владиславъ обручитъ своего десятилѣтняго

сына Людвига—съ внучкой Максимиліана—Маріей, а свою тринадцатилѣтнюю дочь Анну—сразу съ обоими внуками того же Максимиліана—Карломъ и Фердинандомъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи окончательно рѣшить, кто изъ нихъ будетъ ея мужемъ. Эта ловкая политика Максимиліана приготовила въ будущемъ переходъ Венгріи и Чехіи въ руки его потомковъ—въ Нѣмецкій родъ Габсбурговъ, изъ коего онъ самъ происходилъ и который и понынѣ царствуетъ въ Австріи.

183. Прибытіе въ 1514 году Русскихъ пословъ Димитрія Ласкирева и дьяка Елеазара Сукова къ императору Максимиліану I; въ рукахъ императора и пословъ грамоты, съ привѣшенными къ нимъ печатями.

Со стариннаго, вѣроятно современнаго, Нѣмецкаго рисунка.

Въ слѣдующемъ 1516 году, Владиславъ Чешско-Венгерскій умеръ, и Максимиліанъ, оставаясь союзникомъ Москвы, уже сообща завѣдывалъ со своимъ врагомъ Сигизмундомъ—опекою надъ малолѣтнимъ Людвигомъ, сыномъ покойнаго Владислава; скоро послѣ этого Сигизмундъ, при посредствѣ того же Максимиліана, сталъ свататься къ его внучкѣ—принцессѣ Бонѣ изъ дома Миланскаго герцога Сфорца, а затѣмъ и женился на ней.

При такихъ обстоятельствахъ, Максимиліанъ изъ союзника Москвы рѣшилъ стать посредникомъ для заключенія мира между ней и Сигизмун-

184. Золотая печать при грамотѣ императора Максимиліана 1514 года, въ коей Василій III названъ императоромъ; на грамоту эту ссылался императоръ Петръ I, принимая императорскій титулъ.

домъ, за котораго онъ уже готовъ былъ по собственному выраженію: «идти и въ рай и въ адъ». Съ цѣлью этого посредничества, въ началѣ 1517 года онъ отправилъ чрезвычайное посольство въ Москву во главѣ съ родовитымъ и ученымъ Нѣмцемъ, знавшимъ Славянскій языкъ, барономъ Сигизмундомъ Герберштейномъ, оставившимъ весьма любопытныя, хотя и недоброжелательныя по отношенію насъ: «Записки о Московитскихъ дѣлахъ».

Василій Іоанновичъ зналъ, разумѣется, о двусмысленномъ поведеніи своего союзника Максимиліана и, конечно, не могъ быть имъ доволенъ, но посла его принялъ съ отмѣнной учтивостью и торжественностью, какъ это было принято въ подобныхъ случаяхъ.

Герберштейнъ прибылъ въ Москву 18 апрѣля 1517 года и черезъ три дня представилъ Государю свои вѣрительныя грамоты, послѣ чего былъ приглашенъ къ его столу и щедро одаренъ. Посольство помѣщалось въ домѣ князя Ря-

185. Золотая булла (печать) великаго князя Василія Іоанновича.

Эта золотая булла приложена къ трактату (союзному договору) 1514 года, заключенному между великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ и императоромъ Максимиліаномъ I.

половскаго, куда доставляли всѣ нужные припасы въ изобиліи, но особые пристава были назначены, чтобы слѣдить за всѣми дѣйствіями посла и его спутниковъ. Переговоры велись при посредствѣ бояръ и Грека Юрія

Малаго Траханіота, котораго Государь очень цѣнилъ за его большой умъ и опытность въ дѣлахъ.

Герберштейнъ не сразу приступилъ къ цѣли своего посольства, а началъ издалека; въ длинной и вычурной рѣчи онъ восхвалялъ блага мира, говорилъ, что надо всѣмъ христіанскимъ государямъ соединиться, дабы бороться съ Турками, которые отобрали уже у Египетскаго Султана Іерусалимъ, а затѣмъ подробно разсказалъ про могущество и родственныя связи Максимиліана.

Великій князь черезъ бояръ отвѣчалъ ему, что готовъ заключить миръ съ Сигизмундомъ, если послѣдній пришлетъ ему своихъ пословъ. На это Герберштейнъ предложилъ, чтобы послы обѣихъ сторонъ съѣхались на границѣ, или, такъ-какъ тамъ города выжжены, то въ Ригѣ. Но въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, крѣпко держались старины и послу императора отвѣтили, что разъ прежде Польскіе послы пріѣзжали за миромъ въ Москву, то и теперь они должны пріѣхать сюда же, и что отъ этого обычая Москва не отступитъ. Многоглаголивый Герберштейнъ долго на это не соглашался и въ длиннѣйшей рѣчи настаивалъ, чтобы съѣздъ пословъ былъ непремѣнно на границѣ, при чемъ приводилъ примѣры изъ жизни Александра Македонскаго и другихъ древнихъ царей. Однако, всѣ примѣры не помогли. Василій неуклонно стоялъ на своемъ: «Намъ своихъ пословъ на границу и никуда въ другое мѣсто посылать не пригоже, а захочетъ Сигизмундъ король мира, и онъ бы послалъ къ намъ своихъ пословъ, а прежнихъ намъ своихъ обычаевъ не рушить, какъ повелось отъ прародителей нашихъ, какъ было при отцѣ нашемъ и при насъ; что намъ Богъ далъ, мы того не хотимъ умалять, а съ Божіею волею хотимъ повышать, сколько намъ милосердный Богъ поможетъ. И намъ своихъ пословъ на границы и никуда посылать не пригоже. А что Польскій король собрался съ своимъ войскомъ и стоитъ на готовѣ: то и мы противъ своего недруга стоимъ на готовѣ и дѣло свое съ нимъ хотимъ дѣлать, сколько намъ Богъ поможетъ».

186. Одѣяніе Герберштейна, въ которомъ онъ представлялся великому князю Василію Іоанновичу при второмъ посольствѣ въ Россію.

Съ современнаго изображенія, приведеннаго въ книгѣ: „Записки о Московитскихъ дѣлахъ".

Наконецъ, въ началѣ октября 1517 года, Сигизмундъ рѣшилъ отправить своихъ пословъ маршалковъ Яна Щита и Богуша Боговитинова въ Москву, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы произвести давленіе на Василія, онъ приказалъ Константину Острожскому осадить городъ Опочку.

Однако, Сигизмундъ ошибся. Извѣстіе о наступленіи Острожскаго къ Опочкѣ въ то именно время, когда Литовскіе послы подъѣзжали къ Москвѣ, тогда какъ до этого Сигизмундъ, въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ Оршинской битвы, — не велъ никакихъ военныхъ дѣйствій противъ Москвы, ясно показывало Василію, что наступленіе Острожскаго имѣетъ исключительной цѣлью произвести на насъ давленіе. И вотъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться болѣе уступчивымъ, Василій вовсе не разрѣшилъ Литовскимъ посламъ въѣхать въ Москву, причемъ Герберштейну было объявлено, что они останутся въ подмосковной слободѣ Дорогомиловѣ до тѣхъ поръ, пока великокняжескіе воеводы «не перевѣдаются» съ Острожскимъ у Опочки.

187. Современное Нѣмецкое изображеніе Василія III Іоанновича.

Переводъ Латинской надписи надъ изображеніемъ: „Я по праву отцовской крови,—Царь и Государь Руссовъ; почетныхъ названій своей власти не покупалъ я ни у кого какими-либо просьбами или цѣною; не подчиненъ я никакимъ законамъ другого властелина, но, вѣруя во единаго Христа, презираю почетъ, выпрошенный у другихъ".

Послѣдніи двѣ недѣли громилъ съ наятыми Чешскими и Нѣмецкимъ пушками эту ничтожную крѣпость, намѣстникомъ въ которой сидѣлъ доблестный Василій Салтыковъ; «стѣны падали» — говоритъ Н. М. Карамзинъ: «но Салтыковъ, воины его и граждане не ослабѣли въ бодрой защитѣ, отразили приступъ, убили множество людей и воеводу Сокола, отнявъ у него знамя». А между тѣмъ къ Опочкѣ, пылая жаждою наказать Острожскаго за его измѣну и за Оршинское пораженіе, быстро шли съ разныхъ

сторонъ Московскіе полки, и въ трехъ мѣстахъ нанесли пораженіе Литовцамъ; кромѣ того, нашъ воевода Иванъ Ляцкій на голову разбилъ отрядъ, шедшій на соединеніе съ Острожскимъ, и отнялъ у него всѣ пушки съ обозомъ. При этихъ обстоятельствахъ, Острожскій рѣшилъ снять осаду Опочки и вернулся домой, а Василій разрѣшилъ Сигизмундовымъ посламъ въѣхать въ Москву и устроилъ имъ самый торжественный пріемъ. «Король предлагаетъ намъ миръ и наступаетъ войной» — сказалъ онъ, «теперь мы съ нимъ управились и можемъ выслушать мирныя слова его».

Переговоры начались въ ноябрѣ 1517 года. Московскіе бояре потребовали у пословъ Сигизмунда вернуть прародительскія отчины ихъ Государя—Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ и другіе города, которые король «держитъ за собой неправдою», и это требованіе, съ той поры, предъявлялось

188. Изображеніе князя Константина Ивановича Острожскаго на гробницѣ его въ Кіево-Печерской лаврѣ.

нами постоянно при всѣхъ переговорахъ съ Литвой; оно показываетъ, съ какой неуклонной настойчивостью шли Московскіе Государи къ достиженію своей завѣтной цѣли—собрать воедино Русскую Землю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, наши бояре требовали казни всѣхъ тѣхъ пановъ, которые были непочтительны къ покойной королевѣ Еленѣ Іоанновнѣ и причастны ея смерти.—Литовскіе послы, съ своей стороны, потребовали сначала половины Новгородской Земли, Твери, Вязьмы, Дорогобужа, Путивля и всей Сѣверской стороны.

Такъ какъ Герберштейнъ явно держалъ ихъ сторону, то его призвали во дворецъ, гдѣ бояре держали ему такое слово: «Сниценъ-Па-

меръ заключилъ договоръ, чтобы—императору и великому князю быть за одно на короля Сигизмунда, и великому князю доставать своей отчины, Русскихъ городовъ: Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, а императору доставать Прусскихъ городовъ: такъ ты размысли, хорошо ли это королевскіе послы говорятъ, будто великій князь держитъ за собой королевскіе города, а король будто за собой Государевой отчины не держитъ?»

Конечно, словами этими Герберштейнъ былъ поставленъ въ весьма трудное положеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ быть посредникомъ между обѣими сторонами. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ и взаимныхъ уступокъ, дѣло остановилось изъ за Смоленска: Литовцы непремѣнно требовали его возвращенія, а Русскіе бояре не хотѣли объ этомъ и слышать. Герберштейнъ держалъ все время сторону пословъ,

189. Въ посольской избѣ.

Рисунокъ художника В. Швартца.

написалъ огромную велерѣчивую записку, въ которой убѣждалъ Государя уступить Литовцамъ Смоленскъ, опять ссылался на примѣры разныхъ древнихъ царей, а также и на примѣръ самого Максимиліана, который завоевалъ городъ Верону, а затѣмъ вернулъ ее Венеціанцамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сослался и на примѣръ Іоанна Третьяго, который взявъ Казань—отдалъ ее подъ власть туземныхъ хановъ. Въ концѣ записки, уговаривая отдать Литовцамъ Смоленскъ, Герберштейнъ говорилъ, что Василій превзойдетъ при этой отдачѣ мудростію и щедростью отца своего Іоанна: «всякій человѣкъ будетъ провозглашать тебя прибавителемъ дѣлу христіанскому, и щедрость твоя обнаружитъ ту любовь, которую питаешь къ Цесарскому Величеству» (Максимиліану).

Но и эта высокопарная записка ученаго Нѣмецкаго посредника не подѣйствовала. Государь приказалъ ему коротко отвѣтить на нее: «Гово-

рилъ ты, что братъ нашъ Максимиліанъ Верону городъ Венеціанцамъ отдалъ: братъ нашъ самъ знаетъ, какимъ обычаемъ онъ Венеціанцамъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и впредь не хотимъ, чтобы намъ свои отчины отдавать».

«Въ сихъ любопытныхъ преніяхъ», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «видны искусство и тонкость разума Герберштейнова, грубость Литовскихъ пословъ и спокойная непреклонность Василіева: языкъ бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума».

Вслѣдъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ великаго князя Герберштейну, переговоры о мирѣ были прекращены и Литовскіе послы вмѣстѣ съ послѣднимъ уѣхали. При прощаніи, Василій Іоанновичъ всталъ съ мѣста, приказалъ кланяться Сигизмунду и въ знакъ ласки далъ посламъ руку. Герберштейнъ сталъ просить отъ имени Максимиліана отпустить къ нему на службу Михаила Глинскаго. Но Василій на это не согласился, и объявилъ, что онъ уже велѣлъ казнить Глинскаго за его великую вину, но послѣдній, вспомнивъ, что былъ крещенъ въ Православіи, а затѣмъ присталъ къ Римскому закону, билъ челомъ митрополиту о томъ, чтобы его опять вернули въ лоно Православной церкви и что теперь митрополитъ, взявъ его отъ казни, допытывается: «не поневолѣ ли онъ приступаетъ къ нашей вѣрѣ и уговариваетъ его, чтобы подумалъ хорошенько».

Вскорѣ прибыли новые послы отъ Максимиліана—Францискъ да-Колло и Антоній де-Конти съ непремѣнной цѣлью уговорить Василія заключить миръ съ Литвою для общаго похода на Турокъ. Но Василій твердо стоялъ на своемъ, что Смоленскъ остается за Москвой, а Сигизмундъ на это не соглашался. Тогда Австрійскіе послы предложили заключить перемиріе на шесть лѣтъ.

Государь объявилъ, что даетъ перемиріе на шесть лѣтъ, но при условіи, чтобы плѣнные обѣихъ сторонъ были-бы отпущены. Сигизмундъ, однако, очень дорожилъ множествомъ Рускихъ знатныхъ плѣнныхъ и не соглашался ихъ отпустить. Перемиріе не состоялось, и вторые императорскіе послы, также какъ и Герберштейнъ, должны были уѣхать ни съ чѣмъ. Такимъ образомъ, союзъ, а за тѣмъ и посредничество Максимиліана,—не принесли Москвѣ никакой пользы; да и трудно было ожидать пользы отъ такого союзника, какъ Максимиліанъ, который явно держалъ сторону Сигизмунда и откровенно писалъ Альбрехту Прусскому: «Не хорошо, если король будетъ низложенъ, а Царь Русскій усилится».

Между тѣмъ, военныя дѣйствія продолжались; наши войска нѣсколько разъ ходили въ Литовскія владѣнія и опустошали ихъ, причемъ доходили даже до Вильны. Въ 1520 году двинулся, наконецъ, противъ Поляковъ и Альбрехтъ Прусскій, послѣ чего Василій Іоанновичъ выслалъ ему обѣщанныя деньги.

Передъ началомъ открытія военныхъ дѣйствій противъ Сигизмунда, Альбрехтъ просилъ Василія увѣдомить Французскаго короля Франциска I о его союзѣ съ Прусскимъ Орденомъ. Василій согласился и послалъ гра-

моту во Францію, которая была первою, писанною въ эту страну изъ Москвы; въ ней, между прочимъ, говорилось: «Наияснѣйшему и свѣтлѣйшему королю Галлійскому. Прислалъ къ намъ Альбрехтъ, ... высокій магистръ, князь Прусскій, билъ челомъ о томъ, чтобы мы изъявили тебѣ, какъ мы его жалуемъ. И мы даемъ тебѣ знать объ этомъ нашею грамотою, что мы магистра жалуемъ, за него и за его Землю стоимъ, и впредь его жаловать хотимъ... Объявилъ намъ также высокій магистръ Прусскій, что предки твои тотъ чинъ (Орденъ) великимъ жалованьемъ жаловали; и ты бы теперь, вспомнивъ своихъ предковъ жалованье, магистра жаловалъ, за него и за его Землю противъ нашего недруга Сигизмунда короля стоялъ и оборонялъ съ нами за одно». Грамота эта послѣдствій не имѣла. Василій помогъ Альбрехту еще разъ своею казною, но сильно ослабѣвшій Нѣмецкій Орденъ былъ совершенно не въ состояніи бороться съ Сигизмундомъ и вскорѣ долженъ былъ заключить съ нимъ миръ, по которому Альбрехтъ получилъ въ свое наслѣдственное владѣніе всѣ Орденскія Земли, но становился *уже подручникомъ Польскаго короля*. Такъ пріобрѣла Польша Пруссію и вмѣстѣ съ тѣмъ часть Балтійскаго побережья.

Воюя съ Литвою, Василій Іоанновичъ былъ все время отнюдь не прочь заключить съ нею миръ, такъ какъ постоянное содержаніе сильныхъ ратей было страшно тяжело для Государства; но, разумѣется, миръ могъ быть заключенъ лишь съ сохраненіемъ нами Смоленска и возвращенія Русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Оршей. Съ другой стороны и Сигизмунду миръ былъ не менѣе нуженъ, чѣмъ намъ, а потому, въ 1520 году, въ Москву опять пріѣзжали Литовскіе послы; они предложили заключить перемиріе, съ тѣмъ, чтобы Смоленскъ остался за Москвой, но плѣнныхъ, взятыхъ подъ Оршей, никакъ не соглашались возвращать; великій князь, однако, непремѣнно настаивалъ на послѣднемъ, и послы опять уѣхали ни съ чѣмъ. А между тѣмъ, въ слѣдующемъ 1521 году,—дѣла приняли для Сигизмунда благопріятный оборотъ: онъ, какъ мы говорили, окончательно овладѣлъ Нѣмецкимъ Орденомъ и, кромѣ того, въ это время, какъ разъ свершилось то, противъ чего такъ сильно боролись Іоаннъ Третій и Василій Іоанновичъ и чего такъ желалъ самъ Сигизмундъ:—Крымская и Казанская Орды соединились вмѣстѣ и заключили союзъ противъ Москвы.

Произошло это такъ: Магметъ-Аминь Казанскій, послѣ принесенія повинной Василію Іоанновичу въ 1506 году,—оставался до своей смерти вѣрнымъ союзникомъ Москвы и усердно хлопоталъ, чтобы послѣ него въ Казань былъ посаженъ братъ его Абдылъ-Летифъ, бывшій, какъ мы видѣли, у насъ на службѣ. Но Магметъ-Аминь умеръ въ концѣ 1518 года, а Абдылъ-Летифъ скончался еще за годъ до него. Такимъ образомъ, необходимо было найти новаго царя для Казани. Магметъ-Гирей Крымскій непремѣнно желалъ, чтобы тамъ былъ посаженъ кто либо изъ его братьевъ, но, разумѣется, Москва отнюдь этого не хотѣла, а рѣшила посадить въ Казань нашего служилаго царевича Шигъ-Алея, внука послѣдняго хана

Золотой Орды Ахмата, кровнаго врага Крымскихъ Гиреевъ. Этотъ Шигъ-Алей и былъ отправленъ Василіемъ въ Казань; скоро, однако, онъ возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе Казанцевъ, видѣвшихъ въ немъ черезчуръ усерднаго слугу Москвы: и вотъ, тайно переславшись съ Магметъ-Гиреемъ Крымскимъ, Казанцы рѣшили пригласить его младшаго брата Саипъ-Гирея, который въ 1521 году внезапно появился съ Крымскимъ войскомъ подъ стѣнами Казани, изгналъ Шигъ-Алея, и самъ сѣлъ на его мѣсто.

После этого, Шигъ-Алей вернулся въ Москву, гдѣ вслѣдъ за тѣмъ было получено извѣстіе, къ сожалѣнію нѣсколько запоздалое, что самъ Магметъ-Гирей идетъ на нее изъ Крыма во главѣ огромныхъ силъ; къ нему на соединеніе шелъ и братъ его, новый Казанскій царь Саипъ-Гирей, уже опустошившій Нижегородскую и Владимірскую области. Чтобы задержать непріятеля былъ высланъ на спѣхъ къ рѣкѣ Окѣ отрядъ, подъ начальствомъ князя Димитрія Бѣльскаго и брата великаго князя—Андрея. Татары разбили этотъ отрядъ безъ труда, а затѣмъ, произведя повсюду страшное разореніе, быстро подошли къ Москвѣ. Великій князь, какъ въ подобныхъ случаяхъ всегда дѣлали его предки, отправился собирать полки на сѣверъ, а жители столицы сѣли въ осаду подъ начальствомъ шурина Василія, мужа его сестры Евдокіи Іоанновны—помянутаго нами крещенаго Татарскаго царевича Петра.

Населеніе, давно уже отвыкшее отъ нашествій варваровъ, съ ужасомъ устремилось со всѣхъ сторонъ въ кремль, давя въ воротахъ другъ друга. Отъ страшной тѣсноты заразился воздухъ (было очень жарко—конецъ іюля), а когда стали готовиться къ защитѣ, то оказалось, что мало пороха для пушекъ. При этихъ обстоятельствахъ, царевичъ Петръ и бояре вступили въ переговоры съ ханомъ, который и самъ не думалъ вести осаду города, а хотѣлъ урвать что можно, а затѣмъ быстро уйти назадъ, захвативъ возможно больше полону. Поэтому, Магметъ-Гирей согласился тотчасъ же уйти отъ Москвы, если будетъ выдано письменное обязательство, что великій князь согласенъ платить ему дань. Царевичъ Петръ и бояре, подумавъ, прислали ему просимую грамоту, скрѣпленную великокняжеской печатью съ обязательствомъ платежа дани, послѣ чего ханъ быстро отошелъ отъ Москвы, направляясь къ Рязани, гдѣ въ это время сидѣлъ Московскій окольничій Хабаръ Симскій.

Вмѣстѣ съ Татарами, въ ихъ разбойничьемъ набѣгѣ на Москву участвовалъ и Русскій человѣкъ: это былъ нѣкій Евстафій Дашковичъ. Онъ отъѣхалъ при Іоаннѣ Третьемъ изъ Литвы въ Москву, затѣмъ при Василіи убѣжалъ опять на Литву, сдѣлался тамъ атаманомъ Днѣпровскихъ казаковъ и теперь пришелъ съ Крымцами грабить и жечь своихъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ. Дашковичъ уговорилъ Магметъ-Гирея взять Рязань хитростью: подойдя къ городу, Татары послали сказать Хабару Симскому, что война кончилась, а затѣмъ открыли подъ ея стѣнами огромное торжище, гдѣ стали продавать жителямъ награблен-

ное добро и плѣнниковъ, при чемъ многіе изъ послѣднихъ безъ всякаго выкупа уходили въ городъ. Тогда, по совѣту Дашковича, ханъ, будто-бы для поимки ушедшихъ въ Рязань плѣнниковъ, сталъ приближать свои войска къ самому городу, а чтобы успокоить бдительность Хабара Симскаго послалъ къ нему Московскую грамоту, какъ доказательство, что война дѣйствительно уже окончилась.

Но Хабаръ Симскій вмѣстѣ съ мужествомъ соединялъ рѣдкую проницательность. Онъ честно выдалъ Татарамъ всѣхъ ихъ плѣнныхъ, укрывшихся въ городѣ, а затѣмъ, когда увидѣлъ, что противники продолжаютъ все болѣе и болѣе скопляться подъ его стѣнами, то приказалъ Нѣмецкому пушкарю Іордану выстрѣлить въ нихъ изъ пушки, при чемъ множество Татаръ и казаковъ было положено на мѣстѣ. Видя, что хитрость не удалась, и узнавъ, что противъ него двигаются его враги—Астраханскіе Татары, Магметъ-Гирей поспѣшилъ уйти изъ подъ Рязани, оставивъ въ рукахъ ея умнаго и рѣшительнаго воеводы грамоту объ уплатѣ дани, подписанную растерявшимся царевичемъ Петромъ и Московскими боярами. За эту выдающуюся заслугу Хабаръ Симскій былъ возведенъ въ санъ боярина, и, кромѣ того, описаніе самой заслуги его было занесено въ особыя книги Государевы: Родословную и Разрядную, для сохраненія памяти о ней на всѣ времена.

190. Изъ клада, найденнаго въ 1822 году въ старой Рязани и извѣстнаго подъ именемъ „древнихъ Рязанскихъ бармъ“.

Послѣдствія набѣга Магметъ-Гирей были ужасны; говорятъ, что онъ увелъ до 800,000 человѣкъ полону, въ томъ числѣ много знатныхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей. Вскорѣ всѣ рынки въ Астрахани, Кафѣ и другихъ городахъ Черноморскаго побережья были полны нашими плѣнными; старыхъ же и больныхъ, которые не шли на продажу—Татары или морили голодомъ, или отдавали своимъ дѣтямъ, чтобы они учились на нихъ искусству убивать людей саблями и стрѣлами.

Когда Василій вернулся въ Москву, то онъ произвелъ строгое разслѣдованіе о всемъ происшедшемъ, послѣ чего лишилъ сана и помѣстья воеводу князя Ивана Воротынскаго, человѣка весьма искуснаго въ ратномъ дѣлѣ, но обвиненнаго въ томъ, что онъ изъ зависти не давалъ надлежащихъ совѣтовъ молодому князю Бѣльскому, начальствовавшему надъ войсками при первой встрѣчѣ съ Татарами на берегу рѣки Оки. Конечно, это было огромное преступленіе, и строгая кара, постигшая виновнаго, показываетъ намъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ Государь за всѣми дѣйствіями своихъ воеводъ.

Громадная добыча, взятая въ Московскомъ Государствѣ, разожгла алчность Магметъ-Гирея: онъ объявилъ въ своихъ владѣніяхъ, чтобы его войска готовились вторично вторгнуться въ Русскую Землю. Но великій князь тоже принялъ свои мѣры, и къ веснѣ слѣдующаго 1522 года Московскіе полки заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ Василій Іоанновичъ; онъ остался очень доволенъ видомъ и обученіемъ нашего воинства и отличнымъ артиллерійскимъ нарядомъ, который прежде употребляли только при защитѣ и осадѣ укрѣпленій и городовъ. Ханъ, однако, не пошелъ на насъ и великій князь вернулся въ Москву, гдѣ было, наконецъ, въ томъ-же 1522 году, заключено перемиріе съ Литвой на пять лѣтъ; по этому перемирію, Смоленскъ послѣ долгихъ споровъ остался за Москвою, но Русскіе плѣнные, взятые въ Оршинской битвѣ, къ прискорбію Василія, не были отпущены изъ Литвы.

Окольничій Морозовъ и дворецкій Бутурлинъ были посланы въ Краковъ съ перемирной грамотой. Литовскіе лѣтописцы разсказываютъ, что они прибыли съ большой пышностью, имѣя подъ собой до пятисотъ коней. Сигизмундъ два раза приглашалъ ихъ къ обѣденному столу, но они два раза уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за однимъ столомъ съ присланными повѣренными въ дѣлахъ—папы Римскаго, императора Германскаго и Венгерскаго короля. Такъ высоко цѣнили въ тѣ времена Русскіе люди свое званіе пословъ великаго князя Московскаго. Этимъ перемиріемъ окончилась десятилѣтняя война съ Литвою; намъ она дала—возвращеніе древней Русской отчины—Смоленска, а Сигизмунду громкую, но безполезную по послѣдствіямъ славу—Оршинской побѣды.

Заключенное перемиріе, въ 1525 году, было вновь продолжено до 1533 года, а затѣмъ и еще на одинъ годъ, при чемъ переговоры велись опять въ Москвѣ при посредствѣ пословъ новаго Германскаго императора—сына Максимиліана, Карла Пятаго; имъ были присланы графъ Нугароль и уже знакомый намъ баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ; ходъ переговоровъ былъ прежній. Герберштейнъ настаивалъ на томъ, чтобы для заключенія вѣчнаго мира Москва уступила Литвѣ Смоленскъ, а Василій на это не соглашался; съ своей стороны, и Сигизмундъ не отдавалъ намъ Оршинскихъ плѣнныхъ, хотя въ 1525 году многіе изъ нихъ уже умерли, такъ какъ ихъ содержали въ Литвѣ крайне жестоко; въ спискѣ этихъ плѣнныхъ, составленномъ для короля, сами же Литовцы писали: «Оброку имъ ничего не даютъ, кормятся тѣмъ, что сами Христа ради выпросятъ; всѣ сидятъ пакованы, стража къ нимъ приставлена крѣпкая».

Заключеніе перемирія съ Литвой, конечно, развязывало Москвѣ руки для дѣйствій противъ Татаръ. Впрочемъ, противъ самаго злѣйшаго нашего врага Магметъ-Гирея Крымскаго дѣйствовать не пришлось. Съ помощью Ногайскаго мурзы Мамая онъ завоевалъ царство Астраханское, жившее въ мирѣ съ Москвой, но затѣмъ самъ Мамай вѣроломно убилъ Магметъ-Гирея и вторгнулся со своими Ногаями въ Крымъ, произведя тамъ сильнѣйшія опустошенія, въ то время какъ другой союзникъ Магметъ-

Гирея—Евстафій Дашковичъ сжегъ принадлежавшій Крымцамъ Очаковъ и многіе Татарскіе улусы около устьевъ Днѣпра. Послѣ убіенія Магметъ-Гирея, на ханскій престолъ въ Крыму былъ возведенъ Турецкимъ султаномъ братъ убитаго—Сайдетъ-Гирей.

Въ виду описанныхъ происшествій въ Крыму, Василій Іоанновичъ обратилъ всѣ свои силы противъ Саипъ-Гирея Казанскаго, вѣроломно убившаго Московскаго посла и плѣнившаго всѣхъ нашихъ купцовъ. Лѣтомъ 1523 года—Государь лично отбылъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, откуда отправилъ воеводъ подъ Казань. Они вернулись благополучно и привели множество плѣнныхъ.

При этомъ, по приказанію великаго князя—въ устьѣ рѣки Суры на Казанской Землѣ наши воеводы срубили городъ *Васильсурскъ*, ставшій какъ-бы передовымъ оплотомъ Москвы для всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій противъ Казани. Это была чрезвычайно важная мѣра, которую сразу же оцѣнилъ и митрополитъ Даніилъ, говоря, что новопостроеннымъ городомъ Государь возьметъ затѣмъ и всю Казанскую Землю.

Лѣтомъ слѣдующаго 1524 года Василій Іоанновичъ отправилъ подъ Казань новую рать, болѣе 150.000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго. Саипъ-Гирей испугался и убѣжалъ въ Крымъ къ брату Сайдетъ-Гирею, а въ Казани оставилъ своего самаго младшаго брата Сафа-Гирея. Однако, несмотря на большія силы, Русскимъ, вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій князя Бѣльскаго, не удалось взять Казани, почему Василій и согласился на то, чтобы въ ней остался ханомъ Сафа-Гирей, въ качествѣ его подручника. Сафа-Гирей сидѣлъ въ Казани спокойно до 1529 года, но затѣмъ нанесъ сильное оскорбленіе Московскому послу; вслѣдствіе этого, въ 1530 году Василій двинулъ къ Казани новую рать—судовую и конную; послѣдней начальствовалъ знаменитый князь Михаилъ Глинскій, успѣвшій, наконецъ, заслужить прощеніе великаго князя. 10 іюля произошелъ сильный бой, въ которомъ Русскіе одержали полную побѣду и начали добывать уже самый городъ. Тогда изъ него вышли трое знатныхъ Казанцевъ и стали просить мира. Государь согласился на миръ и оставилъ въ Казани по прежнему Сафа-Гирея; скоро, однако, сами Казанцы, видя, что Сафа-Гирей своими кознями противъ Москвы можетъ вызвать новый походъ великокняжской рати, изгнали его отъ себя и попросили себѣ изъ рукъ Московскаго Государя новаго хана. Тогда Василій далъ имъ нашего служилаго царевича Еналея, младшаго брата уже сидѣвшаго у нихъ Шигъ-Алея. Еналеемъ были довольны въ Москвѣ, но назначеніемъ его былъ обиженъ старшій братъ Шигъ-Алей, получившій отъ Государя послѣ своего изгнанія изъ Казани Серпуховъ и Каширу; онъ началъ пересылаться съ Казанью и другими мѣстами безъ вѣдома великаго князя; однако его изобличили и сослали на Бѣлоозеро.

Такъ, благодаря удивительной настойчивости и твердости Василія Іоанновича, ему удалось опять привести Казань въ полное подчиненіе Москвѣ. При этомъ, чтобы обезопасить на будущее время своихъ купцовъ

отъ варварскихъ захватовъ со стороны Казанцевъ, онъ запретилъ имъ ѣздить на богатѣйшую ежегодную ярмарку въ Казань, а приказалъ имъ съѣзжаться въ новооснованномъ городѣ Васильсурскѣ. Это распоряженіе вызвало вначалѣ большую заминку въ торговлѣ, но затѣмъ повело къ созданію извѣстной ярмарки въ Макарьевѣ на Волгѣ, перенесенной впослѣдствіи въ Нижній-Новгородъ.

Пересылка между Крымомъ и Москвой, послѣ того какъ султанъ назначилъ въ Бахчисарай ханомъ Сайдетъ-Гирея,—продолжалась, причемъ Крымцы были по прежнему наглы въ своихъ требованіяхъ, а послы Василія—по прежнему мало склонны къ такимъ уступкамъ, которыя могли-бы имѣть хотя слабый видъ зависимости Москвы отъ Крыма. «Въ пошлину никому ничего ни подъ какимъ видомъ не давать»—наказывалось Московскому послу, отправлявшемуся къ Сайдетъ-Гирею, — «кромѣ того, что послано къ нему въ подаркахъ, или что посолъ отъ себя кому дастъ за его добро, а не въ пошлину. Въ пошлину ни подъ какимъ видомъ ни царю, ни царевичамъ, ни князьямъ, ни царевымъ людямъ не давать. Если бросятъ передъ посломъ батогъ и станутъ просить пошлины у батога—не давать, а идти прямо къ царю чрезъ батогъ; если у дверей царевыхъ станутъ просить пошлины—и тутъ ничего не давать; пусть посолъ всякій позоръ надъ собой вытерпитъ, а въ пошлину ничего не долженъ дать»...

Въ 1527 году Сайдетъ-Гирей отправилъ своихъ пословъ въ Москву, а въ то же время приказалъ племяннику Исламу-Гирею совершить вторженія въ наши области; къ счастью, на берегахъ Оки стояли Московскіе воеводы и заставили его быстро повернуть назадъ; когда же вѣсть объ этомъ измѣнническомъ набѣгѣ дошла до Москвы, то Василій Іоанновичъ приказалъ въ сердцахъ утопить Сайдетовыхъ пословъ. Вскорѣ послѣ этого, Сайдетъ-Гирей былъ изгнанъ изъ Крыма, а его мѣсто занялъ Саипъ-Гирей, бывшій прежде въ Казани и, какъ мы видѣли, бѣжавшій оттуда при приближеніи большой великокняжеской рати.

Въ 1533 году Саипъ-Гирей выслалъ двухъ своихъ племянниковъ къ Московской украинѣ. Государь немедленно же собрался въ походъ, послалъ за братьями Юріемъ и Андреемъ, велѣлъ разставлять пушки и пищали въ кремлѣ, и 15 августа, отстоявъ обѣдню у праздника въ Успенскомъ соборѣ, лично выступилъ къ Коломнѣ, выдвинувъ отряды за Оку для добыванія языковъ, при чемъ князья Димитрій Палецкій и Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій разбили передовыя части Татаръ; тогда ихъ главныя силы, опасаясь встрѣчи съ великокняжеской ратью, поспѣшно отступили назадъ. Этотъ походъ былъ послѣднимъ для Василія Іоанновича; онъ вскорѣ занемогъ и скончался, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже.

Какъ мы видѣли, за все время своего великаго княженія ему приходилось быть постоянно наготовѣ противъ ненасытныхъ Крымскихъ разбойниковъ. Съ цѣлью ихъ обузданія онъ придавалъ важное значеніе своимъ сношеніямъ съ Турецкимъ султаномъ, и для поддержанія ихъ онъ отправилъ въ 1513 году посломъ въ Константинополь—Алексѣева,

который долженъ былъ напомнить султану Селиму дружескія отношенія, существовавшія между ихъ отцами; при этомъ Алексѣеву данъ былъ наказъ: «поклониться султану, руки пригнувъ къ себѣ выше пояса по ихъ обычаю, а на колѣни ему не становиться, и въ землю челомъ не бить».

Въ 1515 году, изъ Москвы былъ отправленъ другой посолъ въ Константинополь—Коробовъ, съ порученіемъ постараться заключить союзъ противъ Литвы и Крыма.

Съ этою же цѣлью, въ 1517 году, настойчивый Василій Іоанновичъ послалъ и третьяго посла къ Селиму, дворянина Голохвастова. Султанъ уклонился отъ заключенія союза съ Василіемъ, но запретилъ Крымскому хану нападать на Москву. «Слышалъ я»—писалъ онъ послѣднему, «что хочешь идти на Московскую Землю, такъ береги свою голову, не смѣй ходить на Московскаго, потому что онъ мнѣ другъ великій, а пойдешь на Московскаго, такъ я пойду на твою Землю». Такія же добрыя отношенія поддерживалъ Василій и съ преемникомъ Селима—султаномъ Солиманомъ.

191. Императоръ Карлъ V.

Современное изображеніе неизвѣстнаго Голландскаго художника. Хранится въ музеѣ города Будапешта.

Мы говорили уже, что въ цѣляхъ повліять на Литву Василій продолжалъ по смерти Максимиліана дружескую переписку съ его сыномъ императоромъ Карломъ Пятымъ, хитрымъ и алчнымъ до власти юношей, который мечталъ создать по примѣру Карла Великаго огромную имперію. Какъ мы видѣли, Карлъ V прислалъ въ Москву графа Нугароля и барона Герберштейна, при посредствѣ которыхъ и было заключено перемиріе съ Литвой. Эти добрыя отношенія Василія съ молодымъ Германскимъ императоромъ вызвали, разумѣется, большое неудовольствіе короля Сигизмунда; при проѣздѣ помянутыхъ пословъ въ Русскую Землю черезъ его владѣнія, онъ сказалъ имъ, что можетъ самъ унять Москву и промолвилъ съ досадой: «какая дружба у князя Московскаго съ императоромъ? Что они близкіе сосѣди или родственники?»—но, однако, вслѣдъ затѣмъ, отправилъ также своихъ пословъ въ Москву, которые и заключили перемиріе.

Римскіе папы дважды пытались склонить Василія присоединиться къ Флорентійской уніи. Въ 1517 году, папа Левъ X, прославившій себя возведеніемъ въ Римѣ многихъ памятниковъ искусства, но вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, поручилъ сказать великому князю черезъ посла магистра Альбрехта Прусскаго: «Папа хочетъ великаго князя и всѣхъ людей Русской Земли принять въ единеніе съ Римской церковью, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, хочетъ только подкрѣпить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь Греческая не имѣетъ главы; патріархъ Константинопольскій въ Турецкихъ рукахъ; папа знаетъ, что на Москвѣ есть духовнѣйшій митрополитъ, хочетъ его возвысить, сдѣлать патріархомъ, какъ былъ прежде Константинопольскій и наияснѣйшаго Царя всея Руси хочетъ короновать христіанскимъ Царемъ. При этомъ папа не желаетъ себѣ никакого прибытка, хочетъ только хвалы Божіей и соединенія христіанъ».

Вмѣстѣ съ этимъ предложеніемъ, папа предлагалъ Василію также помочь ему въ добываніи его отчины—Константинополя, побуждая начать войну противъ Турокъ.

На эту тонкую рѣчь Василій приказалъ вѣжливо отвѣтить послу Льва Десятаго: «Государь нашъ съ папою хочетъ быть въ дружбѣ и согласіи, но, какъ прежде Государь нашъ съ Божіею волею отъ прародителей своихъ законъ Греческій держалъ крѣпко, такъ и теперь съ Божіею волею законъ свой держать крѣпко хочетъ».

На предложеніе-же о союзѣ противъ Турокъ отвѣтъ былъ такой: «Мы, съ Божіею волею, противъ невѣрныхъ за христіанство стоять будемъ. А съ вами и съ другими христіанскими государями хотимъ быть въ любви и докончаніи, чтобы послы наши ходили съ обѣихъ сторонъ наше здоровье видѣть». Не больше успѣха имѣло подобное же предложеніе отъ преемника Льва Десятаго—Климента VII; Василій принялъ его посла съ величайшимъ уваженіемъ, честилъ его два мѣсяца въ Москвѣ и отправилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Италію своего гонца Димитрія Герасимова, о которомъ извѣстный Итальянскій историкъ Павелъ Іовій отзывался съ великой похвалой, какъ о человѣкѣ весьма образованномъ, знавшемъ Латинскій языкъ, и при этомъ очень разумномъ и привѣтливомъ; качествами этими, какъ мы видѣли, отличались и всѣ остальные Московскіе люди—бояре и дьяки, назначавшіеся для сношенія съ иноземными государями и ихъ послами.

Кромѣ Литвы и Татаръ, борьба съ которыми заполнила почти все время княженія Василія Іоанновича, съ остальными державами отношенія наши были дружественными: со Швеціей, въ 1518 году, былъ заключенъ мирный договоръ на 60 лѣтъ, а съ Ливоніей перемирные договоры въ 1509, 1521 и 1531 году; кромѣ того, въ 1514 году было подписано десятилѣтнее перемиріе съ семьюдесятью городами Ганзейскими, «съ сей стороны Поморья и съ оной стороны Заморья», причемъ была возобновлена старинная взаимная свободная торговля съ Новгородомъ. Наконецъ, съ

Даніей—у насъ былъ союзный договоръ, по которому Датскимъ купцамъ было позволено выстроить дворы и въ нихъ церкви—въ Новгородѣ и Иван-городѣ.

Пріѣзжало во времена Василія въ Москву посольство и отъ знаменитаго Индійскаго царя Бабура, основавшаго имперію Великаго Могола.

Важнымъ внутреннимъ дѣломъ при Василіи Іоанновичѣ было присоединеніе къ Москвѣ послѣ Пскова—великаго княжества Рязанскаго. Мы видѣли, что Іоаннъ Третій имѣлъ уже своихъ намѣстниковъ въ Рязани во время малолѣтства Рязанскаго князя Ивана Ивановича, но затѣмъ посадилъ его тамъ, при чемъ послѣдній ходилъ въ его полномъ послушаніи; сынъ же этого князя Ивана Ивановича не желалъ исполнять того же по отношенію сына Іоанна Третьяго—великаго князя Василія, и не замедлилъ войти въ соглашеніе съ заклятымъ врагомъ Москвы Крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ и даже хотѣлъ жениться на его дочери. Узнавъ про это, Василій вызвалъ его въ Москву и заключилъ подъ стражу, откуда онъ вскорѣ бѣжалъ въ Литву; Рязанское-же княжество было окончательно присоединено къ Москвѣ, при чемъ намѣстникомъ въ Рязани была назначенъ Хабаръ Симскій, такъ доблестно отбившій Магметъ-Гирея отъ ея стѣнъ.

Кромѣ Пскова и Рязани, при Василіи-же Іоанновичѣ къ Москвѣ были присоединены и два большихъ удѣльныхъ княжества—Новгородъ-Сѣверское и Стародубское, перешедшіе при Іоаннѣ Третьемъ подъ руку Москвы изъ подъ власти Литвы; произошло это такъ: въ княжествахъ этихъ сидѣли два заклятыхъ врага—князь Василій Ивановичъ Новгородъ-Сѣверскій,—внукъ Шемяки, и князь Василій Ивановичъ Стародубскій, внукъ князя Ивана Можайскаго. Вражда ихъ окончилась тѣмъ, что Василій Ивановичъ Новгородъ-Сѣверскій изгналъ Василія Ивановича Стародубскаго изъ его отчины, но затѣмъ въ 1527 году былъ вызванъ въ Москву и заключенъ подъ стражу, такъ какъ было перехвачено его письмо къ Кіевскому воеводѣ, въ которомъ онъ предлагалъ свою службу королю Сигизмунду. Обѣ волости-же, Новгородъ-Сѣверская и Стародубская, которыми онъ владѣлъ—были присоединены къ Москвѣ.

Во время заключенія Шемячича, по Московскимъ улицамъ ходилъ юродивый съ метлой въ рукахъ и громко говорилъ: «Государство не совсѣмъ еще очищено—пришла пора вымести послѣдній соръ».

Эти слова юродиваго были прямымъ выраженіемъ взглядовъ народа на власть Московскихъ Государей и на оставшихся послѣднихъ удѣльныхъ князей; дѣйствительно, присоединеніе Рязани, Новгорода-Сѣверскаго и Стародуба не вызвало никакихъ волненій въ населеніи; только часть Рязанцевъ, по примѣру Новгорода и Пскова, была разселена по другимъ областямъ. Вслѣдъ затѣмъ и удѣлъ дяди Василія—Бориса Васильевича Волоцкаго тоже отошелъ къ Москвѣ, послѣ смерти его бездѣтнаго сына Ѳеодора.

Таковы были дѣла Василія Іоанновича Третьяго по отношенію исполненія прародительскаго завѣта—собиранія Русской Земли. Надо замѣтить,

что во всей своей дѣятельности онъ никогда не встрѣчалъ никакой поддержки со стороны своихъ братьевъ. Мы видѣли, что одинъ изъ нихъ, Симеонъ Калужскій хотѣлъ бѣжать въ Литву и только благодаря заступничеству митрополита былъ прощенъ Василіемъ. Другой, Димитрій Іоанновичъ, какъ мы знаемъ, крайне неудачно начальствовалъ надъ войсками при первомъ походѣ Василія на Казань; при этомъ, онъ не могъ забыть стариннаго своеволія князей, за что старшій братъ и вынужденъ былъ посылать ему выговоры. Самый старшій, Юрій Іоанновичъ, также былъ недоволенъ порядками, установившимися въ Москвѣ, гдѣ вся власть принадлежала великому князю, и собирался тоже уйти на Литву, почему Василій долженъ былъ установить за нимъ надзоръ. Наконецъ, младшій, Андрей, былъ человѣкомъ ничемъ незамѣчательнымъ, ни въ хорошую, ни въ плохую сторону; такимъ образомъ, Василію Іоанновичу не на кого было опереться изъ своихъ близкихъ въ тяжелыя времена, которыя ему приходилось неоднократно переживать.

Не былъ счастливъ онъ и въ своей семейной жизни. Великая княгиня Соломонія была безплодна и престолъ долженъ былъ перейти послѣ него къ брату Юрію, человѣку совершенно неспособному продолжать успѣшно трудное служеніе Родинѣ. Все это, конечно, сильно печалило и озабочивало Василія.

Ѣдучи однажды за городомъ и увидѣвъ птичье гнѣздо, онъ, по словамъ лѣтописца, сильно заплакалъ и началъ говорить сквозь слезы: «Горе мнѣ! На кого я похожъ? и на птицъ небесныхъ не похожъ, потому что и онѣ плодовиты; и на звѣрей земныхъ не похожъ, потому что и они плодовиты; и на воды не похожъ, потому что и воды плодовиты; волны ихъ утѣшаютъ, рыбы веселятъ! Господи! не похожъ я и на землю, потому что и земля приноситъ плоды свои во всякое время, и благословляютъ они тебя Господи».

Несчастная великая княгиня, конечно, всей душой хотѣла принести своему супругу наслѣдника и прибѣгала для этого къ знахарямъ и знахаркамъ—но ничего не помогало. А между тѣмъ, Василій обратился въ думѣ къ боярамъ и съ плачемъ сталъ говорить имъ: «Кому по мнѣ Царствовать на Русской Землѣ и во всѣхъ городахъ моихъ и предѣлахъ? братьямъ отдать? но они и своихъ удѣловъ строить не умѣютъ». Вопросъ, поставленный Василіемъ, былъ, конечно, огромной важности для всей будущности Государства. И вотъ, изъ боярской среды послышался отвѣтъ: «Государь, князь великій! Неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда». Этимъ боярскимъ отвѣтомъ опредѣлилась судьба Соломоніи. Великій князь рѣшилъ дать ей разводъ. Сторонниками этого рѣшенія былъ митрополитъ Даніилъ, бывшій игуменъ знаменитаго Іосифова Волоколамскаго монастыря, и большинство бояръ; но были и противники, въ томъ числѣ князь Семенъ Курбскій и бывшій князь—Василій Косой Патрикѣевъ, въ иночествѣ Вассіанъ, постриженный, какъ мы помнимъ, еще при Іоаннѣ Третьемъ, вмѣстѣ съ отцомъ своемъ княземъ Иваномъ Патрикѣе-

192. Покровскій женскій монастырь въ Суздалѣ.

вымъ, взамѣнъ смертной казни «за высокоуміе», которой былъ подвергнутъ только князь Ряполовскій; противъ развода былъ и пріѣзжій съ Аѳона для исправленія церковныхъ книгъ—инокъ Максимъ Грекъ.

Объявленіе о разводѣ состоялось въ ноябрѣ 1525 года, послѣ чего Соломонію постригли подъ именемъ Софіи въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а затѣмъ перевели въ Суздальскій Покровскій монастырь.

Извѣстія, дошедшія до насъ, о постриженіи Соломоніи—разнорѣчивы: по нѣкоторымъ изъ нихъ, разводъ и постриженіе послѣдовало по желанію и даже по просьбѣ и настоянію самой великой княгини, а по другимъ—она будто-бы этому противилась.

Получивъ разводъ—Василій, въ началѣ 1526 года, женился на дочери умершаго князя Василія Львовича Глинскаго, брата знаменитаго Михаила—на княжнѣ Еленѣ Васильевнѣ, дѣвушкѣ красивой и умной, получившей, какъ Западно-Русская уроженка, болѣе широкое образованіе, чѣмъ тогда было въ обычаѣ относительно Московскихъ боярышень. Объ этой свадьбѣ сохранилось подробное описаніе въ данныхъ по ея поводу «Нарядахъ», которые для насъ тѣмъ болѣе любопытны, что свадебные обычаи Русскихъ людей были, приблизительно, одинаковы какъ у простолюдиновъ, такъ и у бояръ и князей, отличаясь только степенью своей пышности.

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ нарядовъ для свадьбы Василія Іоанновича:

«*Нарядъ великаго князя въ Брусяной избѣ*».

«Лѣта 7034 (1526) января въ 21 день, въ воскресенье, великій князь повелѣлъ быти большему наряду для своей, великаго князя, свадьбы въ Брусяной избѣ. А какъ великій князь нарядясь пойдетъ въ Брусяную избу за столъ, а брату его, князю Андрею Ивановичу быти тысяцкимъ, а поѣздъ изготовить изъ бояръ, кому великій князь укажетъ. Среднюю палату нарядити по старому обычаю, а мѣсто оболочи бархатомъ съ камками, какъ князь великій велитъ. А сголовья на мѣстѣ положить

шитыя, а на сголовьяхъ класти по сороку соболей, а третій сорокъ держати, кому укажетъ великій князь, чѣмъ бы опахивать великаго князя и великую княгиню. А въ средней палатѣ, у того же мѣста, поставити столъ, и скатерть послати, на столѣ калачи, соль поставити на блюдѣ дѣда князева великаго князя Василья Васильевича, что въ кладовой».

«*Нарядъ, какъ идти Еленѣ Васильевнѣ на свое мѣсто*». Княжну Елену Васильевну нарядить въ большой уборъ, какъ ей идтить на мѣсто, и сидѣти ей во своихъ хоромѣхъ. А тысяцкаго женѣ, свахамъ и боярынямъ быти у ней во всемъ готовомъ, какъ изстари уряжено. Какъ изготовятъ каравай, также туто поставити обѣ свѣчи. А князь великій пришлетъ къ боярынямъ, а велитъ княжнѣ идти на свое мѣсто, и княжнѣ пойти изъ своихъ хоромъ въ среднюю палату, на право, въ сѣнныя двери, а съ ней идти тысяцкаго женѣ, обѣимъ свахамъ и боярынямъ»...

Когда невѣста шла въ среднюю палату, передъ ней несли вѣнчальныя свѣчи жениха и невѣсты и каравай, на которомъ были положены золотыя деньги; прійдя въ эту палату, она сѣла на свое мѣсто, а на мѣсто жениха— ея младшая сестра Настасья. Затѣмъ вошелъ въ палату братъ великаго князя Юрій Іоанновичъ съ боярами и дѣтьми боярскими, разсажалъ ихъ по мѣстамъ и послалъ звать жениха. Василій Іоанновичъ вошелъ со своимъ

193. Свадьба великаго князя Василія III Іоанновича съ княжной Еленой Глинской.

Рисунокъ художника К. А. Лебедева.

тысяцкимъ и свадебными боярами, поклонился иконамъ, а затѣмъ сѣлъ подлѣ невѣсты—гдѣ раньше сидѣла ея младшая сестра. Послѣ этого, священникъ сталъ читать молитву; во время молитвы, свѣчи съ обручами (обручальными кольцами), перевязанныя соболями, зажгли отъ свѣчки, принесенной съ Богоявленскаго навечерья; въ то же время жена тысяцкаго, расчесавъ голову невѣсты, возложила на нее «кику съ покровомъ»—головной уборъ замужнихъ женщинъ, а потомъ осыпала Василія Іоанновича житомъ изъ золотой мисы, въ которой были положены три девять соболей, «да три девять платковъ бархатныхъ, камчатныхъ и атласныхъ съ золотомъ, и безъ золота»... Затѣмъ дружко великаго князя, благословясь, рѣзалъ «перепечу» и сыры, ставилъ ихъ передъ женихомъ и невѣстою и разсылалъ приглашеннымъ, а дружко невѣсты раздавалъ ширинки.

Послѣ этого, всѣ поѣхали къ вѣнцу въ Успенскій соборъ, сперва Василій, а за нимъ Елена, при чемъ на мѣсто, гдѣ онъ сидѣлъ, положили сорокъ соболей, а на ее—два сорока. Елена ѣхала въ большихъ саняхъ съ женою тысяцкаго и большими свахами; передъ санями несли караваи и свѣчи. Вѣнчалъ самъ митрополитъ Даніилъ. Послѣ вѣнца предписывалось по наряду: «и какъ митрополитъ дастъ пити вино великому князю и великой княжнѣ, и какъ еще великій князь будетъ допивать вино, и онъ ударитъ скляницу о землю, и ногой потопчетъ самъ, а иному никому не топтать, опричь князя, а послѣ вѣнчанья собравъ, кинуть въ рѣку какъ прежде велось».

Послѣ поздравленія новобрачныхъ, великій князь отправился объѣзжать монастыри, а затѣмъ, вернувшись въ свои палаты, послалъ звать молодую великую княгиню къ обѣденному столу; на коня же его садился конюшій, который долженъ былъ ѣздить кругомъ палатъ съ обнаженнымъ мечемъ во все время свадьбы. Тѣмъ временемъ была приготовлена опочивальня для молодыхъ, называвшаяся «сѣнникомъ»; постель стлалась на тридевяти снопахъ, обкладывалась дорогими тканями, и въ четырехъ ея углахъ втыкалось четыре стрѣлы, на которыя вѣшали по сорока соболей; свѣчи-же и каравай ставились въ головахъ въ кади съ пшеницею. По окончаніи обѣда, дружко уносилъ со стола въ опочивальню жареную курицу, куда еще прежде были принесены шесть иконъ: Рождества Христова, Рождества Богородицы и четыре образа Божіей Матери. Въ опочивальнѣ, молодыхъ встрѣчала жена тысяцкаго, одѣвши на себя двѣ шубы, одну шерстью вверхъ, и осыпала ихъ изъ золотой мисы хмѣлемъ. На другой день молодой супругъ, по особому наряду, ходилъ въ мыльню.

Такъ женился Василій Іоанновичъ на княжнѣ Еленѣ Глинской.

Мы говорили, что бракъ этотъ вызывался необходимостью для Государя имѣть потомство и былъ одобренъ митрополитомъ и большинствомъ бояръ, но что были также и недовольные имъ. Послѣдніе принадлежали, главнымъ образомъ, къ тому разряду людей, которому выгодно было имѣть слабаго и малоспособнаго великаго князя въ Москвѣ. Люди этого разряда—составляли высшее Московское боярское сословіе.

Мы видѣли, что во времена первыхъ собирателей Москвы вѣрными сподвижниками своихъ великихъ князей были ихъ старые бояре, про которыхъ еще князь Симеонъ Гордый говорилъ, чтобы ихъ слушали его наслѣдники, при чемъ бояре эти, въ малолѣтство своихъ великихъ князей, самоотверженно служили имъ и умно и твердо вели государственныя дѣла.

Подобнаго положенія дѣлъ во времена великаго княженія Василія Іоанновича, къ сожалѣнію, уже не было въ Московскомъ Государствѣ. Мы уже не разъ указывали, что къ предкамъ его, и къ нему самому, по мѣрѣ собиранія Русской Земли, пріѣзжали въ Москву не только служилые люди присоединяемыхъ Земель, но, въ силу необходимости, пріѣзжали также и князья—бывшіе владѣтели этихъ Земель.

Поэтому, со второй половины пятнадцатаго вѣка въ старое Московское боярство, въ среду доблестныхъ семей Кошкиныхъ-Захарьиныхъ, Морозовыхъ, Вельяминовыхъ, Воронцовыхъ, Бутурлиныхъ, Ховриныхъ, Головиныхъ и другихъ—входитъ болѣе 150 родовъ новаго боярства, преимущественно изъ бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей—потомковъ Рюрика и Гедимина, почему мы и начинаемъ встрѣчать во всѣхъ отрасляхъ Московскаго управленія все больше княжескія имена; многіе изъ этихъ князей стали сразу выше стараго Московскаго боярства; только знаменитый родъ Захарьиныхъ-Кошкиныхъ сохранилъ свое первенствующее положеніе и исключительную близость къ великимъ князьямъ, благодаря особымъ качествамъ, передававшимся Захарьиными-Кошкиными изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ бы по наслѣдству; качества эти были—беззавѣтная преданность своимъ Государямъ и крупныя военныя дарованія, наряду къ исключительными способностями для исправленія всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей.

Среди остального именитаго боярства изъ бывшихъ удѣльныхъ князей, занявшаго теперь первыя мѣста, имѣлось, конечно, также не мало истинныхъ сыновъ своей Родины и преданныхъ слугъ Московскимъ великимъ князьямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, было и много такихъ, для которыхъ удѣльныя преданія были еще слишкомъ свѣжи и кружили ихъ головы при всякомъ удобномъ случаѣ. Старые Московскіе бояре при первыхъ собирателяхъ пріѣзжали въ Москву своей охотою и усиленіе Московскихъ князей было ихъ прямой выгодой, такъ какъ приносило имъ только добро; новые именитые бояры шли въ Москву уже потому, что оставаться больше въ своемъ удѣлѣ было нельзя, когда вся народная твердь требовала собиранія Земли подъ высокой рукой Московскаго великаго князя. Отсюда, огромная разница въ чувствахъ бояръ къ своему Государю: старые бояре, его вѣрные слуги, ему беззавѣтно преданные, смотрѣли на свое званіе, какъ на пожалованіе за службу, а новые, изъ бывшихъ удѣльныхъ князей, были часто людьми недовольными и крамольными, при чемъ они смотрѣли на званіе боярина, какъ на наслѣдственное свое право, и многіе мечтали объ утраченныхъ правахъ и вольностяхъ, посматривая при вся-

комъ удобномъ случаѣ на сосѣднюю Литву, гдѣ большимъ панамъ такъ привольно жилось.

А между тѣмъ, какъ разъ въ то время, когда среда Московскаго боярства стала пополняться людьми, въ которыхъ были свѣжи всѣ притязанія удѣльнаго времени, самъ Московскій Государь, вслѣдствіе сильнаго роста своей державы при Іоаннѣ III и его сынѣ, получивъ при этомъ по наслѣдію и завѣты Византійскихъ императоровъ, высоко возвысился въ своемъ положеніи надъ всѣми подданными—князьями и простыми людьми.

Эта перемѣна отношеній между великимъ княземъ и высшимъ боярствомъ—вызвала, конечно, не мало неудовольствій, причемъ нужна была властная рука Іоанна Третьяго и Василія Іоанновича, чтобы обуздывать нѣкоторыхъ изъ бояръ; тѣмъ не менѣе и эти оба Государя, отличившіеся столь твердой волей, все-таки должны были считаться съ извѣстными порядками, сложившимися въ боярской средѣ, когда въ составъ ея вошли потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей.

Мы видѣли, что въ старыя времена бояре, пріѣзжая къ князю, заключали съ нимъ условіе относительно того, каково будетъ ихъ служебное положеніе. Теперь, въ средѣ Московскаго боярства, занимавшаго всѣ высшія должности, сложился совершенно иной порядокъ. Всѣ боярскіе и дворянскіе роды составляли какъ бы лѣстницу, въ которой они размѣщались, отнюдь не по личнымъ заслугамъ, а по знатности своихъ предковъ, и ихъ взаимное положеніе опредѣлялось очень сложнымъ путемъ, при чемъ потомки бывшихъ великихъ князей заняли первыя мѣста; всѣ остальные князья изъ удѣльныхъ и старые Московскіе боярскіе роды стали уже ниже, за исключеніемъ, какъ мы говорили, одного только рода бояръ Захарьинымъ-Кошкиныхъ; роды же бояръ, служившихъ у удѣльныхъ князей, стали еще ниже; за ними шли дворяне разныхъ областей и такъ далѣе. Этотъ сложный порядокъ боярскихъ взаимоотношеній—извѣстенъ подъ наименованіемъ «мѣстничества» и опредѣлялся многочисленными правилами. При этомъ, по мѣстническому счету, при совмѣстной службѣ членъ старшаго рода долженъ былъ занимать и старшее мѣсто передъ младшимъ родомъ; такъ, напримѣръ, князья Одоевскіе на службѣ по одному вѣдомству ставились всегда выше Бутурлиныхъ, а Бутурлины выше Волконскихъ; поэтому, если бы, почему-либо, кто нибудь изъ Бутурлиныхъ былъ поставленъ выше Одоевскаго, то это составляло какъ бы «находку» для всѣхъ Бутурлиныхъ и безчестье всему роду Одоевскихъ; со стороны послѣднихъ немедленно шли жалобы на понесенную «потерьку» и дѣлались справки, въ составленномъ при преемникѣ Василія Іоанновича «Государевомъ Родословцѣ» или «Разрядномъ Приказѣ», вѣдавшемъ воинскими дѣлами, былъ ли когда-нибудь кто изъ Бутурлиныхъ при совмѣстной службѣ выше Одоевскихъ.

Конечно, этотъ порядокъ мѣстничества представлялъ страшное зло: онъ вызывалъ безконечные споры и раздоры, а главное—лишалъ возмож-

ности назначать на соотвѣтствующія должности людей по ихъ заслугамъ, не обращая вниманія на родовитость, что особенно необходимо при назначеніи для начальствованія надъ войсками. Однако, порядокъ этотъ держался, какъ мы увидимъ, не одно столѣтіе, и хотя Московскіе Государи всегда всѣми силами боролись съ нимъ, но очень не скоро могли сломить его.

Изъ сказаннаго выше дѣлается также понятнымъ, почему Василій Іоанновичъ приближалъ къ себѣ дьяковъ—людей незнатнаго происхожденія и лично ему всѣмъ обязанныхъ за свое возвышеніе, а также почему онъ указывалъ, что у Русскаго народа существуетъ три врага: *Басурманство* (нехристіанскій востокъ), *Латинство* (хитрый, завистливый западъ), и *сильные* люди своей Земли.

Тѣмъ не менѣе, самъ Василій называлъ этихъ сильныхъ людей своими «извѣчными боярами» и признавалъ всѣ ихъ родовые счеты; только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ военное время, имъ иногда приказывалось «быть безъ мѣстъ». Но считаясь съ установившимся порядкомъ мѣстничества, Василій Іоанновичъ, по примѣру отца, безпощадно каралъ своихъ бояръ за всякую попытку къ измѣнѣ, къ чему большимъ соблазномъ являлась близость Литвы и стремленіе недовольныхъ Московскими порядками—бѣжать туда. Для предупрежденія этого, съ ненадежныхъ бояръ брались клятвенныя записи: «отъ своего Государя и отъ его дѣтей изъ ихъ Земли въ Литву, также къ его братьямъ, и никуда не отъѣзжать до самой смерти»; кромѣ клятвенныхъ записей, великій князь требовалъ также съ подозрительныхъ бояръ поруки духовенства и денежнаго ручательства; такъ, за Михаила Глинскаго поручилось трое въ 5.000 рубляхъ, а за этихъ трехъ—еще сорокъ семь человѣкъ.

Недовольство части Московскаго боярства новыми порядками, сложившимися съ увеличеніемъ могущества Государства и усиленія великокняжеской власти, отразилось до извѣстной степени и на церковной средѣ того времени. Мы видѣли, что при Іоаннѣ Третьемъ въ нашемъ духовенствѣ рѣзко обнаружилось два теченія, какъ въ вопросѣ о жидовствующихъ, такъ и въ вопросѣ о монастырскомъ землевладѣніи. Іосифъ Волоцкой выступилъ ревностнымъ обвинителемъ еретиковъ и настаивалъ на суровыхъ мѣрахъ противъ нихъ; онъ же доказывалъ необходимость и пользу монастырскаго землевладѣнія. Наоборотъ, Заволжскіе старцы, во главѣ съ кроткимъ Ниломъ Сорскимъ, считали, что нужно дѣйствовать на еретиковъ мягкими средствами и мирнымъ внушеніемъ, и высказывались противъ того, чтобы монастыри обладали земельной собственностью. Соборы 1503 и 1504 годовъ вынесли опредѣленіе относительно еретиковъ и монастырскаго землевладѣнія—согласно съ мнѣніемъ Іосифа и его сторонниковъ, или, какъ ихъ тогда называли, «Осифлянъ». Праведный Нилъ Сорскій, какъ и подобаетъ истинному сыну церкви—подчинился соборному рѣшенію и больше не дѣлалъ возраженій по этимъ вопросамъ.

Но въ это же время былъ и другой инокъ, державшійся взглядовъ Нила Сорскаго; это былъ уже помянутый нами Вассіанъ Косой—въ міру

князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, постриженный съ отцомъ при Іоаннѣ III, по извѣстному дѣлу о престолонаслѣдіи, когда высшее боярство строило свои козни противъ Софіи Ѳоминичны и ея сына Василія. Вступивъ на родительскій престолъ, Василій Іоанновичъ не помнилъ стараго зла и, снисходя къ знатности рода Вассіана Косого и родству своему съ нимъ (они были троюродными братьями по бабкѣ Вассіана, приходившейся сестрой Василію Темному), приблизилъ его къ себѣ и перевелъ въ Москву, гдѣ онъ проживалъ то въ Симоновомъ, то въ Чудовомъ монастырѣ, и часто видѣлся съ великимъ княземъ. Вотъ этотъ Вассіанъ Косой, человѣкъ начитанный и образованный, но крайне высокомѣрный, выступилъ съ ѣдкими нападками на Іосифа Волоцкаго и на его взгляды. Іосифъ, конечно, горячо отстаивалъ свои убѣжденія, но борьба, которую ему пришлось вести, была не легка, такъ какъ взглядовъ Вассіана Косого придерживался и митрополитъ Варлаамъ, избранный, повидимому, Государемъ по совѣту князя-инока.

194. Древній образъ преподобнаго Максима Грека.
Изъ собранія иконъ Н. П. Лихачева.

Кромѣ того, тѣхъ-же взглядовъ былъ и пріѣхавшій съ Аѳона для исправленія книгъ — ученый монахъ Максимъ Грекъ, человѣкъ высоко-праведной жизни. Въ молодости Максимъ Грекъ много путешествовалъ по Италіи, гдѣ въ это время былъ самый расцвѣтъ «Поры возрожденія искусствъ и наукъ», и находился въ дружескихъ отношеніяхъ со знаменитымъ Флорентійскимъ монахомъ Саванаролой, мужественно выступившимъ противъ всеобщей роскоши и растлѣнія нравовъ, чему примѣръ подавали сами папы, и за свои рѣзкія обличенія попавшій, въ концѣ концовъ, на костеръ. Постригшись на Святой Аѳонской горѣ, Максимъ Грекъ былъ приглашенъ въ Россію Василіемъ Іоанновичемъ и прибылъ въ 1515 году въ Москву, гдѣ ему былъ порученъ переводъ Толковой Псалтыри, а затѣмъ и другихъ книгъ; такъ-какъ онъ не зналъ Русскаго языка, то переводилъ на Латинскій, а съ послѣдняго на Русскій переводили два Московскихъ переводчика— Димитрій Герасимовъ и Власій.

Вассіанъ Косой быстро сошелся съ Максимомъ Грекомъ и сталъ пользоваться его знаніемъ Греческаго языка, чтобы передѣлать древній переводъ Кормчей Книги, гдѣ были изложены всѣ церковные порядки; при этомъ, Вассіанъ сталъ громко называть правила о монастырскомъ землевладѣніи не правилами, а «кривилами», и еще болѣе рѣзко нападать на нихъ, проповѣдуя для монаховъ полное нестяжаніе и бѣдность, хотя самъ, по мѣстному преданію, сохранившемуся въ Симоновскомъ монастырѣ, жилъ въ немъ весьма привольно, какъ богатый бояринъ. «Онъ не любилъ ржаного хлѣба»—говоритъ преданіе: «щей, свекольника, каши и промозглаго монастырскаго пива, но питался сладкимъ кушаньемъ, иногда съ великокняжескаго стола, и пилъ, нестяжатель, романею, мушкатное и ренское вино».

195. Джироламо Саванарола.

Рисунокъ Фра Бартоломео делла Порто. Хранится въ музеѣ Святого Марка во Флоренціи.

Простодушный Максимъ Грекъ, человѣкъ по складу своего ума и чувствъ дѣйствительно нестяжатель и отшельникъ, не зная ни Русскихъ отношеній, ни значенія монастырей и ихъ земельныхъ имуществъ, быстро подпалъ подъ вліяніе своего новаго пріятеля, родовитаго инока-князя, и сталъ писать вмѣстѣ съ горячими статьями противъ занятія чернокнижіемъ и астрологіей, также и разныя обличительныя посланія или тетрадки противъ корыстолюбія и другихъ пороковъ среди духовенства, при чемъ касался личностей нѣкоторыхъ Русскихъ іереевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ Максиму Греку начали собираться многіе опальные бояре, недовольные Государемъ; былъ съ нимъ близокъ и Турецкій посолъ Грекъ Скиндеръ, какъ впослѣдствіи открылось,—тайный врагъ Москвы.

Все это не могло не возбудить противъ Максима Грека подозрѣній, особенно когда вмѣсто Варлаама, сведеннаго за какую то вину съ митрополичьяго стола, преемникомъ его сталъ одинъ изъ учениковъ Іосифа Волоцкаго — Даніилъ. Новый митрополитъ, человѣкъ весьма умный и образованный, отличался особою преданностью взглядамъ на самодержавную власть Московскихъ Государей, которая такъ не нравилась многимъ именитымъ боярамъ, собиравшимся у Максима Грека. Въ числѣ послѣднихъ былъ старый бояринъ Иванъ Берсень-Беклемишевъ, отличавшійся грубостью и большимъ высокоуміемъ: онъ позволялъ себѣ

въ боярской думѣ недостаточно почтительно говорить съ Василіемъ Іоанновичемъ и вступать съ нимъ въ споръ, за что и былъ, въ концѣ концовъ, подвергнуть опалѣ, потерявшимъ терпѣніе великимъ княземъ, въ сердцахъ удалившемъ его изъ думы со словами: «Поди прочь смердъ, ты мнѣ не надобенъ».

Этотъ Берсень-Беклемишевъ вмѣстѣ съ дьякомъ Ѳеодоромъ Жаренымъ, часто бывая у Максима Грека, всячески хулилъ, какъ Василія Іоан-

196. Печенгскій монастырь въ Русской Лапландіи, сооруженный надъ мощами Святого Трифона Кольскаго.

новича, такъ и мать его Софію Ѳоминичну, принесшую новые порядки въ Русскую Землю на смѣну старымъ удѣльнымъ. Такія рѣчи не замедлили дойти до Государя; было назначено строгое слѣдствіе, а затѣмъ и судъ, послѣ котораго Берсеню отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ, а дьяку Жареному вырѣзали языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ начался судъ и надъ Максимомъ Грекомъ; главное обвиненіе противъ него заключалось въ допущеніи разныхъ еретическихъ вставокъ при переводѣ книгъ; дѣйствительно, вслѣдствіе недостаточнаго знанія Русскаго языка, въ переводѣ Максима Грека вкрались важныя неправильности. Его обвинили и сослали въ Іосифовъ-Волоцкой монастырь, откуда онъ не переставалъ писать свои

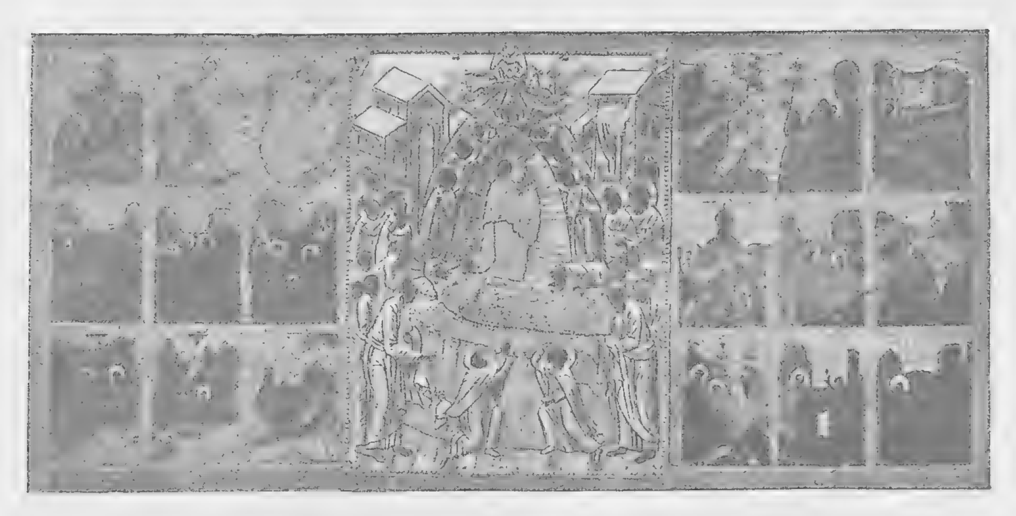
обличительныя тетрадки; тогда его подвергли новому суду и заточили въ Тверскомъ Отрочемъ монастырѣ.

Не избѣжалъ суда надъ собою, въ 1531 году, и именитый пріятель Максима Грека инокъ Вассіанъ Косой, отзывавшійся вмѣстѣ съ нимъ весьма неодобрительно противъ второго брака Государя. Главнымъ обвиненіемъ противъ Вассіана было самовольное исправленіе Кормчей книги, нѣкоторыя правила которой онъ называлъ, какъ мы видѣли «кривилами»; на судѣ онъ держалъ себя крайне дерзко и вызывающе и позволилъ себѣ именовать Русскихъ чудотворцевъ—«смутотворцами» за то, что они разрѣшали монастырямъ владѣть селами и землей. Его также сослали въ Іосифовъ Волоцкой монастырь.

197. Обитатели Русской Лапландіи.

Изъ рѣдкой книги на Французскомъ языкѣ: „Этнографическое описаніе народовъ Россіи“ Т. Паули.

За много лѣтъ до суда надъ своими слишкомъ страстными и рѣзкими послѣдователями, въ 1508 году, мирно сошелъ въ могилу тихій старецъ Нилъ Сорскій, завѣщавъ передъ смертью бросить его тѣло въ пустыни,—«потому что оно согрѣшило передъ Богомъ и недостойно погребенія; пусть растерзаютъ его звѣри и птицы». Основнымъ правиломъ его, какъ мы говорили, было «умное дѣланіе», то есть пребываніе въ сосредоточенномъ молитвенномъ настроеніи, чѣмъ достигается высшее духовное состояніе, та «неизреченная радость», «когда умолкаетъ языкъ и даже молитва отлегаетъ отъ устъ... тогда не молитвой молится умъ, но превыше молитвы бываетъ». Мощи преподобнаго Нила до сихъ поръ покоятся подъ спудомъ въ убогой часовнѣ. Его же великій противникъ во взглядахъ на значеніе монастырей, преподобный Іосифъ Волоцкой скончался въ 1515 году, оставя свою обитель весьма благоустроенной; изъ нея вышло впослѣдствіи много ревностныхъ пастырей Русской церкви и большихъ подвижниковъ. Защищая всю жизнь права монастырскаго землевладѣнія, Іосифъ въ своихъ наставленіяхъ братіи строго требовалъ отъ нихъ постничества и труда: «Трудись руками своими»—говорилъ онъ:—«не засматривайся на жизнь лѣнивыхъ, а ревнуй



198. Главная храмовая икона Успенія Божіей Матери Псково-Печерскаго монастыря, писанная въ 1521 году и проявляющая чудотворенія съ 1523 года. Первое ея украшеніе серебряной ризой съ драгоцѣнными камнями было произведено иждивеніемъ Царя Іоанна IV Васильевича.

житію Святыхъ... Читай священныя книги, а отнюдь не читай запрещенныхъ... Ищи небеснаго и не жаждай земныхъ благъ; надъ ними растянута сѣть—увязнешь какъ птица... Подумай, сколько людей было послѣ Адама и всѣ прошли безъ слѣда... Каждое веселіе свѣта оканчивается печально. Нынче играютъ свадьбу, завтра плачутъ надъ мертвецомъ. Нынѣ рождается, завтра погребается. Нынѣ радость, завтра слезы. Нынѣ богатъ, завтра нагой. Нынѣ знатенъ, завтра трупъ, поѣденный червями.... Покайся теперь, послѣ смерти нѣтъ покаянія. Что сдѣлалъ здѣсь, то и найдешь тамъ: что посѣешь, то и пожнешь».

Во время Василія Третьяго, жили и другіе Святые нашей Церкви; изъ нихъ особено прославились: обитавшіе въ сѣверныхъ предѣлахъ нашего Отечества: Святой Александръ Свирскій и великій подвижникъ Корнилій Комельскій, подвизавшійся въ глухомъ и дикомъ лѣсу въ 45 верстахъ отъ Вологды и устроившій здѣсь обширную обитель. Наконецъ, при Василіи же Іоанновичѣ жили преподобные Ѳеодоритъ, Митрофанъ и Трифонъ Кольскій — просвѣтители Лопарей, язычниковъ, обитавшихъ на крайнемъ сѣверѣ и поклонявшихся небеснымъ свѣтиламъ, гадамъ и камнямъ. Они были посланы въ эти страны по благословенію знаменитаго Макарія, архіепископа Новгородскаго, человѣка строгаго въ дѣлахъ вѣры и славнаго своей безпредѣльной любовью къ Русской Землѣ, какъ мы это увидимъ въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи.

Жилъ также во времена Василія Іоанновича и старецъ Елизарова монастыря Филоѳей, отъ котораго осталось нѣсколько замѣчательныхъ посланій, въ томъ числѣ и къ Мисюрю Мунехину, бывшему, какъ мы уже говорили, долгіе годы дьякомъ при великокняжескомъ намѣстникѣ во Псковѣ. Какъ Филоѳей, такъ и Мисюрь Мунехинъ

являются представителями лучшихъ Русскихъ людей того времени. Знакомство съ личностью Мисюря Мунехина наглядно показываетъ намъ, какое значеніе имѣли тогда дьяки, люди выходившіе изъ простого народа и духовенства, отлично изучившіе грамоту, и занимавшіе важныя мѣста по веденію письмоводства, какъ въ боярской думѣ, такъ и въ различныхъ отрасляхъ управленія Московскаго Государства. Михаилъ Григорьевичъ Мунехинъ занималъ до отправленія своего во Псковъ должность государева казначея и ѣздилъ посломъ въ Египетъ, отчего и получилъ прозваніе *Мисюря*, то-есть Египтянина, при чемъ съ его словъ было составлено любопытное описаніе Египта, Константинополя и другихъ городовъ.

Будучи назначенъ дьякомъ при воеводахъ въ Псковѣ, послѣ присоединенія его къ Москвѣ, Мунехинъ всей душой полюбилъ Псковскій край и скоро соединилъ въ своихъ рукахъ управленіе почти всѣми его дѣлами; онъ руководилъ отношеніями съ сосѣдними Ливонцами и завѣдывалъ сооруженіемъ новыхъ укрѣпленій. Ему же обязанъ своимъ возникновеніемъ и Псково-Печерскій монастырь, лежащій верстахъ въ 50 отъ Пскова. Полюбивъ небольшую обитель, здѣсь находившуюся, и, очевидно, основанную въ подражаніе Кіево-Печерской, Мисюрь Мунехинъ сталъ усердно ее посѣщать и собственнымъ иждивеніемъ началъ строить монастырь, обнесенный затѣмъ каменной оградой; скоро монастырь этотъ сталъ одной изъ святынь Псковской Земли, а его крѣпкія стѣны съ башнями—важнымъ оплотомъ противъ Литвы и Нѣмцевъ.

199. Малая звонница Псково-Печерскаго монастыря.
Сооружена въ XVI вѣкѣ.

Вотъ съ этимъ Мисюремъ Мунехинымъ и велъ переписку Филоѳей, старецъ Елизарова Трехсвятительскаго монастыря,—близъ Пскова. Старецъ Филоѳей писалъ Мисюрю, а также и другимъ лицамъ, въ томъ числѣ великому князю Василю Іоанновичу и его преемнику Іоанну Грозному, по различнымъ поводамъ: между прочимъ, по случаю моровового повѣтрія во Псковѣ, утѣшительное посланіе къ сущимъ въ бѣдѣ, таковое же посланіе къ опальному вельможѣ и посланіе противъ звѣздочетовъ, направленное

вѣроятно, противъ нѣкоего Николая Латынянина, распространителя астрологіи при Василіи Іоанновичѣ, противъ котораго писалъ и Максимъ Грекъ. Посланія Филоѳея тѣмъ драгоцѣнны для насъ, что въ нихъ ясно виденъ душевный складъ и взгляды Русскихъ людей того времени, ихъ глубокая вѣра въ Бога, а также замѣчательно приникновенное пониманіе тѣхъ высокихъ задачъ, которыя лежатъ на Русскихъ Государяхъ по собиранію подъ своей рукою Земель во имя утвержденія Православной вѣры и мира среди народовъ.

«Да вѣси христолюбче и боголюбче»—писалъ Филоѳей Мисюрю Мунехину: «яко вся Христіанская Царства пріидоша в конец и снидошася во едино Царство нашего Государя. По пророческимъ книгамъ, то есть Росейское Царство: два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти».

И этотъ взглядъ смиреннаго старца Филоѳея, кромѣ части бояръ изъ недовольныхъ удѣльныхъ князей, глубоко раздѣлялъ весь Русскій народъ.

Баронъ Герберштейнъ, далеко не дружелюбно описывавшій Московское Государство, гдѣ его высокопарное велерѣчіе разбилось о точные и ясные отвѣты бояръ и непреклонную твердость Василія, говоритъ про послѣдняго, что онъ «властью своей надъ подданными превосходитъ всѣхъ другихъ государей въ цѣломъ свѣтѣ; они (подданные) открыто заявляютъ, что воля Государя есть воля Божія, и что ни сдѣлаетъ Государь, онъ дѣлаетъ это по волѣ Божіей. Равнымъ образомъ, если кто нибудь спрашиваетъ о какомъ нибудь дѣлѣ невѣрномъ и сомнительномъ, то обычно получаетъ отвѣтъ: «Про то вѣдаетъ Богъ, да великій Государь». Когда, подъѣзжая къ Москвѣ со своимъ посольствомъ, Герберштейнъ спросилъ выѣхавшаго къ нему на встрѣчу стараго дьяка, бывшаго раньше посломъ въ Испаніи, о причинахъ обильнаго пота, струившагося по его лицу, то дьякъ этотъ тотчасъ отвѣтитъ ему: «Сигизмундъ! Мы служимъ своему Государю не по вашему».

Полную противоположность въ этомъ отношеніи представляла, какъ мы видѣли, Литва. Въ то время какъ Сѣверо-Восточная Русь складывалась вокругъ Москвы медленно, но прочно и крѣпко, сильные паны въ Литвѣ продолжали и при Сигизмундѣ захватывать все болѣе и болѣе въ свои руки всю власть надъ страной, и выхлопатывали себѣ, по примѣру Польской знати, все новыя и новыя льготы, или «привиллеи»; скоро они стали владѣтелями обширнѣйшихъ земельныхъ пространствъ и имѣли въ нихъ совершенно такихъ же подданныхъ, какъ самъ великій князь, съ правомъ суда и жизни и смерти надъ ними; Литовскіе вельможи захватили также и всѣ высшія должности въ государствѣ, какъ военныя, такъ земскія и придворныя: гетмановъ, канцлеровъ, маршалковъ, воеводъ, каштеляновъ и старостъ.

Одновременно съ этимъ, шло сильное ополячиваніе всей Литовской знати и шляхты и усиленный переходъ въ Латинство тѣхъ Русскихъ пановъ, которые оставались еще вѣрными вѣрѣ своихъ отцовъ, такъ какъ

при Сигизмундѣ ревность Латинскаго костела и Польской справы къ подавленію Православія и Русской народности развилась до невѣроятныхъ размѣровъ; въ сопредѣльныхъ съ Москвой владѣніяхъ, Сигизмундъ еще стѣснялся угнетать Православныхъ черезъ-чуръ сильно, такъ какъ понималъ, что это можетъ усилить ихъ желаніе передаться Москвѣ, но въ старыхъ Червенскихъ городахъ Святого Владиміра, въ далекой древней отчинѣ пламеннаго ревнителя Православія великаго Романа Мстиславовича, въ Галицкой Землѣ, совершенно теперь оторванной отъ Московскаго Государства, Сигизмундъ обращался съ Православными не лучше, чѣмъ Турки съ Христіанами. Въ Галиціи, Русскіе Православные люди не имѣли права свидѣтельствовать противъ Поляка—Латынянина и на нихъ была наложена особая поголовная подать за принадлежность къ *схизмѣ*, какимъ именемъ, какъ мы говорили, католики презрительно называли святую нашу Вѣру. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Православные вмѣстѣ съ Латынянами составляли цеховое братство, первые, при различныхъ цеховыхъ торжествахъ, обязаны были идти къ костелу, но не имѣли права входить въ него, а должны были стоять въ оградѣ и за это платили опредѣленный взносъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, зачастую, съ нихъ брали десятину въ пользу Латинскаго прихода и Латинскаго ксендза. Конечно, подобныя неправды творились и въ Литвѣ, но тамъ, по крайней мѣрѣ, онѣ не узаконялись, какъ въ Галиціи.

Если въ правленіе Сигизмунда Православные въ Польшѣ и на Литвѣ подвергались гоненію, то жиды пользовались полнѣйшимъ довольствомъ. При королѣ Александрѣ, въ концѣ XV столѣтія, противъ нихъ было въ теченіе непродолжительнаго времени гоненіе, какъ и въ Западной Европѣ, но также какъ и въ Западной Европѣ оно скоро смѣнилось въ Литвѣ и Польшѣ возстановленіемъ всѣхъ ихъ прежнихъ правъ. Такъ, въ 1495 году Александръ Польскій отдалъ короткій приказъ: «жидову съ земли вонъ выбить», если они не перейдутъ въ христіанство, но уже въ 1503 году, «помысливши съ паны радами», онъ принялъ ихъ опять въ свое государство и вернулъ всѣ права, при чемъ впослѣдствіи они были освобождены и отъ военной службы; а права эти были еще большія, чѣмъ во времена Витовта. Самое важное право заключалось въ томъ, что жиды считались «вольными людьми», непосредственными подданными великаго князя Литовскаго, и власть всесильныхъ пановъ на нихъ не распространялась. По уголовнымъ дѣламъ, они подчинялись особому «жидовскому судьѣ», назначаемому великимъ княземъ, а между собою они судились сами своимъ «жидовскимъ сборомъ», или «кагаломъ». За убійство жида полагалась смертная казнь и отнятіе всего имущества; право же на владѣніе землею, они получили еще со временъ Витовта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, жиды, обладавшіе значительными денежными средствами, которыми они ссужали Литовскихъ пановъ, привыкшихъ жить на широкую ногу, стали брать на откупъ право взиманія налоговъ съ христіанскаго населенія, что возбуждало неудовольствіе послѣдняго. Одинъ же изъ такихъ іудейскихъ

откупщиковъ, Авраамъ Езофовичъ завѣдывалъ даже всѣми денежными средствами государства, занимая при Сигизмундѣ важную должность «земскаго подскарбія», что нынѣ соотвѣтствуетъ званію министра финансовъ, благодаря особому покровительству іудеямъ со стороны супруги Сигизмунда—королевы Боны, бравшей съ нихъ за это, конечно, громадныя деньги.

Королева Бона была чрезвычайно алчная женщина весьма низкой нравственности, причемъ она не останавливалась для достиженія своихъ цѣлей передъ самыми чудовищными преступленіями; отрава была ея излюбленнымъ средствомъ противъ враговъ. Беря взятки, она не брезгала ничѣмъ; такъ, съ бѣдныхъ Православныхъ Галичанъ, чтобы спасти отъ приговора къ вѣчному заключенію ихъ епископа Макарія, твердо стоявшаго за свою паству противъ посягательствъ костела, Бона не постыдилась потребовать 200 воловъ. Отъ брака со старымъ Сигизмундомъ у Боны былъ единственный сынъ — Сигизмундъ-Августъ, человѣкъ несомнѣнно съ большими дарованіями, но получившій отъ своей порочной матери крайне дурное воспитаніе; она умышленно старалась развивать въ немъ качества вредныя для государя, съ тѣмъ, чтобы послѣ смерти мужа самой захватить всю власть въ свои руки. Королева Бона была причиной многочисленныхъ недоразумѣній между королемъ и панами, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, причемъ Сигизмундъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе Литовскихъ пановъ, предоставилъ имъ возможность управляться въ своемъ княжествѣ вполнѣ самостоятельно, и назначилъ въ 1529 году въ качествѣ правителя Литвы своего малолѣтняго сына, тринадцатилѣтняго Сигизмунда-Августа, съ полнымъ наименованіемъ великимъ княземъ Литовскимъ, позволивъ даже возвести его на Литовскій престолъ. Къ этому же 1529 году относится и составленіе перваго Литов-

200. Королева Бона Сфорца.

Съ миньятюры на слоновой кости двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія, воспроизведенной въ Польской книгѣ графа А. Пшездецкаго: „Ягеллонки Польскія въ XVI вѣкѣ“.

скаго судебника, или «Статута», который была написанъ на Русскомъ языкѣ.

Огромныя вольности, пріобрѣтенныя знатью и іудеями, не пошли на пользу Литовскому государству.

До насъ дошло написанное въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія сочиненіе одного весьма образованнаго Литвина-католика по имени Михалона: «О нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ».

Въ сочиненіи этомъ Михалонъ горько упрекаетъ порядки и обычаи своей страны и ставитъ въ примѣръ порядки Московскіе и даже Татарскіе. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ его произведенія: «На обязанность судьи Татары смотрятъ не какъ на средство къ наживѣ, а какъ на службу ближнему. Они тотчасъ отдаютъ всякому то, что ему принадлежитъ, а у насъ судья беретъ десятую часть цѣны спорной вещи съ невиннаго истца... Если обѣ стороны помирятся, судья все-таки беретъ деньги, съ виновнаго штрафныя, а съ истца десятинныя; отыскивающему свою украденную вещь приходится потратить на судъ больше, чѣмъ она стоитъ, и потому многіе не рѣшаются заводить тяжбы»...

201. Великій князь Литовскій Сигизмундъ-Августъ въ отроческомъ возрастѣ.

Съ современной медали, изображенной въ книгѣ: „Польскія медали“ графа Рачинскаго.

«Древніе Литовцы,—по замѣчанію Михалона,—отличались мужествомъ и воинской дѣятельностью, а нынѣ предаются роскоши и праздности. Вмѣсто того, чтобы самимъ идти въ непріятельскія земли, или оберегать свои предѣлы, или упражняться въ воинскомъ искусствѣ, обязанные военной службой молодые шляхтичи Литовскіе сидятъ въ кормчѣ, пьянствуютъ и, весьма склонные къ взаимнымъ ссорамъ, убиваютъ другъ друга, а военное дѣло и защиту отечества предоставляютъ Татарамъ (поселеннымъ при Витовтѣ), бѣглымъ людямъ изъ Московіи и вообще наемнымъ отрядамъ».

Также какъ и Михалонъ, отзывается о Литовцахъ и Себастіанъ Мюнстеръ, составитель извѣстной «Космографіи», или описанія различныхъ Земель и Государствъ; помѣщая въ своей Космографіи, изданной въ 1550 году, прилагаемый рисунокъ Литовской корчмы (рис. 202), онъ замѣчаетъ: «Среди Литовской шляхты распространенъ весьма дурной обычай: если только они соберутся въ корчмѣ, то сидятъ въ ней съ утра до полуночи».

Порицая Литовскихъ пановъ за изнѣженность нравовъ, Михалонъ ставитъ имъ въ примѣръ Москвитянъ. «Московитяне»—говоритъ онъ: изобилуютъ мѣхами, но дорогихъ соболей запросто не носятъ, а сбываютъ

нихъ въ Литву, получая за это золото. Они не употребляютъ также дорогихъ привозныхъ пряностей; у нихъ не только простолюдины, но и вельможи довольствуются грубой солью, горчицей, чеснокомъ и плодами своей Земли; а Литовцы любятъ роскошныя привозныя явства и пьютъ разныя вина, отчего у нихъ всевозможныя болѣзни. Въ городахъ Литовскихъ»,—говоритъ Михалонъ: «нѣтъ болѣе распространенныхъ заводовъ чѣмъ тѣ, на которыхъ варится изъ жита водка и пиво. Эти напитки берутъ съ собой и на войну, а если случится пить только воду, то по непривычкѣ къ ней гибнутъ отъ судорогъ и поноса. Крестьяне дни и ночи проводятъ въ шинкахъ, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляской подъ волынку и забывъ о своемъ полѣ. Посему, растративъ имущество, они не рѣдко доходятъ до голода и принимаются за воровство и разбой. Такимъ образомъ, въ любой Литовской области въ одинъ мѣсяцъ больше людей казнятъ смертью за эти преступленія, нежели во всѣхъ Земляхъ Татарскихъ и Московскихъ въ теченіи ста или двухсотъ лѣтъ. Попойки часто сопровождаются ссорами. День начинается у нихъ питьемъ водки; еще въ постели кричатъ: «вина, вина!» И пьютъ этотъ ядъ мужчины, женщины и юноши на улицахъ, на площадяхъ, и напившись ничего не могутъ дѣлать, какъ только спать. Между тѣмъ въ Московіи великій князь Иванъ (Третій) обратилъ свой народъ къ трезвости, запретивъ вездѣ кабаки. Поэтому, тамъ нѣтъ шинковъ, а если у какого нибудь домохозяина найдутъ каплю вина, то весь его домъ разоряется, имѣніе отбирается, прислуга и сосѣди, живущіе въ той же улицѣ, наказываются, а самъ навсегда сажается въ тюрьму. Вслѣдствіе трезвости, города Московскіе изобилуютъ разнаго рода мастерами, которые, посылая намъ деревянныя чаши и палки для опоры слабымъ, старымъ и пьянымъ, сѣдла, копья, украшенія и различное оружіе, отбираютъ у насъ золото». Далѣе, Михалонъ говоритъ, что вслѣдствіе распространенія роскоши и пьянства на Литвѣ Московскіе Государи завоевываютъ у нее цѣлыя области и города, такъ какъ Московскій народъ всегда трезвъ и всегда при оружіи, а въ крѣпостяхъ всегда находятся постоянныя войска; другіе же, по очереди, занимаются охраненіемъ границъ.

202. Корчма въ Литвѣ.

Изъ Нѣмецкой „Космографіи“ Себастіана Мюнстера, изданія 1550 года.

«Въ Литвѣ,—продолжаетъ онъ,—одинъ чиновникъ занимаетъ десять должностей, а прочіе удалены отъ правительственныхъ дѣлъ. Москвитяне же соблюдаютъ равенство между своими и не даютъ одному многихъ должностей.

Управленіе однимъ городомъ на годъ или много на два поручаютъ они двумъ начальникамъ вмѣстѣ и двумъ дьякамъ. Отъ этого придворные, надѣясь получить начальство, ревностнѣе служатъ своему Государю и начальники лучше обращаются съ подчиненными, зная, что они должны отдать отчетъ и подвергнуться суду, такъ какъ обвиненный во взяткахъ бываетъ принужденъ выходить на поединокъ (поле) съ обиженнымъ, даже если этотъ послѣдній принадлежитъ къ низшему сословію. Князь ихъ бережливо распоряжается домашнимъ хозяйствомъ, не пренебрегая ничѣмъ, такъ что продаетъ даже солому. На пирахъ его подаются большіе кубки золотые и серебряные, называемые «соломенными», то-есть пріобрѣтенными за проданную солому. Отъ разсчетливаго распредѣленія должностей онъ имѣетъ еще и ту выгоду, что тѣ, которыхъ посылаетъ исправлять различныя общественныя дѣла и даже въ самыя далекія посольства, исполняютъ все это на свой счетъ. За хорошее исполненіе они награждаются не деньгами, а мѣстами начальниковъ и землею. У насъ же напротивъ, если кто посылается куда либо, даже не заслуживъ того, получаетъ обыкновенно въ излишествѣ деньги изъ казначейства, хотя многіе возвращаются ничего не сдѣлавъ. На пути люди эти бываютъ въ тягость тѣмъ, черезъ владѣнія которыхъ идутъ, истощая ихъ подводами. Въ Московіи же никто не имѣетъ права брать подводъ, кромѣ гонцовъ по государственнымъ дѣламъ; благодаря быстротѣ ѣзды и часто мѣняя усталыхъ лошадей (ибо вездѣ стоятъ для этого въ готовности свѣжія и здоровыя лошади), они чрезвычайно скоро доставляютъ извѣстія. У насъ же придворные употребляютъ подводы на перевозку своихъ вещей, отчего происходитъ недостатокъ въ подводахъ, и мы неготовые терпимъ нападенія враговъ, предупреждающихъ вѣсти объ ихъ приходѣ».

Приведенная выше выдержка изъ сочиненія Михалона о чрезвычайно быстрой ѣздѣ въ Московскомъ Государствѣ совершенно совпадаетъ и съ записками барона Герберштейна, который говоритъ, что шестисотверстный переѣздъ отъ Новгорода до Москвы былъ сдѣланъ въ 72 часа, благодаря отличному устройству почтовой части въ Московіи.

Про Литовскихъ женщинъ Михалонъ выражается такъ: «Татары держатъ женъ своихъ въ сокровенныхъ мѣстахъ, а наши жены ходятъ по домамъ праздныя, въ обществѣ мущинъ, въ мужскомъ почти платьѣ. Отсюда страсти... У насъ нѣкоторыя женщины владѣютъ многими мущинами, имѣя села, города, земли, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія по праву наслѣдованія, и по этой страсти къ владычеству живутъ онѣ подъ видомъ дѣвства или вдовства необузданно, въ тягость подданнымъ, преслѣдуя однихъ ненавистью, губя другихъ слѣпою любовью».

Въ крайне мрачныхъ чертахъ описывается Михалономъ и угнетеніе простого народа шляхтою: «Мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихся въ сѣти

чрезъ бракъ съ рабынями; мы злоупотребляемъ нашей властью надъ ними, мучая ихъ, уродуя, убивая безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. У Татаръ и Московитянъ ни одинъ человѣкъ не можетъ убить человѣка, даже при очевидномъ преступленіи. Это право предоставлено только судьямъ въ главныхъ городахъ, а у насъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей».

Особенно же удручаетъ Михалона та кабала, въ которую попало христіанское населеніе Литвы, вслѣдствіе покровительства великихъ князей и знатныхъ пановъ жидамъ. «Въ страну нашу»,—говоритъ онъ,

203. Папа Юлій II.

Рисунокъ мѣломъ Микель Анджело (1510 года); хранится въ галлереѣ Уфицци во Флоренціи.

204. Папа Левъ X.

Рисунокъ, приписываемый художнику Себастіану дель Піомбо. Изъ собранія герцога Девонширскаго въ Чатсвортсѣ въ Англіи.

«собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ—іудейскій, распространившись по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей. Народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого искусства, кромѣ обмана и клеветы».

Въ такихъ же краскахъ, нѣсколькими годами позже Литвина Михалона, описывалъ Польскій писатель Кленовичъ жидовское засилье на своей родинѣ: «Можетъ быть ты спросишь, что дѣлаютъ жиды въ этомъ

славномъ городѣ? А то же, что дѣлаетъ волкъ, попавшій въ полную овчарню. Посредствомъ долговъ къ нему попадаютъ въ закладъ цѣлые города; онъ утѣсняетъ ихъ ростами и сѣетъ нищету. Червь медленно точитъ дерево и понемногу съѣдаетъ дубъ, но быстро заводитъ гниль; отъ моли погибаютъ ткани, отъ ржавчины желѣзо. Такъ непроизводительный жидъ съѣдаетъ частное имущество, истощаетъ общественное богатство. Поздно брались за умъ разоренные государи, и начинало стенать государство, наученное бѣдствіемъ; оно повержено долу, какъ тѣло, лишенное крови; нѣтъ болѣе силъ и жизненныхъ соковъ»...

205. Рафаэль Санти.

Рисунокъ мѣломъ Антоніо Бацци (около 1509 года); хранится въ „Собраніи рисунковъ Христіанской Церкви“ въ городѣ Оксфордѣ.

206. Микель Анджело Буонаротти.

Современное, рѣзанное на мѣди изображеніе, приписываемое художнику Джіорджіо Гизи.

Таково было внутреннее состояніе Польши и Литвы въ шестнадцатомъ вѣкѣ—по отзыву двухъ ихъ современныхъ писателей.

Въ это же самое время въ средѣ католичества происходили важныя и глубокія потрясенія, оказавшія сильное вліяніе на Польско-Литовское общество и отразившіяся даже и въ Московскомъ Государствѣ. Эти потрясенія произвела ересь Латинскаго чернеца Мартина Лютера.

Мы видѣли постепенное паденіе папской власти въ Западной Европѣ подъ вліяніемъ причинъ, главнѣйшими изъ которыхъ были: недостойное поведеніе нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ папскій столъ, усиленіе власти

207. Никколо Макіавелли.

Современное изображеніе художника Санти ди Тито; изъ собранія г. Лангтона Дугласа въ Лондонѣ.

208. Яковъ Фуггеръ.

Съ современнаго изображенія.

свѣтскихъ государей за счетъ власти папъ надъ ними и, наконецъ, то стремленіе къ изученію языческой древности и поклоненіе языческимъ понятіямъ и взглядамъ на жизнь, которыя съ особой силой проявились въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, въ расцвѣтъ такъ называемой «Поры возрожденія искусствъ и наукъ». Охлажденіе Европейскаго общества къ дѣламъ вѣры и отобраніе свѣтскими государями многихъ статей дохода, шедшихъ прежде въ папскую казну, вызвало, разумѣется, ея оскудѣніе; а между тѣмъ, именно въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI вѣка, папы болѣе чѣмъ когда нибудь нуждались въ деньгахъ, такъ какъ стали главными дѣятелями «Поры возрожденія наукъ и искусствъ», тратя огромнѣйшія деньги на украшеніе Рима величественными памятниками.

Стяжавшаго навсегда извѣстность своими пороками папу Александра VI Борджіа смѣнилъ въ 1503 году папа Юлій Второй, человѣкъ съ очень воинственными наклонностями и громаднымъ честолюбіемъ. Будучи одновременно главой Латинской церкви и свѣтскимъ государемъ Римской области, онъ велъ рядъ ожесточенныхъ войнъ съ сосѣдями, руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ пріемами, общепринятыми тогда среди правителей Италіи и изложенными знаменитымъ Флорентинцемъ Макіавелли въ его книгѣ «О князѣ», гдѣ предательство, убійство изъ-за угла и всякаго рода коварство признавались вполнѣ законными и необходимыми для правителя средствами.

Чтобы оставить по себѣ на долгіе вѣка память, Юлій II приступилъ къ сооруженію въ Римѣ, на мѣстѣ разобранной имъ древней церкви Святого Петра, новаго огромнѣйшаго храма, въ честь того же Святого, причемъ и до сей поры храмъ этотъ считается самымъ величественнымъ изъ всѣхъ существующихъ Латинскихъ соборовъ.

Первоначальное построеніе его было поручено славному зодчему Браманту, а затѣмъ въ немъ принимали участіе и два величайшихъ Итальянскихъ художника—Микель Анджело и Рафаэль Санти.

Юлія Второго смѣнилъ въ 1513 году папа Левъ Десятый, ревностно продолжавшій сооруженіе и украшеніе храма Святого Петра и отличавшійся, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ необузданнымъ мотовствомъ.

Чтобы удовлетворить возможности изыскивать громадныя средства

209. Соборъ Святого Петра и Ватиканскій дворецъ (мѣстопребываніе папъ) въ Римѣ.

для папской казны, еще Александръ Шестой Борджіа пригласилъ въ Римъ, давши огромныя льготы, богатѣйшихъ торговцевъ деньгами, или банкировъ, Нѣмецкаго города Аугсбурга—Фуггеровъ.

Эти Фуггеры быстро обосновались въ Римѣ, а глава ихъ дома—Яковъ Фуггеръ, пріобрѣлъ уже при Юліи Второмъ настолько выдающееся положеніе, что папскія деньги стали чеканиться съ его торговымъ клеймомъ. Избраніе Льва X въ папы было произведено при помощи денегъ Фуггеровъ; изъ 197 же Латинскихъ епископовъ, назначенныхъ съ 1495 по 1520 годъ въ Германіи, Швеціи, Польшѣ и Венгріи—88 получили свое званіе тоже благодаря содѣйствію Фуггеровъ.

Для удовлетворенія страсти къ деньгамъ, Левъ X торговалъ всѣмъ чѣмъ могъ: званіемъ кардинала, епископскими мѣстами и разными должностями при своемъ дворѣ, которыя онъ создавалъ исключительно

съ цѣлью ихъ немедленной продажи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ расширилъ до огромныхъ предѣловъ и продажу *индульгенцій* или *разрѣшительныхъ отъ грѣховъ грамотъ.*

Продажа этихъ грамотъ производилась Римской церковью и въ прежнія времена и была основана на томъ предположеніи, что такъ какъ святые Латинской церкви совершили гораздо болѣе добрыхъ дѣлъ, чѣмъ это требовалось для спасенія ихъ душъ, то отъ избытка этихъ дѣлъ составилось особое «сокровище церкви», которое и распродавалось за деньги всѣмъ желающимъ купить себѣ отпущеніе грѣховъ.

Часто папы давали право производить продажу индульгенцій на извѣстный срокъ властителямъ разныхъ Латинскихъ странъ съ цѣлью сбора денегъ на сооруженіе храмовъ, или же на крестовые походы противъ невѣрныхъ; такъ, въ 1502 году, Александръ VI Борджіа далъ право продажи

210. Продажа разрѣшительныхъ отъ грѣховъ грамотъ.

Съ весьма рѣдкаго (какъ предполагаютъ, воспрещеннаго Базельскимъ городскимъ совѣтомъ) рѣзаннаго на деревѣ изображенія Ганса Гольбейна.

индульгенцій въ Ливоніи магистру Плеттенбергу—для борьбы съ Москвой, при чемъ въ 1509 году, Юлій II далъ вновь это право на сборъ средствъ для «крестоваго похода противъ Русскихъ схизматиковъ и еретиковъ».

Рѣшивъ прибѣгнуть къ усиленной продажѣ индульгенцій для сбора денегъ на пополненіе своей казны, Левъ X поручилъ это дѣло въ 1516 году въ Германіи нѣкоему Тецелю, пріобрѣвшему въ немъ большой навыкъ въ Ливоніи, гдѣ онъ продавалъ ихъ, собирая деньги на войну противъ Русскихъ. Тецель повелъ продажу индульгенцій въ Германіи на широкихъ началахъ и сталъ разъѣзжать со своими подручниками по всѣмъ городамъ и весямъ; они являлись въ церкви, раскрывали свои тюки съ грамотами, ставили столы для счетчиковъ и корзины для денегъ, и зазывали покупателей также, какъ и обыкновенные торговцы, обѣщая за установленную плату полное отпущеніе грѣховъ, не только прошедшихъ, но и будущихъ.

Торговля шла успѣшно; однако многіе истинно вѣрующіе люди были глубоко возмущены этимъ недостойнымъ способомъ обогащенія папской казны.

Среди негодующихъ былъ и монахъ Августинскаго ордена—Лютеръ, человѣкъ горячо преданный Латинству и положившій въ молодые годы не мало труда на изученіе богословія и другихъ наукъ. Когда его назначили преподавать въ Виттенбергскомъ университетѣ, въ Саксоніи, то онъ скоро пріобрѣлъ славу превосходнаго проповѣдника и человѣка высокой нравственности. Въ 1511 году, Лютеръ совершилъ паломничество въ Римъ; подходя къ знаменитому городу воодушевленнымъ самыми лучшими чувствами, онъ палъ на колѣни и въ благоговѣйномъ порывѣ воскликнулъ: «Привѣтъ тебѣ священный Римъ»! Но четырехнедѣльное пребываніе въ Римѣ открыло ему глаза на истинное положеніе дѣлъ, и онъ съ ужасомъ убѣдился, какіе страшные пороки царятъ среди всего папскаго двора. По возвращеніи своемъ въ Виттенбергъ, Лютеръ сталъ все болѣе и болѣе задумываться надъ вопросомъ о томъ, насколько правильны и соотвѣтствуютъ духу христіанства всѣ Латинскія установленія, тѣмъ болѣе, что у него съ ранняго дѣтства были по этому поводу сомнѣнія, которыя онъ тщательно старался отогнать отъ себя, приписывая ихъ внушенію нечистой силы.

211. Мартинъ Лютеръ.

Современное изображеніе художника Луки Кранаха.

Между тѣмъ, въ Виттенбергъ пріѣхалъ продавать индульгенціи уже помянутый нами Тецель. Пріѣздъ этотъ послужилъ началомъ открытой борьбы Лютера противъ папской власти. Онъ прибилъ къ дверямъ соборной церкви грамоту, въ которой оспаривалъ права папъ торговать отпущеніемъ грѣховъ и многія другія положенія.

Скоро поступокъ молодаго проповѣдника сталъ извѣстенъ всей Германіи и папскому двору, причемъ на сторонѣ Лютера оказалось

чрезвычайно много лицъ, державшихъ его сторону, особенно среди Сѣверо - Германскихъ князей, тяготившихся частыми папскими поборами. Между тѣмъ, умеръ старый императоръ Максимиліанъ I и на съѣздѣ Германскихъ князей, пользовавшихся правомъ избранія императора, или такъ называемыхъ *курфюрстовъ*, ими былъ выбранъ девятнадцатилѣтній сынъ Максимиліана, уже знакомый намъ Карлъ, король Испанскій, при чемъ весьма существенную поддержку въ этомъ избраніи ему оказалъ своими деньгами знаменитый домъ Фуггеровъ. Этотъ императоръ Карлъ, принявшій наименованіе V, назначилъ въ 1521 году съѣздъ въ городѣ Вормсѣ для рѣшенія различныхъ государственныхъ дѣлъ; сюда былъ приглашенъ также для объясненій и Лютеръ; по ходатайству его могущественныхъ друзей, Карлъ V обѣщалъ ему полную неприкосновенность и далъ охранную грамоту; на сеймѣ этомъ, впрочемъ не безъ предварительныхъ колебаній, Лютеръ торжественно и окончательно высказался противъ папы.

Но осудивъ порядки Латинской церкви, Лютеръ не остановился на этомъ, и вмѣсто того, чтобы указать на необходимость возвращенія къ древнему Православію, установленному Христіанскими святителями на семи вселенскихъ соборахъ, онъ положилъ начало великому расколу въ католичествѣ, носящему названіе *реформаціи* или переустройства, а также *протестантства*, то-есть выраженія недовольства существующимъ порядкомъ; при этомъ, онъ счелъ возможнымъ совершенно порвать съ Отеческимъ преданіемъ, идущимъ съ первыхъ вѣковъ Христіанства и пренебречь всѣми постановленіями Отцовъ Церкви, а установилъ по своему собственному разумѣнію новыя основанія Христіанской вѣры, которыя онъ считалъ истинными и непреложными.

Въ числѣ этихъ новыхъ основаній было отрицаніе имъ нѣкоторыхъ Таинствъ, Святыхъ, монашества и необходимости для спасенія души добрыхъ дѣлъ.

Изъ присутствующихъ на Вормскомъ сеймѣ многіе тогда-же высказались противъ Лютера, и онъ былъ объявленъ Карломъ Пятымъ «внѣ закона»; но нашлись и приверженные друзья, которымъ выгодно было освободиться изъ подъ власти папъ; они горячо приняли его сторону и скоро по всей Германіи поднялась ужаснѣйшая смута, быстро перешедшая и на народные низы, гдѣ она выразилась сильнѣйшими возстаніями во многихъ мѣстностяхъ. Въ этой смутѣ Лютеръ принималъ самое горячее участіе; въ благодарность за поддержку, оказанную ему Сѣверо-Германскими князьями, онъ всталъ всецѣло на ихъ сторону въ дѣлѣ подавленія крестьянскихъ мятежей и выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе «Противъ крестьянъ-мятежниковъ», въ которомъ высказывалъ: «каждый кто можетъ дѣйствуй противъ нихъ, дави и коли ихъ, тайно и явно—какъ при пожарѣ, лишь бы погасить его какими-бы то ни было способами».

Съ той же необычайной страстностью относился Лютеръ и ко всѣмъ другимъ своимъ врагамъ; Англійскій король Генрихъ Восьмой написалъ

противъ него богословское сочиненіе; Лютеръ отвѣчалъ на него съ невѣроятной грубостью. Еще рѣзче относился онъ къ нѣкоему Швейцарцу Цвингли, который, по примѣру самого Лютера, тоже задумалъ преобразовать Христіанскую вѣру такъ, какъ ему это казалось правильнымъ и вѣрнымъ, при чемъ, разумѣется, взгляды Цвингли расходились со многими взглядами Лютера, почему между ними и началась ожесточеннѣйшая борьба.

Крестьянскіе мятежи были вскорѣ подавлены вооруженной силою; реформація же Лютера дѣлала все большіе и большіе успѣхи. Проповѣдуя уничтоженіе монашества, онъ женился на разстриженной черницѣ и примѣру его не замедлили послѣдовать многіе Латинскіе священники и инокини, особенно въ Сѣверо-Германскихъ княжествахъ, гдѣ владѣтели охотно поддерживали новое ученіе, вслѣдствіе котораго, съ уничтоженіемъ монастырей, земельныя владѣнія послѣднихъ поступали въ ихъ собственность.

212. Генрихъ VIII, король Англійскій.

Современное изображеніе, хранящееся въ Національной галлереѣ въ городѣ Лондонѣ

Въ концѣ концовъ, благодаря расколу, внесенному Лютеромъ въ лоно Латинства, Германія раздѣлилась, и притомъ на нѣсколько вѣковъ, на двѣ части: на католическую, въ которую вошли — Австрія, Баварія и Южно-Германскія княжества, и на протестантскую — съ Саксоніей, Богеміей и большимъ количествомъ областей и городовъ на сѣверѣ.

Ересь, созданная Лютеромъ, не ограничилась предѣлами Германіи; вскорѣ послѣ Цвингли появились новые преобразователи и реформаторы, изъ которыхъ замѣчательнѣйшими были: жестокій и безнравственный Англійскій король Генрихъ Восьмой,—писавшій сперва противъ Лютера, но затѣмъ, поссорившись съ папою, отдѣлившійся отъ него и образовавшій Англиканскую церковь, и Французъ Ковенъ или Кальвинъ, человѣкъ чрезвычайно суроваго и воинственнаго нрава, прибѣгавшій къ сожженію на кострѣ несогласныхъ съ его ученіемъ. Кальвинизмъ распространился

въ Швейцаріи и Франціи, а также проникъ весьма быстро вмѣстѣ съ Лютеранствомъ и въ Польшу, высшее сословіе которой находилось въ постоянномъ общеніи съ Европой и жадно воспринимало всѣ новыя ученія, шедшія изъ нея.

Проникновенію этихъ ученій въ Польшу и Литву способствовало также большое количество Нѣмцевъ, жившихъ въ городахъ, и то обстоятельство, что ближайшій сосѣдъ Польши, бывшій магистръ Нѣмецкаго Ордена Альбрехтъ Бранденбургскій—также отпалъ отъ Латинства и перешелъ въ протестантство, сдѣлавшись, какъ мы видѣли, свѣтскимъ владѣтелемъ и подручникомъ своего дяди Сигизмунда Перваго.

Вскорѣ послѣ Нѣмецкаго Ордена отпали отъ католичества и перешли въ Лютеранство также и Рыцари Ливонскаго Ордена.

213. *Іоаннъ Кальвинъ или Ковэнъ.*
Современное, рѣзанное по дереву изображеніе, неизвѣстнаго художника.

Въ Литвѣ и Польшѣ новая ересь не замедлила вступить въ успѣшную борьбу съ Латинствомъ, особенно когда ея усердными проповѣдниками явились нѣкоторые природные Литовцы, перешедшіе въ протестантство, къ которымъ примкнулъ и знаменитый Виленскій панъ Николай Радзивиллъ Черный. Что же касается до Православнаго населенія на Литвѣ, то успѣхи Лютеранской ереси среди католиковъ были для него даже выгодны, такъ какъ протестанты не преслѣдовали Православныхъ такъ, какъ Латиняне.

Много толковъ возбудила реформація и въ Москвѣ. Максимъ Грекъ написалъ слово «О Лютеровой ереси», гдѣ, не хваля мірского властолюбія папъ, строго осуждалъ новшества въ исповѣданіи вѣры, внушенныя человѣческими страстями.

Несмотря на то, что къ ученію Лютера примкнули многіе истинно религіозные люди, въ общемъ, распространеніе реформаціи сопровождалось всюду сильнымъ пониженіемъ общественной нравственности, что особенно отразилось на ближайшихъ сосѣдяхъ Московскаго Государства—Ливонскихъ рыцаряхъ: потеря воинской доблести, любовь къ роскоши, пьянство и распутство—стали ихъ отличительными чертами. Вотъ какъ отзывается о нихъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, уже упомянутый нами Германскій ученый Себастіанъ Мюнстеръ, въ своей Космографіи: «Московскій Царь постоянно долженъ отражать нападенія Татаръ. У Ливонцевъ съ Татарами дѣла нѣтъ, а потому ихъ самая главная забота и работа—постоянно пьянствовать и объѣдаться».

214. Николай VI Радзивиллъ Черный.
Со стариннаго изображенія, хранящагося въ Несвижскомъ замкѣ.

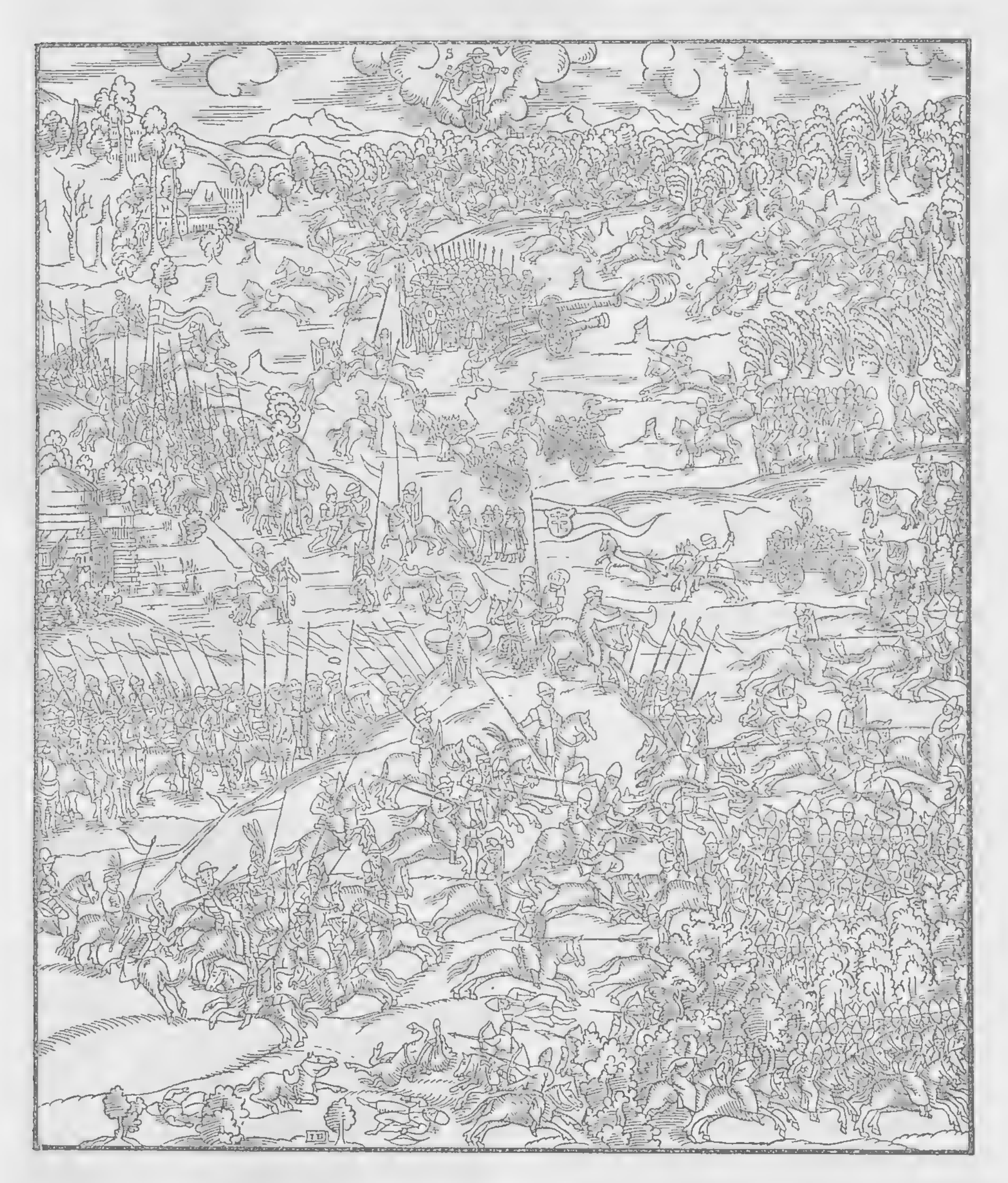
Слова Нѣмца Себастіана Мюнстера лишній разъ подтверждаютъ уже высказанное нами, что въ то время, когда обитатели Западной Европы, Польши, Литвы и Ливоніи могли ставить цѣлью жизни—удовлетвореніе своихъ личныхъ удовольствій и страстей, а также заниматься развитіемъ искусствъ и наукъ, Русскіе люди должны были нести тяжелую службу охраны этой Европы кровью и жизнью своихъ сыновъ отъ хищныхъ ордъ Азіатовъ, — и службу эту они несли съ честію.

По словамъ Герберштейна, миръ для Московіи былъ случайностью, а война постояннымъ занятіемъ, особенно же во времена Василія Іоанновича, непрерывно занятаго борьбой съ Казанью и съ алчнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недоступнымъ Крымомъ, который лежалъ за широкими пустынными, степями и отдѣлялся, кромѣ того, такъ называемою *Перекопью*, широкимъ и глубокимъ шестиверстнымъ рвомъ, прорытымъ поперекъ перешейка между Чернымъ и Азовскимъ морями, съ высокимъ укрѣпленнымъ валомъ. Собственно Крымъ выставлялъ обыкновенно не больше 30,000 всадниковъ, но къ нимъ всегда готовы были присоединиться безчисленныя Татарскія орды различныхъ наименованій, кочевавшія по нашимъ Прикаспійскимъ и Черноморскимъ

215. Корчма въ Ливоніи.
Изъ Нѣмецкой „Космографіи" Себастіана Мюнстера, изданія 1550 года.

*

степямъ, на огромномъ пространствѣ отъ Урала до Дуная, и великолѣпно знавшія всѣ удобные пути или *шляхи*, какъ къ границамъ Московскаго Государства, такъ и къ Русскимъ областямъ, бывшимъ за Литвой;



216. Польско-Литовскія войска отражаютъ набѣгъ Крымцевъ.

Изъ Польской книги: „Хроника Польская" Марцина Бѣльскаго, изданія 1597 года.

лучшимъ изъ этихъ шляховъ по направленію къ Москвѣ были *Муравскій*, шедшій отъ Перекопа до Тулы, по мѣстности между притоками Днѣпра и Донца.

217. Крымскій полонъ.

Рисунокъ художника Р. Штейна.

Татары всегда старались незамѣтно подойти къ Русскимъ или Литовскимъ границамъ и затѣмъ, быстро развернувшись, охватывать своими отрядами громаднѣйшія пространства, производя всюду грабежи и пожары, захватывая скотъ, всякое добро, а главное людей, особенно же мальчи-

218. Отправленіе на Государеву службу въ XVI вѣкѣ.

Рисунокъ художника В. Радомскаго.

ковъ и дѣвочекъ; у нихъ для плѣнныхъ были всегда наготовѣ особыя ременныя своры и большія корзины, чтобы сажать въ нихъ дѣтей. Главнымъ рынкомъ для плѣнниковъ была Кафа, гдѣ ихъ грузили на суда и затѣмъ везли продавать въ Константинополь, Анатолію и другіе города Европы, Азіи и Африки. Въ XVI вѣкѣ въ городахъ по берегамъ Чернаго и Средиземнаго морей можно было встрѣтить не мало рабынь, которыя укачивали хозяйскихъ ребятъ Польской или Русской колыбельною пѣснью. Московскіе плѣнники, движимые горячей любовью къ Родинѣ, совершали постоянно побѣги, или по крайней мѣрѣ дѣлали постоянно попытки къ этимъ побѣгамъ, а потому цѣнились на рынкахъ дешевле рабовъ изъ Литвы и Польши. Вотъ что говоритъ по этому поводу уже извѣстный намъ Михалонъ: «Хотя Перекопцы имѣютъ обильно плодящіяся стада, а рабовъ только изъ плѣнныхъ, однако послѣдними они богаче, такъ что снабжаютъ ими и другія Земли. Корабли, часто приходящіе къ нимъ съ другой стороны моря и изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а отходятъ отъ нихъ, нагруженные рабами. Всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарка, и всякій изъ нихъ, хотя бы не имѣющій раба, но владѣющій конемъ,

обѣщаетъ заимодавцамъ своимъ заплатить въ извѣстный срокъ за платье, оружіе и живыхъ коней—живыми же, но не конями, а людьми и притомъ нашей крови. И эти обѣщанія вѣрно исполняются, какъ будто наши люди находятся у нихъ всегда на задворьяхъ въ загонахъ. Одинъ іудей-мѣняла, сидя у воротъ Тавриды (подъ крѣпостью Перекопомъ), и видя безчисленное множество привозимыхъ туда плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ странахъ или нѣтъ, и откуда такое ихъ множество. Такъ всегда имѣютъ они въ запасѣ рабовъ, не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своей злости. Наиболѣе сильные изъ сихъ несчастныхъ часто лишашаются ушей и ноздрей, клеймятся на лбу и на щекахъ и связанные или скованные мучатся днемъ на работѣ, ночью въ заключеніи; жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи изъ гнилой падали, покрытой червями, отвратительной даже для собакъ. Только женщины, которыя понѣжнѣе и покрасивѣе, содержатся иначе; которыя изъ нихъ умѣютъ пѣть и играть, тѣ должны увеселять на пирахъ. Для продажи выводятъ рабовъ на площадь гуськомъ, какъ будто журавли въ полетѣ, цѣлыми десятками прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками; при чемъ громко кричатъ, что это рабы самые новые, простые, нехитрые, только что привезенные изъ народа королевскаго, а не Московскаго. (Московское племя полагается у нихъ болѣе дешевымъ, какъ коварное и обманчивое). Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ и покупается дорого иностранными купцами для продажи еще высшей цѣною болѣе отдаленнымъ и болѣе темнымъ народамъ, каковы Сарацины, Персы, Индійцы, Арабы, Сирійцы и Ассирійцы. Несмотря на чрезвычайную осторожность покупателей, тщательно осматривающихъ всѣ качества рабовъ, ловкіе продавцы не рѣдко ихъ обманываютъ. Мальчиковъ и дѣвочекъ они сначала откармливаютъ, одѣваютъ въ шелкъ, бѣлятъ и румянятъ, чтобы продать ихъ подороже. Красивыя дѣвушки нашей крови покупаются на вѣсъ золота, и иногда тутъ же на мѣстѣ перепродаются съ барышемъ. Это бываетъ во всѣхъ городахъ полуострова, особенно въ Кафѣ. Тамъ цѣлыя толпы сихъ несчастныхъ невольниковъ отводятся съ рынка прямо на корабли. Она лежитъ на мѣстѣ, удобномъ для морской торговли;

219. Видъ города Коломны въ XV—XVI вѣкѣ.

Изъ книги XVII вѣка: „Описаніе путешествія въ Московію“ Адама Олеарія.

это не городъ, а ненасытная и беззаконная пучина, поглощающая нашу кровь».

Мы говорили уже, что противъ этихъ внезапныхъ набѣговъ Крымскихъ разбойниковъ изъ ихъ неприступной берлоги,—Московскіе люди должны были постоянно нести такъ называемую «береговую» службу, по берегу рѣки Оки, куда по Государеву приказу къ ранней веснѣ, обыкновенно въ Благовѣщеніе, собирались ратные люди, при чемъ городовые дворяне и дѣти боярскіе должны были выступать, за право пользованія своими помѣстьями, «конны, людны и оружны», съ указаннымъ числомъ коней и вооруженныхъ дворовыхъ людей; укрывавшихся же наказывали кнутомъ.

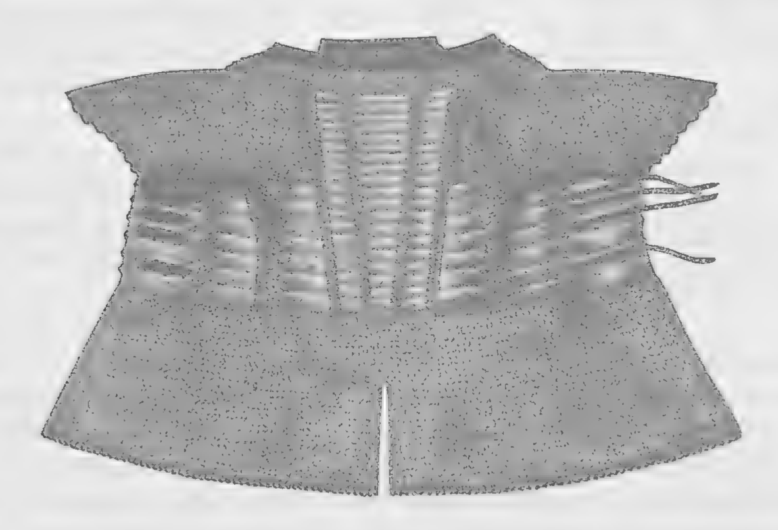
220. Русскій ратникъ XVI вѣка.

Съ изображенія, хранящагося въ Московской Оружейной Палатѣ.

Послѣ осмотра на сборномъ мѣстѣ, ратники, по полученіи тревожныхъ вѣстей изъ степей, располагались по полкамъ: большой полкъ становился у Серпухова, полкъ правой руки у Калуги, лѣвый у Каширы, передовой у Коломны, а сторожевой у Алексина; вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигался впередъ и шестой полкъ—«летучій ертоулъ», для высылки къ сторонѣ противника разъѣздовъ. Такимъ путемъ ежегодно собиралось до 65 тысячъ человѣкъ, стоявшихъ на мѣстахъ до глубокой осени, когда уже нечего было опасаться набѣговъ Татаръ. Кромѣ высылки полковъ для береговой службы, были устроены украинныя линіи или черты, состоявшія изъ ряда городовъ, остроговъ и острожковъ, обнесенныхъ рублеными стѣнами и усиленныхъ рвами, валами, засѣками и завалами изъ подпиленныхъ деревьевъ. Древнѣйшая и ближайшая къ Москвѣ изъ такихъ линій шла по Окѣ отъ Нижняго Новгорода до Серпухова, а оттуда поворачивала на Тулу и доходила до Козельска. Другая черта шла отъ Рязани на Веневъ, Тулу, Одоевъ и Жиздровъ. Впереди украинныхъ линій устанавливались наблюдательные сторожи и станицы, имѣвшія задачею непосредственное наблюденіе за мѣстностью, съ цѣлью своевременно извѣщать стоящія позади войска о приближеніи непріятеля. Эту службу несли, главнымъ образомъ, казаки, выходцы изъ Московскаго Государства на украйну, искавшіе, какъ мы говорили, въ пограничной степи привольной жизни и не боявшіеся постоянныхъ тревогъ, державшихъ ихъ всегда въ полной готовности перевѣдаться со степными хищниками. Древнѣйшія извѣстія въ

лѣтописяхъ имѣются, какъ мы уже указывали, о казакахъ Рязанскихъ, которые при Василіи Іоанновичѣ и несли эту станичную службу; въ его же княженіе упоминаются и казаки Смоленскіе, сидѣвшіе по Литовской границѣ. Затѣмъ, въ тѣ же времена, было обширное казачье поселеніе на Украинѣ Днѣпровской, чисто Русскаго происхожденія, изъ Русскихъ областей, подвластныхъ Литвѣ, и пришлаго люда изъ Москвы. Эти казаки, такъ называемые *Малороссійскіе,* были подчинены Польской коронѣ и первымъ Малороссійскимъ гетманомъ, съ правами намѣстника, былъ зять извѣстнаго намъ князя Константина Острожскаго и свойственникъ короля Александра— Предславъ Ланцкоронскій. Южнѣе Малороссійскихъ казаковъ сидѣли уже совершенно вольные обитатели нижняго Днѣпра, лишь временно

221. Московскій всадникъ XVI вѣка.
Рисунокъ художника Н. Самокиша.



222. Бахтерецъ или Русскія досчатыя латы.
Изъ „Собранія древностей Россійскаго Государства" Ѳ. Г. Солнцева.

входившіе въ соглашеніе съ Польскимъ правительствомъ, тоже Русскіе люди, собиравшіеся со всѣхъ сторонъ и устроившіе, впослѣдствіи, военное братство—знаменитую Запорожскую Сѣчь; оттуда они совершали лихіе набѣги на коняхъ и ладьяхъ, преимущественно на Татаръ и Турокъ; ихъ первый атаманъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, былъ уже знакомый намъ Евстафій Дашковичъ.

Безпрерывныя войны вынуждали князя Московскаго имѣть многочисленное войско, по свидѣтельству нѣкоторыхъ иностранцевъ, будто-бы даже до 400,000 человѣкъ, преимущественно конницы, сидѣвшей на небольшихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ, и совершавшей чрезвычайно быстро всѣ свои передвиженія, причемъ при встрѣчѣ съ противникомъ она обыкновенно старалась зайти ему въ тылъ.

CLXXII.
Ein Moscowitter.
Ein Moscowiter sawrer arth/
Also gerüst ist zu der fahrt/
Mit seinem Bogn zum Streit vnd Krieg/
Sein Sinn vnd Muth steht jhm zum Sieg.

223. Московитъ въ военномъ нарядѣ.

Съ весьма рѣдкаго Нѣмецкаго изображенія XVI вѣка, изъ собранія П. Я. Дашкова. Подъ рисункомъ Нѣмецкіе стихи: „Московитъ совершенно снаряженъ къ походу, со своимъ лукомъ для боя и войны. Умъ его и духъ направлены къ побѣдѣ“.

Баронъ Герберштейнъ говоритъ о Русскихъ войскахъ, между прочимъ, слѣдующее: «Каждые два или три года Государь производитъ наборъ по областямъ и переписываетъ дѣтей боярскихъ съ цѣлью узнать ихъ число и сколько у нихъ лошадей и служителей. Затѣмъ онъ опредѣляетъ каждому жалованье. Тѣ-же, кто могутъ по достатку своего имущества, служатъ безъ жалованья. Отдыхъ имъ дается рѣдко, ибо Государь ведетъ войну или съ Литовцами, или съ Ливонцами, или со Шведами, или съ Казанскими Татарами, или, если онъ не ведетъ никакой войны, то все же каждый годъ обычно ставитъ караулы въ мѣстностяхъ около Танаида (Дона) и Оки... для обузданія набѣговъ и грабежей Перекопскихъ Татаръ»..... «Лошади (у Русскихъ) маленькія, не подкованы; узда самая легкая; затѣмъ сѣдла приспособлены съ тѣмъ расчетомъ, что всадники могутъ безо всякаго труда поворачиваться во всѣ стороны и натягивать лукъ... Большинство пользуется плеткой, которая виситъ всегда на мизинцѣ правой руки, такъ что они могутъ всегда схватить ее, когда нужно, и пустить въ ходъ, а если дѣло опять доходитъ до оружія, то они оставляютъ плетку, и она виситъ по прежнему. Обыкновенное оружіе у нихъ составляетъ: лукъ, стрѣлы,

топоръ и палка, на подобіе булавы, которая по Русски называется кистень... Саблю употребляютъ болѣе знатные и болѣе богатые. Продолговатые кинжалы, висящіе на подобіе ножей, спрятаны у нихъ въ ножнахъ до такой степени глубоко, что съ трудомъ можно коснуться до верхней части рукоятки, или схватить ее въ случаѣ надобности. Хотя они вмѣстѣ и одновременно держатъ въ рукахъ узду, лукъ, саблю, стрѣлу и плеть, однако ловко и безъ всякаго затрудненія умѣютъ пользоваться ими. Нѣкоторые изъ болѣе знатныхъ носятъ латы или кольчугу, сдѣланную искусно, какъ будто изъ чешуи, и наручи; весьма немногіе имѣютъ шлемъ, заостренный кверху, на подобіе пирамиды. Нѣкоторые носятъ платье, подбитое ватой, для защиты отъ всякихъ ударовъ. Употребляютъ они и копья»...

EQVES MOSCOVITICUS:

CLXXI.

Ein Moscowiter zu Roß.

Diß ist auch ein sonderer boß / Wie ein Moscowiter zu Roß / Pfleget zu reiten allezeit / Wann er ist gerüstet zum streit.

Ff iij

224. Московитскій всадникъ.

Съ весьма рѣдкаго Нѣмецкаго изображенія XVI вѣка, изъ собранія П. Я. Дашкова. Подъ рисункомъ Нѣмецкіе стихи: „Это тоже особый молодецъ, Московитянинъ на лошади; онъ всегда готовъ ѣздить, когда снаряженъ въ бой“.

«Пожалуй, кому-нибудь могло бы показаться удивительнымъ, что они содержатъ себя и своихъ на столь скудное жалованье и притомъ, какъ я сказалъ, столь долгое время; поэтому я разъясню, въ краткихъ словахъ, ихъ бережливость и воздержанность. Такъ, у кого есть шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется только одной изъ нихъ въ качествѣ подъемной или вьючной, на которой везетъ необходимое для жизни. Прежде всего такой человѣкъ имѣетъ въ мѣшкѣ, длиною въ двѣ или три пяди, толченое просо, потомъ восемь или десять фунтовъ соленой свинины; есть у него въ мѣшкѣ и соль и, при томъ, если онъ богатъ, смѣшанная съ перцемъ. Кромѣ того, каждый носитъ съ собой топоръ, огниво, котелъ или мѣдный горшокъ, чтобы, если онъ случайно попадаетъ туда, гдѣ не найдетъ ни плодовъ, ни чесноку, ни луку, или дичи, имѣть возможность развести тамъ огонь, наполнить горшокъ водою, бросить въ него полную ложку проса, прибавить соли и варить; довольствуясь такой пищей живутъ и господинъ и слуги... Если же господинъ хочетъ пиршествовать роскошно, то онъ прибавляетъ маленькую частицу свиного мяса. Я говорю это не о болѣе знатныхъ, а о людяхъ средняго достатка. Вожди войска и

другіе военные начальники время отъ времени приглашаютъ къ себѣ другихъ побѣднѣе, и, получивъ хорошій обѣдъ, эти послѣдніе воздерживаются иногда потомъ отъ пищи два или три дня. Точно также, если у Московита есть плоды, чеснокъ или лукъ, то онъ легко можетъ обойтись безъ всего другого».

Описавъ подробно порядки въ Русскомъ войскѣ при Василія Іоанновичѣ, Герберштейнъ разсказываетъ про обычаи, царившіе среди подростковъ и дѣтей; познакомившись съ этими обычаями, дѣлается совершенно понятной та беззавѣтная удаль, мужество и выносливость Русскихъ людей въ бою и при суровыхъ невзгодахъ походнаго времени.

225. Кулачный бой на Москвѣ въ XVI столѣтіи.

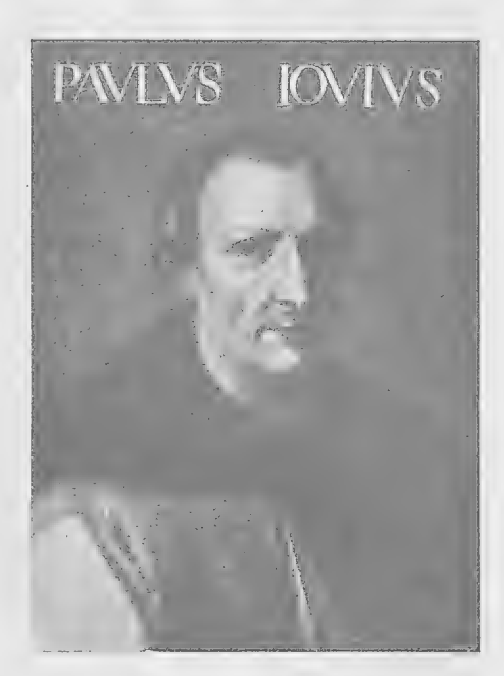
Рисунокъ художника М. Пескова.

«Юноши», говоритъ Герберштейнъ: «наравнѣ съ подростками сходятся обычно по праздничнымъ днямъ въ городъ на обширномъ и извѣстномъ всѣмъ мѣстѣ, такъ что большинство можетъ ихъ тамъ видѣть и слышать; они созываются вмѣстѣ нѣкіимъ свистомъ, который является какъ бы условнымъ знакомъ; созванные, они тотчасъ сбѣгаются вмѣстѣ и вступаютъ въ рукопашный бой; начинаютъ они борьбу кулаками, и вскорѣ безъ разбору и съ великой яростью бьютъ ногами по лицу, шеѣ, груди, животу, и вообще, какимъ только можно способомъ, одни поражаютъ другихъ, состязаясь взаимно о побѣдѣ, такъ что часто ихъ уносятъ оттуда бездыханными. Всякій, кто побѣдитъ больше народу, дольше другихъ останется на мѣстѣ сраженія и весьма храбро выноситъ удары, получаетъ особую похвалу въ

сравненіи съ прочими и считается славнымъ побѣдителемъ. Этотъ родъ состязанія установленъ для того, чтобы юноши привыкали сносить побои и терпѣть какіе угодно удары».

Главной наградой за службу военно-служилому люду при Василіи была, также какъ и при его предкахъ, раздача помѣстій, переходившихъ послѣ смерти владѣльца, если у него не было сыновей на службѣ, въ другія руки. Семьямъ же умершаго выдавались изъ этого помѣстья извѣстныя доли на прожитокъ.

Поземельнымъ устройствомъ всѣхъ служилыхъ людей вѣдалъ *Помѣстный Приказъ*, который вмѣстѣ *съ Разряднымъ или Военнымъ приказомъ*, а также и нѣкоторыми другими, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, составляли, такъ сказать, высшее управленіе всѣми дѣлами Московскаго Государства. Приказами управляли бояре, но важное значеніе въ нихъ имѣли *дьяки*, завѣдывавшіе всей письменной частью, и являвшіеся часто съ докладами въ боярскую думу, которая собиралась подъ предсѣдательствомъ самого Государя. Василій Іоанновичъ, какъ мы говорили, очень цѣнилъ умныхъ и образованныхъ дьяковъ и нѣкоторыхъ особо приблизилъ къ себѣ, при чемъ наибольшимъ его довѣріемъ и любовью пользовался Тверской дворецкій — дьякъ Шигона Поджогинъ; способности другого дьяка Юрія Малаго Траханіота Государь цѣнилъ такъ высоко, что когда тотъ бывалъ нездоровъ, то его приказано было привозить на телѣжкѣ въ Царскій дворецъ для совѣщанія о дѣлахъ.



226. Павелъ Іовій.

Съ современнаго портрета, хранящагося въ галлереѣ Уфицци во Флоренціи.

Василіемъ Іоанновичемъ были установлены нѣкоторыя новыя придворныя должности—*оружейничаго, ловчаго, кравчаго и рындъ*; рындами назначались знатные молодые люди, носившіе въ торжественныхъ случаяхъ длинное одѣяніе изъ бѣлаго шелковаго атласа и серебряные топоры, и находившіеся непосредственно при великомъ князѣ. Всѣ эти придворные чины, при первомъ же сборѣ въ походъ, тотчасъ садились на коней и отправлялись на войну, такъ какъ все высшее служилое сословіе, какія бы оно должности не занимало, было прежде всего военнымъ и службу эту несло отъ молодыхъ лѣтъ до смерти.

«За то»—говоритъ помянутый нами Итальянскій историкъ Павелъ Іовій—«несущіе воинскую службу пользуются свободою отъ податей,

имѣютъ преимущество надъ поселяниномъ и во всѣхъ дѣлахъ сильны Царскимъ покровительствомъ. Во время войны открывается благородное поприще для истинной доблести, и вообще во всякой области управленія имѣются превосходныя и полезныя учрежденія, такъ что каждый за совершенный имъ поступокъ получаетъ въ удѣлъ или вѣчную награду, или вѣчный стыдъ».

Слѣдуя во всемъ завѣтамъ своего великаго родителя, Василій Іоанновичъ, также какъ и онъ, ревностно продолжалъ заботиться объ украшеніи стольнаго города и его святынь.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти Іоанна Третьяго, онъ началъ строить въ кремлѣ церковь Николая Гостунскаго, а затѣмъ, въ 1508 году, былъ оконченъ сооруженіемъ новый Архангельскій соборъ и начата постройкой великая колокольница церкви Ивана Лѣствичника. Всего въ Москвѣ при Василіи Іоанновичѣ было построено 11 каменныхъ церквей, при чемъ самымъ замѣчательнымъ сооруженіемъ почитается Новодѣвичій монастырь, основанный въ благодарность за взятіе Смоленска.

227. Великій князь Василій Іоанновичъ.

Изъ книги Павла Іовія: „О Московитскомъ посольствѣ", изданія 1575 года.

Въ 1508 году было закончено сооруженіе новыхъ каменныхъ Государевыхъ палатъ, куда Василій и перешелъ на житье; они сохранились до настоящаго времени и составляютъ два нижнихъ яруса, такъ называемаго Теремнаго дворца.

Наконецъ, въ томъ же 1508 году, Василій Іоанновичъ приказалъ Фрязину Алевизу Новому выкопать вокругъ кремля глубокій ровъ и выложить его камнемъ и кирпичемъ, а со стороны рѣки Неглинной (нынѣ засыпанной), устроить обширные глубокіе пруды, при чемъ Неглинная была соединена со рвомъ и съ Москвой рѣкой, такъ что крѣпость со всѣхъ сторонъ окружалась водою, а кремль сталъ островомъ.

Павелъ Іовій, по этому поводу разсказываетъ: «Городъ Москва по своему положенію въ самой серединѣ страны, по удобству водяныхъ сооб-

щеній, по своему многолюдству, по крѣпости стѣнъ своихъ, есть лучшій и знатнѣйшій городъ въ цѣломъ государствѣ...»

«... Дома въ немъ вообще деревянные, не слишкомъ огромны и не слишкомъ низки, а внутри довольно просторны; каждый изъ нихъ обыкновенно дѣлится на три комнаты: гостинную, столовую и кухню. При всякомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ этого городъ кажется необыкновенно обширнымъ. Въ каждомъ почти кварталѣ есть своя церковь, на самомъ же возвышенномъ мѣстѣ стоитъ храмъ Богоматери, славный по своему строенію и великолѣпію... Въ самомъ городѣ впадаетъ въ рѣку Москву рѣчка Неглинная, приводящая въ движеніе множество мельницъ. При впаденіи своемъ, она образуетъ полу-

228. Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ.

островъ, на концѣ котораго стоитъ весьма красивый замокъ съ башнями и бойницами, построенный Итальянскими мастерами. Москва по выгодному своему положенію передъ всѣми другими городами заслуживаетъ быть столицею: ибо мудрыми основателями своими построена въ самой населенной странѣ, въ срединѣ Государства, ограждена рѣками, укрѣплена замкомъ и по мнѣнію многихъ никогда не потеряетъ первенства своего».

Съ особеннымъ стараніемъ украшалъ Василій Іоанновичъ иконами и стѣнописью,—построенныя отцомъ церкви, подобно тому, какъ поступалъ Симеонъ Гордый по отношенію церквей, выстроенныхъ его отцомъ—Іоанномъ Калитою.

Поселившись въ 1508 году въ новомъ дворцѣ, Василій Іоанновичъ повелѣлъ *подписывать* дворцовую церковь Благовѣщенія мастеру Ѳеодо-

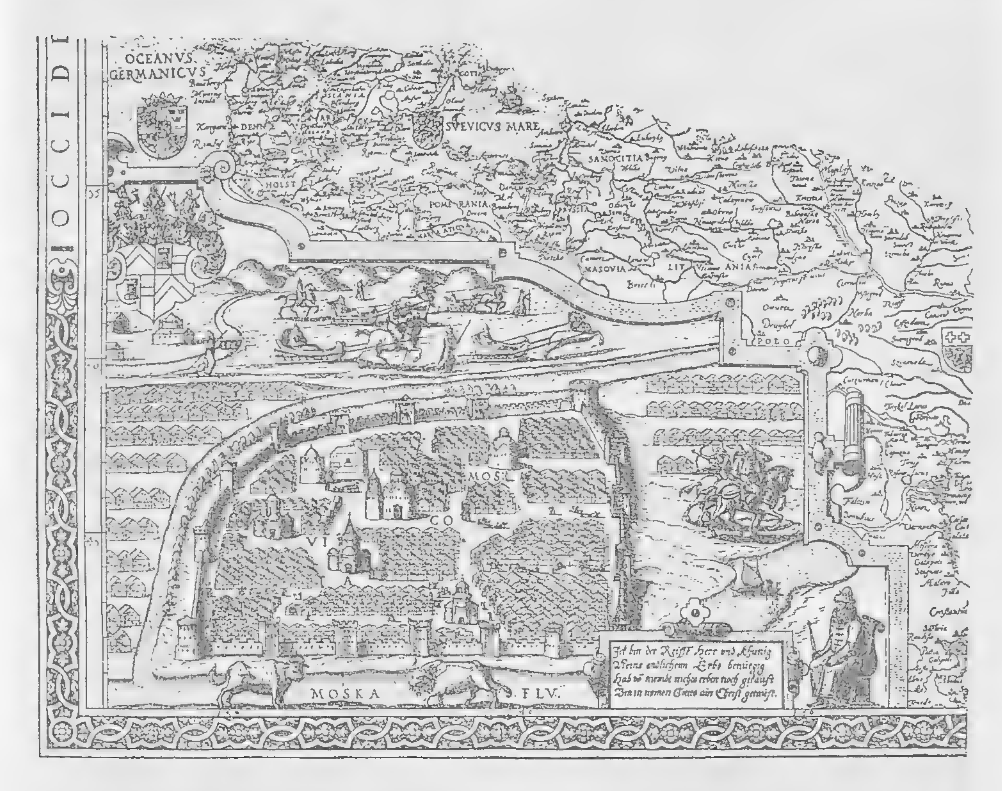
сію Денисьеву съ братіей, а въ 1514 году и Успенскій соборъ, въ которомъ древняя икона Андрея Боголюбскаго—Владимірская Божія Матерь была благоговѣйно поновлена самимъ митрополитомъ Варлаамомъ; затѣмъ, она была богато украшена сребромъ и золотомъ, а весь соборъ росписанъ стѣнописью, которая была «вельми чудна и всякой лѣпоты исполнена».

229. Старая Москва.

Рисунокъ А Васнецова

Во время великаго княженія Василія Іоанновича, въ Западной Европѣ имѣлись уже довольно подробныя свѣдѣнія о Московскомъ Государствѣ. Въ помянутомъ нами землеописаніи Себастіана Мюнстера, отъ 1550 года, имѣется весьма любопытное изображеніе Русскаго пахаря, которое мы здѣсь и помѣщаемъ (рис. 231); начиная свое описаніе Московскаго Государства,—Мюнстеръ приводитъ картинку, подъ которой подписано «до-

вольство Русскаго»; (рис. 232) Русскій изображенъ варящимъ пищу въ огромномъ котлѣ;—далѣе имъ приводятся изображенія (рис. 233—238): 1) превосходнаго Русскаго быка, 2) какъ Русская женщина беретъ на деревѣ рой, 3) какъ она вынимаетъ медъ изъ улья закрывши себѣ лицо корзиной, и 4) медвѣдя, яростно отбивающагося отъ дикихъ пчелъ, въ дупло которыхъ онъ залѣзъ, очевидно, чтобы полакомиться. На рисункѣ, изображающемъ Финскихъ инородцевъ, покоренныхъ Іоанномъ Третьимъ на сѣверо-востокѣ нашей Земли, Мюнстеръ помѣщаетъ также звѣрей, водившихся въ этихъ краяхъ, и изображаетъ, какъ дикіе ино-



230. Планъ города Москвы съ окрестностями въ XVI вѣкѣ.

Изъ Латинской географіи Брауна, изданія 1624 года.

родцы, уже просвѣщенные Христовой Вѣрой нашими безстрашными проповѣдниками, показываютъ своимъ дѣтямъ на небо, жилище Господа Бога. Наконецъ, обитатели крайняго Русскаго сѣвера представлены еще язычниками, поклоняющимися солнцу и лунѣ.

Вообще, по описанію иностранцевъ, Московское Государство представлялось весьма здоровой для жизни страной и вмѣстѣ съ тѣмъ очень плодородной и богатой какъ рыбой, такъ и дорогимъ пушнымъ звѣремъ.

Приводя наименованія разныхъ звѣрей, въ изобиліи водившихся въ нашей Землѣ, и разсказывая про охоту на нихъ, съ помощью собакъ,

кречетовъ и тенетъ, Павелъ Іовій говоритъ, между прочимъ: «тамъ ловится также черноватая птица съ красными бровями, величиною съ гуся, мясо которой по вкусу и достоинствамъ превосходитъ фазановъ; на Московскомъ языкѣ она называется: «тетеръ».

231. Русскій пахарь.

Изъ Нѣмецкой „Космографіи" Себастіана Мюнстера, изданія 1550 года, такъ же, какъ и рисунки 232, 233, 234, 235, 236, 237 и 238.

Мѣста для охоты въ тѣ времена были вездѣ богатѣйшія, особенно же подъ самой Москвою, гдѣ въ окрестныхъ поляхъ и лѣсахъ водилось необычайное множество зайцевъ и дикихъ козъ, охота на которыхъ была строго воспрещена, такъ какъ составляла особую потѣху самого Государя и приближенныхъ бояръ.

Подъѣзжая къ Москвѣ, большею частью изъ Смоленска, по Можайской дорогѣ, Западные Европейцы приходили въ неописуемый восторгъ, когда съ Поклонной горы имъ открывался дѣйствительно восхитительный видъ на Москву и ея окрестности. Нѣкоторые благочестивые Нѣмцы прямо сравнивали ее съ Іерусалимомъ, считая, что съ этимъ именемъ связано все прекрасное и

232. Довольство Русскаго.

233. Русскій быкъ.

великолѣпное, чѣмъ только можетъ отличаться городъ.

По свидѣтельству иноземцевъ, число домовъ въ Москвѣ въ 1520 году доходило до 41,500. Дома строились изъ бревенъ очень крѣпко, дешево и скоро. При этомъ, какъ мы уже говорили, можно было купить цѣлую избу за 30 или 50 копѣекъ; лошадь стоила рубль, корова—три четвертака, сани

съ упряжью около гривенника, а рабочему платили за сутки—копѣйку; цѣна хлѣба была разъ въ восемьдесятъ дешевле, чѣмъ теперь; правда, и тогдашній рубль былъ почти въ семь разъ тяжелѣе нынѣшняго.

Однако, мягкая рухлядь, до которой были такъ падки иностранцы,—мѣха соболей, бобровъ, горностаевъ, лисицъ, особенно чернобурыхъ,—была сравнительно дорога; такъ собольи мѣха, продававшіеся обыкновенно

234. Русская женщина беретъ пчелиный рой.

235. Русская женщина вынимаетъ медъ изъ улья.

сороками, цѣнились отъ 40 до 400 рублей за сорокъ штукъ и выше. «Иногда мѣха, пригодные для подшивки всего одной одежды»,—говоритъ Павелъ Іовій,—«продаются за тысячу золотыхъ монетъ».

Иностранцы привозили намъ, большею частью, серебро въ слиткахъ, шелковыя и золотныя ткани, жемчугъ, золото, а также произведенія своихъ странъ. Привозимый товаръ подвергался осмотру и съ него взималась пошлина. Кромѣ того, всѣ рѣдкія и дорогія вещи, прежде всего отправлялись во дворецъ, гдѣ онѣ показывались Государю. Дѣлалось это для того, чтобы Государь имѣлъ возможность награждать и дарить своихъ людей за службу, а также иноземныхъ пословъ, самымъ лучшимъ и рѣдкимъ товаромъ, такъ какъ Государи наши имѣли обычай дарить только то, что нельзя было достать ни за какія деньги на рынкѣ.

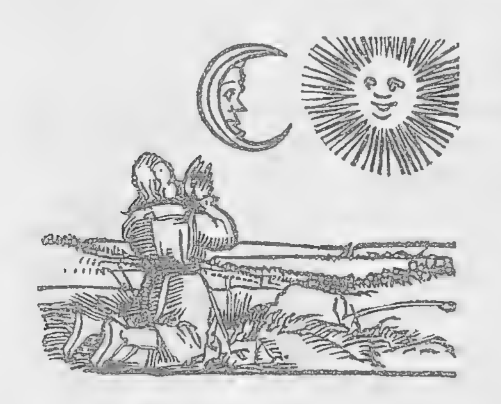
236. Русскій медвѣдь и пчелы.

Изъ Москвы же Западные купцы вывозили кожи, мѣха, воскъ и рыбу; сѣдла, узды, одежды, ножи и топоры шли больше къ Татарамъ. Особенно оживлялась торговля зимой, когда морозъ сковывалъ всѣ рѣки; длинныя вереницы возовъ, нагруженныхъ всякимъ добромъ, тянулись тогда къ Москвѣ, при чемъ главный торгъ происходилъ на крѣпкомъ льду Москвы-

рѣки, чему очень дивились иноземцы. Изъ иностранныхъ купцовъ только Поляки и Литовцы могли свободно пріѣзжать въ Москву прямо отъ своего лица; Шведамъ и Нѣмцамъ разрѣшалось торговать только въ Новгородѣ; а Туркамъ и Татарамъ—на ярмаркѣ Холопьяго городка на устьѣ Мологи, куда съѣзжались и всѣ прочіе иноземцы. Только будучи принятыми подъ

237. Инородцы, покоренные Русскими на сѣверо-востокѣ.

покровительство какого либо посольства, иностранные купцы, кромѣ Поляковъ и Литовцевъ, могли въѣзжать въ Москву для торговли. Исключеніе составляли жиды; въ половинѣ XVI вѣка имъ вовсе былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву и вообще во все Государство, вслѣдствіе тайной торговли запрещенными товарами.



238. Обитатели крайняго Русскаго сѣвера поклоняются небеснымъ свѣтиламъ.

Къ иностранцамъ Василій Іоанновичъ былъ вообще крайне ласковъ и привѣтливъ, но такъ же, какъ и покойный отецъ, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они отнюдь не ѣздили осматривать разныя мѣстности въ нашемъ Государствѣ, съ цѣлью развѣдывать новые торговые пути и мѣстонахожденіе драгоцѣнныхъ рудъ и камней. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка прибылъ въ Москву съ письмомъ отъ папы и Ливонскаго магистра нѣкій Итальянскій путешественникъ—капитанъ Павелъ; онъ убѣдительно просилъ разрѣшенія отпустить его водой въ Астрахань, дабы открыть путь въ Индію, суля намъ при этомъ черезъ нѣсколько лѣтъ золотыя горы отъ пошлинъ, которыя мы будемъ взимать съ иностранцевъ за провозъ Индійскихъ товаровъ, но Государь отклонилъ это ходатайство.

По замѣчанію Герберштейна и нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ, Русскіе купцы почитались очень хитрыми и лживыми и непомѣрно запрашивали за свои товары.

Продать по добровольному соглашенію за рубль то, что себѣ стоило копѣйку,—въ этомъ заключалась высшая торговая мудрость, или тотъ Московскій обманъ, на который негодовали иностранцы. Но они же говорили: «Странно однако же, что между Русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его дѣломъ

CLXVII

In Reussen die alten Handelsleuth/
Die tragen gern ein langes Kleid
Das ist gwohnlich von rauher Wahr/
Ein seltzam Hut auff ihrem Haar

239. Русскій купецъ.

Съ весьма рѣдкаго Нѣмецкаго изображенія XVI вѣка, изъ собранія П. Я. Дашкова. Подъ рисункомъ Нѣмецкіе стихи: „У Русскихъ старые купцы охотно носятъ длинное платье. Странная шляпа у нихъ на волосахъ бываетъ обычно изъ пушного товара“.

CLXVIII

Also gehet ein gemeiner Handelsman im Land zu Poln/ auch in Reussen/

In Reussen Moscaw und in Poln,
Da man die rauche Wahr thut holn
Gehen daher in solchem Kleid/
Uber die Gaß die Handelsleuth.

240. Одежда купцовъ въ Руссіи, Московіи и Польшѣ.

Съ весьма рѣдкаго Нѣмецкаго изображенія XVI вѣка, изъ собранія П. Я. Дашкова. Подъ рисункомъ Нѣмецкіе стихи: „У Русскихъ, въ Москвѣ и Польшѣ, гдѣ добываютъ пушной товаръ, ходятъ въ подобномъ платьѣ по улицамъ торговые люди“.

разумнымъ и достойнымъ похвалы, есть много такихъ людей, которые почитаютъ грѣхомъ, если они не возвратятъ покупателю, передавшему имъ, по ошибкѣ при расчетѣ, лишнія деньги. Возвратить такія деньги они почитаютъ себя обязанными, потому что передача случилась по невѣдѣнію и противъ воли покупателя, но передача въ цѣнѣ по доброй волѣ почиталась обыкновеннымъ барышемъ и не возвращалась».

Дурному мнѣнію заѣзжихъ иностранцевъ о нравственности Русскихъ способствовало, конечно, то обстоятельство, что, не зная страны и пріѣз-

жая въ какой либо городъ, особенно же въ Москву, они прежде всего попадали въ руки хитрыхъ пройдохъ изъ среды Гостиннаго двора или подъячихъ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что «Московская торговая вороватость, — говоритъ И. Е. Забѣлинъ, у котораго мы заимствуемъ всѣ приводимыя здѣсь свѣдѣнія о бытѣ Московскаго Государства въ XVI вѣкѣ,— выросла и была воспитана вслѣдствіе сношеній и встрѣчъ съ вороватыми же иноземцами. Каждый самъ себя оберегалъ».

Вотъ что писалъ про Русскихъ, пріѣхавшій въ Москву въ концѣ XVI вѣка, посолъ Германскаго императора Варкочъ: «Нѣкоторые писатели изображаютъ Московитянъ непостоянными и грубыми до варварства, а потому не совѣтуютъ вступать съ ними ни въ какія дѣла, но я долженъ

241. Старая Москва.
Рисунокъ А. Васнецова.

замѣтить, что они имѣютъ тонкій, смѣтливый умъ и отличаются особенною приверженностью къ христіанской церкви, что доказывается уже тѣмъ, что клятвопреступленіе нигдѣ не наказывается такъ строго, какъ у нихъ».

Самой торговой частью Москвы и вмѣстѣ съ тѣмъ серединой ея, какъ и въ настоящее время, былъ Китай-городъ, или Большой посадъ у кремля, который, по мысли Василія Іоанновича, приведенной, однако, въ исполненіе уже послѣ его кончины, былъ обнесенъ земляными стѣнами, устроенными, по словамъ лѣтописца, весьма мудро: сплетали тонкій лѣсъ между столбами и бревнами, а внутри такихъ плетеныхъ стѣнъ были построены еще деревянныя стѣны, уже по обыкновенному въ то время способу. Огороженный такимъ образомъ Большой Посадъ былъ названъ Китаемъ, что могло значить оплетеный, плетеночный, потому что по мѣстному нарѣ-

чію *китъ*, *кита*—значитъ веревка, сплетенная изъ травы или хвороста, которыми перевязываютъ соломенныя кровли. Вскорѣ послѣ постройки деревянныхъ стѣнъ, была заложена вмѣсто нихъ бѣлокаменная, но названіе «Китай-городъ» осталось.

«Трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ»,—говоритъ одинъ иностранецъ про Китай-городъ,—«коихъ тамъ до 40,000; какой вездѣ порядокъ, ибо для каждаго рода товаровъ, даже для послѣдняго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особые ряды лавокъ; даже цырульники бреютъ въ своемъ ряду».

Павелъ Іовій разсказываетъ что при Василіи Іоанновичѣ всякій Московскій кварталъ имѣлъ ворота и рогатки, коими запирали на ночь улицы, такъ какъ по нимъ запрещалось бродить безъ дѣла; у рогатокъ этихъ ставились сторожа, пропускавшіе только лицъ знакомыхъ и почтенныхъ, которыхъ даже провожали до дому. Слѣдуя примѣру своего родителя, Василій Іоанновичъ бдительно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не была занесена какая нибудь заразная болѣзнь изъ другихъ Государствъ; вслѣдствіе этого, пріѣзжихъ иноземцевъ иногда подолгу задерживали на границѣ.

Не мало вниманія обращали эти иноземцы на необычайное для нихъ въ Московскомъ Государствѣ запрещеніе простолюдинамъ употреблять крѣпкіе напитки съ цѣлью уничтоженія пьянства; это было установлено также покойнымъ отцомъ Василія—Іоанномъ Третьимъ и строго поддерживалось его преемникомъ. При этомъ «Великій князь Василій»,—разсказываетъ одинъ иностранецъ,—«выстроилъ для своихъ тѣлохранителей, за рѣкой, новый городъ «Наливайки», названіе коего происходитъ отъ Русскаго слова «наливай», потому что имъ однимъ дозволено пить медъ и пиво, когда хотятъ; поэтому они и удалены за рѣку, чтобы не заражать другихъ своимъ примѣромъ».

Видъ народной толпы, относительно одежды, на улицахъ древней Москвы сильно отличался отъ нынѣшняго. Какъ одинаковы были у всѣхъ нравы и обычаи, начиная отъ великаго князя и кончая простымъ человѣкомъ, такъ и покрой одежды былъ также у всѣхъ одинаковъ; разница состояла лишь въ томъ, что убранство бѣдныхъ было попроще; богатые носили иноземное сукно, шелкъ и дорогіе мѣха, а простой народъ сермягу, армячину и другія сукна деревенскаго издѣлія, да одѣвались зимой въ овчину.

При этомъ, по отзыву иностранцевъ, Русская одежда была сходна съ Греческой, а не съ Татарской, какъ теперь думаютъ многіе, даже изъ Русскихъ.

Мужчины брили на головѣ своей волосы совершенно гладко, что считалось щегольствомъ; люди достаточные всегда носили небольшую шапочку—тафью, покрывавшую темя и богато вышитую шелкомъ и золотомъ, а иногда драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, котораго вообще въ тѣ времена на Руси употребляли превеликое множество.

Въ такой тафьѣ изображался иногда еще Александръ Македонскій, а брили себѣ гладко голову также и Балтійскіе Славяне въ древніе времена; поэтому, считать тафью и бритье головы какъ заимствованіе отъ Татаръ—нѣтъ основаній. На тафью надѣвали шапку съ мѣховой опушкой и удлиненной кверху тульей или «вершкомъ»; изображеній такихъ шапокъ имѣется не мало на помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ рисункахъ.

Этотъ вершокъ на шапкахъ богатыхъ людей сшивался также изъ дорогихъ тканей и украшался золотыми запонами и жемчугомъ. Бояре же носили высокія «горлатныя шапки», въ три четверти аршина вышиной, изъ мѣха чернобурой лисицы. Въ лѣтнее время всѣ носили поярковые колпаки и круглыя шапки.

Полотняныя или шелковыя сорочки доходили до колѣнъ: у богатыхъ людей онѣ расшивались по воротнику и рукавамъ разноцвѣтнымъ шелкомъ и золотомъ и украшались, кромѣ того, стоящимъ воротникомъ

Охабни. Однорядки.

242. Одежда Русскихъ XVI—XVII столѣтія.

Ферезь. Зипуны.

243. Одежда Русскихъ XVI—XVII столѣтія.

изъ бархата, богато расшитымъ жемчугомъ и пристегивавшимся къ сорочкѣ особыми петельками. Порты, вверху широкіе, кроились изъ легкихъ тканей.

Поверхъ сорочки надѣвался зипунъ, короткій и узкій кафтанъ до колѣна, съ узкими же рукавами. Къ зипуну также пристегивался стоящій воротникъ—богато украшенное ожерелье, вышиною около трехъ вершковъ; оно выпускалось наружу изъ-подъ верхней одежды и твердо стояло подъ затылкомъ. Называлось это ожерелье *козыремъ* и было наиболѣе казистою частью Русскаго наряда. Отсюда и поговорка—«ходить козыремъ», то-есть нарядно, важно, франтомъ.

Сверхъ зипуна надѣвался длинный кафтанъ, иногда на ватѣ, который застегивался напереди пуговицами съ нашивками-петлицами и под-

поясывался поясомъ, богато изукрашеннымъ у достаточныхъ людей. Къ кушаку привѣшивали поясъ въ ножнахъ и ложку въ особомъ чахлѣ, который назывался «лжичнемъ».

Верхнее выходное платье называлось ферезеею или ферезью; это былъ распашной, длинный до пятъ кафтанъ, у богатыхъ изъ шелковой или золотной ткани, отороченный кружевами, а зимою на мѣху, съ длинными рукавами, у которыхъ подъ мышками оставлялись прорѣхи для вдѣванія рукъ. Такая же лѣтняя выходная одежда со стоящимъ воротникомъ называлась *охабнемъ*.

Родъ охабни безъ подкладки изъ сукна назывался *однорядкой*.

Богатые люди носили сапоги изъ сафьяна чернаго, краснаго, зеленаго, голубого или желтаго; шились они до колѣнъ съ длинными, острыми носками, на высокихъ каблукахъ съ желѣзными подковками.

244. Одежда Русскихъ XVI—XVII столѣтія.

245. Торжественныя одежды Царя и Царицы.

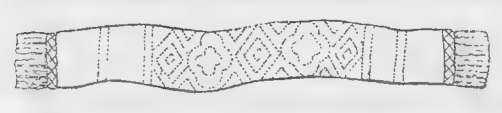
Мужчины чулокъ или носковъ не носили, а завертывали ноги въ полотняныя онучки.

Ткани употреблялись всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго, носившагося чернецами и черницами, и пестраго, который употребляли Азіаты.

Въ большую зиму одѣвались въ шубу съ огромными широкими воротниками, ниспадавшими до половины спины.

Изъ сказаннаго выше видно, что Русскіе достаточные люди, когда выходили на улицу, имѣли много одеждъ, надѣтыхъ одна на другую; поэтому, у нѣкоторыхъ иностранцевъ и могло явиться мнѣніе о непомѣрной толщинѣ Москвичей. Но мнѣніе это ошибочно, особенно же про боярское сословіе. Мы говорили уже выше, какой непомѣрной быстротой, по отзыву тѣхъ же иностранцевъ, отличались въ движеніи Русскія войска, главная часть которыхъ состояла изъ конницы; конечно, толстымъ и дороднымъ

людямъ невозможно было служить въ такихъ подвижныхъ войскахъ; надо сказать также, что всѣ мужчины изъ боярскаго сословія, кромѣ дряхлыхъ стариковъ, никогда не выходили изъ дому пѣшими и не выѣзжали въ повозкахъ, но появлялись на улицѣ всегда верхомъ на конѣ, а верховая ѣзда, какъ извѣстно, не способствуетъ къ ожиренію.



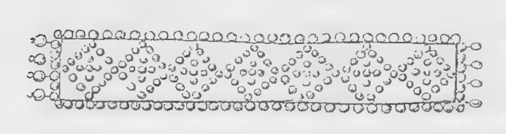
246. Убрусъ.

Изъ книги И. Е. Забѣлина: „Домашній бытъ Русскихъ Царицъ", такъ же, какъ и рисунки: 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256 и 257.

Женскій уборъ былъ, въ общемъ, весьма схожъ съ мужскимъ. Замужнія женщины носили на головѣ тафтяные повойники, плотно облегавшіе волосы и совершенно ихъ скрывавшіе, такъ какъ обнажать свои волосы для замужнихъ считалось большимъ стыдомъ. По повойнику искусно повязывалось тонкое полотняное покрывало—*убрусъ*. При выходѣ на улицу, надѣвали развалистую широкую шапку изъ парчевой или атласной ткани, шитую жемчугомъ и золотомъ, съ опушкой

247. Боярыни въ убрусахъ. *248. Каптуръ.* *249. Боярыни въ лѣтнихъ шляпахъ и убрусахъ.*

изъ боброваго мѣха; зимой носили треухи — шапки на мѣху съ тремя ушами для защиты ушей и затылка, и каптуры—мѣховыя, собольи шапки, со всѣхъ сторонъ закрывавшія голову, кромѣ глазъ; отъ каптуровъ произошли впослѣдствіи капоры, которыя носятъ и теперь еще.



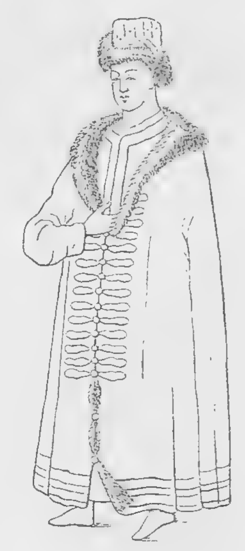
250. Жемчужное ожерелье.

Лѣтомъ одѣвали на голову бѣлыя валеныя круглыя шляпы мужского образца съ широкими полями, перевязанныя по тульѣ цвѣтными лентами, или снуромъ съ жемчугомъ, каменьями и кистями, или же, чаще всего, надѣвали поверхъ убруса болѣе тонкое полотняное или кисейное покрывало, унизанное жемчугомъ, которое подвязывали у подбородка.

Въ ушахъ носили длинныя серьги, на шеѣ—ожерелье въ родѣ воротника, шириною въ четыре пальца, а на груди крестъ или монисто, то-есть ожерелье изъ бусъ и запонъ.

Одежду женщинъ составляли: длинная бѣлая сорочка, на которую надѣвали сорочку *красную* (платье), шитую изъ какой либо легкой ткани, разныхъ цвѣтовъ, или же полосатую; онѣ очень искусно вышивались у богатыхъ шелкомъ, золотомъ и жемчугомъ. Нарядная сорочка отличалась неимовѣрно длинными рукавами, отъ 4-хъ до 6 аршинъ длины и болѣе, которые собирались на рукѣ во множество складокъ. Вмѣсто нарядной сорочки употреблялась иногда и *шубка—платно*, такого же покроя, но шитая по большей части изъ тонкаго сукна. Это была одежда комнатная, домашняя. Выходя со двора, надѣвали *тѣлогрѣю*, верхнее распашное платье, также съ длинными до подола рукавами, отдѣланное кружевомъ. Полы тѣлогрѣи застегивались напереди, отъ ворота до подола, 15—30 пуговицами. Зимой онѣ подшивались мѣхомъ.

251. Великая княгиня Елена Глинскихъ въ убрусѣ, ожерельѣ и шубкѣ-платнѣ.



252. Шапка, тѣлогрѣя и верхняя одежда—шуба.

Другая верхняя одежда, употреблявшаяся вмѣсто тѣлогрѣи, называлась *лѣтникомъ;* лѣтникъ не былъ распашнымъ, имѣлъ широкіе рукава до локтей и надѣвался съ головы. Затѣмъ носили женщины также опашни или охабни, сходные съ мужскими того же названія. Зимній опашень на мѣху назывался *шубой*.

При лѣтникахъ и шубахъ носили бобровыя ожерелья, круглые, широкіе, въ полъ-аршина воротники, которые въ ходу у нашихъ щеголихъ и по нынѣшнее время.

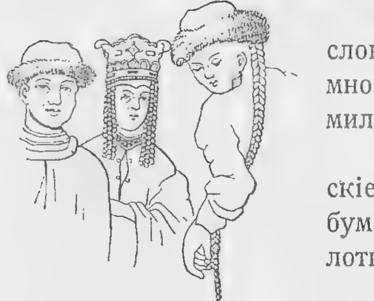
Дѣвичья одежда не отличалась отъ женской, кромѣ одного головного убора. Дѣвушки ходили съ открытыми волосами съ проборомъ и заплетали одну или двѣ косы, повитыя лентами или украшенныя накосникомъ, золотой подвѣской и кистью.

253. Дѣвичья повязка.

Дѣвичій головной уборъ состоялъ изъ вѣнца, сплетеннаго изъ золотыхъ, жемчужныхъ или коралловыхъ прядей, или же изъ особой повязки, унизанной сверкающими звѣздочками и жемчугомъ; на улицѣ носились кики съ рясками, шапки и шляпы.

Наиболѣе употребительной женской обувью были сапожки-чоботы изъ цвѣтного сафьяна на высокихъ каблучкахъ, надѣвавшихся поверхъ шерстяныхъ чулокъ, очень косматыхъ.

Роскошно вышитые богатые носовые платки, *ширинки*, брались Московскими женщинами и дѣвушками при выходѣ ихъ въ церковь или въ гости. Носить перстни съ драгоцѣнными каменьями на пальцахъ считалось большимъ щегольствомъ.

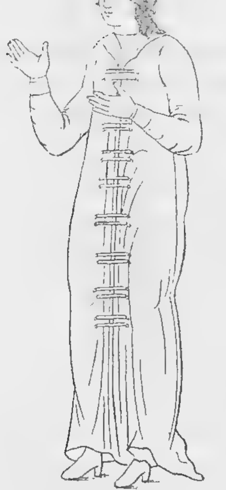


254. Дѣвичій нарядъ: шапка, кика съ рясками, ожерелье, шапка и коса.

Свои лица женщины и дѣвушки всѣхъ сословій усиленно румянили и бѣлили, и притомъ многія весьма неискусно; брови же и рѣсницы сурмили черной и коричневой краской.

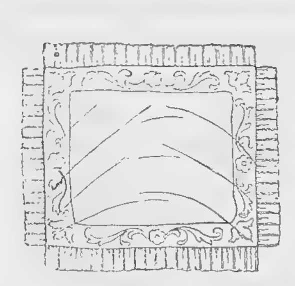
Люди средняго быта, дѣти боярскіе и посадскіе употребляли ткани болѣе дешевыя, суконныя, бумажныя и шелковыя, а въ праздники и золотныя.

Простые люди наряжались, конечно, въ совершенно дешевыя ткани. Мужчины носили однорядки бѣлаго или синяго толстаго сукна, подъ которыя поддѣвали зимой тулупъ, а лѣтомъ ходили въ однѣхъ рубахахъ и портахъ; обувались же въ сапоги чернаго товара или лапти. Простыя женщины ходили по праздникамъ—зимой въ суконныхъ тѣлогрѣяхъ, поверхъ мѣховыхъ кафтановъ, а лѣтомъ въ красныхъ сорочкахъ или сарафанахъ, при чемъ безъ серегъ и безъ креста на шеѣ нельзя было увидать ни одной Русской женщины, ни замужней, ни дѣвицы.



255. Вѣнецъ и тѣлогрѣя.

Описывая Московскіе нравы, иностранцы неодобрительно отзывались о затворничествѣ нашихъ женщинъ въ теремахъ, но зато единодушно признавали удивительную религіозность Русскихъ людей. Герберштейнъ разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ за обѣдней, во время выноса даровъ, многіе изъ богомольцевъ плакали.



256. Ширинка.

Отношенія къ духовенству остались при Василіи Іоанновичѣ такими же, какъ и при его покойномъ отцѣ. Когда онъ опалился на брата своего Юрія за злой умыселъ, то послѣдній обратился съ просьбой къ Іосифу Волоцкому походатайствовать за него передъ Государемъ, давъ слово не строить больше противъ него ковъ. Іосифъ согласился и послалъ двухъ своихъ старцевъ въ Москву. Увидя ихъ, Василій, догадываясь, что они пріѣхали съ цѣлью печалованія за крамольнаго брата, не поздоровался съ ними и не спросилъ о здоровьи игумена, какъ всегда водилось, а сказалъ имъ

сердитымъ голосомъ: «Зачѣмъ пришли, какое вамъ до меня дѣло?», на что одинъ изъ старцевъ сталъ наставительно выговаривать ему, что Государю не подобаетъ такъ выходить изъ себя, не разузнавъ напередъ въ чемъ дѣло, а слѣдуетъ разспросить хорошенько и выслушать съ кротостью и смиреніемъ. Выслушавъ это наставленіе, Государь смутился, всталъ и, улыбаясь, сказалъ: «Ну, простите, старцы, я пошутилъ». Послѣ этого онъ снялъ шапку, поклонился имъ, спросилъ о здоровьи игумена, выслушалъ ходатайство и уважилъ его, то-есть простилъ брата и примирился съ нимъ.

Отъ временъ Василія Іоанновича имѣется также извѣстіе о трогательномъ обычаѣ устраивать братскія трапезы по случаю большихъ праздниковъ, на которыя собирались бѣдные и богатые, поровну распредѣляя между собою расходы.

Мы знаемъ, что веселый пиръ, обѣдъ, почестной столъ занималъ важное мѣсто въ жизни древней Руси. На него сходились люди всякаго званія, по старому Русскому завѣту.

Эти завѣты древней Руси отразились и на нравахъ Московскаго Государства, основной чертой которыхъ было самое задушевное и ласковое гостепріимство. Важнымъ дѣломъ почиталось, кого посадить на какое мѣсто, чтобы не обидѣть; при этомъ почетныхъ, знатныхъ гостей сажали на большомъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, рядомъ съ хозяиномъ, подъ иконами. Самый пиръ начинался особымъ обрядомъ: хозяинъ дома призывалъ супругу изъ ея покоевъ здороваться съ гостями. Она приходила и становилась въ переднемъ углу, то-есть на большомъ мѣстѣ, а гости размѣщались у дверей. Хозяйка кланялась имъ малымъ обычаемъ, то-есть до пояса, а гости кланялись ей большимъ обычаемъ до земли. Затѣмъ хозяинъ кланялся гостямъ большимъ обычаемъ до земли съ просьбою, чтобы гости изволили его жену цѣловать. Но гости, въ свою очередь, просили хозяина, чтобы онъ первый поцѣловалъ свою жену. Онъ уступалъ ихъ просьбамъ и цѣловалъ ее; послѣ него всѣ гости, по очереди, подходили къ хозяйкѣ, кланялись ей большимъ обычаемъ, цѣловали ее и, отойдя, опять кланялись ей въ землю. Хозяйка же отвѣчала каждому изъ нихъ поясным поклономъ. Затѣмъ она подносила имъ по чаркѣ Государева горючаго винца, то-есть водки, право торговли которой принадлежало, какъ и въ наше время, правительству. Кто не пилъ горючаго винца, тому предлагали кубокъ какого-либо легкаго заграничнаго питья—винограднаго, романеи или ренскаго. При этомъ хозяинъ кланялся каждому гостю до земли, прося выпить вина. Но они отвѣчали, что просятъ, чтобы выпили хозяева. Когда это было исполнено, то хозяева обносили гостей, изъ которыхъ каждый

257. Боярыня, подчующая гостей.

кланялся опять хозяйкѣ большимъ обычаемъ, пилъ вино и дѣлалъ послѣ этого опять поклонъ до земли. Затѣмъ хозяйка удалялась на свою половину, гдѣ она угощала женъ пріѣзжихъ гостей.

Во время обѣда, хозяинъ приглашалъ женъ своихъ сыновей или замужнихъ дочерей прибыть въ комнату, гдѣ шелъ пиръ, и гости чествовали ихъ описаннымъ уже выше порядкомъ, при чемъ цѣловали ихъ не въ уста, а въ обѣ щеки. Женщины же, подавая гостю чарку, всегда сами ее пригубливали.

Государево горючее винцо было различной крѣпости—простое, двойное, тройное и различнаго же приготовленія—коричное, гвоздичное, кардамоновое и других наименованій.

Послѣ водки приступали къ закускамъ, коихъ было великое множество; въ постные дни подавались: квашеная капуста, разнаго рода грибное и всевозможное рыбное, начиная отъ икры и балыка и кончая паровыми стерлядями, сигами и различными жареными рыбами. При закускѣ же полагалось и ботвинье борщовое.

Затѣмъ переходили къ горячей ухѣ, которая подавалась тоже самаго разнообразнаго приготовленія—красная и черная, щучья, стерляжья, карасевая, сборная, съ шафраномъ и проч. Тутъ же подавали и другія блюда, приготовленныя изъ лососины съ лимономъ, бѣлорыбицы со сливами, стерляди съ огурцами и такъ далѣе.

Затѣмъ шли *тѣльныя* къ каждой ухѣ, то есть тѣсто изъ рыбной мякоти съ приправою, часто запеченное въ видѣ различнаго рода животныхъ, также пироги и пирожки, приготовленные на орѣховомъ или конопляномъ маслѣ со всевозможными начинками.

Послѣ ухи, слѣдовали: «росольное» или «просольное», всякая свѣжая рыба, приходившая изъ различныхъ краевъ государства, и всегда подъ зваромъ» (соусомъ), съ хрѣномъ, чеснокомъ и горчицею.

Обѣдъ заканчивался подачей «хлѣбеннаго»: разнаго рода печеній, пышекъ, пирожковъ съ коринкою, макомъ, изюмомъ и др.

Особенно разнообразно было хлѣбенное во время масляницы; оно было извѣстно подъ именемъ «масленицкихъ ѣствъ»; это были оладьи различной величины, хворостъ и пирожки изъ всевозможныхъ тѣстъ; на масляницѣ же подавался губчатый сыръ и разнаго рода кисели.

Въ мясоѣдъ первымъ блюдомъ за столомъ были: свиные окорока, тетерева со студенью, языкъ провѣсный, гусиные потроха и холодная говядина разнаго приготовленія. Затѣмъ шли жаркія: баранина, гусь, индюкъ, рябчики, куропатки, зайцы; при этомъ у богатыхъ всегда подавался жареный лебедь, раскладывавшійся на шесть блюдъ, а также журавли и цапли. Ѣсть же телятину, подъ какимъ бы то ни было видомъ, почиталось въ Московскомъ Государствѣ великимъ грѣхомъ. Все жаркое приготовлялось на вертелѣ и подавалось съ различными зварами.

Послѣ жаркихъ слѣдовали горячія щи и ухи (супы): куриныя, изъ лосиныхъ губъ или ушей, лапши съ зайцемъ и т. д.

Затѣмъ подавались рубцы, желудки, сальники, потроха бараньи и изъ хлѣбнаго: блины сырные, короваи блинчатые, оладьи, кисель, каша со сливками, сыры губчатые и др.

Зелень въ Русскомъ столѣ того времени, какъ отдѣльное блюдо, не употреблялась.

Напитки во время стола подавались: простыя питья, различные квасы, кислые шти, брусничная вода, малиновый морсъ и разныя другія изъ ягодъ; пьяное же питье было: брага, пиво, особенно мартовское, ячневое, овсяное, ржаное и медъ всевозможныхъ приготовленій. Изъ иностранныхъ винъ болѣе другихъ употреблялись: романея, ренское, канарское, мушкатель, алканъ (аликанте), мармазея (мальвазія), кинарея (канарское) и церковное. Вино пилось изъ кубковъ и братинъ, иногда въ круговую.

Богатый обѣдъ оканчивался сластями: *сахарами* (конфектами), всякаго рода леденцами, орѣхами и сушеными плодами: ягодами винными, изюмомъ, черносливомъ и финиками.

Въ постные дни, вмѣсто сахаровъ, въ изобиліи подавали пряники, въ видѣ различныхъ звѣрей, которые и теперь еще изготовляются на Руси.

Приведенная выше роспись главнѣйшихъ блюдъ и напитковъ не измѣнялась какъ въ шестнадцатомъ столѣтіи, такъ и въ слѣдующемъ семнадцатомъ; при этомъ, роспись эта была одинакова и для Царскаго стола, ибо Государи Московскіе жили по тѣмъ же обычаямъ и нравамъ, какъ и ихъ подданные; владѣнія ихъ составляли какъ бы огромную вотчину, заселенную родственными между собою семьями, почему великихъ князей Московскихъ называли также *Господарями*, то есть хозяевами, владѣтелями своей вотчины—Русской Земли.

Въ виду этого и служба Московскихъ бояръ была очень сходна со службою дворовыхъ людей своему хозяину—вотчиннику. Они служили до послѣдней возможности, пока хватало силы, и обязаны были ежедневно, съ ранняго утра, являться во дворецъ, чтобы ударить челомъ Государю; также безъ его разрѣшенія они не могли выѣхать изъ Москвы даже на одинъ день въ свои ближайшія села и дачи.

Браки своихъ дѣтей бояре устраивали всегда тоже съ вѣдома и, конечно, добраго согласія Государя, и на другой день молодые являлись передъ его свѣтлыя очи, со всѣмъ своимъ свадебнымъ поѣздомъ, бить ему челомъ, а онъ благословлялъ новобрачныхъ иконами, дарилъ ихъ и знатно угощалъ всѣхъ пріѣхавшихъ.

Точно также въ день своихъ имянинъ, каждый бояринъ ѣхалъ къ Государю съ имянниннымъ калачомъ и обходилъ съ такими же калачами и всю его семью; то же дѣлали жены и дочери бояръ на половинѣ Государыни. Съ своей стороны и Государи ласково и чрезвычайно внимательно относились къ своимъ боярамъ; всѣ бояре и сановники получали *каждый день съ Царскаго стола* поденную подачу, что считали особою для себя честью, а если по ошибкѣ или по другой причинѣ ее не получали, то прини-

258. Въ Московскомъ теремѣ.
Рисунокъ А. Васнецова.

мали это какъ опалу и великое для себя безчестіе; Государи также строго требовали, чтобы разсылаемыя ими блюда непремѣнно доходили по назначенію, и виновныхъ въ неисправности наказывали батогами и тюрьмой.

Сходство Московскаго Государства съ большой вотчиной сказывалось и въ самомъ устройствѣ столицы. Дѣйствительно, Царскій дворъ—кремль, обстроенный деревнями, слободами и посадами — былъ какъ бы подобіе большой вотчинной усадьбы. Въ совершенно такихъ же усадьбахъ жило и боярство въ Москвѣ. Хоромы ихъ ставились посреди огромныхъ дворовъ, на которыхъ можно было помѣстить по три-четыре тысячи человѣкъ, и затѣмъ во дворѣ этомъ богатые люди строили рѣшительно все потребное для своихъ нуждъ, начиная отъ Божьяго храма и кончая баней: во многочисленныхъ избахъ и клѣтяхъ жили дворовые люди разнаго наименованія; затѣмъ шли конюшни, сараи, хлѣвы; при этомъ, разумѣется, въ каждомъ дворѣ были свои огромные сады. Барскіе хоромы строились выше другихъ и такъ и назывались «хозяйскимъ верхомъ», и очень затѣйливо украшались, особенно окна и кровли, по присущей каждому Русскому человѣку потребности украшать свое жилище, особливо - же его наружное покрытіе, какъ бы головной уборъ — кровлю, а также и окно, которое какъ око смотритъ на свѣтъ Божій; при этомъ,

стекла въ XVI и XVII вѣкѣ почти не употреблялись, а замѣнялись слюдою. Богатыя боярскія кровли и куполы были покрыты золотомъ, а всѣ украшенія оконъ, дверей и стѣнъ были испещрены цвѣтною травлей и узорчатой рѣзьбой по камню и дереву и горѣли разными красками.

Великокняжескія хоромы, какъ въ XVI, такъ и въ слѣдующемъ XVII вѣкѣ, раздѣлялись на три части по своему назначенію; къ первой части принадлежали хоромы постельныя или жилыя,—три-четыре небольшихъ покоя, изъ которыхъ одинъ былъ опочивальнею, другой—рядомъ съ ней—крестовой или моленною, третій назывался собственно *комнатой*, а самый, наружный—передней; къ ней примыкали сѣни, изъ которыхъ былъ въ свою очередь ходъ въ мыльню и на сѣнникъ; такъ же была устроена и княгинина половина и хоромы Государевыхъ дѣтей и родни.

Ко второй части относились хоромы непокоевыя, назначенныя для торжественныхъ собраній; изъ нихъ главное значеніе принадлежало Грановитой палатѣ, гдѣ принимались иностранные послы и собирались по другимъ особо-выдающимся случаямъ.

Къ третьему отдѣленію принадлежали всѣ хозяйскія постройки и службы, расположенныя по большей части особыми дворами или дворцами: *конюшеннымъ, житнымъ, кормовымъ*, или *повареннымъ, хлѣбнымъ, сытнымъ* и друг. Великокняжеская казна, состоявшая изъ драгоцѣнныхъ сосудовъ, дорогихъ мѣховъ и рѣдкихъ тканей, сохранялась, по древнему обычаю, въ подвалахъ каменныхъ церквей. Кромѣ того, для этого же, между Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ соборами былъ выстроенъ особый казенный дворъ.

Отдѣльныя хоромы въ Государевомъ дворѣ соединялись между собой, какъ и въ древней Руси, переходами или открытыми сѣнями. Изъ дворца было нѣсколько выходовъ съ лѣстницами и крыльцами, изъ которыхъ особенной извѣстностью пользуется и до нашихъ временъ *Красное крыльцо;* на него выходятъ Русскіе Государи показаться ликующему народу въ торжественные дни ихъ Священнаго вѣнчанія на Царство и при другихъ важныхъ событіяхъ Русской жизни.

Со стороны, выходившей на Москворѣчье, къ дворцу примыкало два сада, расположенные надъ каменными сводами огромнаго зданія Запаснаго двора:—верхній и нижній; въ садахъ этихъ, называемыхъ *красными*, и обнесенными красивыми рѣшетками, кромѣ обыкновенныхъ фруктовъ, воспитывались также виноградъ, грецкій орѣхъ и разводились арбузы. Въ нихъ же по угламъ стояли особыя бесѣдки, *чердаки или терема*, затѣйливо украшенныя, а въ нижнемъ саду былъ кромѣ того устроенъ и прудъ, съ дномъ, обитымъ свинцомъ; въ этомъ прудѣ впослѣдствіи, Петръ Великій, будучи ребенкомъ, сталъ впервые заниматься потѣшнымъ мореходствомъ. Въ лѣтнее время въ садахъ висѣли клѣтки съ канарейками, соловьями и попугаями.

Что касается до убранства Царскаго дворца, то главнымъ его украшеніемъ была роспись стѣнъ, преимущественно разными назидательными

картинами и при томъ большею частью изъ церковной жизни, по издревле присущей Русскому человѣку склонности—всему учиться и научаться посредствомъ изображенія и картины.

Подъѣзжая къ Царскому дворцу, который являлся въ глазахъ Русскихъ людей какъ бы Божьимъ храмомъ, всякій слѣзалъ съ лошади въ довольно далекомъ отъ него разстояніи и затѣмъ приближался уже пѣшимъ; только высшіе сановники имѣли право слѣзать съ коня въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца; также разрѣшено это было и иноземнымъ посламъ въ дни ихъ пріема.

Въ своей домашней жизни, Московскіе Государи являлись образцомъ умѣренности и простоты. Они вставали, обыкновенно, въ четыре часа утра и убирались при посредствѣ постельниковъ, спальниковъ и стряп-

259 Красное крыльцо и Грановитая палата.

чихъ. Умывшись и одѣвшись, Государь шелъ прямо въ крестовую, гдѣ его ожидалъ духовникъ или крестовой попъ и крестовые дьяки; здѣсь онъ молился около четверти часа, при чемъ на налой ставился образъ того Святого, память котораго праздновалась въ тотъ день. По окончаніи молитвы, священникъ кропилъ Государя святой водой, называвшейся «праздничной»; она привозилась изъ разныхъ монастырей и церквей всего Государства, прославленныхъ чудотворными иконами, и освящалась тамъ въ дни храмовыхъ праздниковъ; затѣмъ крестовой попъ читалъ духовное слово изъ особыхъ сборниковъ, составленныхъ изъ поученій отцовъ церкви, преимущественно—Іоанна Златоуста.

Прослушавъ поученіе, Государь посылалъ ближняго человѣка спросить Государыню о ея здоровьи, если почивалъ особо, а затѣмъ и самъ

шелъ къ ней здороваться, послѣ чего они вмѣстѣ отправлялись въ одну изъ своихъ домашнихъ церквей слушатъ заутреню, а иногда и раннюю обѣдню. Въ это время всѣ бояре, окольничьи, думные и ближніе люди собирались уже во дворецъ, чтобы ударить челомъ Государю, а затѣмъ и присутствовать въ Государевой думѣ.

Поздоровавшись съ боярами, Государь шелъ въ сопровожденіи ихъ всѣхъ къ поздней обѣднѣ, служившейся въ часу девятомъ, въ одной изъ придворныхъ церквей. Тутъ же иногда онъ принималъ и доклады бояръ.

Затѣмъ Государь возвращался въ комнату и слушалъ доклады и челобитныя, а въ извѣстные дни присутствовалъ и въ думѣ, въ которой обыкновенно бояре сидѣли, а дьяки стояли; когда же случалось долго заниматься, то Государь приказывалъ садиться и дьякамъ.

260. Крестовая палата въ теремахъ въ Московскомъ кремлѣ. (Сооружена въ XVII вѣкѣ).

Изображенія крестовой палаты болѣе ранняго времени не имѣется.

Послѣ пріема докладовъ или сидѣнія въ думѣ, Государь шелъ обѣдать, обыкновенно послѣ полудня, а бояре разъѣзжались по домамъ.

Обѣденный столъ Государя отличался крайней умѣренностью, хотя на немъ и подавали около семидесяти блюдъ; но они почти всѣ расходились на «подачи» боярамъ, окольничьимъ и другимъ лицамъ, при чемъ для близкихъ людей Государь иногда самъ выбиралъ извѣстное ему любимое ихъ блюдо.

Послѣобѣденное время назначалось для отдыха;—Государь почивалъ до вечера, часа три. Къ вечеру во дворецъ съѣзжались снова всѣ чины, и, въ сопровожденіи ихъ, онъ выходилъ въ верховую или внутреннюю церковь къ вечернѣ, а затѣмъ, иногда опять собиралась дума и слушались дѣла; обыкновенно же, по окончаніи церковной службы до вечерняго кушанья, Государь

проводилъ время со своей семьей и самыми близкими людьми въ домашнихъ развлеченіяхъ, при чемъ этими развлеченіями, кромѣ чтенія и разсказовъ бывалыхъ людей о далекихъ Земляхъ, были и бесѣды съ такъ называемыми *верховыми* (придворными) *богомольцами*, древними стариками, весьма уважаемыми за ихъ благочестивую жизнь и глубокую старость. Кромѣ нихъ были

261. Московскій охотникъ въ XV—XVI вѣкѣ.

„... И на ловы ѣздяше съ ястребы и съ соколы и съ кречеты, и псовъ множество имѣаше"...
Изъ Царственнаго лѣтописца.

слѣпцы—домрачеи, распѣвавшіе былины и пѣсни при звукѣ домры, а также и *бахири*—разсказчики сказокъ и басенъ. Въ числѣ любимыхъ развлеченій Государей была и игра въ шахматы. Имѣлась во дворцѣ и особая потѣшная палата, въ которой жили разнаго рода потѣшники, плясуны, скоморохи, гусельники и другіе, а также дураки-шуты, а у Государыни дурки-шутихи, карлы и карлицы; онѣ пѣли веселыя пѣсни, кувыркались и особенно развлекали юныхъ князей и княженъ.

Зимой, по праздникамъ, Государь любилъ смотрѣть на бой человѣка съ медвѣдемъ, а иногда хаживалъ на него на охоту и самъ; любимой

охотой Государей была также на зайцевъ и съ ловчими птицами—соколами и кречетами; послѣдніе водились, какъ мы знаемъ, на крайнемъ нашемъ сѣверѣ и очень дорого цѣнились какъ въ Московскомъ Государствѣ, такъ особенно за границею.

Свой день Государь оканчивалъ въ крестовой комнатѣ; онъ молился въ ней передъ сномъ около четверти часа.

Въ каждый церковный праздникъ совершалось торжественное богослуженіе въ одномъ изъ кремлевскихъ соборовъ, или же въ приходской церкви, на которое Государь совершалъ богомольный выходъ въ полномъ блескѣ и великолѣпіи своего наряда и въ сопровожденіи всего двора.

Особенно торжественно праздновалось Свѣтлое Христово Воскресеніе, при чемъ въ теченіе всей Святой недѣли Государь принималъ поздравленія отъ людей различнаго рода занятій и званій, жаловалъ каждаго къ рукѣ и одѣлялъ всѣхъ крашеными яйцами.

262. Кречета.

Наканунѣ или въ самые дни великихъ праздниковъ, на Рождество, на Свѣтлый день, въ прощальные дни масляницы и страстной недѣли, особенно же въ Великую Пятницу, Государь скрытно, только въ сопровожденіи небольшого отряда довѣренныхъ слугъ, выходилъ изъ дворца въ городскія тюрьмы и богадѣльни, гдѣ и раздавалъ изъ собственныхъ рукъ милостыню всѣмъ заключеннымъ преступникамъ и плѣннымъ иноземцамъ, а въ богадѣльняхъ—дряхлымъ, увѣчнымъ, малолѣтнимъ сиротамъ и всякаго рода бѣднякамъ, каждому не меньше полтины, а многимъ по рублю, инымъ же по два, по три и по пять рублей — деньги огромныя по тому времени. Провѣдавъ объ этомъ выходѣ Государя, нищіе собирались во множествѣ по пути его слѣдованія и каждому изъ нихъ особо онъ также подавалъ щедрую лепту изъ своихъ рукъ. Затѣмъ, нищіе собирались тоже у Лобнаго мѣста, на Красной площади и близъ Иверскихъ воротъ, гдѣ ихъ одѣляли отъ имени Государя довѣренныя лица; кромѣ того, они приглашались по нѣкоторымъ днямъ на обѣдъ во дворцовыя палаты, причемъ Государь иногда и самъ обѣдалъ за столомъ «на нищую братію». Въ праздникъ же Благовѣщенія кормленіе нищихъ происходило часто въ его собственныхъ комнатахъ.

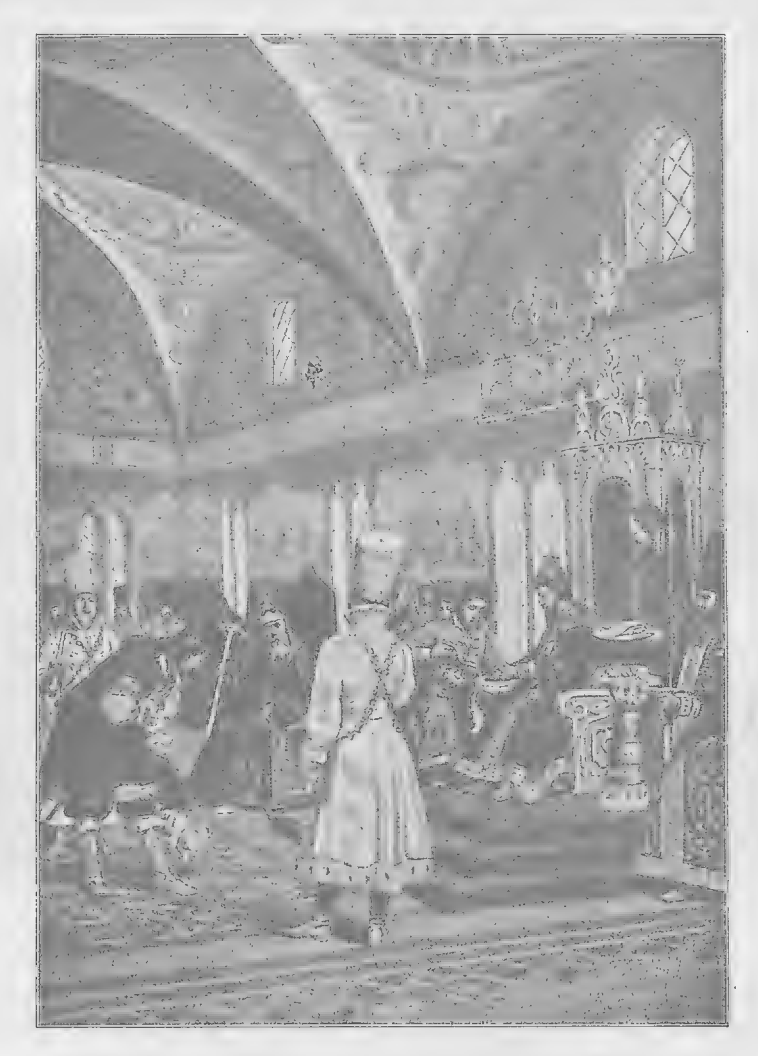
Такъ жилъ Василій Третій по обычаямъ своихъ предковъ; такъ же жили Московскіе Государи и послѣ него—въ XVI и въ XVII вѣкѣ.

Особой торжественностью отличались пріемы нашими Государями иностранныхъ посольствъ. Баронъ Герберштейнъ разсказываетъ объ этомъ весьма подробно въ своихъ запискахъ. Въ день представленія великаго посла передъ свѣтлыя очи Государя запирались всѣ лавки и мастерскія, и большія толпы народа стояли на улицахъ; вся же кремлевская площадь была заполнена войсками. Сойдя съ коней въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворцовой лѣстницы и поднявшись по ея ступенямъ до половины, Герберштейнъ и его спутники были встрѣчены Государевыми приближенными, которые поцѣловали ихъ и повели дальше; наверху лѣстницы ихъ встрѣтили другіе вельможи, болѣе знатные, а войдя во дворецъ, послы застали въ пріемной палатѣ уже въ полномъ сборѣ все высшее боярство. Затѣмъ они увидѣли Государя, сидѣвшаго съ непокрытой головой на Царскомъ мѣстѣ, подъ образомъ въ богатой ризѣ, при чемъ справа отъ него на скамейкѣ лежала шапка, а слѣва посохъ и тазъ съ двумя рукомойниками и полотенцемъ, для того, говоритъ Герберштейнъ, чтобы тотчасъ же умыть руки, когда послы будутъ отпущены.

263. Изображеніе великаго князя Василія Іоанновича, помѣщенное во Французской книгѣ Теве, изданной въ 1584 году.

Подходя къ Государю, послы били ему челомъ, а состоявшіе при нихъ бояре громко объявляли ихъ имена, послѣ чего Государь жаловалъ гостей къ рукѣ, подавая ее для цѣлованія, а затѣмъ спрашивалъ о здоровьи того лица, отъ кого послы пріѣхали. Наконецъ, Государь спрашивалъ и самихъ пословъ по здорову-ли они пріѣхали. Совершивъ этотъ торжественный пріемъ, Государь звалъ посла къ своему столу. Герберштейна Василій Іоанновичъ, въ первый его пріѣздъ, самъ пригласилъ словами: «Сигизмундъ, ты откушаешь съ нами нашего хлѣба-соли». Торжественный обѣдъ давался обыкновенно въ Грановитой палатѣ, гдѣ чрезвы-

чайно быстро дворцовые служители, стряпчіе и ключники разставляли столы и ставили поставцы. Государь обѣдалъ, сидя на своемъ Царскомъ мѣстѣ, передъ которымъ на его помостѣ или рундукѣ ставился для него столъ, кованный золотомъ и серебромъ, и накрытый аксамитомъ—золот-



264. Обрядъ омовенія рукъ послѣ пріема иноземныхъ посольствъ Московскими Царями, по описанію Герберштейна.

Рисунокъ Н. Димитріева-Оренбургскаго.

нымъ бархатомъ. Къ столу приставлялся приступъ о двухъ ступенькахъ для кравчаго, который входилъ на него, подавая пить и ставя ѣсть на Царскій столъ. Отъ этого стола, вправо—накрывался *большой* столъ, а влѣво, такъ называемый, *кривой*, такъ какъ влѣво отъ Царскаго мѣста стѣна образовала уголъ. За этими столами садились строго по порядку

мѣстничества—бояре; если присутствовали великокняжескіе братья, то они занимали мѣста, ближайшія къ Государю. Столъ же пословъ ставился, обыкновенно, противъ Государева.

Вмѣстѣ съ разстановкой столовъ ставились и поставцы: *Государевъ*—помѣщавшійся посреди палаты, съ драгоцѣнной посудой, приводившей въ восторгъ иностранцевъ; *Поставецъ сытнаго дворца,* собственно питейный, съ всевозможными ведрами, ковшами, кубками, чарами и другими сосудами съ винами; *Поставецъ кормового дворца*—съ сосудами, заключавшими въ себѣ уксусъ и лимонный разсолъ, а также и для постановки кушаній; разнаго же рода хлѣбныя яства ставились на *Поставецъ хлѣ-*

265. Внутренній видъ Грановитой палаты.

беннаго дворца. Всѣ поставцы обивались шелковыми полосатыми фатами; столы покрывались скатертями и на нихъ разставлялись судки, то есть перечницы, уксусницы, лимонники и солоницы, а затѣмъ раскладывались калачи. Тарелки, ножи и вилки подавались только почетнѣйшимъ особамъ, остальные же ѣли по просту—руками, тѣмъ болѣе, что кушанья подавались по большею части совсѣмъ уже готовыя и порѣзанныя; ложки же приносились вмѣстѣ съ горячимъ.

Когда все было готово, то докладывали Государю и онъ, послѣ молитвы, садился за трапезу, при чемъ всѣ приглашенные, занимая мѣста, били челомъ, касаясь правой рукой до земли. Вслѣдъ за тѣмъ, бояринъ-дворецкій являлъ передъ Государемъ чашниковъ, стольниковъ и стряп-

чихъ, которые должны были служить у стола. Онъ шелъ впереди, а они чинно слѣдовали за нимъ, по-двое, держась рука объ руку, въ одеждахъ изъ золотой и серебряной парчи. Затѣмъ, послѣ низкаго поклона Государю, они шли исправлять свои подачи.

266. Серебряный съ эмалью ставецъ для ножей, братина и тарелка.

Хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ.

Передъ началомъ обѣда, иногда Государь изъ собственной руки разсылалъ водку присутствующимъ. Передъ началомъ же обѣда, онъ разсылалъ также почетнѣйшимъ приглашеннымъ хлѣбъ, каждому особо, громко называя его по имени. Стольники, поднося хлѣбъ, также называли по имени, кому онъ предназначался, и говорили затѣмъ: «Великій Государь жалуетъ тебя своимъ Государевымъ жалованьемъ—подаетъ тебѣ хлѣбъ». Принимая эту почесть, гость вставалъ и кланялся, а съ нимъ вставали и кланялись и всѣ присутствующіе. Иногда Государь разсылалъ и соль. Это считалось, по словамъ Герберштейна, высшею милостью, такъ какъ присылка хлѣба означала только благосклонность, а присылка соли—любовь.

267. Три серебряныхъ судка.

Хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ.

Обѣдъ начинался съ жареныхъ лебедей, а затѣмъ шли обычныя Русскія блюда, уже нами упомянутыя, число которыхъ въ торжественныхъ случаяхъ доходило до пятисотъ. Въ теченіе всего обѣда, Государь милостиво разсылалъ почетнымъ гостямъ подачи, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказывалъ относить ихъ на дома и своимъ сановникамъ, не присутствовавшимъ почему либо за столомъ. Вмѣстѣ съ подачами блюдъ, шла также подача вина и меда, при чемъ при каждомъ сказываніи Царской подачи всѣ вставали и кланялись Государю. При пріемѣ

пословъ, Государь пилъ здоровье ихъ повелителей; для этого онъ предварительно вставалъ и троекратно крестился.

Старинное Русское радушіе и гостепріимство требовало, чтобы гости были употчиваны до пьяна, послѣ чего они съ особою бережностью доставлялись на домъ. Если же послы отправлялись домой трезвыми, то къ нимъ, вслѣдъ за обѣдомъ, являлись стольники, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ведеръ вина и меда, и объявляли, что присланы потчивать гостей. «Вслѣдъ за симъ»,—говоритъ Герберштейнъ: «приносятъ съ напитками сосуды и кубки и всѣми мѣрами стараются посланника сколько можно упоить. Въ семъ искусствѣ Русскіе весьма свѣдущи: если не имѣютъ они способа заставить кого нибудь выпить, то начинаютъ пить за здоровье императора (отъ коего прибылъ посолъ), или за здоровье великаго князя

268. Василій Іоанновичъ и императорскіе послы на охотѣ.

Изъ книги: „Живописный Карамзинъ".

и другихъ знаменитыхъ особъ. Они думаютъ, что отговариваться и не пить за чье либо здоровье не должно и не можно. За здоровье пьютъ такимъ образомъ: тотъ, кто предлагаетъ пить, становится посреди горницы и учтиво произноситъ имя, за чье здоровье онъ пьетъ, и говоритъ, что желаетъ ему всякаго благополучія. Выпивъ же, переворачиваетъ кубокъ на голову, дабы показать, что онъ его опорожнилъ въ знакъ желанія совершеннаго благополучія тому, чье имя передъ тѣмъ произнесъ. Потомъ идетъ въ передній уголъ, въ большое мѣсто, приказывая налить многіе кубки, подноситъ ихъ каждому и произноситъ имя того, за чье здоровье пить надлежитъ»...

Кромѣ подробнаго описанія пріема пословъ, баронъ Герберштейнъ оставилъ также любопытное описаніе Царской охоты, которую очень любилъ

Василій, бывшій вообще страстнымъ охотникомъ и при томъ, повидимому, преимущественно съ гончими и борзыми.

Описанная охота была подъ Москвой, въ поляхъ, изобиловавшихъ, какъ мы говорили, огромнымъ количествомъ зайцевъ. Послы (графъ Нугароль и Герберштейнъ), завидя Государя, сошли съ коней и подошли къ нему. Онъ ласково привѣтствовалъ ихъ словами: «Мы выѣхали для своей забавы и позвали васъ принять участіе въ этой забавѣ и получить

269. Великій князь Василій III на охотѣ.

Рисунокъ художника Н. Самокиша. Изъ книги: „Великокняжеская и Царская охота на Руси"—Н. Кутепова.

отъ этого какое нибудь удовольствіе. Поэтому садитесь на коней и слѣдуйте за нами».

Съ Государемъ былъ бывшій Казанскій царь Шигъ-Алей и два молодыхъ князя, изъ коихъ одинъ держалъ топоръ съ ручкой изъ слоновой кости, а другой шестоперъ; у Государя же на поясѣ висѣло два продолговатыхъ ножа и кинжалъ; кромѣ того на спинѣ подъ поясомъ у него былъ такъ называемый *буздыханъ*—булава съ шарообразнымъ наконечникомъ. Пе-

редъ началомъ охоты, Василій Іоанновичъ объявилъ посламъ, что по обычаю онъ и всѣ бояре сами ведутъ своихъ собакъ и совѣтывалъ имъ сдѣлать то же. Затѣмъ выстроились загонщики и охотники верхами, которыхъ было много. Первымъ спустилъ собакъ Государь, Шигъ-Алей и послы, а потомъ по приказу Василія Іоанновича спустили и всѣ остальные охотники своихъ меделянскихъ и ищейныхъ (гончихъ) собакъ. «И подлинно,—говоритъ Герберштейнъ,—«весьма пріятно было слышать столько собакъ съ ихъ весьма разнообразнымъ лаемъ. У Государя имѣется огромное множество собакъ и притомъ превосходныхъ; было тамъ также очень большое количество соколовъ, бѣлаго и краснаго цвѣтовъ, и отличавшихся своей величиною». Съ охоты Государь отправился къ одной деревянной башнѣ, отстоящей отъ Москвы на пять тысячъ шаговъ, гдѣ было разбито нѣсколько шатровъ; тамъ, перемѣнивъ платье, онъ принималъ своихъ гостей и угощалъ ихъ вареньемъ, орѣхами, миндалемъ и сахарами (конфектами), а затѣмъ милостиво отпустилъ ихъ.

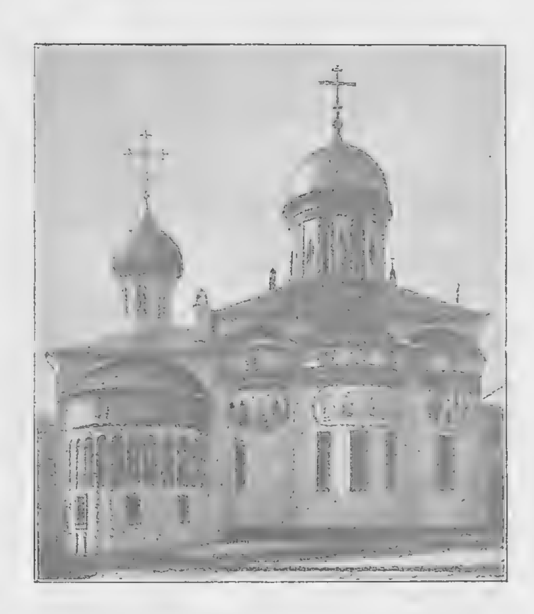
Мы видѣли, что причиной развода Василія съ безплодной Соломоніей было желаніе имѣть потомство. Однако и второй его бракъ съ Еленой Глинской былъ, первые три съ лишнимъ года, безплоднымъ, что очень печалило Государя, сильно привязавшагося къ своей молодой женѣ; въ угоду ей онъ даже сбрилъ себѣ бороду, что вообще не было принято у нашихъ князей, кромѣ самыхъ первыхъ—Рюрика и Игоря. Великая княгиня Елена ѣздила съ своимъ супругомъ во многія дальнія обители и ходила пѣшкомъ въ ближнія, усердно моля Бога о дарованіи ей сына. Наконецъ, какой то юродивый предсказалъ ей, что она будетъ матерью и родитъ сына широкаго ума. Дѣйствительно, 25 августа 1530 года, въ 7 часовъ утра, во время ужаснѣйшей бури и грозы, Елена родила первенца, будущаго Іоанна Грознаго; вскорѣ затѣмъ у нея родился и другой сынъ—Юрій.

Радость Государя по случаю рожденія старшаго сына была неописанная. Черезъ десять дней онъ отвезъ его въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ младенца окрестилъ игуменъ Іосафъ, а воспріемниками были столѣтній инокъ праведной жизни Кассіанъ Босой и извѣстный подвижникъ—Святой Даніилъ Переяславскій. Взявъ изъ купели сына, Василій положилъ его на раку преподобнаго Сергія и, обливаясь слезами, просилъ Святого быть ему заступникомъ во всей послѣдующей жизни. По возвращеніи въ Москву были оказаны щедрыя милости: снята опала со всѣхъ князей и бояръ, бывшихъ у Василія подъ гнѣвомъ за ясное намѣреніе передаться Польскому королю или за недоброжелательство къ Еленѣ; всѣ темницы были открыты; золото сыпалось безъ счета для раздачи бѣднымъ; народъ постоянно толпился въ кремлѣ, принося поздравленія великому князю; сюда же слали изъ далекихъ обителей и скитовъ пустынники и отшельники благословеніе державному младенцу. Затѣмъ, въ знакъ признательности первымъ чудотворцамъ Московскимъ, великій князь повелѣлъ сдѣлать богатыя раки: золотую для митрополита Петра, истиннаго духовнаго основа-

теля Московскаго Государства и серебряную—для Святого митрополита Алексія. Наконецъ, въ 1531 году, по древнему умилительному обычаю, руками всего народа, во главѣ съ великимъ княземъ, былъ выстроенъ въ одинъ день обыденный храмъ во имя Іоанна Предтечи на Ваганьковомъ полѣ.

Само собою разумѣется, что счастливый отецъ окружилъ нѣжнѣйшими заботами какъ молодую мать, такъ и своего наслѣдника.

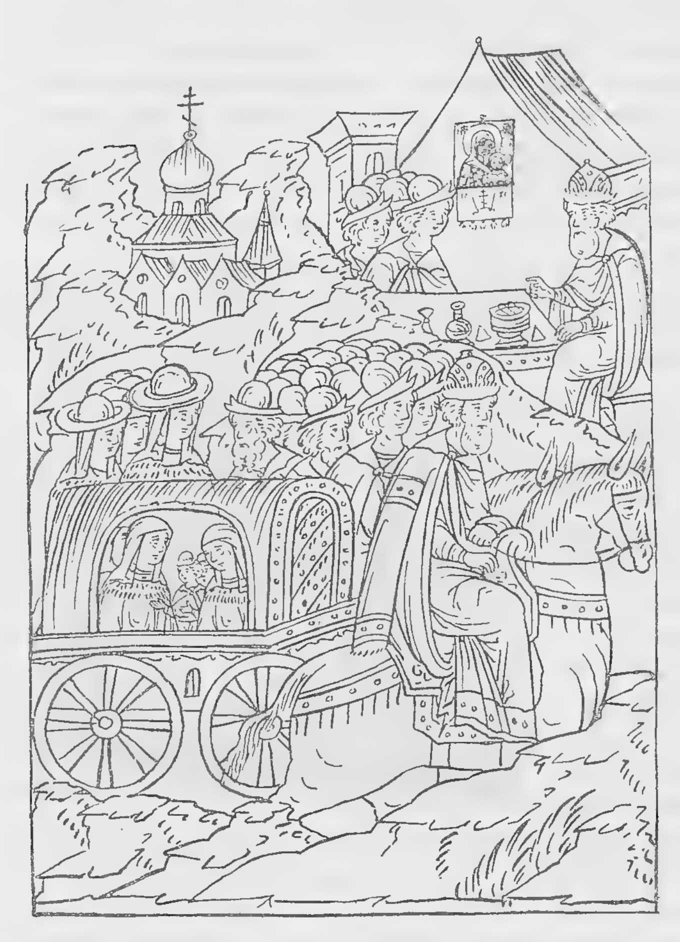
Будучи крайне подвижнымъ человѣкомъ и отлучаясь часто изъ Москвы, то по дѣламъ, то на богомолье, то на охоту, Василій Іоанновичъ велъ съ женой во время отлучекъ оживленнѣйшую переписку. Вотъ отрывки нѣсколькихъ дошедшихъ до насъ писемъ его къ ней: «...А ты бы ко мнѣ и впередъ о своемъ здоровьѣ отписывала, и о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти меня не держала, и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобы мнѣ про то было вѣдомо»... Въ отвѣтъ на письмо Елены Васильевны, что у маленькаго Ивана появился на шеѣ вередъ, Государь писалъ съ тревогой: «ты мнѣ прежде объ этомъ зачѣмъ не писала? И ты бы теперь ко мнѣ отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ и что у него такое на шеѣ явилось, и какимъ образомъ явилось, и какъ давно, и какъ теперь? Да поговори съ княгинями и боярынями, что это у Ивана сына явилось, и бываетъ ли это у дѣтей малыхъ? Если бываетъ, то отчего бываетъ? Съ роду или отъ иного чего? Обо всемъ бы объ этомъ съ боярынями поговорила и ихъ выспросила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобы мнѣ все знать. Да и впередъ чего ждать, что онѣ придумаютъ и объ этомъ дай мнѣ знать; и какъ нынѣ тебя Богъ милуетъ и сына Ивана какъ Богъ милуетъ, обо всемъ отпиши». Когда былъ полученъ отвѣтъ отъ Елены, что вередъ у Ивана прорвался, то Василій все же не успокоился и писалъ ей: «И ты бы ко мнѣ отписала теперь, что идетъ у сына Ивана изъ больного мѣста, или ничего не идетъ? и каково у него это больное мѣсто, поопало, или еще не опало, и каково теперь? Да и о томъ ко мнѣ отпиши, какъ тебя Богъ милуетъ, и какъ Богъ милуетъ сына Ивана? Да побаливаетъ у тебя полголовы, и ухо, и сторона: такъ ты бы ко мнѣ отписала, какъ тебя Богъ миловалъ, не баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ? Обо всемъ



270. Троицкій соборъ Троицко-Сергіевской лавры.
Сооруженъ въ 1423 году.

этомъ отпиши ко мнѣ подлинно»... «Да и о кушаньи сына Ивана впередъ ко мнѣ отписывай: что Иванъ сынъ покушалъ, чтобы мнѣ было вѣдомо»— читаемъ мы въ другомъ письмѣ.

Василій Іоанновичъ не долго наслаждался своимъ семейнымъ счастьемъ.



271. ...„И отъ Троицы князь великій поѣде и съ великою княгинею и з дѣтми въ свою отчину на Волокъ-Ламскій тѣшитися; поѣде же князь великій на Волокъ на свое село Озерецкое и доиде села своего Озерецскаго. И тамо яко нѣкоимъ отъ Бога посѣщеніемъ, нача немощи"...

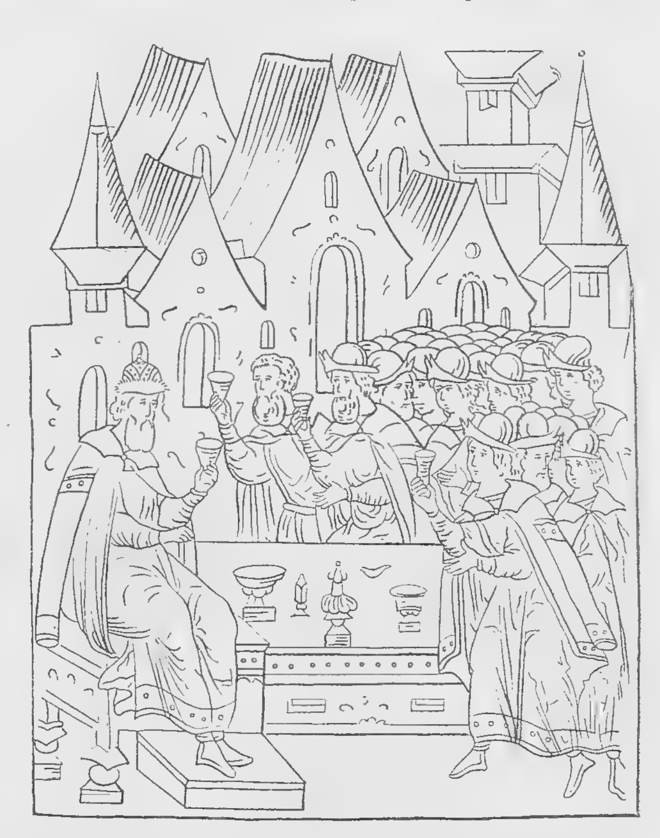
Изъ „Царственной книги".

Послѣ того, какъ въ августѣ 1533 года было благополучно отражено нападеніе Крымскаго хана Саипъ-Гирея на Рязанскую украину, великій князь отправился со всей своей семьею поклониться Живоначальной Троицѣ — въ Сергіеву лавру, и выѣхалъ затѣмъ въ Волокъ Ламскій, гдѣ разсчитывалъ «тѣшиться» осеннею охотою. Но по дорогѣ онъ занемогъ въ селеніи Езерецкомъ; на лѣвомъ его стегнѣ появилась «мала болячка з булавочную головку: връху у неѣ нѣтъ, ни гною въ ней нѣтъ же, а сама багрова», какъ сказано, въ такъ называемой «Царственной книгѣ», заключающей въ себѣ описаніе кончины Василія Іоанновича и значительную часть царствованія его преемника *).

Несмотря на сильное недомоганіе, великій князь продолжалъ поѣздку верхомъ и прибылъ въ Волокъ Ламскій, «въ болѣзни велицей», въ «недѣлю» (Воскресенье)

*) «Царственная книга» представляетъ рукопись съ нераскрашенными рисунками (кромѣ одного), хранящуюся въ Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ и составленную, повидимому, въ царствованіе Іоанна Грознаго.

послѣ Покрова, и принялъ въ тотъ же день приглашенiе на пиръ у своего любимаго дьяка Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина, очевидно, не желая огорчить его отказомъ. На пиру этомъ онъ перемогался черезъ силу, а на слѣдующiй день съ большимъ трудомъ дошелъ до мыльни и также съ большими усилiями заставилъ себя сидѣть за обѣдомъ въ постельныхъ хоромахъ. Тѣмъ не менѣе, на другой день во вторникъ, видя, что на дворѣ стоитъ чудесная погода для охоты, великiй князь не вытерпѣлъ, приказалъ ловчимъ собраться и отправился верхомъ съ собаками въ свое село Колпь; по пути охотились, конечно, мало; изъ Колпи Василiй Iоанновичъ послалъ за братомъ своимъ Андреемъ и выѣхалъ съ нимъ въ поле; однако, не проѣздивъ и двухъ верстъ, онъ принужденъ былъ вернуться опять въ Колпь, гдѣ онъ и слегъ окончательно; отсюда, въ виду усиленiя болѣзни, было послано въ Москву за княземъ Михаиломъ Глинскимъ и великокняжескими врачами иноземцами—Николаемъ Люевымъ и Θеофиломъ, которые стали прикладывать къ болячкѣ пшенную муку съ прѣснымъ медомъ и печенымъ лукомъ; отъ этого средства она начала рдѣть и изъ нея появилось немного гною. Проживъ двѣ недѣли въ Колпи—Государь рѣшилъ вернуться въ Волокъ, но уже сѣсть на лошадь онъ не могъ, и боярскiя дѣти несли его всю дорогу на рукахъ.



272. ...„И того же дни бысть пиръ на великаго князя у Ивана Юрьевича у Шигоны у дворецскаго Тферскаго и Волотьцскаго...
Изъ „Царственной книги“.

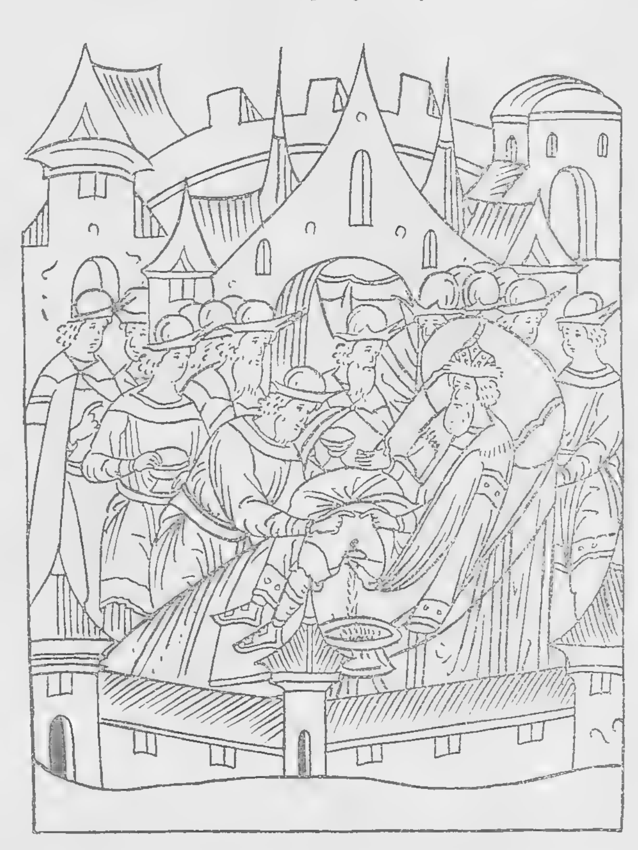
Въ Волокѣ ему сдѣлалось хуже—въ груди появилась тягость и больной сталъ принимать очень мало пищи; къ болячкѣ же онъ приказалъ прикладывать медъ и изъ нея началъ вытекать обильный гной—по полутазу и по тазу. При такихъ обстоятельствахъ, Василiй Iоанновичъ рѣшилъ распорядиться на счетъ смерти и послалъ въ Москву дьяковъ Якова Мансурова и Григорiя Путятина тайно привести ему духовныя грамоты отца

и дѣда, а также свою, не приказавъ ничего говорить ни митрополиту, ни боярамъ, очевидно, чтобы ихъ не тревожить безъ крайней необходимости. Эти грамоты были доставлены въ Волокъ также тайно отъ бывшей съ Государемъ великой княгини Елены и братьевъ его Андрея и Юрія; свою духовную, написанную еще до вступленія во второй бракъ, Василій приказалъ немедленно сжечь, а затѣмъ сталъ совѣтоваться съ дьяками Шигоною и Путятинымъ кого изъ бояръ пригласить въ думу и кому «приказати свой Государевъ приказъ»; изъ бояръ при немъ въ Волокѣ были: князь Димитрій Бѣльскій, князь Иванъ Шуйскій, князь Михаилъ Глинскій и дворецкіе,—князь Иванъ Кубенскій, да Иванъ Шигона. Въ Волокѣ же, во все время болѣзни находились и братья великаго князя—Юрій и Андрей. Юрій очень хотѣлъ остаться при немъ до конца болѣзни, но Василій рѣшительно этому воспротивился, такъ какъ не довѣрялъ ему; младшему же брату Андрею разрѣшено было остаться. Затѣмъ, рѣшено было вызвать изъ Москвы очень почитаемаго старца Мисаила Сукина, въ виду того, что великій князь возымѣлъ желаніе принять схиму, и близкаго и преданнаго боярина Михаила Юрьевича Захарьина (Кошкина).

273. ...„*И не унявся, хотя тѣшитися, и поѣде въ свое село въ Колпь, болѣзнію обдержимъ скорбяше; до села же того ѣдучи, мало бысть потѣхи*“...
Изъ „Царственной книги“.

Между тѣмъ, изъ болячки вышло болѣе таза гною и огромный стержень въ полторы пяди, но не весь. Когда пріѣхалъ Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ, великій князь собралъ бояръ и сталъ съ ними думать—какъ ему вернуться въ Москву: «И приговорилъ князь велики з бояры ѣхати ему съ Волока въ Осифовъ монастырь къ Пречистой молитися». Пе-

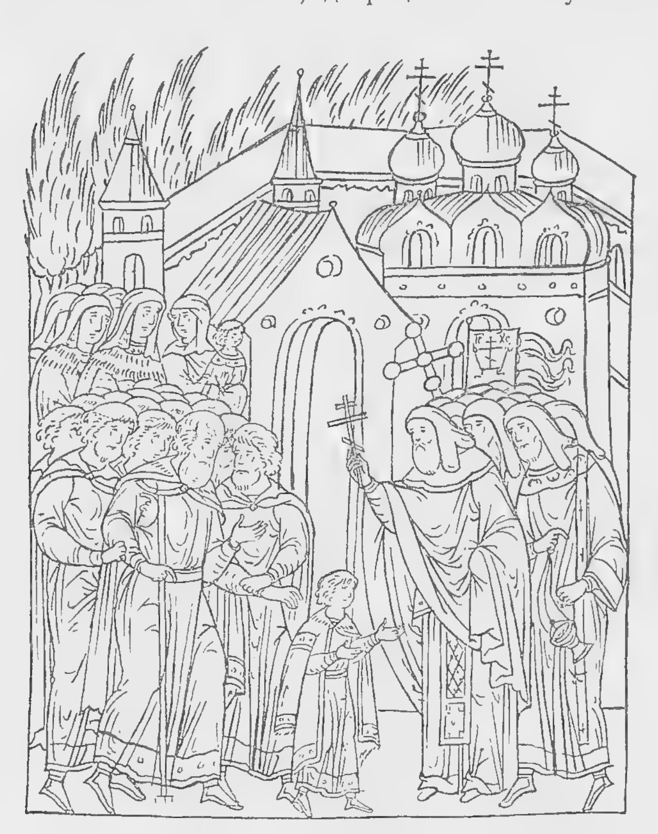
реѣздъ въ Іосифовъ монастырь (18 верстъ отъ Волока), былъ чрезвычайно труденъ для больного; онъ ѣхалъ въ каптанѣ, лежа на постели, вмѣстѣ съ князьями Шкурлятевымъ и Палецкимъ; они же поддерживали его подъ руки, когда онъ, опираясь на костыль и имѣя впереди себя своего горячо-любимаго сына Ивана,—направился въ церковь, откуда ему вышли на встрѣчу игуменъ съ братіей; когда дьяконъ сталъ читать ектенію за Василія, то не могъ продолжать ее отъ слезъ, а всѣ присутствующіе—великая княгиня, бояре и иноки, съ горькимъ плачемъ и рыданіемъ молились объ исцѣленіи больного. Великій князь ночевалъ въ монастырѣ, а на другой день продолжалъ свой путь. При этомъ рѣшено было, что онъ въѣдетъ въ Москву тайно, такъ какъ тамъ много было въ это время иноземныхъ пословъ. 21 ноября онъ остановился въ селѣ Воробьевѣ, все время невыносимо страдая отъ боли; здѣсь онъ пробылъ три дня и принималъ митрополита, епископовъ и бояръ, пріѣзжавшихъ навѣщать его. Такъ какъ ледъ на Москвѣ-рѣкѣ былъ еще не крѣпокъ, то приказано было навести мостъ противъ Новодѣвичьяго монастыря, черезъ который Василій и рѣшилъ въѣхать въ Москву. Но когда санники (лошади, пріученныя ходить въ саняхъ), запряженные въ каптану, въѣхали на мостъ, то онъ обломился и каптану подхватили на руки боярскіе дѣти, поспѣшивъ обрѣзать гужи у лошадей; «и оттуду же князь великій возвратися и покручинися на городскихъ прикащиковъ, а опалы на нихъ не положилъ. И поиде князь великій въ славный градъ Москву въ ворота въ Боровитцкіе» (черезъ паромъ у Дорогомиловской заставы). «И внесоша его въ постелные хоромы, и тако изволеніемъ Божіимъ, аще и крѣпцѣ болѣзнуа, но обаче адамантъская



274. ...„И повелѣ же князь великій прикладывати масть къ болячкѣ, и нача изъ болячки гною итти по малу и по елику болши, яко до полутаза и по тазу; и бысть же князь великій въ скорби и болѣзни велицей“...

Изъ „Царственной книги“.

(алмазная) его царева душа, крѣпчайшее благодареніе и прилежныя молитвы иже къ Богу непрестанно бяху въ устѣхъ его». Прибывъ въ Москву, Государь призвалъ бояръ—князя Василія Васильевича Шуйскаго, Михаила Юрьевича Захарьина, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкаго Шигону и сталъ говорить имъ о своемъ сынѣ Иванѣ, о своемъ великомъ княженіи, и о своей духовной грамотѣ, «и како строитися царьству послѣ него». Затѣмъ онъ приказалъ писать при себѣ дьякамъ своимъ Григорію Путятину Меньшому и Федору Мишурину новую духовную грамоту, прибавивъ въ думу объ этой грамотѣ еще князя Ивана Васильевича Шуйскаго, Михаила Васильевича Тучкова и князя Михаила Львовича Глинскаго, дядю великой княгини. Въ это же время пріѣхалъ въ Москву и братъ великаго князя Василія — Юрій. Андрей пріѣхалъ еще ранѣе.



275. Прибытіе больного великаго князя въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Передъ Василіемъ его маленькій сынъ Иванъ—будущій Грозный Царь, а рядомъ съ великой княгиней Еленой мамка съ маленькимъ Юріемъ на рукахъ. ...„ Егда же пріѣде въ Осивовъ монастырь, и какъ его встрѣтилъ игуменъ з братіею, и тогда великого князя взяша два подъ руки, князь Дмитрей Шкурлятевъ да князь Дмитрей Палецкой, и поидоша къ храму Пречистыя“...

Изъ „Царственной книги“.

Вслѣдъ за написаніемъ духовной, Василій Іоанновичъ сталъ думать о постриженіи съ митрополитомъ Даніиломъ, Коломенскимъ владыкою Вассіаномъ и духовникомъ своимъ протопопомъ Алексѣемъ; послѣднему и старцу Мисаилу Сукину онъ говорилъ еще въ Волокѣ: «Смотрите не положите меня въ бѣломъ платьѣ, хотя и выздоровлю—нужды нѣтъ—мысль моя и сердечное желаніе обращены къ иночеству».

Чрезъ нѣсколько дней великій князь тайно пріобщился и соборовался масломъ, а за недѣлю передъ Николинымъ днемъ «явствено свящался масломъ»; на другой день, въ Воскресенье онъ приказалъ принести себѣ

Святые Дары. Когда дали знать, что ихъ несутъ, Государь всталъ, опираясь на Михаила Юрьевича Захарьина, и сѣлъ въ кресло; когда же его начали причащать, то онъ всталъ совсѣмъ на ноги, благоговѣйно принялъ, проливая слезы, Святые Дары, и, вкусивъ просфору, легъ опять на постель. Къ ней онъ призвалъ братьевъ Андрея и Юрія, митрополита и всѣхъ бояръ и началъ говорить:

«Приказываю своего сына, великаго князя Ивана—Богу, Пречистой Богородицѣ, Святымъ Чудотворцамъ, и тебѣ отцу своему Даніилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое Государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой; а вы бы, мои братья, князь Юрій и князь Андрей, стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ мнѣ крестъ цѣловали, о земскомъ строеніи и о ратныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стояли сообща, чтобы рука Православныхъ христіанъ была высока надъ бусурманствомъ и Латинствомъ; а вы бы бояре, и боярскіе дѣти и княжата, стояли сообща съ моимъ сыномъ и съ моею братіею противъ недруговъ и служили бы моему сыну, какъ мнѣ служили прямо».

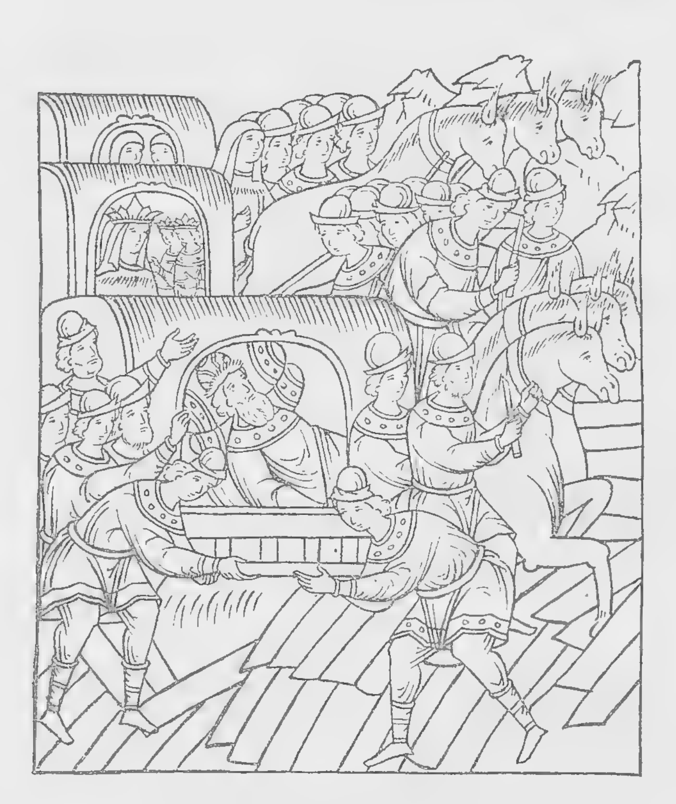
276. ...„ И просѣкаху ледъ и столбы ставляху и мостъ намостиша, а тогда бысть городовой прикащикъ Дмитрей Волынской да Олексѣй Хозниковъ и иные“...

Изъ „Царственной книги“.

Отпустивъ братьевъ и митрополита, умирающій Государь продолжалъ свое слово боярамъ: «Знаете и сами, что Государство наше ведется отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго, мы вамъ Государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре; такъ постойте братья крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на Государствѣ—Государемъ, чтобы была въ Землѣ правда, а въ васъ розни никакой не было; приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго; человѣкъ онъ къ намъ пріѣзжій; но вы не говорите, что онъ пріѣзжій, держите его за

здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ прямой слуга, будьте всѣ собща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинскій, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрія, кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ».

Государь продолжалъ скорбѣть и изнемогать; особенно же удручалъ его тяжелый духъ изъ раны—«идуще же изъ нея нежидъ смертный». Призвавъ Михаила Глинскаго и двухъ врачей, онъ приказалъ имъ что нибудь приложить или пустить въ рану, чтобы уничтожить этотъ духъ. Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ, утѣшая его, сказалъ на это: «Государь князь великій! какъ тебѣ полегчаетъ немного, тогда бы въ рану водки пустить бы». Государь же обратился къ лекарю Николаю со слѣдующимъ словомъ: «Братъ Николай! ты пришелъ ко мнѣ изъ своей Земли и видѣлъ мое великое къ себѣ жалованье, можно ли что нибудь сдѣлать, чтобы облегчить мою болѣзнь?» И отвѣчалъ на это Николай: «Видѣлъ я Государь великое твое жалованье ко мнѣ и ласку, и хлѣбъ и соль, но могу ли я, не будучи Богомъ, сдѣлать мертваго живымъ?»



277. ...„И какъ санники восхожаху на мостъ, и тогда мостъ обломися, каптану же великаго князя дѣти боярскіе удержаша, а у санниковъ гужи обрѣзаху“...

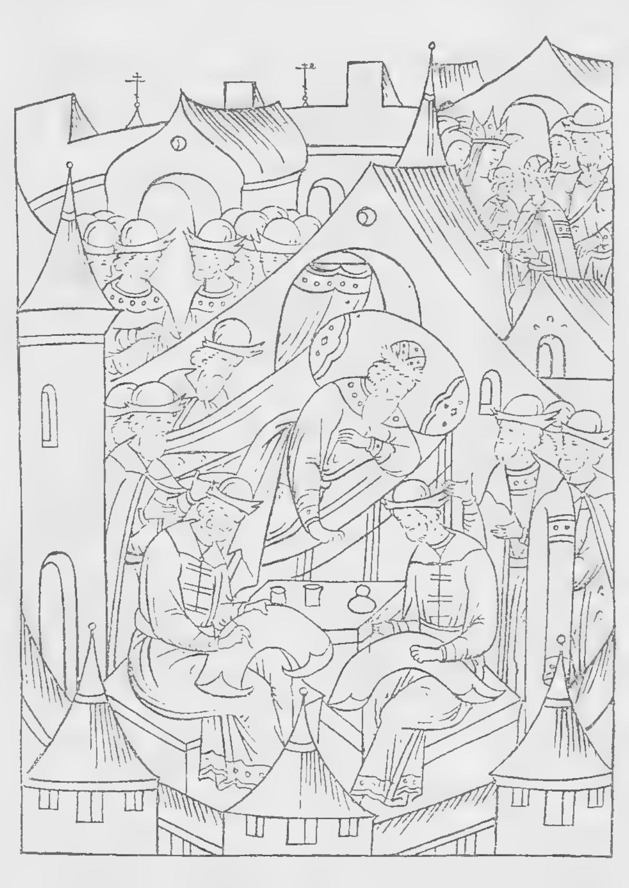
Изъ „Царственной книги“.

Услышавъ это, Василій сказалъ присутствующимъ: «Братья! Николай опредѣлилъ мою болѣзнь—я уже не вашъ». Всѣ начали горько плакать, но сдерживались передъ нимъ; выйдя же изъ его покоевъ—громко зарыдали и были сами какъ мертвые.

Государь заснулъ и вдругъ запѣлъ во снѣ: «Аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Господи», затѣмъ проснулся и промолвилъ: «Какъ Господу угодно, такъ и будетъ: буди имя Его благословенно отнынѣ и до вѣка».

3 декабря былъ послѣдній день его земной жизни. Онъ съ утра приказалъ держать на готовѣ запасные Дары, но мысли его были все еще заняты судьбами своего Государства и малолѣтняго преемника.

Когда къ нему вошелъ Троицкій игуменъ Іосафъ, Василій сказалъ ему: «Помолись отецъ о земскомъ строеніи и о сынѣ моемъ Иванѣ». Днемъ его причастили; послѣ этого онъ приказалъ позвать бояръ: князей Василія и Ивана Шуйскихъ, Михаила Юрьевича Захарьина, Воронцова, Тучкова, князя Михаила Глинскаго, Шигону, Головина и дьяковъ Путятина и Мишурина; съ ними, отъ третьяго до седьмого часа, онъ вновь бесѣдовалъ о сынѣ, объ устроеніи земскомъ, и какъ быть и править Государствомъ. Послѣ ухода бояръ, остались трое самыхъ приближенныхъ къ нему: Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ, Глинскій и Шигона, и пробыли до самой ночи; умирающій приказывалъ имъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить съ докладомъ, и обо всемъ имъ приказывалъ, какъ безъ него Царству строиться.



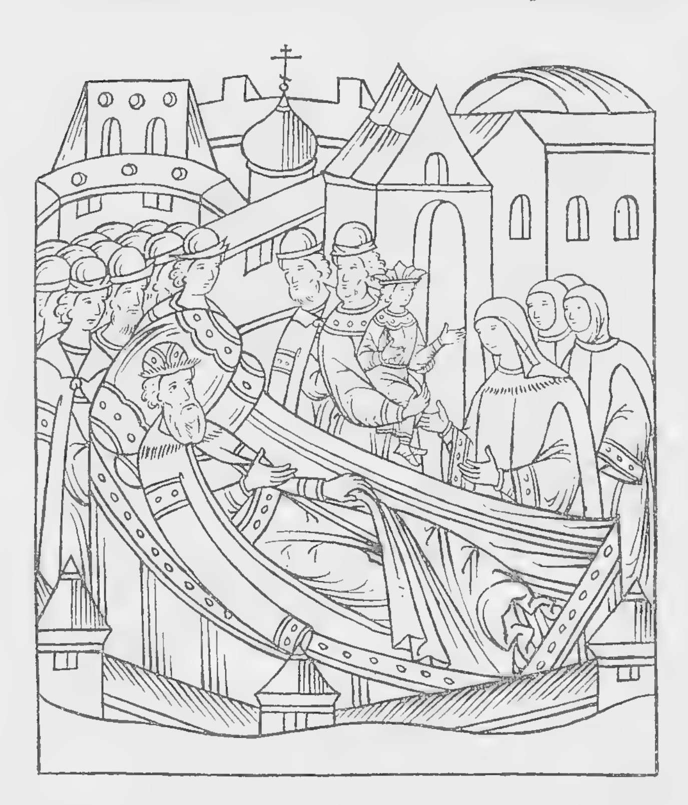
278. ...„И тогда повелѣ князь великій писати духовную свою грамоту и завѣтъ о управленіи царствіа сынови своему и наслѣднику дьяку своему Григорію Никитину Меншому Путятину и у него велѣлъ быти въ товарыщехъ дьяку же своему Федору Мишюрину“...

Изъ „Царственной книги“.

Затѣмъ вошли братья Андрей и Юрій и уговорили его съѣсть немного миндальной каши. Василій сталъ говорить: «Вижу самъ, что скоро долженъ буду умереть, хочу послать за сыномъ Иваномъ, благословить его крестомъ Петра Чудотворца, да хочу послать за женою, наказать ей, какъ ей быть послѣ меня. Но нѣтъ, не хочу посылать за сыномъ, малъ онъ, а я лежу въ такой болѣзни—испугается онъ». Присутствующіе, однако, стали уговаривать его послать за нимъ. Государь согласился. Въ комнату вошелъ братъ великой княгини Иванъ

Глинскій, держа ребенка на рукахъ, а вмѣстѣ съ ними и мамка его, Аграфена Васильевна Челяднина. Великій князь перекрестилъ сына, призывая на него милость Божію и Пречистой Богородицы и благословеніе Петра Чудотворца, и наказалъ мамкѣ: «Смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступай ни пяди».

Затѣмъ вошла вся въ слезахъ и рыдая великая княгиня Елена; Государь сталъ утѣшать ее, говоря: «Жена! перестань, не плачь, мнѣ легче, не болитъ у меня ничего, благодарю Бога». Придя въ себя, Елена сказала ему: «Государь великій! На кого меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?». На это Василій отвѣчалъ: «Благословилъ я сына своего Ивана Государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей по достоянію, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ».



279. Князь Михаилъ Глинскій приноситъ съ нянькой Аграфеной Челядниной маленькаго наслѣдника проститься съ отцомъ... „И тако благослови его, цѣлуя со слезами, и отпусти его въ своя ему полаты. И приказа тогда князь великій Огрофѣнѣ: „Чтобы еси, Огрофѣна, отъ сына моего Ивана пяди не отступала“...

Изъ „Царственной книги“.

Тогда Елена начала просить, чтобы онъ благословилъ и младшаго сына Юрія. Василій согласился, и когда малютка былъ внесенъ въ комнату, то онъ благословилъ его золотымъ крестомъ и сказалъ, что записалъ и Юрія въ духовной грамотѣ, какъ слѣдуетъ.

Умирающій хотѣлъ поговорить еще съ женой, но съ ней сдѣлался сильный припадокъ плача, перебиваемый крикомъ; тогда онъ поцѣловалъ ее въ послѣдній разъ и велѣлъ вывести изъ комнаты.

Устроивъ всѣ земныя дѣла и простившись съ дорогими ему существами, Государь спѣшилъ успѣть исполнить свое завѣтное желаніе: лечь въ схимѣ. Онъ послалъ за владыкой Коломенскимъ Вассіаномъ и стар-

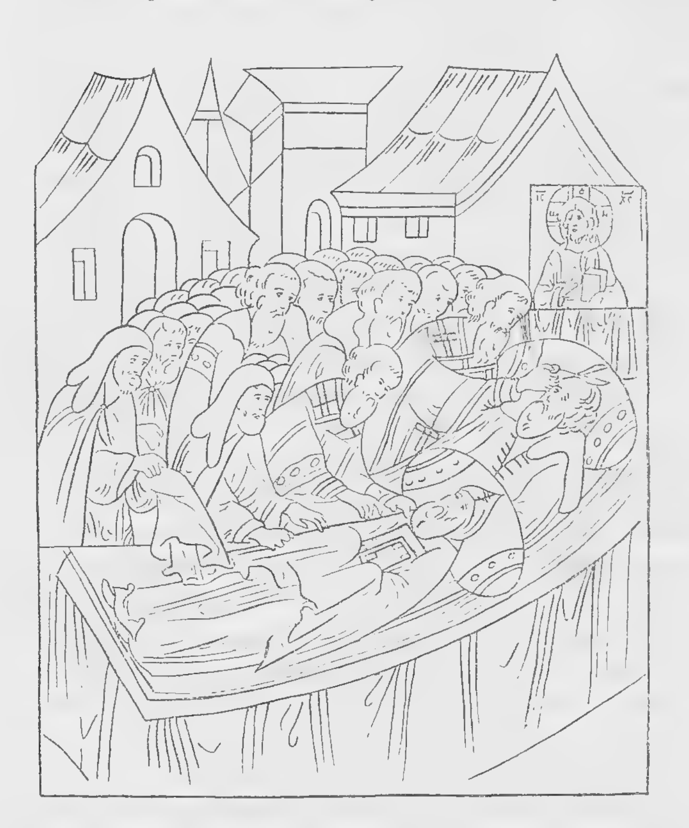
цемъ Мисаиломъ Сукинымъ; въ это же время въ его покоѣ собрались митрополитъ, братья Андрей и Юрій, бояре, дьяки и дѣти боярскіе. Сюда же принесли изъ храмовъ чудотворный образъ Владимірской Божіей Матери и икону Святого Николая Гостунскаго. Государь приказалъ спросить своего духовника: «бывалъ ли онъ при томъ, когда душа разлучается отъ тѣла». Тотъ отвѣчалъ, что мало бывалъ. Тогда великій князь велѣлъ ему войти въ комнату и стать противъ него рядомъ со стряпчимъ Ѳеодоромъ Кучецкимъ, бывшимъ при кончинѣ великаго князя Іоанна Третьяго; дьяку же крестовому Даніилу, велѣлъ пѣть канонъ мученицѣ Екатеринѣ и канонъ на исходъ души, и приказалъ говорить себѣ отходную. Когда дьякъ запѣлъ канонъ, Государь немного забылся и сталъ въ бреду поминать Святую Екатерину, но затѣмъ быстро очнулся, приложился къ ея образу и мощамъ и, подозвавъ къ себѣ боярина Михаила Семеновича Воронцова, поцѣловался съ нимъ и простилъ ему какую то вину.

Послѣ этого, Государь приказалъ своему духовнику дать ему причастіе, какъ разъ тогда, когда онъ будетъ умирать, прибавивъ при этомъ: «Смотри же разсудительно, не пропусти времени»; сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ брату Андрею по поводу приближающагося смертнаго часа, онъ подозвалъ къ себѣ всѣхъ присутствующихъ и обратился къ нимъ со словами: «Видите сами, что я изнемогаю и къ концу приближаюсь, а желаніе мое давно было постричься, постригите меня».

Тутъ вмѣсто того, чтобы немедленно исполнить волю умирающаго— возникли вдругъ споры. Митрополитъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ—выразили полное сочувствіе желанію Василія, но противъ этого возстали:—братъ его Андрей Іоанновичъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и Шигона, и стали говорить: «Князь великій Владиміръ Кіевскій умеръ не въ чернецахъ, однако сподобился праведнаго покоя? И иные великіе князья не въ чернецахъ преставились, а не съ праведными ли обрѣли покой? «И бысть промежь ими пря велика»,—говоритъ лѣтописецъ. Между тѣмъ, великій князь подозвалъ къ себѣ митрополита и сказалъ ему: Я повѣдалъ тебѣ отецъ всю свою тайну, что хочу быть чернецомъ; чего же мнѣ такъ долежать? сподоби меня облечься въ монашескій чинъ, постриги меня». Затѣмъ, подождавъ немного, онъ опять сказалъ: «Такъ ли мнѣ господинъ митрополитъ лежать?» Послѣ этого онъ началъ креститься и говорить: «Аллилуія, аллилуія, слава тебѣ Боже!»—а также и слова изъ церковной службы. Скоро у Василія уже сталъ отниматься языкъ, но онъ все просилъ, съ трудомъ произнося слова, постриженія, бралъ въ руки простыню и цѣловалъ ее; затѣмъ отнялась и правая рука; бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ поднималъ ее и помогалъ своему умирающему Государю креститься, а споры о постриженіи продолжались. Наконецъ, митрополитъ Даніилъ рѣшилъ поспѣшить исполнить волю великаго князя и послалъ за монашескимъ платьемъ; необходимое же для постриженія въ монахи отрицаніе—Василій исповѣдалъ митрополиту еще въ воскресенье во время причастія, сказавъ ему: «Если не дадутъ меня

постричь, то на мертваго положите монашеское платье, это мое давнишнее желаніе!». Когда старецъ Мисаилъ Сукинъ пришелъ съ платьемъ, то Государь уже отходилъ и Даніилъ, взявши епитрахиль, подалъ платье чрезъ великаго князя Троицкому игумену Іосафу, чтобы тотъ началъ службу постриженія.

Однако и тутъ князь Андрей Іоанновичъ и бояринъ Воронцовъ стали противиться этому; тогда возмущенный Даніилъ обратился надъ самымъ тѣломъ умирающаго Государя съ грознымъ словомъ къ Андрею: «Не буди на тебѣ нашего благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; хорошъ сосудъ серебряный, но лучше позолоченый»—и затѣмъ сталъ поспѣшно постригать, уже испускавшаго духъ Василія Іоанновича, «и положи на него»—говоритъ лѣтописецъ: «переманатку и ряску; а манатіи не бысть, занеже бо, спѣшачи и несучи, выронили; и вземъ съ собя келарь Троецкій—Серапіонъ Курцовъ манатію и положи на него, и схиму ангельскую и Евангеліе на груди положиша... И абіе причястиша великаго Государя Василія Ивановича Святыхъ Таинъ—животворящаго Тѣла и Крове Христа Бога нашего... И тогда просвѣтися лице его, яко свѣтъ, вкупѣ же и душа его съ миромъ къ Богу отъиде; и стояще же близъ его Шигона и виде Шигона духъ его отшедшъ, аки дымець малъ».



280. ...„Князь же великій отхожаше, но спѣшяше постричи его Данилъ митрополитъ, положи на игумена Троецьскаго патрахиль и повелѣ начяти службу постриганія Троецскому игумену Иасафу. Самъ же митрополитъ постриже его и претвори имя ему Варлаамъ и положи на него переманатку и ряску“...

Изъ „Царственной книги“.

Скоро плачъ и рыданія наполнили всѣ палаты. Смерть великаго князя послѣдовала въ 12-мъ часу ночи, съ 3-го на 4-ое декабря 1533 года. Онъ умеръ, едва достигнувъ пятидесяти четырехъ лѣтъ. Митрополитъ тотчасъ же привелъ въ сосѣднемъ покоѣ къ присягѣ братьевъ покойнаго—Юрія и Андрея, служить великому князю Іоанну Василье-

вичу всея Руси, матери его великой княгинѣ Еленѣ, и стоять въ правдѣ въ томъ всемъ, въ чемъ цѣловали крестъ покойному великому князю. Затѣмъ, послѣ присяги, Даніилъ съ остальными присутствующими отправился къ великой княгинѣ утѣшить ее въ постигшемъ горѣ, но она, увидя ихъ, упала замертво и два часа была безъ чувствъ.

Извѣстіе о кончинѣ Василія Іоанновича произвело чрезвычайно глубокое впечатлѣніе: люди всѣхъ званій шли во дворецъ съ великимъ плачемъ проститься съ усопшимъ. Когда же вынесли его тѣло въ Архангельскій соборъ для погребенія, то народный вопль заглушалъ звонъ кремлевскихъ колоколовъ. «Дѣти хоронили своего отца»—говоритъ лѣтописецъ: «называя его добрымъ, ласковымъ Государемъ».

Дѣйствительно, память о Василіи Іоанновичѣ не должна умирать въ сердцахъ Русскихъ людей. Онъ до послѣдняго своего часа былъ исключительно занятъ заботами о строеніи Государства и о собираніи Русской Земли по завѣтамъ отцовъ, и за свою сравнительно недолгую жизнь достигъ многаго: присоединилъ Псковъ и вернулъ Смоленскъ; смирилъ Казань, посадивъ тамъ хана изъ нашихъ рукъ, и выстроилъ для облегченія ея завоеванія въ будущемъ—городъ Васильсурскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Василій сдерживалъ, насколько было силъ, Крымъ, и всегда держалъ себя съ большимъ достоинствомъ по отношенію его хановъ; онъ былъ грозой Ливонскихъ Нѣмцевъ, Литвы и Польши, и съ честью поддерживалъ отношенія съ папами и государями Западной Европы. Будучи горячо преданъ Православію и древнему благочестію, онъ отличался и большой ласковостью къ иностранцамъ.

Въ управленіи Государствомъ Василій шелъ во всемъ по стопамъ своего великаго отца; при этомъ, самымъ тяжелымъ для него дѣломъ было подавленіе старыхъ удѣльныхъ стремленій у новаго родовитаго боярства, собравшагося въ Москвѣ.

«Василій», говоритъ Н. М. Карамзинъ, «имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лицо миловидное, взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Наказывалъ вельможъ и самыхъ близкихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Снискавъ любовь народа, онъ, по словамъ историка Іовія, не имѣлъ воинской стражи во дворцѣ, ибо граждане служили ему тѣлохранителями».

Владѣя обширной державою и обладая огромной властью надъ своими подданными, Василій Іоанновичъ, величаемый иностранными государями Императоромъ и Царемъ — довольствовался слѣдующимъ титуломъ:

«Великій Государь Василій, Божіею милостію Государь всея Руси, и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новгорода Низовской Земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій и Бѣльскій, и Ростовскій, и Яро-

281. Святая Русь.
Картина М. Нестерова.

славскій, и Бѣлоозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій и иныхъ».

Въ титулѣ этомъ, такъ же какъ и въ титулѣ Іоанна Третьяго, нѣтъ Царскаго наименованія, но въ него уже включены всѣ разновластныя Земли Сѣверо-Восточной Руси, которыя были собраны Москвой при четырехъ преемникахъ Димитрія Донского—при Василіи Димитріевичѣ, Василіи Темномъ, Іоаннѣ Третьемъ и Василіи Іоанновичѣ.

Всѣ эти Государи были, конечно, людьми различныхъ душевныхъ складовъ, но они неуклонно шли, какъ одинъ человѣкъ, вмѣстѣ со всей народной твердью, къ единой великой цѣли—къ собиранію Родной Земли подъ властью Москвы, несмотря на неустанную борьбу, которую имъ пришлось вести съ многочисленными врагами.

Въ 1380 году, послѣ побѣды на Куликовомъ полѣ, Москва стала близкимъ и роднымъ словомъ для всѣхъ обитателей различныхъ отдѣльныхъ владѣній Сѣверо-Восточной Руси, а черезъ полтораста лѣтъ, къ концу великаго княженія Василія Іоанновича, та же Москва образовала уже обширное Государство, обитатели коего глубоко вѣрили, что оно является третьимъ Римомъ, который, по пророческимъ словамъ старца Елизарова монастыря Филоѳея, не прейдетъ во вѣки и соберетъ подъ властью своихъ Государей всѣ остальныя державы.

И вѣра эта укрѣплялась сознаніемъ, что Русскіе люди строятъ свое Государство на незыблемыхъ основаніяхъ. Они строили его на Самодержавной власти своихъ Государей, почитаемыхъ ими превыше всего на Землѣ, на горячей приверженности къ завѣтамъ отцовъ, «чтобы не

перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не угасла», на своей крови, безпрерывно проливаемой ими за Родину, и на непоколебимой преданности Православію и любви къ Богу, которому они возносили обильныя и слезныя молитвы въ сооружаемыхъ ими храмахъ, возводимыхъ въ XV и XVI вѣкѣ преимущественно во имя Архистратига Михаила, дающаго побѣду надъ врагами, и во имя Царицы Небесной— утѣшительницы всѣхъ тѣхъ, кому приходилось, въ многочисленныхъ бранныхъ дѣлахъ того времени, терять близкихъ себѣ людей.

282. Гербы Псковской, Смоленскій и Тверской.

По Титулярнику.

ПОЯСНЕНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ 36, 169 и 183.

Рисунокъ 36. Григорій Цамбланъ на Констанцкомъ соборѣ преклоняетъ колѣна предъ папою.

Рисунокъ этотъ помѣщенъ въ заголовкѣ книги «Errores Atrocissimorum Ruthenorum»—«Заблужденія ужаснѣйшихъ Рутеновъ (Западно-Русскихъ)», изданной Яномъ изъ Освѣцима—каноникомъ Краковскаго собора, безъ обозначенія года, и перечисляющей 40 заблуждeній Православной церкви. Д. А. Ровинскій считаетъ, что рисунокъ изображаетъ Феррарійско-Флорентійскій соборъ, причемъ передъ папою стоитъ на колѣняхъ императоръ Іоаннъ Палеологъ, а впереди его показано уже прошедшее мимо папы Русское духовенство. Мы же полагаемъ, что здѣсь изображенъ Констанцкій соборъ, на которомъ именно только и были представители Западно-Русскаго (Рутенскаго) духовенства съ Григоріемъ Цамблакомъ, такъ какъ на соборѣ Феррарійско-Флорентійскомъ представители Западно-Русскаго духовенства отсутствовали, а было Греческое духовенство съ Іоанномъ Палеологомъ и Московское съ митрополитомъ Исидоромъ, почему въ заголовкѣ рисунка, изображающаго этотъ соборъ, вѣроятно и было бы сказано: Errores Atrocissimorum Grecorum (Грековъ) или Moscvitarum (Москвитянъ), а не Ruthenorum (Западно-Русскихъ).

Рисунокъ 169. Московскій Государь со своими боярами.

Рисунокъ этотъ долженъ изображать великаго князя Василія Темнаго, какъ видно по надписи на немъ скорописью: «Государь і великій князь Василій Васильевичъ, всеа Руссии самодержецъ». Но такъ какъ Житіе Святыхъ Зосимы и Савватія, изъ коего заимствованъ этотъ рисунокъ, несомнѣнно написано въ XVII вѣкѣ, причемъ о дѣйствительномъ сходствѣ изображеннаго здѣсь великаго князя съ Василіемъ Темнымъ (XV вѣкъ), конечно, не можетъ быть и рѣчи, то мы сочли наиболѣе соотвѣтственнымъ помѣстить его въ заголовкѣ той главы, гдѣ говорится о бытѣ Московскихъ Государей въ XVI и XVII вѣкѣ.

Рисунокъ 183. Прибытіе въ 1514 году Русскихъ пословъ Димитрія Ласкирева и дьяка Елеазара Сукова къ императору Максимиліану I; въ рукахъ императора и пословъ грамоты, съ привѣшенными къ нимъ печатями.

Это старинное Нѣмецкое изображеніе было, на ряду съ другими рисунками, относящимися къ пріему посольствъ императоромъ Максимиліаномъ I, издано въ 1799 году въ Лондонѣ съ поясненіемъ на Французскомъ языкѣ, что оно изображаетъ посольство дьяка Племянникова и толмача Истомы Малаго, отправленныхъ Василіемъ III къ Максимиліану въ 1518 году. Поясненіе это, по всѣмъ даннымъ, ошибочно. Племянниковъ и Истома Малый никакого договора съ Максимиліаномъ не заключали, и согласно «Статейному списку», поданному ими, по возвращеніи отъ императора, Василію Третьему, только сами на пріемѣ у Максимиліана передали грамоту Государя, а отъ императора никакой грамоты не получали, причемъ, какъ Максимиліанъ, такъ и Племянниковъ, на пріемѣ этомъ сидѣли. На приведенномъ же рисункѣ—всѣ стоятъ, и на немъ ясно изображено, какъ Русскіе послы и императоръ обмѣниваются грамотами съ привѣшенными къ нимъ печатями, что обычно происходило въ тѣ времена именно при заключеніи договора. Поэтому мы полагаемъ, что рисунокъ изображаетъ не пріемъ посольства Племянникова и Истомы Малаго, а пріемъ Димитрія Ласкирева и дьяка Елеазара Сукова, которые заключили въ 1514 году договоръ съ Максимиліаномъ.

ИСТОЧНИКИ.

На Русскомъ языкѣ:

«Полное собраніе Русскихъ лѣтописей».

«Указатель къ первымъ восьми томамъ полнаго собранія Русскихъ лѣтописей». Отдѣлы I и II.

«Письма Русскихъ Государей».

«Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ».

«Акты Императорской Археографической Экспедиціи». Томы I и II.

«Историческое изслѣдованіе Западной Россіи, служащее предисловіемъ къ документамъ, объясняющимъ исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ». Изданіе Императорской Археологической Комиссіи.

«Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ». Изданіе Императорской Археологической Комиссіи.

«Русско-Ливонскіе акты».

«Исторія Государства Россійскаго»—Н. М. Карамзина.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ»—С. Соловьева.

«Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» князя М. Щербатова. Изд. 1794 года.

«Домашній бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII столѣтіи»—И. Забѣлина

«Домашній бытъ Русскихъ Царицъ въ XVI и XVII столѣтіи»—Его-же.

«Исторія города Москвы»—Его-же.

«Москва—Государство, Москва—Царство»—Его-же.

«Москва—городъ»—Его-же.

«Московскій Государь въ своемъ быту»—Его же.

«Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы»—Его же.

«Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ»—Его же.

«Исторія Россіи»—Д. Иловайскаго.

«Курсъ Русской Исторіи»—В. Ключевскаго.

«Лекціи по Русской Исторіи»—С. Платонова.

«Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей»—Н. Костомарова.

«Сѣверно-Русскія народоправства»—Его-же.

«Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ»—Н. Павлова.

«Чтенія по исторіи Западной Россіи»—М. О. Кояловича.

«Русская Исторія»—К. Бестужева-Рюмина.

«Философія общаго дѣла»—Н. Ѳ. Федорова.

«Степенная книга Царскаго родословія»—митрополита Макарія.

«Большая Государственная книга 1672 года, или Корень Россійскихъ Государей, таюке Царскій Титулярникъ».

«Снимки древнихъ Русскихъ печатей». Изданіе Комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ.

«Царственный лѣтописецъ»—рукопись.

«Казанскій лѣтописецъ»—рукопись, принадлежащая Императорской Академіи Наукъ.

«Житіе Святого Сергія Радонежскаго»—рукопись Троицко-Сергіевской лавры.

«Житіе Преподобныхъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ»—рукопись Московскаго Историческаго музея, изъ бывшаго собранія А. А. Вахрамѣева.

«Толковая рукописная Палея» Новгородскаго письма 1477 года, принадлежащая Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ.

«Русская военная исторія»—князя Н. Голицына.

«Русская военная сила».—Изд. В. Пирогова.

«Очеркъ военнаго искусства до Петра Великаго»—А. Г. Елчанинова.

«Родная Старина»—Сиповскаго.

«Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ»—М. Н. Покровскаго, при участіи М. Н. Никольскаго и В. Н. Сторожева.

«Москва»—очерки А. Плечко.

«Описаніе Москвы и Московскаго Государства по неизданному списку Космографіи конца XVII вѣка»—Ю. В. Арсеньева.

«Житія Святыхъ, чтимыхъ Православною церковью»—преосвященнаго Филарета.

«Исторія Русской Церкви»—Г. Голубинскаго.

«Исторія канонизаціи Святыхъ Русской Церкви»—Его-же.

«Древне-Русскія житія Святыхъ, какъ историческій памятникъ»—В. Ключевскаго.

«Разсказы изъ исторіи Русской Церкви»—графа М. Толстого.

«Святыни и древности Пскова и Новгорода»—Его же.

«Латинская Церковь въ Сѣверо-Западномъ Краѣ»—И. Бѣляева.

«Исторія стѣнописи Успенскаго собора въ Москвѣ»—А. И. Успенскаго.

«Монастыри на Ладожскомъ и Кубенскомъ озерѣ»—князя П. Вяземскаго.

«Достопамятности Московскаго Кремля»—Вельтмана.

«Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ»—А. И. Соболевскаго.

«Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи»—А. С. Павлова.

«Матеріалы для исторіи Русскаго иконописанія»—Н. П. Лихачева.

«Древности Россійскаго Государства»—акад. Ѳ. Г. Солнцева.

«Флоренція и Римъ, въ связи съ двумя событіями изъ Русской исторіи XV вѣка»—графа Хребтовича-Бутенева.

«Констанцкій соборъ 1414—1418 года»—Изд. Русскаго Археологическаго Общества.

«Россія и папскій престолъ»—о. Пирлинга.

«Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича и внука его Царя Іоанна Васильевича»—Изд. 1819 года.

«Псалтырь жидовствующихъ въ переводѣ Ѳедора Еврея»—Изданіе Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

«Просвѣтитель, или обличеніе ереси жидовствующихъ»—Іосифа Волоцкаго.

«Житіе Преподобнаго Іосифа Волоколамскаго».

«Іосифовъ Волоколамскій монастырь».

«Волоколамскій Іосифовъ второклассный мужской монастырь»—архимандрита Геронтія.

«О ереси жидовствующихъ»—Новые матеріалы, собранные С. А. Бѣлокуровымъ, С. О. Долговымъ, И. Е. Евсѣевымъ и М. И. Соколовымъ.

«Литературная дѣятельность жидовствующихъ»—Л. Бедржицкаго.

«Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ»—проф. Архангельскаго.
«Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ»—И. Хрущова.
«Старецъ Елизарова монастыря Филоѳей и его посланія»—В. Малинина.
«Житіе и подвизи преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія»—А. А. Титова.
«Изъ исторіи отреченныхъ книгъ»—I. Гаданіе по Псалтыри. II. Трепетники. III. Лопаточникъ. IV. Аристотелевы Врата, или Тайная Тайныхъ.—М. Сперанскаго.
«Памятники отреченной Русской литературы»—Н. Тихонравова.
«Памятники старинной Русской литературы, издаваемые графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко, подъ редакціею И. Костомарова»—выпускъ первый. Изд. 1860 года.
«Древне-Русская народная литература и искусство»—Ѳ. Буслаева.
«Путешествіе М. Г. Мисюря-Мунехина на востокъ»—А. А. Шахматова.
«Къ портретамъ князя Юрія Лугвеньевича Мстиславскаго» — П. Симанскаго.
«Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи включительно»—профессора М. К. Любавскаго.
«Памятники Московскихъ древностей, собранные Иваномъ Снегиревымъ»—Изд. 1842—1845 года.
«Памятники древне-Русскаго искусства»—Изданіе Императорской Академіи Художествъ.
«Описаніе путешествія въ Московію»—Адама Олеарія.
«Записки о Московитскихъ дѣлахъ»—С.Герберштейна.
«Книга о Московитскомъ посольствѣ»—Павла Іовія Новокомскаго.
«Историческое описаніе древняго Россійскаго Музея подъ названіемъ Мастерской и Оружейной Палаты, въ Москвѣ обрѣтающагося»—Валуева.
«Великокняжеская и Царская охота на Руси»—Н. Кутепова.
«Битва на Зеленомъ полѣ или при Танненбергѣ»—Н. Ѳ. Быковскаго.
«Древности Русскаго права»—В. Сергѣевича.
«Боярская дума древней Руси»—В. Ключевскаго.
«Учебный атласъ по Русской исторіи»—М. Замысловскаго.
«Учебный атласъ по Русской Исторіи»—барона Торнау.
«Очеркъ исторіи Московскаго періода древне-Русскаго зодчества»—М. Красовскаго.
«Географическо - статистическій словарь Россійской Имперіи» — П. Семенова.
«Словарь географическій Россійскаго Государства», собранный Аѳонасіемъ Щекатовымъ».
«Автобіографія Тамерлана»—переводъ съ Тюркскаго Н. Лыкошина.
«Жизнь Тимура»—Лангле.
«Самаркандъ во времена Тамерлана, по описанію очевидца, испанца Клавихо».
«Сказанія Русскаго народа»—И. Сахарова.
«Исторія Русской словесности»—П. Полевого.
«Исторія инквизиціи въ средніе вѣка»—Г. Ли.
«Исторія Византіи»—Г. Ф. Герцберга.
«Всемірная исторія»—Шлоссера.
«Всеобщая исторія»—А. Іегера.
«Русская исторія въ картинахъ, или Живописная Карамзинъ»—изд. Н. Прево.
«Исторія Русскаго Искусства»—Игоря Грабаря.
«Сѣверное Сіяніе»—художественный альбомъ.
Картины Россіи—А. Свиньина. Изд. 1839 года.

На Польскомъ языкѣ:

Польскій гербовникъ «Гнѣздо Добродѣтелей»,—соч. Папроцкаго, изд. 1550 года.
«Хроника Польская Марцина Бѣльскаго»—изд. 1597 года.
«Дѣла народа Литовскаго»—Нарбута.
«Старыя Польскія монеты»—К. Стронччнскаго.
«Войны и военное устройство Польши»—Т. Корзона.
«Польскія медали»—графа Рачинскаго.
«Ягеллонки Польскія въ XVI вѣкѣ»—графа А. Пржездецкаго.
«Польское средневѣковое ваяніе»—Л. Стасяка.
«Торговля Кракова. 1257—1910 годы»—С. Кутшебы.
«Вильна 100 лѣтъ тому назадъ, въ акварѣляхъ Ф. Шмуглевича».
«Средневѣковые памятники Кракова»—Ессенвейна.

На Латинскомъ языкѣ:

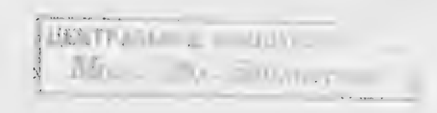
«Описаніе Европейской Сарматіи»—изд. 1581 г. А. Гваньини.
«О военномъ искусствѣ»—маркграфа Альбрехта Прусскаго.
«Статуты королевства Польскаго»—Изд. 1506 года.
«Иконографія княжескаго рода Радзивилловъ»—Ф. Вобе.
«Космографія Себастіана Мюнстера»—Изд. 1550 года.

На Французскомъ языкѣ:

«Этнографическое описаніе народовъ Россіи»—Т. Паули.
«Наука и письменность въ Средніе вѣка»—сочин. Поля Лакруа.
«Исторія Польши»—Іоахима Лелевеля.
«Исторія крестовыхъ походовъ»—Мишо.
«Космографія Бель Форе»—изд. 1575 года.
«Іоанна д'Аркъ»—Х. Валлона.
«Польша въ исторіи, литературѣ и искусствѣ»—Л. Хотьско.

На Нѣмецкомъ языкѣ:

«Очерки исторіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи»—Арбузова.
«Лютеръ и Лютеранство»—аббата Денифле.
«Сараевская Хаггада»—лицевая средневѣковая Испано-Іудейская рукопись, изданная г.г. Мюллеромъ и Шлоссеромъ.
«Фуггеры въ Римѣ»—А Шульте.
«Космографія Себастіана Мюнстера», изд. 1550 и 1572 г.г.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ быть.*
28	4	ровно	бровно
54	13	отбить	отнять
98	16	на свомъ	на своемъ
126	11	*нагробіи*	*надгробіи*
128	13	Пентуриккіо	Пинтуриккіо
144	28	Московскими хищниками	хищниками Московскаго Государства
172	42	наименовали	именовали
197	12	повелѣвъ	повелѣлъ
254	38	попавшій	попавшимъ
297	18	шубу	шубы
299	43	надѣвавшихся	надѣвавшіеся
305	19	*хлѣбнымъ*	*хлѣбеннымъ*
313	41	дома	домъ

КАРТА
РУССКОЙ ЗЕМЛИ
съ конца XIV
до начала XVII вѣка.
Масштабъ:
100 50 0 100 200 верстъ.
Этой картой слѣдуетъ пользоваться при чтенiи 3 и 4 частей книги: „Сказанiя о Русской Землѣ".
СѢВ. ЛЕДОВ. ОКЕАНЪ
МУРМАНСКIЙ БЕРЕГЪ
ЛОПАРИ
САМОЯДЬ
БѢЛОЕ МОРЕ
ФИНЛЯНДIЯ
ШВЕЦIЯ
БОТНИЧЕСКIЙ ЗАЛ.
ФИНСКIЙ ЗАЛ.
РИЖСКIЙ ЗАЛ.
БАЛТIЙСКОЕ МОРЕ
КУРЛЯНДIЯ
ЛИВОНIЯ
ЭСТЛЯНДIЯ
СЕМИГАЛIЯ
ЖМУДЬ
ВОСТОЧНАЯ ПРУССIЯ
ЛИТВА
ПОЛЬША
ВОЛЫНЬ
МАЛАЯ РУСЬ
БУКОВИНА
МОЛДАВIЯ
УКРАЙНА
СѢВЕРСКАЯ УКРАЙНА
ЗАПОРОЖЬЕ
КРЫМСКАЯ ОРДА
НОГАИ МАЛЫЕ
ЧЕРКЕСЫ
КАБАРДА
ТЕРСКIЕ КАЗАКИ
ДОНСКIЕ КАЗАКИ
ЗОЛОТАЯ ОРДА
НОГАИ
КАСПIЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
МОРДВА
МЕЩЕРА
ЧЕРЕМИСА ЛУГОВАЯ
ЧЕРЕМИСА ГОРНАЯ
ЧУВАШИ
ТАТАРЫ
БАШКИРЫ
ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ
ПЕРМЬ
ЗЫРЯНЕ
ВОГУЛЫ
ЮГРА
ОСТЯКИ
МОСКВА
Новгородъ
Псковъ
Смоленскъ
Кiевъ
Тверь
Ярославль
Кострома
Вологда
Архангельскъ
Холмогоры
Казань
Нижн. Новгородъ
Владимiръ
Рязань
Тула
Калуга
Курскъ
Воронежъ
Саратовъ
Царицынъ
Астрахань
Азовъ
Кафа
Перекопъ
Очаковъ
Варна
Варшава
Краковъ
Вильна
Рига
Ревель
Выборгъ
Уфа
Пермь
Березовъ
Черт. Никитинъ.